НАПОЛЕОН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I

ВОЕНИЗДАТ — 1941

НАПОЛЕОН

Избранные произведения

ТОМ
I

524400

Установа адукацыі
'Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава'
БІБЛІЯТЭКА

ПОСЫЛЬНЕНО 2883

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны Союза ССР
Москва — 1941

НАПОЛЕОН. Избранные произведения, т. I.

Первый том избранных произведений Наполеона включает в себя его мемуары, относящиеся главным образом к итальянской кампании. На русском языке мемуары Наполеона до сих пор не выходили и должны поэтому представить интерес не только для командного и начальствующего состава Красной Армии, но и для всех советских читателей.

Иллюстрации, помещенные в книге, сняты с гравюр известных мастеров начала XIX в. и предоставлены издательству Музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Схемы взяты из альбомов генералов Жомини и Дюма.

Редактор **В. Е. Белолипецкий**
Технический редактор **Д. Г. Моисеенко**
Корректор **Ю. Н. Носова**
Заставки и концовки — худ. **И. Г. Брюлина**
Переплет и титул — худ. **А. Г. Репникова**

Сдано в производство 28.4.39. Подписано к печати 25.6.40
Г13576
Объем 22,5 печ. л. + 13 вкл. 2,75 п. л., 27,1 уч.-авт. л.
Формат бумаги 70×108/16 Изд. № 279. Заказ № 750

Отпечатано в 1-й типографии Управления Военного издательства НКО имени С. К. Тимошенко
Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Осада Тулона	1
Очерк операций итальянской армии в 1792, 1793, 1794 и 1795 гг.	21
Итальянская кампания 1796—1797 гг.	39
Глава I. Состояние различных итальянских государств в 1796 г.	—
Глава II. Сражение у Монтенотте	41
Глава III. Сражение у Лоди	56
Глава IV. Восстание в Павии	72
Глава V. Марш по правому берегу По	81
Глава VI. Сражение у Кастильоне	89
Глава VII. Маневрирования и бои между Минчио и Брентой	99
Глава VIII. Аркольское сражение	108
Глава IX. Очерк операций самбро-маасской и рейнской армий в Германии в 1796 г.	122
Глава X. Дипломатические переговоры в течение 1796 г.	151
Глава XI. Сражение у Риволи	164
Глава XII. Толентино	174
Глава XIII. Тальяменто	182
Глава XIV. Лёобен	193
Глава XV. Венеция	202
Глава XVI. Переговоры в 1797 г.	218
Глава XVII. День 18-го фрюктидора	233
Глава XVIII. Мир в Кампо-Формио	246
Замечания о военных действиях кампаний 1796 и 1797 гг. в Италии	261
Заметки на книгу генерала Жомини «Разбор крупных военных операций»	283
Очерки военных событий за 1798 г.	294
Очерки военных событий, происшедших в течение первой половины 1799 г.	304
Очерки военных событий, происшедших в течение второй половины 1799 г.	324

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высокая историческая и теоретическая ценность произведений Наполеона, касающихся его войн, давно уже признана в науке и, конечно, не нуждается в доказательствах. Величайший полководец мировой истории настойчиво и неоднократно советовал всякому военному человеку изучать пристально и в деталях походы таких полководцев, как Цезарь, Ганнибал, Тюренн, Фридрих Великий. Себя он, конечно, ставил выше всех своих предшественников в военном искусстве, хотя нигде этого прямо не высказывает. Но ему этого и не нужно было делать; уже современники — и друзья и враги — это успели признать еще при его жизни, и это мнение не пошатнулось после неудач последних лет его изумительнейшей военной карьеры. Наполеон погиб не вследствие ослабления своего военного гения, но вследствие того, что он поставил перед собой абсолютно неосуществимую задачу уничтожения политической самостоятельности всех держав континента с превращением населения Европы в колониальных данников крупной французской буржуазии.

И в его исторической судьбе удивительно вовсе не то, что он в конце концов погиб, но что он мог столько времени продержаться в том безмерном величии, которое он для себя создал, и что он оказался в состоянии так далеко зайти по той дороге, на которую он вступил двадцатисемилетним артиллерийским генералом. Подавляющее большинство его военных произведений написано (вернее продиктовано) им уже в последние годы жизни на острове св. Елены, — и читатель не должен никогда забывать того, о чем всегда следует помнить при чтении вообще всего, что вышло из-под его пера или рассказано было им устно маленькой свите, окружавшей его в Лонгвуде: о затаенной, но вполне явственной **цели,** которая была у императора при составлении его мемуаров.

Эта цель была чисто политической. Наполеон явно верил в то, что основанная им династия Бонапартов рано или поздно вернется на французский престол. Он не мог, конечно, предвидеть того, что случилось через тридцать лет после его смерти, т. е. воцарения своего племянника Луи-Наполеона; он думал не о племяннике, а о своем сыне, которому суждено было пережить отца всего одиннадцатью годами. Но что Бурбоны не продержатся и что нужно готовить трон для сына, — в этом император был уверен. Его мемуары поэтому

прежде всего должны были поддержать неомраченным блеск сияния славы, которая окружала его имя, потому что эта слава и была тем главным историческим капиталом, который он завещал своему сыну.

Император был слишком умен и тонок, чтобы не понимать, в чем трудность достижения поставленной им себе цели. Он не только сознавал теперь, у порога могилы, страшные ошибки, приблизившие, а потом и повлекшие за собой его падение, но и понимал, что эти ошибки ясны и неопровержимы в глазах всего человечества и что попытка их отрицать совершенно бесполезна и может повредить мемуарам в глазах читателя. Поэтому он признал тяжкими своими ошибками и нашествие на Испанию, и поход в Россию, и даже относительно Пруссии, по крайней мере, что он не пожелал поддерживать либеральные стремления в покоренных и вассальных странах.

Но признав за собой эти и еще кое-какие ошибки, Наполеон с тем большей настойчивостью выдвигает перед читателем то, что он считает своими историческими заслугами, не переставая подчеркивать свою будто бы всеблагую устрояющую роль монарха, старавшегося обеспечить счастье Франции, уже достигшего значительных на этом пути результатов и уже готовившегося стать всемирным благодетелем как раз тогда, когда несчастья 1812 и следующих лет положили предел его деятельности.

Естественно, что при такой центральной и все собой определяющей задаче мемуаров Наполеону особенно выгодно и важно было посвятить возможно больше места именно воспоминаниям о военных своих подвигах, т. е. остановиться на той стороне своей деятельности, которая в самом деле всегда возбуждала меньше всего порицаний и критики и где он действительно считался (и был) первоклассным мастером. Если трезвый, глубокий, беспристрастно взвешивающий ум Фридриха Энгельса определял, скажем, Аустерлиц как право на бессмертие наполеоновского имени, если бесчисленные военные писатели повторяли подобную же оценку, анализируя другие сражения и походы Наполеона, то нет ничего удивительного, если сам полководец особенно долго задерживался мыслью на воспоминаниях о своей огромной и блистательной военной эпопее.

Конечно, им были совершены ошибки и в руководстве военными действиями, но на их признание Наполеон был гораздо скупее, чем на признание ошибок политических. Тут он склонен большую часть вины перекладывать на исполнителей его предначертаний. Но тут читателю, конечно, придется обратиться к имеющимся в военно-исторической литературе обширным комментариям не только об отдельных походах Наполеона, но и об отдельных операциях, сражениях и осадах каждого похода. Следует отметить, что мемуары и пояснения самого Наполеона, критическое отношение к которым обязательно, все же признаются и старыми и новейшими военными историками совершенно

необходимым, первоклассным материалом, пройти мимо которого немыслимо при мало-мальски серьезном отношении к делу.

Гениальный мастер военного искусства, унаследовавший от революции очень много нового, что она внесла в военное дело, и новые принципы действия массами, и новые задачи и методы боевых построений, унаследовавший от революции и нового солдата, повышенного морального качества людской материал, — Наполеон первый показал, до каких крайних пределов силы и успеха можно дойти, маневрируя с этой новой армией против войск полуфеодальных, крепостнических абсолютистских монархий.

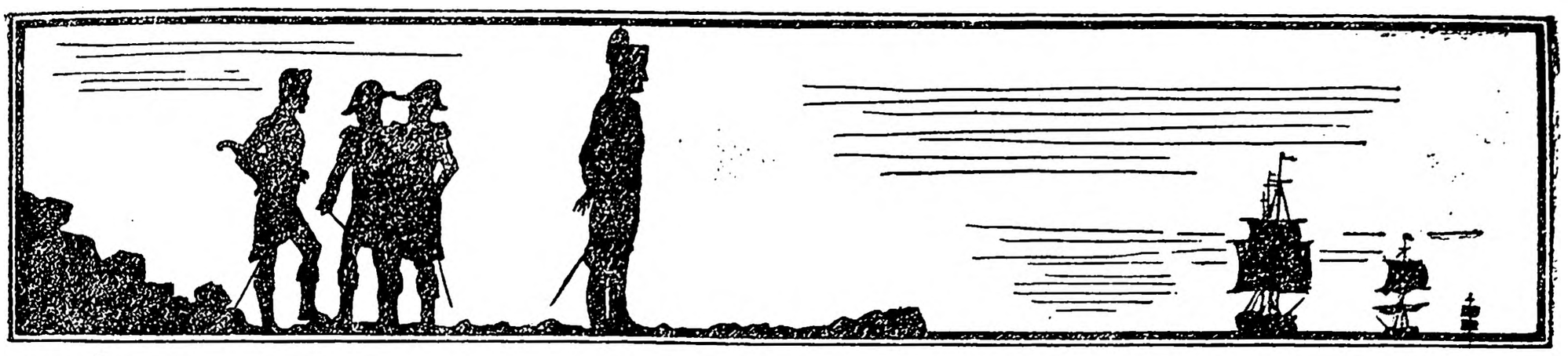
В первом томе, предлагаемом ныне Военным Издательством, читатель найдет воспоминания Наполеона о его любимой итальянской кампании 1796—1797 гг., где впервые его могучий полководческий дар поразил Европу. Молниеносные успехи первого завоевания Италии навсегда остались в памяти и самого Наполеона и его современников, как поразительный, почти сказочный ряд неслыханных стратегических и тактических достижений. Исторические слова величайшего из военных современников Наполеона Суворова: «Далеко шагает! Пора, пора унять молодца!» были сказаны именно по поводу первых успехов наполеоновской военной карьеры. «Я нашел свои сапоги итальянской кампании!» — с удовольствием повторял Наполеон среди совсем уже никем не ожидавшихся блестящих и непрерывных побед своей кампании 1814 г., когда, вопреки всякому правдоподобию, уже погибающий император продолжал наносить армиям коализованной Европы такие страшные поражения.

Наполеон, стремясь возвеличить свои подвиги 1814 г., считал, что нельзя это сделать лучше, чем сравнив их с победами 1796—1797 гг.

Политика, так тесно и неразрывно сплетающаяся со стратегией, особенно крепко и прочно соединялась у Наполеона; и тут тоже нужно заметить, что именно при анализе чисто политических своих действий император старается задним числом придать им наиболее положительный и способный вызвать одобрение характер. Например, чисто хищническое, ничем со стороны не вызванное свое нападение на нейтральную Венецию Наполеон мотивирует какими-то выдуманными избиениями французов, а также подчеркивает, что Венеция была республика **аристократическая,** так что читателю внушается мысль, будто Бонапарт, оккупируя (и ограбив) Венецию, радел как бы о ее демократизации и вместе с тем справедливо карал за обиды, чинимые французам. На деле же он захватил Венецию, во-первых, из-за ее материальных ресурсов и стратегических выгод, которые давало это завоевание французской армии, а во-вторых, чтобы иметь предмет для обмена, который можно было бы пустить в ход при мирных переговорах с австрийцами (которым завоеватель, в конце концов, и отдал Венецию).

Это лишь один из образчиков очень свободного обращения Наполеона с исторической истиной в тех случаях, когда истина не очень укладывается в предустановленные ей рамки. Критическое, настороженное внимание ни на минуту не должно покидать читателя при чтении этой книги. Но самая книга, как и ее продолжение, по богатству материалов, по яркости и глубине отдельных замечаний, по тонкости и основательности мотивировки основных военных действий постоянно будет напоминать читателю об авторе, который, по словам одного современного английского историка, «расширил до крайних пределов наше представление о том, до чего может дойти человеческий ум и человеческая энергия».

Академик **Е. Тарле.**

ОСАДА ТУЛОНА

Август — декабрь 1793 г.

Схема 1

I. Эскадра, арсенал и город Тулон передаются англичанам (27 августа 1793 г.).— II. Обложение Тулона французскими войсками.— III. Наполеон принимает командование над осадной артиллерией (12 сентября). — IV. Первая вылазка гарнизона (14 октября). — V. Военный совет (15 октября). — VI. Постройка укрепления против форта Мюльграв, прозванного *Малый Гибралтар*. — VII. Главнокомандующий О'Хара попадает в плен (30 ноября).— VIII. Взятие штурмом форта Мюльграв (17 декабря).— IX. Вступление французов в Тулон (18 декабря).

I

Национальный конвент открылся в конце сентября 1792 г. С первых же заседаний в нем поднялись раздоры между двумя партиями: монтаньярами и жирондистами. Первая пользовалась поддержкой столицы и якобинцев Франции. Другая господствовала в городах Лионе, Марселе, Тулоне, Монпелье, Ниме, Бордо, Бресте и во многих департаментах. 31 мая 1793 г. представители парижских секций окружили здание Конвента и настояли на казни 22 депутатов, вождей Жиронды. Монтаньяры не имели больше оппозиции. Семьдесят департаментов, возмущенные, взялись за оружие. «Парижане, — говорили они, — узурпировали национальную власть». В департаментах были собраны ополчения, и началась гражданская война. Но, господствуя в Конвенте и столице, опираясь на народ и армию, располагая, кроме того, казной и станками для печатания ассигнаций, монтаньяры смеялись над бессильными угрозами федералистов.

Небольшая армия, которую Кальвадос повел на Париж, потерпела поражение от нескольких жандармских эскадронов.

Спустя несколько недель в республике, кроме Лиона, Марселя, Тулона и нескольких городов Лангедока, повсюду стало спокойно. Лион, осаждаемый отрядом итальянской армии и присоединившимися к нему ополчениями добровольцев Бургони и Оверни, оказал продолжительное и упорное сопротивление. Его национальная гвардия была

организована давно, и к ней присоединились беглецы из южных провинций в числе 3 000 человек, среди которых находилось много офицеров прежней службы. К этому городу были посланы 6 000 человек национальной гвардии из Тулона и Марселя и 4 000 человек из Монпелье и Нима. Оба эти отряда должны были соединиться в Оранже и оттуда двинуться на выручку Лиона. Народные представители альпийской армии выделили против них из Гренобля 2 000 человек линейной пехоты, 500 конных аллоброгов и две батареи артиллерии под командованием полковника Карто. Эта небольшая колонна двинулась вниз по левому берегу Роны и, встретив у Оранжа марсельский авангард, обратила его в бегство. Затем она направилась к Пон-Сент-Эспри, рассеяла авангард, высланный из Нима, заняла замок, двинулась к Авиньону и отбросила оттуда марсельскую армию, поспешно отступившую за р. Дюранс. После короткого боя был захвачен предводитель федералистов. Он оказался бывшим драгуном, торговцем платьем в Марселе. Карто двинулся к Эксу и овладел 20 августа этим главным городом провинции, а 24 августа атаковал на высотах Соптема укрепленный лагерь федералистов, вооруженный 26 орудиями большого калибра, овладел им и вступил в Марсель, который в течение дня 21 августа испытал на себе все ужасы гражданской войны. Его 9, 11, 12, 13 и 14-я секции стали на сторону монтаньяров и потребовали, чтобы муниципалитет подчинился Конвенту. Это было с негодованием отвергнуто, и тогда взялись за оружие. Бой еще продолжался, когда беглецы из соптемского лагеря сообщили о поражении, а в тот же самый момент аллоброгами были захвачены ворота города Экса. Испуганные предводители федералистов поспешно скрылись из здания городской ратуши, не помышляя ни о чем, кроме собственного спасения. Сопровождаемые почти тысячью человек, они перешли в Тулон.

22 августа в Тулоне узнали о вступлении Карто в Экс. Это известие развязало руки секциям. Они арестовали и посадили в форт Ламальт народных представителей Бейля и Бовэ, находившихся в городе по поручению Конвента. Народные представители Фрерон, Баррас и генерал Лапуап, оказавшиеся там проездом, едва ускользнули из города и пробрались в Ниццу, главную квартиру итальянской армии. Во всем были виноваты тулонские власти. Муниципалитет, совет департамента, комендант порта, большинство чиновников арсенала, вице-адмирал Трогофф, начальник эскадры, большая часть офицеров — все чувствовали себя одинаково виноватыми. Сознавая, с каким врагом они имеют дело, они не нашли иного спасения, кроме постыдной измены. Эскадру, порт, арсенал, город, форты они сдали коалиции — врагам Франции. Эскадра, силою в 18 линейных кораблей и несколько фрегатов, стояла на якоре на рейде. Несмотря на измену своего адмирала, она осталась верна отечеству и начала защищаться против англо-испанского флота, но, лишенная поддержки с суши и под угрозой своих же береговых батарей, обя-

занных ей помогать, она принуждена была сдаться. Контр-адмирал Сен-Жюльен и несколько оставшихся верными офицеров едва успели спастись.

Эскадра, точно так же как 13 линейных кораблей, находившихся в доке, и арсенальные склады с большими запасами сделались добычей неприятеля.

Английский и испанский адмиралы заняли Тулон. 5 000 человек, которые были выделены из судовых команд, подняли белое знамя и вступили во владение городом от имени Бурбонов. Затем к ним прибыли испанцы, неаполитанцы, пьемонтцы и войска с Гибралтара. К концу сентября в гарнизоне находилось 14 000 человек: 3 000 англичан, 4 000 неаполитанцев, 2 000 сардинцев и 5 000 испанцев. Союзники разоружили тулонскую национальную гвардию, которая казалась им ненадежной, и распустили судовые команды французской эскадры. 5 000 матросов, бретонцев и нормандцев, причинявших им особое беспокойство, были посажены на четыре французских линейных корабля, превращенных в перевозочные суда, и отправлены в Рошфор и Брест. Адмирал Гуд, чтобы обеспечить себе стоянку на рейдах, чувствовал необходимость укрепления высот мыса Брен, командовавших над береговой батареей того же имени, и вершины мыса Кэр, командовавшей над батареями Эгильетт и Балагье, с которых обстреливался весь большой и малый рейды. Гарнизон был размещен в одну сторону до Сен-Назера и Олльульской теснины, став у ее наружного выхода, в другую — до Ла-Валетта и Иера. Все береговые батареи от Бандольских до батарей Иерского рейда были разрушены. Иерские острова были заняты противником.

II

Узнав о вступлении англичан в Тулон, генерал Карто тотчас же перенес свою главную квартиру в Куж. Авангард продвинулся до Боссэ, а передовые посты расположились у тулонских проходов. Население обоих этих городов стало под ружье и выказало много усердия. Дивизия Карто доходила до 12 000 человек, из которых 4 000 были оставлены в Марселе и в различных пунктах побережья. С 8 000, оставшимися у него, Карто не осмелился двинуться через узкие проходы и ограничился только наблюдением за ними. Но народные представители Фрерон и Баррас, прибывшие в Ниццу, потребовали у генерала Бруне, командующего итальянской армией, 5 000 человек под начальством генерала Лапуапа для посылки против Тулона. Лапуап расположил свою главную квартиру в Солье, а передовые посты в Ла-Валетте. Между дивизиями Карто и Лапуапа не было никаких путей сообщения. Они отделялись Фаронскими горами. Узнав о подходе Лапуапа, Карто атаковал Олльульские теснины, овладел ими 8 сентября и продвинул свою главную квартиру в Боссэ, а передовые посты — за Олльульские теснины.

В этой схватке был тяжело ранен выдающийся офицер, начальник артиллерии майор Доммартен. Дивизии Карто и Лапуапа были независимы друг от друга. Они принадлежали к двум различным армиям: первая к армии альпийской, вторая к итальянской. Правый фланг Лапуапа наблюдал за фортом Фарон и горою того же названия, центр прикрывал шоссе из Ла-Валетта, а левый фланг — высоты мыса Брен. Форт Брегансон и батареи Иерского рейда снова были оборудованы Лапуапом. Карто своим левым флангом обложил форт Поме, центром — форты Руж и Блан, правым флангом — форт Мальбоске. Резерв Карто занимал Оллюль. Одна застава находилась в Сифур. Он вновь восстановил батареи Сен-Назер и Бандоль. Противник владел всей Фаронской горой до форта Мальбоске, всем Саблеттским полуостровом и мысом Кэр.

III

Измена, отдавшая англичанам флот Средиземного моря, город Тулон и его арсенал, потрясла Конвент. Он назначил генерала Карто главнокомандующим осадной армией. Для руководства осадной артиллерией Комитет общественного спасения потребовал артиллерийского офицера старой службы. Им был назначен Наполеон, в то время майор артиллерии. Он получил приказ поспешно отправиться в Тулон, в главную квартиру армии для организации артиллерийского парка и командования над ним. 12 сентября он прибыл в Боссэ, представился генералу Карто и скоро заметил его неспособность. Командуя небольшой, направленной против федералистов колонной, этот офицер (Карто) на протяжении трех месяцев из полковника сделался бригадным генералом, дивизионным генералом и главнокомандующим. Он ничего не понимал ни в крепостном, ни в осадном деле.

Артиллерия в армии состояла из двух полевых батарей под командой капитана Сюньи, только что прибывшего из итальянской армии вместе с генералом Лапуапом, из трех конных и пеших батарей под командой майора Доммартена, отсутствовавшего после раны, полученной в бою под Оллюлем (вместо него в ту пору всем руководили артиллерийские сержанты старой службы), и из восьми 24-фунтовых пушек, взятых из марсельского арсенала. В течение 16 дней, с тех пор как Тулон находился во власти противника, ничего еще не было сделано для организации осадного парка.

На рассвете 13 сентября главнокомандующий повел Наполеона на батарею, которую он выставил для того, чтобы сжечь английскую эскадру. Эта батарея была расположена у выхода из Оллюльской теснины, на небольшой высоте несколько правее шоссе, в 2 000 туазах [1] от морского берега. На ней было восемь 24-фунтовых пушек, которые, по мнению главнокомандующего, должны были сжечь эскадру, стоявшую на якоре в 400 туазах от берега, т. е. в целом лье от батареи. Гренадеры

[1] Туаз — около 2 *м*.

Бургони и первый батальон Кот-д'Ора, разойдясь по соседним домам, были заняты разогреванием ядер при помощи кухонных мехов. Трудно представить себе что-нибудь более смешное.

Наполеон приказал убрать в парк эти восемь 24-фунтовых орудий. Им были приняты все меры для того, чтобы организовать артиллерию, и менее чем в шесть недель он собрал 100 орудий большого калибра— дальнобойных мортир и 24-фунтовых пушек, в изобилии снабженных снарядами. Он достал лошадей и пригласил на службу артиллерийских офицеров, удалившихся со службы вследствие революционных событий. Между ними был Гассенди, которого Наполеон назначил начальником марсельского арсенала. На самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные *батареями Горы и Санкюлотов*. После оживленной канонады с них суда противника были вынуждены удалиться и очистить малый рейд. В эти первые месяцы в осадной армии не было ни одного инженерного офицера. Наполеон должен был нести службу и за инженеров, и за начальника артиллерии, и за командира парка. Целые дни он проводил на батареях.

IV

14 октября осажденные, в числе 4 000 человек, сделали вылазку с целью овладеть батареями Горы и Санкюлотов, беспокоившими их эскадры. Одна колонна прошла через форт Мальбоске и заняла позицию на полдороге от Мальбоске к Олльулю. Другая шла вдоль морского берега и направлялась на мыс Брега, где были расположены батареи. Начальник артиллерии был впереди вместе с Альмейрасом, адъютантом Карто, прекрасным офицером, впоследствии дивизионным генералом.

Наполеон внушал войскам большое доверие. Солдаты повиновались ему с большой охотой. Он оправдал доверие армии. Вылазка противника сначала была остановлена, а затем отброшена к крепости. Батареи были спасены. С этого момента у Наполеона установилось понятие о том, что представляют собой коалиционные войска. Неаполитанцы, составлявшие часть неприятельских войск, были плохи, и их всегда назначали в авангард.

На восточной стороне, у Лапуапа, происходили ежедневные стычки с постами противника, расположенными на обращенных к нему склонах Фарона. 1 октября он их оттеснил, взошел на гору, но был остановлен фортом, а спустя несколько часов отброшен и вынужден был вернуться в лагерь. 15 октября он оказался более счастлив и, атаковав высоту мыса Брен, после оживленной схватки овладел ею.

V

В конце сентября в Олльуле собрался военный совет для решения вопроса, с какой стороны вести главную атаку — с восточной или с западной? Сосредоточивать ли все осадные средства на местности, зани-

маемой дивизией Лапуапа, или там, где стоит дивизия Карто? Было высказано единодушное мнение, что следует атаковать с запада и главный осадный парк сосредоточить в Олльуле. С восточной стороны Тулон прикрыт фортами Фарон и Ла-Мальг, с западной же стороны находился только один форт Мальбоске, представлявший собой лишь простое полевое укрепление.

Вторично совет заседал 15 октября. На нем обсуждался присланный из Парижа план осады. Его составил генерал д'Арсон и одобрил инженерный комитет. В плане предполагалось, что армия состоит из 60 000 человек и имеет в изобилии все необходимые материалы. В нем выражалось пожелание, чтобы осадная армия сначала овладела горою и фортом Фарон, фортами Руж и Блан, фортом Сент-Катрин, а затем заложила траншеи против крепостной тулонской ограды, пренебрегая как фортом Ла-Мальг, так и фортом Мальбоске. Но форт Фарон противником был сильно укреплен, а окружающая местность была такова, что вести траншеи здесь было нелегко. Впрочем, при таком способе действий операции само собой затянулись бы, дав осажденным время подтянуть подкрепления, которых они только и поджидали, чтобы заставить снять осаду и занять Прованс.

Начальник артиллерии предлагал совершенно иной план. Он настаивал на мысли, что, если блокировать Тулон с моря таким же образом, как с суши, крепость падет сама собой. Противнику выгоднее сжечь склады, разрушить арсенал, взорвать док и, забрав 31 французское боевое судно, очистить город, чем запереть в нем 15-тысячный гарнизон, обрекая его, рано или поздно, на капитуляцию, причем, чтобы добиться почетной капитуляции, он будет вынужден сдать невредимыми эскадру, арсенал, склады и все укрепления. Между тем, принудив эскадру очистить большой и малый рейды, блокировать Тулон с моря легко. Для этого было бы достаточно расположить в Лягоме, на оконечности мыса Эгильетт, одну батарею из тридцати 36- и 24-фунтовых пушек, из четырех 16-фунтовых орудий, стреляющих каленными ядрами, и из 10 мортир, а другую, такой же силы, — на мысе Балагье. Обе эти батареи будут отстоять от Большой башни не далее как на 700 туазов и смогут обстреливать бомбами, гранатами и ядрами всю площадь большого и малого рейдов. Генерал Мареско, в то время начальник инженеров, прибывший для командования над этим родом оружия, не разделял подобных надежд, но изгнание английского флота и блокаду Тулона он находил вполне уместными.

Значение мыса Балагье и мыса Эгильетт поняли и генералы противника. Целый месяц они провели за работами на вершине мыса Кэр и в форту Мюльграв. Они воспользовались всем, чем было можно: экипажами судов, лесными материалами и рабочими руками, бывшими в тулонском арсенале, и работали, не теряя ни минуты. За этим фортом уже утвердилось данное ему англичанами название *Малый Гибралтар*.

На третий день после прибытия в армию Наполеон посетил кэрскую позицию, не занятую еще противником, и, составив тотчас же свой план действий, вернулся к главнокомандующему и предложил ему войти в Тулон через неделю. Для этого требовалось прочно занять позицию Кэра, чтобы артиллерия могла поставить свои батареи на оконечностях мысов Эгильетт и Балагье. Генерал Карто не был способен ни понять, ни выполнить этот план, тем не менее он поручил отважному Делаборду, впоследствии генералу императорской гвардии, отправиться туда с 400 человек. Через несколько дней противник высадился на берег в числе 4 000 человек, отбросил генерала Делаборда и приступил к возведению форта Мюльграв. В течение первых восьми дней начальник артиллерии не прекращал просьб о подкреплении Делаборда, для того чтобы можно было отбросить противника с этого пункта, но не добился ничего. Карто не считал себя достаточно сильным для удлинения своего правого фланга, или, вернее, он не понимал важности этого. К концу же октября положение вещей сильно изменилось. Нельзя было больше думать о прямой атаке этой позиции. Нужно было ставить пушечные и мортирные батареи, начать траншейные работы и заставить замолчать артиллерию форта.

Все эти соображения были приняты военным советом. Начальник артиллерии получил приказание распоряжаться всем, касающимся его рода оружия. Он немедленно принялся за работу.

Однако ему ежедневно приходилось вступать в пререкания с невежественным штабом, всячески пытавшимся отвлечь его от выполнения принятого плана. То пушки направлялись совсем в противоположную сторону, то обстреливали бесцельно форты, то делались попытки перебросить несколько снарядов в город, чтобы сжечь те или иные дома.

Однажды главнокомандующий привел его на вершину между фортом Мальбоске и фортами Руж и Блан, предлагая расположить здесь батарею. Тщетно пытался начальник артиллерии объяснить ему, что осаждающий будет в лучшем положении, если он расположит против форта три или четыре батареи и возьмет его таким образом под перекрестный огонь. Он доказывал, что батареи с простыми земляными укрытиями не могут бороться против батарей, имеющих долговременные укрепления, и, наконец, что эта батарея, расположенная между тремя фортами, будет разрушена в четверть часа и вся прислуга в ней будет перебита. Карто, со всей надменностью невежды, настаивал на своем; но, несмотря на всю строгость воинской дисциплины, все-таки это приказание осталось неисполненным, так как оно было неисполнимо.

В другой раз Карто приказал построить батарею как раз в направлении, противоположном общему плану, и притом на такой площадке перед каменной постройкой, что не было необходимого промежутка для отката орудий, а развалины дома могли обрушиться на прислугу. Опять пришлось не повиноваться.

На батареях Горы и Санкюлотов сосредоточивалось внимание армии и всего юга Франции. Огонь с них велся ужасный. Множество английских шлюпок затонуло. Со многих фрегатов были сбиты мачты. Четыре линейных корабля оказались настолько сильно поврежденными, что пришлось их ввести в док для починки. Главнокомандующий же, воспользовавшись минутой, когда начальник артиллерии отлучился на 24 часа для ревизии марсельского арсенала и ускорения отправки некоторых необходимых предметов, приказал бросить эту батарею под предлогом, что на ней гибло много канониров. В 9 часов вечера, когда прибыл Наполеон, очищение батареи уже началось. Опять пришлось не повиноваться.

В Марселе была одна старая пушка, давно служившая предметом любопытства. Штаб решил, что вернуть Тулон можно лишь с помощью этой пушки, что она обладает чудесными свойствами и что она стреляет по меньшей мере на 2 лье. Начальник артиллерии убедился, что эта пушка, к тому же чрезвычайно тяжелая, вся перержавела и не может нести никакой службы. Однако пришлось затратить немало средств, извлекая и устанавливая эту рухлядь, из которой сделали лишь несколько выстрелов.

Раздраженный этими противоречивыми распоряжениями, Наполеон письменно попросил главнокомандующего ознакомить его с общими предначертаниями и просил дать подробные распоряжения по своему роду оружия. Карто ответил, что, согласно плану, принятому им окончательно, начальнику артиллерии надлежит обстреливать Тулон в продолжение трех дней, после чего главнокомандующий атакует крепость тремя колоннами. По этому поводу начальник артиллерии представил доклад народному представителю Гаспарену, изложив все то, что следовало предпринять для овладения городом, т. е. повторив сказанное на военном совете. Гаспарен был умным человеком. В течение осады Наполеон имел случай его оценить и многим был обязан ему. Гаспарен отослал переданный план с нарочным курьером в Париж, и оттуда с тем же курьером было привезено приказание, чтобы Карто тотчас же покинул осадную армию и отправился в альпийскую. На его место был назначен генерал Доппе, командовавший армией под Лионом, который был только что перед тем взят. Во временное командование вступил генерал Лапуап как старший. 15 ноября он расположил свою главную квартиру в Олльуле и в течение нескольких дней командования приобрел уважение войск.

VI

Начальник артиллерии поставил девять пушечных и мортирных батарей; две — наиболее мощные — на двух параллельных холмах, под названием Катр-Мулен и Саблетт, вдали от форта Мюльграв, для поддержки трех батарей: Ом-сан-Пер, Патриотов Юга и де-Брав, расположенных

в 100 туазах от форта, но на господствующей высоте. Батареи Брега обстреливали Саблеттский перешеек и Лазаретную бухту. Канонада происходила ежедневно. Ее целью было замедлить работы противника над еще большим усилением Малого Гибралтара. Батареи осаждающих вскоре добились превосходства, и это побудило осажденных сделать вылазку для их уничтожения. Вылазка была произведена 8 ноября против батарей Саблетт и Катр-Мулен. От последней они были оттеснены, но батарея Саблетт была взята и орудия на ней заклепаны.

Главнокомандующий Доппе прибыл к осадной армии 10 ноября. Он был савоец, медик, умнее, чем Карто, но такой же невежда в области военного искусства, враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант. Через несколько дней после его прибытия упавшая английская бомба вызвала пожар порохового погреба на батарее Горы. Находившийся там начальник артиллерии подвергался большой опасности. Было убито несколько канониров. Явившись вечером к главнокомандующему для доклада об этом случае, начальник артиллерии застал его за составлением протокола в целях доказательства, что погреб был подожжен не кем иным, как аристократами.

На следующий день батальон котодорцев, находившийся в траншеях против форта Мюльграв, взялся за ружья и двинулся на форт, возмущенный дурным обращением испанцев с одним попавшим в плен французским волонтером. За ним направился Бургонский полк. В дело оказалась вовлеченной вся дивизия генерала Брюле. Началась канонада и ружейная перестрелка. Начальник артиллерии находился в главной квартире; он отправился к главнокомандующему, но тот сам не понимал причины всего происходящего. Они поспешили на место действий. Было 4 часа дня. По мнению начальника артиллерии, раз атака была начата, следовало довести ее до конца. Генерал отдал ему приказание принять атаку под свое командование. Весь мыс был покрыт французскими стрелками, окружившими форт, и начальник артиллерии построил в колонну две гренадерские роты с целью проникнуть в форт, как вдруг главнокомандующий приказал ударить отбой, вследствие того что вблизи от него, но довольно далеко от линии огня, был убит один из его адъютантов. Стрелки, заметив отступление своих и услышав отбой, были в недоумении. Атака не удалась. Наполеон с лицом, покрытым кровью от легкой раны в лоб, подъехал к главнокомандующему и сказал ему: «Болван, сыгравший отбой, не дал нам взять Тулон». Солдаты, потеряв при отступлении немало своих товарищей, выражали недовольство. Они громко заявляли, что не пора ли с этим покончить. «Когда же перестанут присылать для командования нами живописцев и медиков?» Восемь дней спустя Доппе был послан в пиренейскую армию. Свое прибытие туда он ознаменовал гильотинированием нескольких генералов.

Вместе с Доппе из Лиона прибыл для командования осадной артиллерией дивизионный генерал старой службы Дютейль, но у Наполеона

от правительства было специальное полномочие, и командование было оставлено за ним. В артиллерии было два генерала по фамилии Дютейль. Старший, долгое время бывший начальником Осонской школы, был превосходный артиллерийский офицер. Его школа являлась единственной, где офицеры могли чему-нибудь научиться. В 1788 г. он выделил из всех других Наполеона, тогда артиллерийского лейтенанта, предчувствуя его воинские дарования. Этот генерал не придерживался революционных взглядов. Он был уже пожилой человек, однако отказался эмигрировать, оставшись на своем посту. При осаде Лиона Келлерманом он командовал артиллерией. После взятия этого города ему не удалось ускользнуть от представителей Комитета общественного спасения Коло д'Эрбуа и Фуше. Он был осужден революционным трибуналом и предан казни. Его приговор был мотивирован тем, что он опоздал выслать артиллерию в тулонскую осадную армию. Тщетно он показывал письма, присланные ему Наполеоном с благодарностью за разумные распоряжения и деятельность, проявленную им при отправке этих транспортов.

Генерал Дютейль-младший, ничего не понимавший в артиллерии, был совершенно противоположного склада. По прибытии к Тулону он был очень доволен, найдя занятой ту должность, которую сам он не был способен исполнять. Он умер в Меце начальником крепостной артиллерии.

Голос солдат был услышан. 20 ноября доблестный Дюгоммье принял командование над армией. Он имел за собой 40 лет службы. Родиной его была одна из богатых колоний на Мартинике. С начала революции этот офицер, находившийся в отставке, стал во главе патриотов и оборонял город Сен-Пьер. Когда англичане проникли туда, он, изгнанный с острова, потерял все свое состояние. Его назначили командиром бригады в итальянскую армию в то время, когда пьемонтцы, желая воспользоваться отвлечением сил к Тулону, вздумали переправиться через Вар и войти в Прованс. Дюгоммье разбил их при Жилетте, чем заставил отступить за прежний рубеж. Он обладал всеми качествами старого воина. Лично до чрезвычайности храбрый, он любил храбрецов и был любим ими. Он был добр, хотя горяч, очень энергичен, справедлив, имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою.

VII

Лионская армия была распределена между альпийской, пиренейской и тулонской армиями. Поддержка оказалась не столь велика, сколь могла бы быть. Вместе с ней в осадной армии находилось только 30 000 человек, считая и плохие и хорошие войска. Главнокомандующий союзными войсками генерал О'Хара поджидал к себе подкрепление из 12 000 пехотинцев и 2 000 кавалеристов. Он надеялся добиться снятия осады и, овладев олльульским парком, заставить французов вывести армию из Италии, а затем, соединившись с пьемонтцами, расположиться

на зимних квартирах по Дюранс и овладеть всем Провансом. В этой провинции недоставало продовольствия. Несколько попыток, сделанных марсельскими торговцами, подвезти припасы остались безрезультатными по причине занятия противником Тулона и присутствия английского, испанского и неаполитанского флотов в Средиземном море. Эта область республики возлагала всю надежду на скорое падение Тулона, а между тем за четыре месяца с начала осады было обстреляно, по слухам, лишь одно полевое укрепление, расположенное в стороне от крепостных фортов. Неприятель спокойно владел не только городом и фортами, но и всем пространством между городом, горою Фарон и фортом Мальбоске. Все усилия осаждающих делались в направлении, противоположном городу, и это возбуждало общее неодобрение. Полагали, что осада даже не начиналась, так как против фортов и сооружений долговременной фортификации не были еще заложены траншеи. Правительственные власти, находившиеся в Марселе и знавшие о плане осады только из сообщений, объявляемых во всеобщее сведение, боясь все усиливающегося голода, предлагали Конвенту снять осаду, очистить Прованс и отступить за Дюранс. «Теперь еще, — говорили они,— мы можем отступить в порядке, но позже нас заставят это сделать внезапно и с потерями. Противник, заняв Прованс, будет вынужден его прокормить, а весной наша армия, хорошо отдохнувшая, перейдет через Дюранс и бросится на врага, как сделал Франциск I с Карлом V». Это письмо прибыло в Париж за несколько дней до известия о взятии Тулона, и оно достаточно обнаруживает, насколько плохо был понят план осадных действий, такой простой и ясный, судя по его результатам.

Батареи были построены. Все было готово для атаки форта Мюльграв. Начальник артиллерии считал необходимым поставить одну батарею на Аренской высоте, перед фортом Мальбоске так, чтобы с нее, на другой день после взятия Малого Гибралтара, можно было открыть огонь.

Он рассчитывал, что огонь этой батареи произведет большое моральное воздействие на выбор того или иного решения военного совета.

Для того чтобы напугать, нужно действовать внезапно, и, конечно, следовало скрывать от врага существование этой батареи. Имея в виду такую цель, Наполеон приказал замаскировать батарею завесой из оливковых ветвей, что и удалось сделать. 29 ноября, в 4 часа дня, ее посетили народные представители. На батарее находилось восемь 24-фунтовых пушек и четыре мортиры. Она называлась батареей Конвента. Представители спросили канониров, что мешает им начать стрельбу. Канониры ответили, что у них все готово и что их орудия превосходно действуют. Народные представители приказали им стрелять. Начальник артиллерии, находившийся в главной квартире, с изумлением услышал пальбу, что целиком противоречило его намерениям. Он отправился к главнокомандующему с жалобой. Зло было сделано непоправимое.

На другой день на рассвете О'Хара во главе 7 000 человек сделал вылазку, переправился у форта Сент-Антуан через ручей Лас, опрокинул все посты, защищавшие батарею Конвента, овладел ею и заклепал орудия. В Олльуле забили тревогу. Поднялось сильное смятение. Дюгоммье и начальник артиллерии вскочили на коней. Дюгоммье поехал по направлению атаки, собирая на пути войска и послав приказания придвинуть резервы. Начальник артиллерии выставил на различных местах полевые орудия с целью прикрыть отступление и сдержать движение противника, угрожавшее олльульскому парку. Сделав эти распоряжения, он отправился на высоту, находившуюся напротив отнятой батареи. Через небольшую долину, разделявшую их, от вершины до края насыпи, пролегал ход сообщения, сделанный по приказанию Наполеона для подноса к батарее боеприпасов. Закрытый оливковыми ветвями, он был незаметен. Войска противника стояли в боевом порядке справа и слева от него, а кучка штабных офицеров находилась на батарейной платформе. Наполеон приказал батальону, занимавшему высоту, спуститься в ров. Подойдя к подножью насыпи незаметно для противника, он открыл огонь по войскам вправо и влево. По одну сторону были неаполитанцы, по другую — англичане. Неаполитанцы подумали, что их обстреливают англичане, и тоже открыли огонь, не видя врага. В ту же минуту один офицер в красной форме, хладнокровно прогуливавшийся по платформе, поднялся на насыпь с целью разузнать о происшедшем. Ружейный выстрел поразил его в руку, и он свалился к подножью наружного откоса. Солдаты извлекли его оттуда и доставили в ход сообщения. Это оказался английский главнокомандующий О'Хара.

Таким образом, находясь среди своих войск, он исчез, и никто этого не заметил. Он отдал свою шпагу и заявил начальнику артиллерии, кто он такой. Наполеон уверил его в безопасности. Как раз в эту минуту Дюгоммье с собравшимися войсками обошел правый фланг противника и угрожал прервать его сообщения с городом, что и повело к отступлению. Вскоре оно превратилось в бегство. Преследование велось до самого Тулона и до дороги к форту Мальбоске. Дюгоммье в этот день получил две легкие раны. Начальник артиллерии был произведен за оказанное отличие в полковники. Генералу Муре довольно некстати пришло желание, воспользовавшись порывом войск, броситься на штурм форта Мальбоске, что оказалось невыполнимым. Здесь отличился Сюше, ныне маршал Франции, тогда командир батальона арденнских волонтеров.

VIII

Отборный отряд из 2 500 человек егерей и гренадер, потребованный Дюгоммье из итальянской армии, прибыл наконец. Все говорило за то, чтобы не медлить больше с захватом мыса Кэр, и Дюгоммье решил штурмовать Малый Гибралтар. Депутаты Конвента, находившиеся в Провансе, прибыли на совещание в Олльуль. 14 декабря французские батареи

открыли беглый огонь бомбами и ядрами из 15 мортир и 30 пушек большого калибра. Канонада продолжалась весь день и всю ночь с 15-го на 16-е и ночь с 16-го на 17-е. Артиллерия действовала удачно. Подбитые орудия неприятелю приходилось в большом количестве заменять новыми. Палисады насыпи были разворочены. Значительное число бомб, залетавших в редут, заставило гарнизон занять позицию вне редута, позади, чтобы как-нибудь укрыться от огня.

Главнокомандующий, видя это, решил двинуться на приступ в час ночи, рассчитывая подоспеть к редуту одновременно с его отошедшим гарнизоном. Целый день 16-го шел проливной дождь, и это могло задержать движение некоторых колонн. Дюгоммье, предвидя неизбежное затруднение, хотел было отложить атаку на следующий день, но, побуждаемый, с одной стороны, депутатами, собравшимися на заседание, а с другой — советами начальника артиллерии, утверждавшего, что плохая погода не является неблагоприятным обстоятельством, согласился не отменять своего решения. В полночь, сосредоточив все к деревне Ла-Сен, он построил четыре колонны. Две, слабые, расположились на позициях по краям мыса для наблюдения за двумя редутами — Балагье и Эгильетт. Третья, состоявшая из отборных войск под командой Делаборда, направилась прямо на Малый Гибралтар. Четвертая служила резервом. Во главе атакующих стал сам Дюгоммье. Подойдя к подножию мыса, стрелки открыли огонь. Противник предусмотрительно устроил заграждения на дорогах, так что у гарнизона хватило времени разобрать на биваке ружья, войти в форт и стать за бруствером. Стрелков у него оказалось больше, чем предполагали. Чтобы их оттеснить, часть французской колонны рассыпалась. Ночь стояла очень темная. Движение замедлилось, и колонна расстроилась, но все же добралась до форта и залегла в нескольких флешах. Тридцать или сорок гренадер проникли в форт, но были оттеснены огнем с бревенчатого редюита и принуждены вернуться назад. Дюгоммье в отчаянии отправился к четвертой колонне — резерву. Ее вел сам начальник артиллерии. По его приказанию впереди шел батальон, который был вверен им Мюирону, капитану артиллерии, в совершенстве знавшему местность. В 3 часа утра Мюирон взобрался на форт по амбразуре, через которую вошли затем Дюгоммье и начальник артиллерии. Делаборд и Гильо проникли с другой стороны. Канониры были захвачены у орудий и переколоты. Гарнизон отошел к своему резерву, на холме, на расстоянии ружейного выстрела от форта. Здесь противник перестроился и произвел три атаки с целью вернуть форт. Около 5 часов утра к противнику были подвезены полевые орудия, но, по распоряжению начальника артиллерии, уже подоспели его канониры, и орудия форта повернулись против врага. В темноте, под дождем, при ужасном ветре и общей растерянности, среди убитых, слыша крики раненых и умирающих, начальнику артиллерии стоило большого труда подготовить шесть орудий. Лишь только они от-

крыли огонь, противник отказался от атаки и повернул назад. Немного спустя начался рассвет.

Эти три часа были часами мучительных ожиданий и тревог. Только днем, через много времени после захвата форта, вошли в него представители Конвента уверенной, молодецкой поступью, с обнаженными саблями, и благодарили солдат. На рассвете было замечено несколько английских батальонов. От Малого Гибралтара англичане находились на расстоянии пушечного выстрела. Войска первые два часа после рассвета потратили на сбор частей. Начальник артиллерии приказал прибыть нескольким полевым батареям, и в 10 часов утра началось наступление на противника, поспешно отплывавшего от берега под прикрытием боевых кораблей. К полудню он был совершенно согнан с мыса, и французы стали здесь хозяевами.

Оба занятых форта были лишь простые батареи, выложенные из кирпича, на морском берегу, с вместительной башней, которая служила вместе и казармой и редюитом. Над башней, в 20 саженях от нее, возвышались береговые холмы. Эти батареи совсем не предназначались для действия с суши против неприятеля, располагающего пушками. Наши шестьдесят 24-фунтовых пушек и 20 мортир стояли у деревни Ла-Сен на простых подставках и передках на расстоянии пушечного выстрела, так как было важно без малейшего замедления начать из них стрельбу. Однако начальник артиллерии отказался от обеих батарей, брустверы которых были из камня, а башня находилась в такой близости, что рикошетные снаряды и обломки башни могли поражать канониров. Он наметил места для батарей на высотах. Остаток дня пришлось затратить на их сооружение. Несколько 12-фунтовых пушек и гаубиц начали обстреливать неприятельские шлюпки, когда те намеревались перейти из малого рейда в большой. На рейде царило величайшее смятение. Суда снялись с якоря. Была пасмурная погода, и грозил подняться порывистый юго-западный ветер, дующий три дня сряду и могущий на все это время помешать выходу судов из рейда, обрекая их на полный разгром.

Штурм обошелся республиканской армии в 1 000 человек убитыми и ранеными. Под начальником артиллерии была убита лошадь выстрелом с батареи Малого Гибралтара. Накануне атаки он был сброшен на землю и расшибся. Утром он получил от английского канонира легкую колотую рану в икру. Генерал Делаборд и капитан Мюирон были тяжело ранены. Потери врага убитыми, ранеными и пленными достигали 2 500 человек.

IX

Наметив место для батарей и отдав все приказания, необходимые для парка, начальник артиллерии отправился на батарею Конвента с целью атаковать форт Мальбоске. Он заявил генералам: «Завтра или самое позднее послезавтра вы будете обедать в Тулоне». Это тотчас же

сделалось предметом обсуждения. Некоторые надеялись, большая же часть на это не рассчитывала, хотя все гордились одержанной победой.

Английский адмирал, узнав о взятии Малого Гибралтара, тотчас же послал приказание удерживаться в фортах Эгильетт и Балагье, для того чтобы дать возможность подкреплениям, которые он сейчас же вышлет из города, высадиться на берег и в свою очередь вновь штурмовать редут, так как от этого зависит безопасность его якорной стоянки.

С этой целью адмирал отправился в Тулон и потребовал, чтобы для взятия редута было перевезено 6 000 человек. В случае если они не смогут взять его, они должны окопаться на обоих холмах выше Балагье и Эгильетта, для того чтобы выиграть 80 дней, по истечении которых ожидалась помощь. Но когда в полдень ему дали знать сигналами, что трехцветное знамя развевается уже на батареях и союзные войска отплывают к городу, адмиралом овладел страх оказаться запертым на рейдах. Он приказал эскадре сняться с якоря, поднять паруса, выйти из рейдов и крейсировать вне досягаемости пушечных выстрелов с берега.

Тем временем у противника был созван военный совет. Протоколы его попали в руки Дюгоммье, сравнившего их с протоколами французского военного совета в Оллюле 15 октября. Дюгоммье нашел, что Наполеон все предвидел заранее. Старый генерал с удовольствием об этом рассказывал. В самом деле, в этих английских протоколах говорилось:

«На запрос совета у артиллерийских и инженерных офицеров, имеется ли на большом и малом рейдах хоть один такой пункт, где могла бы стать эскадра, не подвергая себя опасности от бомб и ядер с батарей Эгильетт и Балагье, — эти офицеры ответили, что не имеется.

В случае если эскадра покинет Тулон, сколько следует оставить в нем гарнизона? Сколько времени может он держаться? Ответ: нужно 18 000 человек; держаться они смогут самое большее 40 дней, если будет продовольствие.

Третий вопрос: не выгоднее ли для союзников очистить город вместе с уходом эскадры, предав огню все, чего нельзя захватить с собой? Военный совет единодушно настаивает на оставлении города: у гарнизона, который запрется в Тулоне, нет возможности отступить, и к нему нельзя будет более посылать подкреплений. У него и теперь недостает многих необходимых предметов продовольствия. Сверх того, раньше или позже, он принужден будет капитулировать, и тогда заставят сдать невредимыми и арсенал, и флот, и все постройки».

До Тулона донеслась весть, что военный совет решил очистить город. Недоумение и тревога достигли крайних пределов. Жители совсем не обратили внимания на взятие Малого Гибралтара. Они знали, что ночью на него велась атака, но не придавали этому никакого значения. В ту минуту, когда они ждали свободы, убаюкивая себя близкой на-

деждой на подкрепление, — им пришлось помышлять об оставлении своих домов, своей отчизны!

Военный совет распорядился взорвать форты Поме и Ла-Мальг. Форт Поме был взорван в ночь с 17-го на 18-е. Очищение фортов Фарон, Мальбоске, Руж, Блан и Сент-Катрин произошло в ту же ночь. 18-го все эти форты были заняты французами.

17-го, одним днем раньше атаки Малого Гибралтара, Лапуап захватил гору Фарон после довольно горячей схватки и обложил форт. В этом деле отличился Лагарп, полковник Овернского полка, впоследствии дивизионный генерал, убитый в итальянском походе. Положение вещей было настолько неясно, что, когда войска узнали о взрыве форта Поме, распространился слух, будто это произошло по случаю пожара в пороховом погребе. Владея Мальбоске и другими фортами, окружавшими Тулон, кроме форта Ла-Мальг, где еще находился противник, армия днем 18-го числа придвинулась к самой крепостной ограде. Весь день город обстреливался из нескольких мортир.

Англо-испанская эскадра, предусмотрительно вышедшая из рейда, крейсировала в отдалении. Море было покрыто шлюпками и судами противника, направлявшимися к эскадре. Им приходилось двигаться мимо французских батарей; многие из судов и значительное число шлюпок были пущены ко дну.

Вечером 18-го по страшному взрыву узнали об уничтожении главного порохового погреба. В то же мгновение в четырех-пяти местах арсенала показался огонь, а полчаса спустя весь рейд был объят пламенем. То были подожжены девять французских линейных кораблей и четыре фрегата. На несколько лье горизонт находился как бы в огне; было видно, как днем. Зрелище было восхитительное, но ужасное. Каждую секунду ждали взрыва форта Ла-Мальг, но его гарнизон, боясь быть отрезанным от города, не докончил закладки мин. Той же ночью в форт вошли французские стрелки.

Тулон был объят ужасом. Бóльшая половина жителей поспешно отплыла на кораблях. Те, кто остался, забаррикадировались в домах, опасаясь мародеров. Армия осаждающих стояла в боевом порядке на гласисе.

18-го, в 10 часов вечера, полковник Червони взломал ворота и с 200 человек вошел в город. Им был обойден весь город. Повсюду царила величайшая тишина. В порту валялись груды багажа, на погрузку которого у бежавших жителей нехватило времени. Разнесся слух, что подложены фитили для взрыва пороховых погребов. Были посланы дозоры из канониров, чтоб обрезать фитили. После этого вошли в город войска, назначенные для его охраны. В морском арсенале оказался чрезвычайный беспорядок. 800—900 галерных каторжников с величайшим усердием занимались тушением пожара. Ими была оказана громадная услуга. Лишь одни они и противодействовали английскому офицеру Сиднею

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітет
імя П.М.Машэрава"

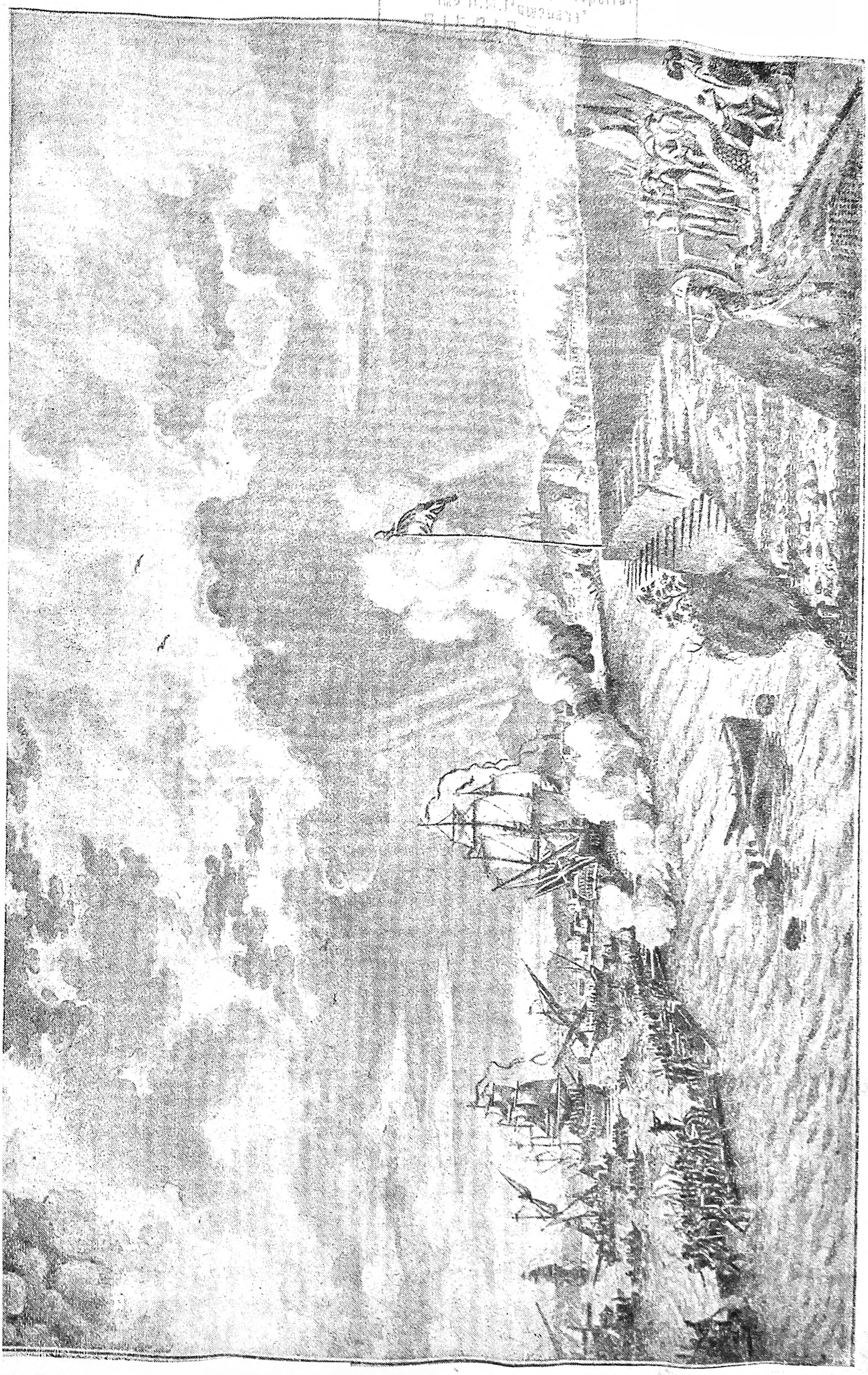

Рис. 1. Бонапарт при осаде Тулона.

Смиту, назначенному для поджога судов арсенала. Этот офицер очень плохо исполнил свою обязанность, и республика должна быть ему признательна за те весьма ценные предметы, которые сохранились в арсенале. Начальник артиллерии отправился туда с канонирами и рабочими. В течение нескольких дней ему удалось потушить пожар, и арсенал был спасен. Потери, которые понес флот, были значительны, но имелось еще множество нетронутых запасов. Было спасено все, за исключением главного — пороховых погребов. Во время изменнической сдачи в Тулоне находилось 30 боевых кораблей. Четыре из них были отправлены для перевозки 5 000 матросов в Брест и Рошфор, девять были сожжены союзниками на рейде, тринадцать стояли разоруженными. С собой союзниками было уведено четыре, из которых один сгорел в Ливорно. Боялись, как бы союзники не взорвали док и некоторые его устои, но на это у них нехватило времени. Тринадцать кораблей и фрегатов, сгоревших на рейде, образовали ряд заграждений. В течение восьми или десяти лет производились попытки их удалить, и наконец неаполитанским водолазам удалось это исполнить при помощи распиливания остовов, удаляя их кусок за куском.

Армия вошла в город 19-го. Семьдесят два часа она находилась под ружьем, в дождь и слякоть. В городе ею было произведено много беспорядков как бы с разрешения начальства, вследствие обещаний, сделанных солдатам во время осады. Главнокомандующий восстановил порядок лишь тем, что объявил имущество Тулона собственностью армии и приказал снести все в центральные склады как из частных магазинов, так и из покинутых домов. Впоследствии республика присвоила все себе, выдав в награду каждому офицеру и солдату единовременно годовой оклад жалованья.

Многие из жителей Тулона спешили его покинуть. Неаполитанские, английские и испанские корабли были переполнены. Это вынудило их пристать к Иерскому рейду и расположить беглецов биваком на островах Поркероль и Левант. Говорят, что их насчитывалось около 14 000 человек.

Дюгоммье отдал приказ не снимать белого знамени с фортовых башен и батарей рейда, что вводило в заблуждение многие — и военные и коммерческие — суда, подвозившие припасы для противника. В течение месяца после взятия города не проходило ни одного дня, чтобы не захватывались обильно нагруженные суда. Один английский фрегат уже было причалил к Большой башне. Он вез деньги на несколько миллионов. Решили счесть его за приз, и два морских офицера на ботике подплыли к нему, взошли на палубу и заявили капитану, что фрегат в качестве приза находится в их власти. Капитан посадил в трюм обоих смельчаков, перерезал причальные канаты и удачно отплыл обратно без больших повреждений. В конце декабря, вечером, около 8 часов, начальник артиллерии, находясь на набережной, заметил причаливающую английскую шлюпку. Офицер, сойдя с нее, спросил, где квартира адмирала

лорда Гуда. Он оказался капитаном довольно большого брига, пришедшего с депешами и с вестью о прибытии подкреплений. Судно было взято и депеши прочтены.

Народные представители, по законам того времени, учредили революционный трибунал; но все преступники вместе с неприятелем были далеко, те же, кто решился остаться, чувствовали себя невиновными. Однако этот трибунал арестовал несколько человек, случайно не успевших уйти с неприятелем, и казнил их во искупление совершенных ими злодеяний. Но восьми-десяти жертв было недостаточно. Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи: было объявлено, что всем, кто при англичанах сохранил должности в арсенале, надлежит собраться на Марсово поле для записи фамилий. Дали понять, что это делается с целью принять их вновь на службу. Почти 200 человек, старших рабочих, мелких приказчиков и других служащих, поверили этому и собрались; их фамилии были записаны, и тем было удостоверено, что они сохраняли свои места при английском правительстве. Тотчас же на открытом поле революционный трибунал присудил всех их к смерти. Батальон санкюлотов и марсельцев, высланный сюда, расстрелял их. Подобный поступок не нуждается в комментариях. Это был единственный случай. Как бы то ни было, их расстреляли напрасно. Начальник артиллерии и канониры не присутствовали при расстреле. В Лионе же это выполнили именно канониры. Декретом Конвента Тулонскому порту дали новое название — «порт Гора», и было приказано разрушить все общественные здания, за исключением признанных необходимыми для флота и гражданского управления. Этот сумасбродный декрет начал приводиться в исполнение, но с большой медленностью. Было разрушено лишь пять или шесть домов, через некоторое время снова восстановленных.

Английская эскадра простояла на Иерском рейде один или полтора месяца. В Тулоне не было ни одной мортиры, которая могла бы стрелять дальше чем на 1 500 туазов, а эскадра стояла на якоре в 2 400 туазах от берега. Если бы в то время в Вилантруа было несколько мортир, какими впоследствии стали пользоваться, эскадре было бы трудно стоять на рейде. В конце концов, взорвав форты Поркероль и Порткро, неприятель ушел на рейд Порто-Феррайо, где высадил значительную часть тулонских эмигрантов.

Весть о взятии Тулона в тот момент, когда этого менее всего ожидали, произвела большое впечатление на Францию и на всю Европу. 24 декабря Конвент устроил национальный праздник. Взятие Тулона послужило сигналом для успехов, ознаменовавших кампанию 1794 г. Несколько времени спустя рейнская армия овладела Вейссембургскими линиями и сняла блокаду с Ландау. Дюгоммье с частью войск из-под Тулона отправился в Восточные Пиренеи, где Доппе делал только глупости. Другая часть этих войск была послана в Вандею. Несколько ба-

тальонов вернулось в итальянскую армию. Дюгоммье отдал приказ начальнику артиллерии следовать за ним; но из Парижа получились другие распоряжения, возлагавшие на него обязанность заняться сперва перевооружением средиземноморского побережья, в особенности Тулона, а затем уже отправиться в итальянскую армию в качестве начальника артиллерии.

С этой осады начинается известность Наполеона. Генералы, народные представители и солдаты — все, знавшие о мнениях, которые он высказывал на различных совещаниях за три месяца до штурма, все те, кто были свидетелями его напряженной деятельности, — все предрекали ему быструю военную карьеру. Доверием солдат итальянской армии он заручился уже с этого момента. Дюгоммье, представляя его к чину бригадного генерала, написал в Комитет общественного спасения буквально следующее: «Наградите и выдвиньте этого молодого человека, потому что, если вы этого не сделаете, он выдвинется сам собой». В пиренейской армии Дюгоммье беспрестанно говорил о своем начальнике артиллерии под Тулоном и внушал высокое мнение о нем генералам и офицерам, отправлявшимся впоследствии из испанской армии в Италию. Находясь в Перпиньяне, он присылал к Наполеону, в Ниццу, курьеров с известиями об одержанных им победах.

ОЧЕРК ОПЕРАЦИЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ
в 1792, 1793, 1794 и 1795 гг.

Схема 2

I. Очерк событий, происшедших в итальянской армии с начала войны и в течение 1792 и 1793 гг., до осады Тулона.— II. Наполеон помогает руководить армией в кампанию 1794 г. Взятие Саорджио, Онелья, перевала Тенде и всей командующей цепи Альп (апрель 1794 г.). — III. Марш армии через Монтенотте (октябрь 1794 г.). — IV. Морские экспедиции. Бой у Ноли (март 1795 г.).— V. Наполеон подавляет восстание в Тулоне. — VI. Он покидает пост командующего артиллерией армии и приезжает в Париж (июнь 1795 г.). — VII. Келлерман, потерпев поражение, сосредоточивается на линии Боргетто (июль 1795 г.). — VIII. Битва у Лоано (декабрь 1795 г.).

I

Война с первой коалицией началась в 1792 г. Генералу Монтескье, командующему южной армией, была поручена оборона всей границы от Женевы до Антиба. Кампания началась в сентябре. Из своей стоянки у Сесьё он двинулся на Изер, в Форт-Барро, и в течение нескольких недель занял Шамбери и всю Савойю. Пьемонтцы отступили за Альпы. Генерал Ансельм, командующий дивизией в 10 000 человек, был назначен оборонять Вар — от Турнусского лагеря около Аржентерского перевала до Антиба. Адмирал Трюге с девятью боевыми кораблями, имея на борту 2 000 человек десанта, крейсировал между Антибом и Монако. Вар — плохая оборонительная линия. Французская эскадра угрожала ей с тыла. Это заставило туринский двор поставить армию на оборонительной линии по обратному склону приморских Альп с правым флангом на Варе и его притоках, центром на Лантоска и левым флангом на Ройе, перед Саорджио. 23 сентября генерал Ансельм, узнав о начавшемся движении пьемонтской армии, перешел через Вар во главе 4 000 человек, овладел Ниццей, фортом Монтальбан и Вильфраншем, не встретив никакого сопротивления. Эти оба укрепления были полностью оборудованы и снабжены прекрасной артиллерией. Их гарнизоны попали в плен.

Ансельм перешел Вар вброд; на следующий день начались проливные дожди. В течение восьми-десяти дней он оставался в Ницце отрезанным от своей армии. Противник не обратил внимания на это обстоятельство или не знал, как им воспользоваться. Ансельм продвинул авангард за Скарена, на туринском шоссе. Эскадра направилась в Онелья — порт, принадлежавший сардинскому королю; адмирал предложил коменданту сдаться, но парламентер встретил оскорбительный прием. Десантные войска овладели городом и произвели здесь большие бесчинства, так как матросы были очень мало дисциплинированы; несколько дней спустя они вернулись на суда. Со своей стороны и Ансельм не мог поддерживать дисциплину среди войск; его даже обвинили, что он сам принимал участие в бесчинствах, на которые жаловался город Ницца; он был отозван.

В начале 1793 г. правительство отделило альпийскую армию от итальянской, командование которой было вверено генералу Бирону. 14 февраля 1793 г. происходили стычки на высотах Скарена, Соспело, Лантоска. Ими овладевали последовательно армии то одной, то другой стороны; но наконец Соспело был прочно занят французской армией. Авангард расположился между Соспело и Брельо, в лагере Бруи. 11 апреля Бирон овладел Лантоска и высотами до Бельведера; он взял много пленных и захватил несколько пушек. Некоторое время спустя он был отозван для командования армией в Вандее; его сменил генерал Брюне. Армия получила подкрепления, после чего она насчитывала 30 000 человек. Вместе с войсками, занимавшими гарнизоны в Провансе, с этапными частями и с больными численность армии доходила до 68 000 человек. Противник тоже был усилен пополнениями и отличной австрийской дивизией; он укрепил свои позиции большим числом батарей и фортификационными сооружениями. Его правый фланг примыкал к Утельской высоте, центр располагался перед проходом Раус, левый фланг — перед Саорджио, крепостью, лежащей по обеим сторонам шоссе из Ниццы в Турин. Генерал Брюне вполне обоснованно желал овладеть всеми приморскими Альпами, прогнать противника за перевал Тенде и расположить свою армию на время дождей по вершинам Альп. Это сделало бы позицию значительно более сильной и требующей меньше людей для ее обороны. Такой проект был очень разумен; у Брюне было достаточно сил для его выполнения, но отсутствовали военные способности, необходимые для руководства такой серьезной операцией. 8 июня 1793 г. он перешел в наступление. Все, что можно было сделать, французские солдаты сделали; все позиции, которыми можно было овладеть, они захватили; но участки Фурш и Раус были непреодолимы. Брюне упорствовал, возобновив наступление 12 июня, которое принесло славу пьемонтцам и привело к гибели отборных гренадер армии. Позиция пьемонтцев стала считаться неприступной; они продолжали на ней укрепляться. В августе тулонская измена потребовала выделения отряда

из итальянской армии для формирования осадной армии; но, хотя и ослабленная, итальянская армия отразила в течение октября все произведенные пьемонтцами попытки пройти в Прованс и переправиться через Вар. Одна из их дивизий, силою в 4 000 человек, была разбита и почти уничтожена генералом Дюгоммье у Жилетт, и это заставило их снова вернуться на свои позиции.

Брюне, несправедливо обвиненный в измене и в покровительстве марсельскому восстанию, был отдан под суд парижского революционного трибунала и погиб на эшафоте.

После взятия Тулона Наполеон первые два месяца 1794 г. занимался укреплением побережья Средиземного моря. В Ниццу он прибыл в марте и принял здесь главное командование над артиллерией. Командующим армией был генерал Дюмербион. Этот генерал, из старых гренадерских капитанов, добилея чина полковника, бригадного генерала и дивизионного генерала в кампаниях 1792 и 1793 гг. в итальянской армии; он знаком был тут со всеми позициями и руководил атакою в июне. Этому человеку было шестьдесят лет; прямодушный, лично храбрый, достаточно образованный, но любивший выпить, он почти не вставал с постели и целые месяцы проводил не двигаясь. Начальником штаба у него был генерал Готье, д'Эйсотье — начальником административной части, Галлер заведывал финансами и снабжением, генерал Дюжар был помощником начальника артиллерии, полковник Гассенди — начальником парка, генерал Виаль — начальником инженеров, генералы Маккар, Даллемань, Массена и другие командовали различными соединениями. Штаб вот уже два года пребывал в 10 лье от передовых постов, в Ницце, где не чувствовалось войны.

II

Начальник артиллерии провел часть марта, знакомясь с занимаемой армией позицией и изучая бои, происходившие с 1792 г. Несколько дней он провел в Бруи, занятом генералом Маккаром; он убедился в большой силе этих участков позиции противника и в безрассудстве гибельных для французов атак 8 и 12 июня.

В горах повсюду находятся позиции, чрезвычайно сильные сами по себе, и от атаки их следовало воздерживаться. Искусство горной войны состоит в том, чтобы занимать позиции или на флангах, или в тылу противника и этим ставить его перед необходимостью либо очистить свою позицию без боя, чтоб занять другую, несколько позади, либо выступить и атаковать. В горной войне атаковать невыгодно. Даже в наступательной войне искусство состоит в том, чтобы вести только оборонительные бои, вынуждая противника прибегать к атаке.

Позиции противника были хорошо связаны между собой. Правый фланг был прикрыт хорошо, а левый — плохо. С этой стороны местность

была значительно легче проходима. Наполеон тогда же составил план действий, по которому армия овладевала командующей цепью Альп и вынуждала противника сойти с таких высот, как Раус и Фурш. По этому плану следовало обойти левый фланг противника, переправившись через реки Ройя, Нервия и Таджия, занять гору Танарда, Рокка-Барбона, Танарелло и перехватить шоссе, ведущее в Саорджио, — коммуникационную линию противника, позади холма Марта.

Онелья служила пристанищем морским корсарам. Оттуда они перехватывали пути сообщения из Ниццы в Геную; это вредило армии и еще более приносило вред снабжению продовольствием Прованса, где свирепствовал голод. Намеченной операцией заодно разрешалась и эта задача: когда армия взойдет на Монте-Гранде, она будет господствовать над истоками Танаро и всей долиной Онелья; этот город, Ормеа, Гарессио и Лоано перейдут в ее руки.

Таким образом, этот план кампании привел бы к трем значительным результатам: 1) к расположению обороны графства Ниццы на ее естественной позиции по командующему хребту Альп; 2) к продвижению правого фланга в местность, где горы, будучи значительно менее высокими, дают больше выгод; 3) к прикрытию части генуэзской Ривьеры и уничтожению корсарского притона, мешающего путям сообщения между Генуей, большим торговым центром, армией и Марселем. Не могло быть опасений, что противник воспользуется разделением французской армии вследствие продвижения ее правого фланга и сам перейдет в наступление. Такое наступление в холмистой стране неопасно, поскольку терялось время для нанесения решительных ударов. Выиграв несколько переходов, правый фланг французской армии выходил во фланг противника, и тогда последний упустил бы время для своего перехода в наступление. В горной войне заставить противника выйти из своих позиций и атаковать — это и есть, как мы уже говорили, искусное ее ведение. Действительно, позиции у Беолетского, Бруисского, Перусского перевалов, может быть менее сильные, чем пьемонтские позиции, оказались, однако, чрезвычайно могущественными. Пьемонтцам не могло помочь их численное превосходство. Форсировав эти позиции, противник был бы остановлен позициями у перевалов Бруи, Кастильоне и Люсерам, достаточно сильными. Пьемонтцы могли принять решение атаковать позиции горы Танарда и Танарелло после того, как их займут французы, но эти позиции были крепки сами по себе. Снова повторялось то же правило горной войны: вынуждать противника вести атаку. Все французские войска, оставшиеся в Бруисском лагере, могли, перейдя через Ройю и гору Джиове, притти на помощь своей армии. Операция в направлении на истоки Танаро и на Ормеа была бы сама по себе удачной диверсией, которая удержала бы противника от очень рискованных горных боев и заставила бы его перевести свою армию в равнину для прикрытия столицы.

Этот план разбирался в совете, где находились два народных представителя — комиссары при армии, генерал Дюмербион, начальник артиллерии, генерал Массена, генерал Виаль — начальник инженерной части, бригадный генерал Рюска, офицер легких войск, уроженец этих гор, прекрасно их знавший. Репутация автора плана помогла избежать большой дискуссии. Все помнили его действия в Тулоне: план был принят.

Имелось одно политическое затруднение: предстояло занять территорию Генуэзской республики. Но союзники сами уже сделали это шесть месяцев тому назад, когда 2 000 пьемонтцев прошли через генуэзскую территорию для посадки в Онелья при отправке в Тулон. Им нужно было бы пройти небольшими невооруженными партиями, а они прошли все вместе, с оружием в руках и барабанным боем. Разрешению этого вопроса помогла и катастрофа с «*Ла-Модест*». Этот фрегат бросил якорь в порту Генуе и причалил к набережной. 5 октября 1793 г. три английских корабля с двумя фрегатами тоже бросили якорь в порту; один английский 74-пушечный корабль расположился рядом с «*Ла-Модест*». Начальник экипажа вежливо попросил вахтенного офицера фрегата переставить одну шлюпку, мешавшую маневрировать английскому судну. Французы это охотно сделали. Полчаса спустя английский капитан потребовал от командира «*Ла-Модест*» поднять белый флаг, заявляя, что он никакого трехцветного флага не признает. Союзники тогда занимали Тулон. Французский офицер ответил на этот вызов так, как предписывалось честью. Но у англичан были наготове три абордажных моста. Они перебросили их на фрегат и взяли его на абордаж. В тот же момент началась оживленная перестрелка. У экипажа «*Ла-Модест*» ничего не было подготовлено; часть людей бросилась в воду; англичане преследовали их на шлюпках, некоторых убили, некоторых ранили. Генуэзцы были очень озлоблены. Дрэйк, этот презренный агент Англии, был освистан и еле избежал больших неприятностей. Дожем в то время был Дориа; сенату пришлось извиняться, но фрегат возвращен не был. Представители народа в Марселе наложили эмбарго на генуэзские суда. Они ожидали, что Конвент объявит войну, но Франция и особенно Юг изнывали от голода: генуэзский флот был необходим для снабжения продовольствием Прованса. Конвент затаил свое раздражение, заявив, что все произошло из-за слабости Генуи и что сношения будут продолжаться, как и прежде. Однако не менее верно и то, что независимость и нейтралитет этой республики были нарушены.

6 апреля дивизия в 14 000 человек, в составе пяти бригад, перешла через реку Ройя и овладела замком Вентимилья. Бригада под командованием Массена двинулась на гору Танарда и заняла здесь позицию. Другая бригада, перейдя через реку Таджия, заняла позицию на Монте-Гранде; три остальные бригады под непосредственным командованием начальника артиллерии двинулись на Онелья и сбили австрийскую дивизию, расположенную на высотах Сант-Агата. Французский бригадный

генерал Брюле был убит. На следующий день армия вступила в Онелья; здесь она захватила 12 пушек. Население города и долины разбежалось. Еще 12 пушек было захвачено около перевала Сен-Сильвестр. Пьемонтцы хотели вывезти их в Ормеа, но они попали в руки 2-й бригады, выходившей через перевал Меццалуна. Армия двинулась на Понте-ди-Нава. Там стояли остатки австрийской дивизии. Она была атакована, разбита и сброшена с горы Ариоло в р. Танаро. Крепость Ормеа капитулировала в тот же день; в ней было 400 человек гарнизона, имелся оружейный склад на несколько тысяч ружей и два десятка пушек. Суконная фабрика, продукцией которой были переполнены магазины, помогла одеть армию. На следующий день, 18-го, армия овладела Гарессио, восстановила свои пути сообщения через горы Сан-Бернардо и Рокка-Барбона с Лоано, маленьким городом на берегу моря, принадлежавшим сардинскому королю.

В Пьемонте поднялась большая тревога. Противник поспешил очистить все склоны Альп, но запоздал и не смог увезти свою артиллерию. Массена из Танарелло вышел на тыловые подступы Саорджио, перехватив таким образом шоссе и отрезав отступление противнику позади холма Марта. Саорджио сдался 29 апреля. Этот форт мог бы держаться и дольше: в нем были значительные склады снаряжения и боевых припасов. 8 мая Массена двинулся на Тендский перевал через перевал Арденте, в то время как генерал Маккар атаковал с фронта. Атака удалась. Армия овладела всей командующей цепью приморских Альп. Ее правый фланг, расположенный перед Ормеа, сообщался с Тендским перевалом через перевал Термини и от Тендского перевала занимал цепь Альп до Аржентерского перевала, где находился крайний пост альпийской армии. Выполнение этого плана дало 3 000—4 000 пленных, 60—70 пушек, две крепости и обладание всеми высотами Альп до первых апеннинских предгорий. Армия занимала таким образом больше половины Западной Ривьеры, и хотя растянулась своим правым флангом на 15 лье, ее расположение стало более прочным, и для его охраны требовалось меньше войск. Ничто больше не могло препятствовать плаванию вдоль побережья, между Генуей и Провансом. Потери в армии были невелики. Падение Саорджио и других пунктов, о которых так много говорилось и за которые так много пролилось крови, укрепило в армии репутацию начальника артиллерии, и все видели в нем будущего главнокомандующего.

III

Снаряжение горной артиллерии было улучшено. Подполковник Фотрие, помощник заведующего парком, офицер артиллерийских мастерских, заботливо вникал во все подробности. Трехфунтовые пьемонтские пушки, находившиеся в ниццском арсенале и в крепостях Ормеа и Саорджио, а также на брошенных противником позициях, были достаточно

легки для перевозки вьюком на мулах. Этот калибр, однако, не мог удовлетворить всем нуждам. В корсиканскую войну (в 1768 г.) были сконструированы лафетные полозья и парные оглобли, служившие для перевозки 4-фунтовых пушек вслед за колоннами. Это приспособление пригодилось и для 8- и 12-фунтовых пушек и для 6-дюймовых гаубиц. Приспособили также для перевозки на спине мула и горную кузню. В экспедициях против Онелья, Ормеа и Саорджио артиллерийский парк из 24 пушек следовал с армией. Пушки были очень полезны, особенно по тому впечатлению, которое они производили на свои войска и на войска противника.

Пьемонтская армия, расположившаяся на равнинах и на холмистом предгорье Альп, имела между тем все в изобилии. Она восстановила свои утомленные силы, пополнила потери и изо дня в день усиливалась прибывавшими новыми австрийскими батальонами, тогда как французская армия, расположенная по гребням командующей цепи Альп, на полуокружности протяжением в 60 лье, от Монблана до истоков Танаро, гибла от голода и болезней. Пути сообщения были трудны, жизненные припасы редки и очень дороги. Тяжело страдали лошади, а вся материальная часть армии была в плохом состоянии. Высокогорный воздух и плохая вода причиняли много заболеваний. Потери, понесенные армией от болезней в течение трех месяцев, были не меньшие, чем после большого сражения; такая оборона была хуже и для финансов и для людей, чем наступление. Оборона Альп, помимо этих невыгод, имеет еще и другие, скрытые в топографических особенностях этой страны. Различные части армии, расположенные на этих вершинах, не могут поддерживать одна другую; они совершенно разобщены; для того чтобы пройти с правого фланга на левый, нужно 20 дней, тогда как армия, защищающая Пьемонт, располагается в богатых равнинах и может в несколько дней сосредоточить силы против места, которое она хочет атаковать. Комитет общественного спасения хотел, чтобы армия перешла в наступление. Начальник артиллерии был на совещании по этому вопросу в Колмаре совместно с офицерами альпийской армии, но соглашение достигнуто не было. Следовало сначала подчинить обе армии одному главнокомандующему.

В сентябре одна австрийская дивизия сосредоточилась на р. Бормида. Ее склады были устроены в Дего. Английская дивизия должна была высадиться в Вадо, и обеим этим частям армии, соединившись, предстояло занять Савону и принудить Генуэзскую республику, лишенную всяких путей сообщения и морем и по суше, к объявлению войны против Франции. Гавань Вадо заменила собой порт Онелья и стала служить пристанищем для английских крейсеров и морских корсаров. Они прервали всякую торговлю между Генуей и Марселем. Начальник артиллерии предложил захватить позиции Сан-Джиакомо, Монтенотте и Вадо. Правый фланг армии был бы таким образом у ворот Генуи. Главно-

командующий Дюмербион стал для этого сам во главе трех дивизий, в составе 18 000 человек с 20 горными орудиями.

Начальник артиллерии руководил частью армии, которая прошла через перевал Бардинетто и проникла в Монферрато по шоссе, идущему вдоль Бормиды. 4 октября она расположилась на высотах Биестро и 5-го спустилась в равнину. Он надеялся обрушиться на тылы австрийской армии, но та во-время это заметила и начала отступать на Кайро и Дего. Ее энергично преследовал французский авангард под начальством генерала Червони. Канонада продолжалась весь вечер 5 октября; в 10 часов вечера она еще была слышна. Австрийская армия отошла на Акви, бросив склады и пленных и потеряв тысячу человек.

Генерал Дюмербион не имел ни приказа, ни разработанного плана о вступлении в Италию; его кавалерия из-за недостатка фуража находилась на Роне. Начав преследовать противника, он отдалился бы от операционной линии и привлек бы на себя все силы австрийцев и сардинцев, и потому ему пришлось удовольствоваться просто разведкой, отойти через Монтенотте на Савону и стать на высотах Вадо, сохранив в долине Савоны одну заставу.

Артиллерия на побережье была расположена таким образом, что могла прикрывать французскую эскадру, стоящую на этом рейде. Инженеры возвели сильные форты на высотах Вадо, сообщающиеся дорогами через Сан-Джиакомо, Мелоньо, Сеттепани, Бардинетто, Сан-Бернардо с позициями, расположенными на возвышенностях Танаро. Такое растяжение правого фланга армии ослабляло ее позицию, но имело и ряд преимуществ: 1) оно позволяло армии господствовать над всей Западной Ривьерой и над всем побережьем, а также нарушало связь между австрийской и сардинской армиями и не позволяло им действовать согласованно с английским флотом; 2) оно обеспечивало плавание из Генуи в Марсель, так как, командуя над всеми портами побережья, армия могла выставить батареи для обеспечения берегового плавания; 3) в таком положении армия могла поддерживать сторонников Франции в Генуе и предупредить противника под стенами этого города, если бы он захотел к нему направиться. Эта операция, расстроившая планы противника и укрепившая нейтралитет Генуи, получила отклик в Италии и подняла там большую тревогу. Аванпосты армии находились, таким образом, в 10 лье от Генуи, а разъезды и дозоры иногда приближались на 3 лье.

Конец осени Наполеон употребил на оборудование батарей по побережью от Вадо до Вара, чтобы обеспечить плавание между Генуей и Ниццей. В январе он провел одну ночь на Тендском перевале, откуда с восходом солнца открылся вид на плодородные равнины, о которых он уже мечтал.

В течение зимы он несколько раз ездил в Тулон и Марсель для инспекции арсеналов и береговых батарей. Во время одной из таких поездок в Марселе произошло возмущение, и народный представитель

Мэнье высказал начальнику артиллерии беспокойство, как бы народные толпы не подошли к пороховым складам и к оружейным магазинам, находившимся в фортах Сен-Никола и Сен-Жан. Эти форты были разрушены во время революции. По просьбе этого представителя Наполеон составил проект о возведении зубчатой стены, закрывающей форты со стороны города. План был послан в Париж и был отвергнут Конвентом, как контрреволюционный, направленный против народа. Конвент особым постановлением потребовал в трибунал начальника артиллерии Марселя. Этим начальником артиллерии был полковник Сюньи; он отправился туда, но с первых же показаний выяснилось, что этот план составлен не им. Тогда начальнику артиллерии армии было приказано прибыть в трибунал. В те времена террора обвинение равнялось приговору. Наполеон потратил много усилий, чтобы рассеять обвинение и чтобы отменили это постановление. Это ему удалось, когда началось наступление противника. Народные представители написали, что его присутствие необходимо в армии, и побудили депутатов департамента Буи-дю-Рон отказаться от своих обвинений.

IV

В течение 1792 и 1793 гг. французский флот господствовал на Средиземном море. После взятия Онелья контр-адмирал Трюге стал на якоре в генуэзском порту, где и пробыл долгое время. Контр-адмирал Ла-Туш-Тревиль, с эскадрой в 10 линейных кораблей, воспользовался этим и 16 декабря 1792 г. появился перед Неаполем. Командир порта вышел ему навстречу и предложил пропуск для шести кораблей, заявив, что король не может принять более значительного числа кораблей, не нарушив своего нейтралитета. Адмирал обошелся без разрешения, бросил якорь перед окнами дворца, отправив на берег сеньора Бельвилля, который в форме гренадера национальной гвардии был представлен королю кавалером Актоном. Он передал письмо контр-адмирала, в котором требовалось: 1) король должен заявить о своем нейтралитете; 2) он должен дезавуировать ноту своего посланника в Константинополе, в которой предлагалось Порте не принимать г-на Семонвиля в качестве французского посла. Он добился всего, что требовал: неаполитанский двор счел для себя за большое счастье, что так дешево отделался от этого неприятного посещения.

В январе 1793 г. адмирал Трюге вышел из Генуи и стал на якоре в порту Аяччио, на острове Корсика. Там к нему присоединился транспорт в 4 000 марсельцев, которому он придал 2 000 человек линейных войск, которые Паоли, командир 23-й дивизии, передал в его распоряжение, и с этими войсками отправился к островам Сен-Пьер и соединился с частью эскадры адмирала Ла-Туш-Тревиля. Он оставил гарнизон в форту и бросил якорь 12 февраля перед Кальяри, столицей Сардинии.

В тот же самый день 800 человек, под начальством полковника Колонна Чезари, отплыли из Бонифачио в сопровождении корвета и предприняли контрнаступление против северной части Сардинии. Об этой экспедиции было известно уже шесть месяцев, и сардинцы к ней приготовились. Французская дивизия беспрепятственно высадилась на кальярском побережье, но на следующий день на рассвете при атаке ее сардинским драгунским полком солдаты марсельской фаланги закричали об измене, обратились в бегство и все попали бы в плен, если бы бригада линейной пехоты не проявила стойкости, образовав арьергард. Адмиралу удалось посадить вновь свою армию на суда без серьезных потерь. В продолжение всего этого времени его эскадра, стоявшая на якоре под фортами, подвергалась ружейному и артиллерийскому обстрелу. Два линейных корабля сгорели. Он вернулся в Тулон с вестью об исходе этой экспедиции, где им было потеряно три 74—80-пушечных корабля и несколько фрегатов.

С марта 1793 г., когда Испания объявила войну Франции, соединенный англо-испанский флот господствовал в Средиземном море и крейсировал у генуэзского и прованского побережья. Тулонская измена уничтожила французский Средиземноморской флот. При обратном захвате города там оказалось только 18 судов и уцелела часть складов. Испанский флот, недовольный англичанами, возвратился в свои порты. В 1794 г. контр-адмирал Мартен с десятью судами вышел из Тулона в открытое море; преследуемый английской эскадрой, он стал на якоре в заливе Жуан, где начальником артиллерии были оборудованы сильные батареи, чтобы обеспечить его оборону. Спустя некоторое время адмирал воспользовался попутным ветром и ушел в Тулон. Эта эскадра осенью пополнилась судами, построенными в тулонском арсенале.

В начале 1795 г. английский адмирал Готэм с 15 боевыми кораблями, в том числе четырьмя трехпалубными, и с двумя неаполитанскими судами крейсировал между Корсикой и Италией. Адмирал Мартен, имея эскадру в 16 боевых и пять транспортных судов, с десантом в 10 000 человек, стоял на рейде Тулона. Мнения о назначении этих сил были различны, пока не прибыл член Конвента Летурнер, снабженный чрезвычайными полномочиями. Он объявил, что намерением Комитета общественного спасения было занять Рим, чтобы наказать папу за оскорбления, которые им наносились ежедневно Республике, и отомстить за смерть Бассвиля. С Бассвиля, французского агента при папе, в 1792 г. была сорвана трехцветная кокарда, так же как и с французских художников римской школы. Многие французские эмигранты, жившие в этой столице, подстрекали народ. 13 января 1793 г. какой-то мерзавец забросал на прогулке камнями карету Бассвиля. Его кучер свернул в сторону и увез Бассвиля домой. Двери дома были взломаны. Бассвиль получил штыковую рану в низ живота. Его поволокли по улицам в одной ру-

башке, с вывалившимися внутренностями в руках, и, наконец, бросили в гауптвахте на походную кровать, где он скончался на следующий день.

Это убийство возмутило всю Францию. Наступил момент отплатить за него, высадившись в устье Тибра и овладев Римом, где было много приверженцев Франции. В феврале 1795 г. в Тулоне был собран военный совет с целью высказать соображения о возможности выполнения этого плана. Начальник артиллерии сказал, что эта экспедиция скомпрометировала бы итальянскую армию и окончилась бы поражением. Если все-таки намерены ее предпринять, то следовало бы одновременно захватить гору Аржентеро, Орбетелло и крепость Чивита-Веккия и там оставить армию; ему казалось слишком мало 10 000 человек для нанесения такого удара. Без кавалерии делать это было. нельзя. Нужно было иметь по меньшей мере 1 500 конных егерей или гусар, а это вместе с 500 артиллерийских и штабных лошадей значительно увеличило бы обоз. Армия, едва высадившись, была бы принуждена драться против 25 000—30 000 неаполитанцев, в том числе 5 000 человек хорошей кавалерии. Ей также пришлось бы опасаться и австрийской дивизии, сосредоточенной в Ломбардии. Армии нельзя было рассчитывать на приверженцев в Риме, потому что эта операция долго продолжаться не могла. Отомстив за кровь Бассвиля и наложив контрибуцию на город, армия должна была бы подумать об отступлении. Даже при господстве на море такая операция, предпринятая лишь с 10 000 человек, была бы рискованна; без господства же на море она обрекалась на верную гибель. Это означало, что французская эскадра должна сперва выйти одна, разбить английскую эскадру и изгнать ее из Средиземного моря. После этого выйдет и десант. После высадки десанта эскадра и транспортные суда отправятся к Неаполю. Народный представитель был недоволен, что начальник артиллерии не одобрил его предложения, и заставил высказаться всех старших офицеров. Моряки заявили, что для эскадры опасно, если транспорты выйдут в открытое море, пока в этих местах крейсирует неприятельский флот. Было решено, чтобы контр-адмирал Мартен вышел в море один и прогнал англичан.

Он отплыл 1 марта. Прибыв в Сен-Флоран, он захватил в плен английский 74-пушечный корабль «*Бервик*», выходивший из этого рейда. Французская и английская эскадры встретились 8-го в Ливорнском канале. При виде противника решительность Летурнера ослабела: он приказал отступать. Английский флот в свою очередь начал тогда преследование. 13-го обе эскадры были на траверсе мыс Ноли — генуэзская Ривьера. Ночью «*Меркурий*», 74-пушечный корабль, и корабль «*Санкюлот*» разделились. На следующий день с рассветом «*Са Ира*», 74-пушечный корабль, потерявший мачты от столкновения с кораблем «*Виктуар*», потерял управление; «*Сансер*» взял его на буксир. Оба флота были равны по числу кораблей, но не по их силе; французская эскадра из 15 судов уменьшилась до 13, из которых не было ни одного трехпалуб-

ного. Английская эскадра из 13 судов имела четыре трехпалубных. Французская эскадра продолжала отступать, но не смогла избежать двух столкновений: «*Сансер*» и «*Са Ира*» боролись против одного трехпалубного и двух 74-пушечных английских кораблей. «*Тоннан*», «*Дюкен*» и «*Виктуар*» вели бой весь день; остальные французские линейные суда не сражались. После упорного сопротивления «*Сансер*» и «*Са Ира*» были взяты в плен. Эскадра стала на якорь у Иерских островов, куда подошли и «*Санкюлот*» с «*Меркурием*». «*Са Ира*» затонул на рейде Специи. Английский трехпалубный корабль «*Иллюстриоз*» затонул в результате боя. Таким образом, каждая из сторон потеряла по два корабля. Это был первый бой на Средиземном море в эту войну.

Это событие оказалось удачным для республики. Эта плохо рассчитанная экспедиция могла иметь только печальный исход. Войска высадились и были отправлены в Ниццу, где очень пригодились два месяца спустя для обороны границы этого графства против атак австрийского генерала Венса. Эта затея стоила несколько миллионов, но не дала больших результатов. Великий герцог тосканский признал республику и в качестве посла отправил в Париж графа Карлети. Конвент принял его 14 марта 1795 г. Венецианская республика, отказавшаяся войти в коалицию и принявшая французского представителя, послала своим представителем Квирини. Назначение его послом состоялось 14 марта. Генуя закрепилась в своем положении нейтралитета. Неаполитанский король вступил в коалицию как только английская и испанская эскадры приобрели господство на Средиземном море; он во многом содействовал обороне Тулона. Но этот государь, так же как папа, король сардинский, герцоги моденский и пармский, должен был склониться перед авторитетом республики в кампанию 1796 г.

V

С 9-го термидора (27 июля 1794 г.) юг Франции был в большом возбуждении. Марсельский революционный трибунал отправил на эшафот весь именитый торговый люд этого города. Якобинцы имели еще большую власть; они жалели о гибели монтаньяров и были недовольны действовавшими законами. С другой стороны, волновались парижские секции. Население Тулона, все рабочие арсенала, экипажи эскадры шли за якобинцами; они с ненавистью смотрели на народных представителей Марьетта и Камбона, которых обвиняли в принадлежности к партии реакционеров.

В этой обстановке один французский корабль привел в Тулон захваченное испанское судно. На нем было человек 20 эмигрантов, главным образом членов семейства Шабрийян. Произошли шумные собрания в арсенале и на улицах; толпа народа направилась к тюрьмам, чтоб перерезать этих несчастных. Народные представители отправились в арсенал; они держали речи и в зале офицерского собрания и в мастерских

среди рабочих, обещали предать эмигрантов суду чрезвычайной комиссии и осудить в 24 часа. Но так как они сами были под подозрением, то их речи были дурно истолкованы. Один голос произнес во всеуслышание: «На фонарь покровителей эмигрантов!» День был почти на исходе; начинали зажигать фонари. Суматоха поднялась ужасная. Спешно прибыла национальная гвардия, но ее оттеснили. В это время начальник артиллерии заметил канониров, служивших под его начальством при осаде Тулона. Он взобрался на помост; канониры заставили отнестись с уважением к своему генералу и помогли восстановить тишину. Ему удалось произвести выгодное впечатление и успокоить страсти. Народные представители вышли из арсенала целыми и невредимыми. Но еще больший беспорядок царил на улицах. Начальник артиллерии отправился тогда к воротам тюрьмы. Он пообещал, что на следующий день с рассветом эмигранты будут преданы суду и суд разберет их дело. Ночью он распорядился усадить их в зарядные ящики парка и вывезти за город под видом артиллерийского транспорта. На Иерском рейде их ожидало судно, на которое они взошли и были таким образом спасены.

Брожение в Тулоне возрастало все более и более, и, наконец, 30 мая разразилось вооруженное восстание. Народные представители, находившиеся в городе, частью были арестованы, частью бежали. В Марселе народные представители одержали верх и двинулись против Тулона. Тулонцы вышли к ним навстречу с 3 000 человек и двумя пушками. На высотах Куж произошел бой. Победа клонилась на сторону тулонцев, пока не прибыл генерал Пакто с линейными войсками. Несколько дней спустя Тулон покорился. Эти события произошли через месяц после того, как Наполеон покинул Прованс.

VI

Правительственными комитетами был составлен список старших офицеров, которые должны были быть назначены на должности в кампанию 1795 г. Громадное число офицеров, удаленных из армии с конца 1792 г. и в 1793—1794 гг., получили службу. Оказалось много артиллерийских генералов, которых нельзя было никуда назначить. Наполеону тогда исполнилось двадцать пять лет, он был самый молодой из всех. Его занесли в список пехотных генералов, с правом перевода в артиллерию, когда откроется вакансия. Он был принужден покинуть итальянскую армию, когда Келлерман только что принял над ней командование. Он совещался с этим генералом в Марселе, сообщил ему все, что тот желал, и отправился в Париж. В Шатильон-сюр-Сен, у отца капитана Мармон, своего адъютанта, он узнал о событиях 1-го прериаля и решил переждать там несколько дней, пока в столице не восстановится спокойствие.

Прибыв в Париж, Наполеон представился Обри, члену Комитета общественного спасения, и сделал ему доклад о своей военной работе,

осведомив его, что он командовал артиллерией при осаде Тулона, был начальником артиллерии итальянской армии в течение двух лет, организовал береговую оборону Средиземного моря и что ему тяжело бросить род войск, в котором он служит с юности. Обри возразил, что артиллерийских генералов стало очень много, что он самый младший и, как только будет вакансия, его назначат. Несколько дней спустя Комитет общественного спасения дал Наполеону приказ отправиться в вандейскую армию для командования пехотной бригадой; в ответ он подал прошение об отставке.

Восемь дней спустя после того, как Наполеон подал в отставку и ожидал ответа из Комитета общественного спасения, Келлерман был разбит, потерял свою позицию у Сан-Джиакомо и написал, что, если ему срочно не помогут, он будет вынужден оставить даже Ниццу. Поднялась большая тревога. Комитет общественного спасения вызвал всех депутатов, побывавших в итальянской армии, чтобы получить от них сведения о положении дел на месте. Все они единодушно указали на Наполеона как на лучшего знатока позиций, занимаемых армией, и как на более всех способного указать, что следует предпринять. Он получил распоряжение явиться в Комитет. Он участвовал во многих совещаниях с Сиейесом и Дульсе-де-Понтекуланом, Летурнером и Жаном Дебри. Он составлял инструкции, которые были одобрены Комитетом. Он был назначен специальным декретом бригадным генералом артиллерии для особых поручений по руководству военными операциями, впредь до дальнейших распоряжений. Именно в этой должности он провел два или три месяца до 13-го вандемьера.

VII

19 мая 1795 г. Келлерман принял командование итальянской армией. Она была тогда на позициях, куда поставил ее Наполеон в октябре предыдущего года после боя у Кайро. Позиции эти были следующие: левый фланг тянулся от Аржентерского до Саббионского перевала; центр под командованием генерала Маккара занимал Саббионский перевал, Тендский перевал, Мон-Бернар, Танарелло, в составе 8 000 человек; правый фланг занимал перевал Термини, высоты Ормеа, проход Сан-Бернардо, Бардинетто, Сеттепани, Мелоньо, Сан-Джиакомо, Мадонна, Вадо; он состоял из 25 000 человек под начальством дивизионных генералов Серюрье, Лагарпа и Массена.

Венский двор был сильно встревожен боем у Кайро и расположением, какое было принято французской армией в конце 1794 г. С позиции у Вадо она угрожала Генуе, потеря которой давала возможность пройти в Миланскую область. Вена сосредоточила для кампании 1795 г. под командованием генерала Венса армию в 30 000 австрийцев для действий совместно с пьемонтской армией. Английская эскадра крейсировала у побережий Савоны и Вадо для содействия операциям австрий-

ского генерала, перенесшего свою главную квартиру последовательно в Акви, в Дего и оттуда двинувшегося на савонские возвышенности, которыми он и овладел 23-го; здесь он вошел в связь с английской эскадрой.

Генерал Венс разделил свою армию на три корпуса, которые покинули горы 23 июня. Правый, состоящий из пяти колонн, атаковал левый французский фланг от прохода Термини до высот Ормеа; центральный — двинулся тремя основными колоннами и атаковал все позиции от Бардинетто до Сан-Джиакомо; левый — атаковал правый фланг позиций у Вадо. 25-го и 26-го повсюду шел ожесточенный бой; французская армия сохранила свои позиции, кроме Мелоньского редута, прохода Спинардо и Сан-Джиакомского хребта. Владея Мелоньским редутом, противник угрожал центру армии. Эта позиция была удалена от Финале — на морском побережье — только на 2 лье. 27-го Келлерман, чувствуя всю важность обладания ею, приказал ее атаковать, но потерпел неудачу. 28-го он начал отступать, очистил Сан-Джиакомо, Вадо, Финале и занял временную позицию. 7 июля, получив приказы Комитета общественного спасения в ответ на его донесения от 24, 25, 26, 27 и 28 июня, он тотчас же начал устраиваться на позиции Боргетто.

Келлерман был доблестный солдат, чрезвычайно энергичный, имел много ценных качеств, но был совершенно лишен способностей, необходимых для главнокомандующего. Во время этой войны он делал только ошибки. Комитет послал ему замечания:

«Армия в 1794 г. растянулась до высот Танаро и вывела свой правый фланг через Бардинетто, Мелоньо, Сан-Джиакомо только для того, чтобы занять Вадо; выйти из Вадо ей следовало лишь для того, чтобы помешать австрийской армии установить связь с английской эскадрой и чтобы поспешить на поддержку Генуе, если противник направится на этот город или морем или через Бокеттский перевал. Армия занимала Вадо не как оборонительную, но как наступательную позицию, чтобы было больше возможностей напасть на противника, если он покажется на Ривьере. Как только австрийцы двинулись на Савону, армия должна была тотчас же выступить и начать бой, противодействуя им овладеть этим городом, и перехватить пути сообщения с Генуей. Поскольку она этого не смогла сделать, то: 1) ей следовало очистить Вадо для того, чтобы опереться своим правым флангом на Сан-Джиакомо; 2) когда же, вследствие результатов боя 25-го числа, противник овладел Мелоньо и хребтом Сан-Джиакомо, ей следовало ночью, воспользовавшись успехом, которого добился на ее правом фланге генерал Лагарп, эвакуировать Вадо и взять войска Лагарпа для атаки на Сан-Джиакомо и Мелоньо; эта атака увенчалась бы полным успехом; 3) когда 27-го числа Келлерман решился атаковать Мелоньо, было еще время перестроить правый фланг так, чтобы этот фланг принял участие в атаке. Этот маневр еще мог решить победу».

Эти замечания, написанные рукою мастера, очень изумили штаб, который, однако, скоро догадался, кем они были продиктованы.

На Западной Ривьере имеются для прикрытия графства Ницца и преграждения доступа на Ривьеру три линии, примыкающие правым флангом к морю и левым — к командующему хребту гор. Первой линией является линия Боргетто, вторая — линия Монте-Гранде, третья — линия Таджии. Наполеоном задолго до этого были обрекогносцированы эти три линии в сопровождении помощника бригадного генерала Сент-Илера, доблестного и отличного офицера, покрывшего себя затем славой в ста сражениях и умершего дивизионным генералом на полях Эслинга. Линия Боргетто примыкала правым флангом к морю, у с. Боргетто, в одном лье от Лоано, оканчиваясь холмом, господствующим над всей долиной Лоано, а левым — примыкала к отдельно стоящей громадной скале. Массена распорядился соорудить на этой скале редут, который в армии был назван *Малый Гибралтар* в воспоминание о форте Мюльграв в Тулоне; редут был напротив Шан-де-Претр. Оттуда пути сообщения шли по обрывистым горам до высот, господствующих над Ормеа, Лоано и Рокка-Барбона. Горы Сан-Бернардо и Гарессио находились вне этой линии и, естественно, принадлежали противнику. Эта линия чрезвычайно сильна. Протяжение ее 5—6 лье, но почти повсюду она недоступна. Атаковать ее можно только через Цуккарельский перевал, где имеется одноименный замок. Это был прекрасный боевой участок. В течение июля, августа и сентября Венс несколько раз намеревался атаковать эту линию, но ни разу не рискнул сделать это. От Цуккарелло линия уклоняется к Альбенга, проходя позади небольшого ручейка Арозия: это надежная позиция на случай, если часть линии от Цуккарелло до Боргетто будет форсирована.

Позиция Монте-Гранде, опирающаяся на перевалы Пиццо и Мецца-луна и примыкающая к морю позади Сан-Лоренцо, является линией значительно менее хорошей, но все-таки очень сильной. Та линия, которая опирается правым флангом на устье р. Таджия, центром на Монте-Сеппо и левым флангом на Ардентский перевал, является менее сильной, чем линия Боргетто, но более сильной, чем линия Монте-Гранде. Первая линия прикрывает Онелья и все позиции Ривьеры от Онелья до Боргетто. Вторая линия прикрывает Онелья и Ормеа и все выходы из долины Танаро. Третья прикрывает всю часть Западной Ривьеры от Онелья до Сан-Ремо. Особенностью этой линии является то, что она защищает Сан-Ремо, и в случае ее прорыва этот город можно оставить и опереться на Оспедалетто, между ним и Бордигера, образовав таким образом другую, не менее надежную линию. Противник может обойти первую линию через долину Танаро и, овладев Монте-Ариоло, угрожать затем нападением на Монте-Гранде и на Онелья, но Ормеа и Монте-Ариоло настолько близки от линии, что ее резервы могут служить для обороны и этой позиции. Ее можно обойти также через Тендский пере-

вал, но это повело бы к изменению театра военных действий. Противник не сможет произвести такого большого передвижения без того, чтобы об этом не стало известно, а тогда его можно атаковать на марше. Вторая линия и особенно третья имеют то преимущество, что их нельзя обойти по долине Танаро. Они примыкают к Тендскому перевалу. Перевалы Арденте и Танарда не только содействуют обороне Тендского перевала, но даже, на случай если Тендский перевал будет форсирован, перехватывают дорогу, ведущую в Ниццу. Следовательно, принимая во внимание оборону графства Ницца, линию Таджии нужно счесть за лучшую из всех потому, что можно сосредоточить все войска в недалеком расстоянии от Тендского перевала и оборонять его.

VIII

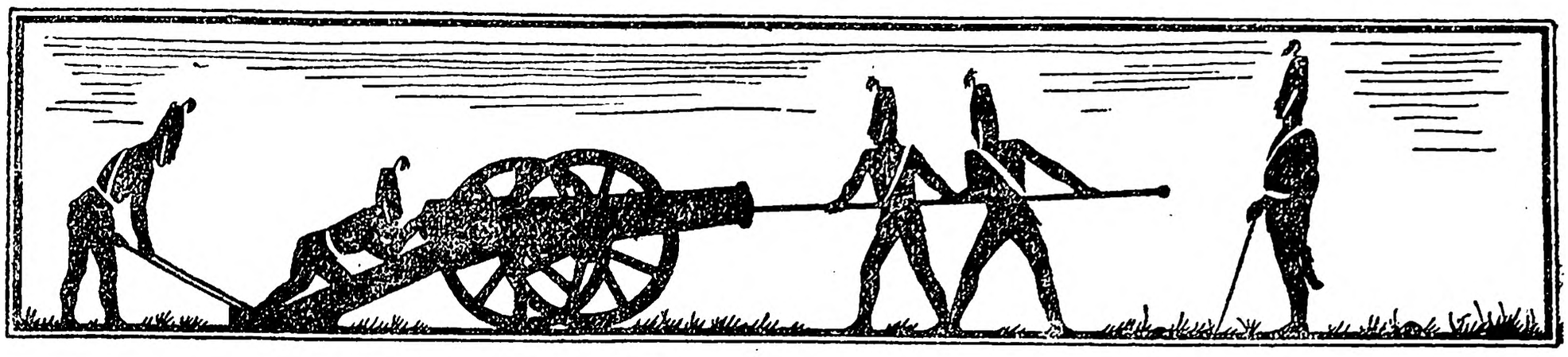
Правительство решило, что командование итальянской армией не под силу Келлерману. В сентябре оно назначило его главнокомандующим альпийской армией и вверило итальянскую армию генералу Шереру, бывшему главнокомандующему армией Восточных Пиренеев.

Шерер привел в Италию подкрепление из двух хороших дивизий. Австрийская армия также была усилена. Она не оправдала в кампанию 1795 г. возлагавшихся на нее надежд, но все же достигла важных успехов: овладела Сан-Джиакомской позицией и позицией Вадо, отрезала Геную и установила связь с английской эскадрой. В начале ноября французская армия занимала пятью дивизиями все ту же линию Боргетто: одна под начальством генерала Серюрье была в Ормеа, две дивизии под начальством генералов Массена и Лагарпа были в Цуккарелло и в Кастель-Веккио, а две под начальством генералов Ожеро и Соре — около Боргетто. В строю было 35 000—36 000 человек. Главная квартира австрийской армии была в Финале. Правый фланг армии, состоявший из пьемонтцев, находился в Гарессио; центр, под начальством Аржанто, — в Рокка-Барбона, а левый фланг, весь состоявший из австрийцев, — перед Лоано, где было возведено много редутов для обороны равнины. В армии было 45 000 человек. Осенние заболевания причинили ей, так же как и армии пьемонтской, значительные потери. Французская армия проявляла много забот, чтобы как-нибудь просуществовать. Наступившая осень побуждала к занятию зимних квартир. Шерер решился рискнуть на сражение, которое восстановило бы связь с Генуей и вынудило бы противника зимовать по ту сторону гор.

21 ноября вечером Массена перешел в наступление со своей дивизией и с дивизией Лагарпа. На рассвете он атаковал неприятельский центр, расположенный на Рокка-Барбона, сбил его, преследовал по пятам, сбросил в Бормиду, овладел Мелоньо и закончил день, выставив авангард на высотах Сан-Джиакомо. 22-го на рассвете Серюрье вступил в перестрелку с правым флангом противника и сковал всю пьемонт-

скую армию. Ожеро вышел через Боргетто, атаковал левый фланг противника и овладел всем его расположением. Противник быстро отошел на Финале и поспешно продолжал отступление на Савону, когда увидел, что Массена уже занимает сан-джиакомский холм. Серюрье, удержавший перед собой вдвое превосходящего противника, не неся сам больших потерь, был подкреплен 23-го двумя бригадами. 24-го он атаковал и отбросил пьемонтскую армию в укрепленный лагерь Чева. Армии австрийская и сардинская понесли очень чувствительные потери. Они оставили бо́льшую часть своей артиллерии, склады, обозы и 4 000 пленных. Австрийская армия покинула всю генуэзскую Ривьеру и ушла на другую сторону Апеннин. Та и другая армии перешли на зимние квартиры. Пути сообщения французов с Генуей были свободны. Главная квартира возвратилась в Ниццу. Так закончился 1795 год.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ[1]

1796—1797 гг.

ГЛАВА I[2]

СОСТОЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ в 1796 г.

По 1792 г. сардинский король владел Савойей, графством Ницца, Пьемонтом и Монферрато. Савойя и графство Ницца были у него отняты в кампании 1792, 1793, 1794 и 1795 гг., и французская армия заняла командующий гребень Альп. Пьемонт и Монферрато, лежащие между р. Тичино, пармскими владениями, Генуэзской республикой и Альпами, были населены 2 миллионами человек. Число подданных сардинского короля достигало 3 миллионов, включая сюда 500 000 сардинцев, 400 000 савойцев и жителей Ниццского графства. В мирное время армия сардинского короля насчитывала 25 000 человек. Его доходы были равны 25 миллионам. Во время кампании 1796 г. его армия, с помощью английских субсидий и при чрезвычайном напряжении всех сил, составляла 60 000 человек. Его войска закалились в долгой войне. Крепости Брунетто, Суза, Фенестрелла, Бар, Тортона, Кераско, Алессандрия и Турин были в хорошем состоянии, в достаточной степени вооружены и полностью снабжены продовольствием. Эти крепости, расположенные у горных перевалов, позволяли считать эту границу неприступной.

Генуэзская республика, к югу от Пьемонта ограниченная морем и состоявшая из Западной Ривьеры с ее побережьем в 30 лье и из Восточной с побережьем в 25 лье, насчитывала 500 000 жителей. Она в мирное

---

[1] Одиннадцать первых глав итальянской кампании напечатаны с оригинального текста с исправлениями, сделанными рукой Наполеона I.

[2] В первой главе опущено географическое описание Италии, как не представляющее сейчас особого интереса.

время имела армию только в 4 000 человек, но в случае нужды все генуэзские граждане становились солдатами, а кроме того, призывались 8 000—10 000 человек из императорских поместий и долин Фонтана-Буона. Небольшая крепость Гави обороняла Бокеттский перевал.

Республика Лукка, небольшая страна, расположенная вдоль Тосканского моря, имела 140 000 человек населения и 2 миллиона дохода. Герцогство Пармское, Пьяченца и Гуасталла имели 500 000 жителей. С ними около По граничили владения Модены. Ее военные силы составляли 3 000 человек, и доход был 4 миллиона.

Австрийская Ломбардия, отделенная от владений сардинского короля р. Тичино, от Швейцарии — Альпами, от герцогства Пармского — р. По и граничащая на востоке с владениями Венецианской республики, имела население в 1 200 000 человек. Главным городом ее был Милан; его цитадель была в хорошем состоянии. Эта часть Италии, принадлежащая Австрии, не имела вооруженной силы и даже платила налог за освобождение от рекрутских наборов. В Австрии имелся только один полк из итальянцев — полк Страсольдо. Павия, Милан, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя образовывали отдельные провинции Ломбардии. Укрепления Пиццигетоне на Адде были в плохом состоянии. Мантуя, хотя и запущенная, была хорошей крепостью.

Венецианская республика к западу имела австрийскую Ломбардию, к северу — Карнийские Альпы, отделявшие Тироль от Каринтии, к востоку — Каринтию, Карниоль, Истрию и Далмацию. Ее население состояло из 3 миллионов человек. Она могла выставить армию в 25 000 человек. Ее флот господствовал в Адриатическом море. У нее имелось 13 полков из славонцев; это были хорошие солдаты. Бергамо, Брешиа, Кремона, Полезино, Верона, Фельтре, Беллюно, Виченца, Падуя, Бассано, Тревиза, Фриуль были ее владениями на правом берегу Изонцо; Истрия и Далмация составляли ее владения на адриатическом побережье.

Великое герцогство Модена состояло из герцогств Реджио, Модена и Мирандола. Оно граничило с р. По, с герцогством Пармским, легатством Болонским и Тосканскими Апеннинами. Им управлял последний отпрыск дома Эсте. Наследницей была его дочь, жена эрцгерцога Фердинанда Австрийского. Герцог моденский был настоящий австриец. Войск у него имелось 6 000 человек, были арсенал, артиллерийский склад и богатая казна. Население в его владениях превышало 400 000 человек.

Тоскана, ограниченная Средиземным морем, Апеннинами, республиками Генуэзской и Луккской и владениями папы, имела 1 миллион населения. Ею владел эрцгерцог Фердинанд, брат императора. Войск у него было 6 000 человек, доходы равнялись 15 миллионам франков. Коммерческим портом был Ливорно. Великий герцог тосканский признал Французскую республику в 1795 г.; он придерживался нейтралитета и был в мире со всеми. Тоскана и Венецианская республика были единственными итальянскими державами, пребывавшими в мире с Францией.

Папские владения граничили с р. По, Тосканой, Адриатическим и Средиземным морями и Неаполитанским королевством. Их население было равно 2 500 000 человек, из которых в трех легатствах — Болонском, Феррарском и Романьском — было 900 000 человек, в Маркие и поместьях св. Петра, включая сюда и Рим, — 1 600 000 человек. Анкона, порт на Адриатическом море, был плохо укреплен. Чивита-Веккия, порт на Средиземном море, был укреплен хорошо. Папа имел армию в 4 000 или 5 000 человек.

Неаполитанское королевство, граничащее с папскими владениями и с морем, имело население в 6 миллионов человек, из которых 4 500 000 на континенте и 1 500 000 в Сицилии. Неаполитанская армия состояла из 60 000 человек, кавалерия была превосходна. Флот состоял из трех линейных кораблей и нескольких фрегатов.

Корсика принадлежала Франции с середины прошлого столетия. Ее население равно 180 000 человек; в то время Корсика была под властью Англии.

Остров Мальта имел население в 100 000 человек; им владел орден Мальтийских рыцарей.

Таким образом, в войсках у итальянских держав было 160 000 человек. Эту армию можно было легко увеличить до 300 000 человек. Итальянская армия была более сильна пехотой, чем кавалерией.

ГЛАВА II

СРАЖЕНИЕ У МОНТЕНОТТЕ

I. План кампании.— II. Состояние армий.— III. Прибытие Наполеона в Ниццу (27 марта 1796 г.). — IV. Сражение у Монтенотте (12 апреля). — V. Сражение у Миллезимо (14 апреля). — VI. Бой у Дего (15 апреля).—VII. Бой у Сан-Микеле (19 апреля). Сражение у Мондови (22 апреля). — VIII. Перемирие в Кераско (28 апреля). — IX. Следовало ли переправляться через По и удаляться от Франции? — X. Адъютант Мюрат проходит через Пьемонт и привозит в Париж известие о победах армии.

I

Сардинский король, прозванный по своему географическому и военному положению *привратником* Альп, имел в 1796 г. крепости у всех ведущих в Пьемонт перевалов. Чтобы проникнуть в Италию через Альпы, нужно было овладеть одной или несколькими из этих крепостей. Дороги не позволяли везти с собой осадную артиллерию. Горы были покрыты снегом три четверти года, и на осаду крепостей можно было уделить только очень короткое время. У Наполеона зародилась мысль обойти Альпы и вступить в Италию через такое место, где эти высокие

горы обрывались и где начинались Апеннины. Монблан является самой высокой точкой Альп, откуда цепь этих гор идет, понижаясь, к побережью Адриатического моря и также к побережью Средиземного моря до горы Сан-Джиакомо, где начинаются Апеннины, постепенно поднимающиеся к Риму. Гора Сан-Джиакомо, следовательно, является самой низкой точкой Альп и Апеннин — в том месте, где оканчиваются одни и начинаются другие. Савона, морской порт и крепость, была расположена так удачно, что могла служить складочным местом и опорным пунктом для армии. От этого города до Мадонны 3 мили. Там имелось шоссе. От Мадонны до Каркаре 6 миль. Эту дорогу можно было сделать проходимой для артиллерии через несколько дней. В Каркаре имелись колесные дороги, ведущие внутрь Пьемонта и Монферрато. Это место было единственным, по которому можно было войти в Италию, не встречая гор. Повышение местности здесь настолько незначительное, что впоследствии, во времена империи, возник проект построить канал для соединения Адриатического моря со Средиземным по рекам По, Танаро, Бормида и по системе шлюзов от Бормиды до Савоны. Проникая в Италию через Савону, Кадибону, Каркаре и р. Бормида, можно было отделить сардинскую армию от австрийской, потому что этот маршрут угрожал одинаково Ломбардии и Пьемонту. Можно было двинуться как на Милан, так и на Турин. Пьемонтцам было выгоднее прикрывать Турин, австрийцам — Милан.

II

Неприятельскими войсками командовал генерал Болье, отличный офицер, получивший известность в кампаниях на севере. Войска были хорошо снабжены. Они состояли из австрийцев, сардинцев и неаполитанцев, превышали (по численности) французскую армию вдвое и должны были постепенно увеличиваться пополнениями из неаполитанских, папских, моденских и пармских областей. Армия резко разделялась на две большие группы: австрийская армия в составе четырех пехотных дивизий (42 батальона, 44 эскадрона и 140 пушек), силою в 45 000 человек, под начальством генералов Аржанто, Меласа, Вукассовича, Липтая и Себоттендорфа, и сардинская армия, которая состояла из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 25 000 человек и 60 пушек. Последняя находилась под командой австрийского генерала Колли и генералов Провера и Ла-Тура. Остальные сардинские войска или составляли гарнизоны крепостей, или под командованием герцога Аостского оборонялиграницу от французской альпийской армии.

Французская армия состояла из четырех действующих пехотных и двух кавалерийских дивизий под начальством генералов Массена, Ожеро, Лагарпа, Серюрье, Стенжеля и Кильмэна. Армия имела 25 000 человек пехоты, 2 500 кавалерии, 2 500 артиллерии, сапер, хозяйственно-admini-

стративных частей и т. д., всего 30 000 человек. Вся армия насчитывала 106 000 человек, но 36 000 человек выбыли пленными, умершими и дезертирами. 20 000 находились в 8-м военном округе, неся службу в Тулоне, в Марселе, в Авиньоне и от устья Роны до устья Вара. Они могли быть использованы только для обороны Прованса. 50 000 человек стояли на левом берегу Вара. Из них 5 000 человек лежали в госпиталях, 7 000 человек состояли в запасных пехотных, кавалерийских и артиллерийских частях. Только 38 000 человек были в состоянии выступить в поход. 8 000 человек пехоты и артиллерии обслуживали гарнизоны Ниццы, Вильфранша, Монако, генуэзского и саорджиоского побережья и стояли в сторожевом охранении на командующем хребте Альп от Аржентерского перевала до Танаро. Кавалерия была в самом плохом состоянии. Хотя она и отдыхала долго на Роне, но и там с продовольствием дело обстояло плохо.

В арсеналах Ниццы и Антиба было много артиллерии, но недоставало перевозочных средств. Все упряжные лошади пали от голода. Финансы были истощены настолько, что, несмотря на все усилия, правительство могло дать армии только 2 000 луидоров золотом и на 1 миллион векселей, часть которых была протестована. В армии чувствовался во всем недостаток, и надеяться на получение чего-либо из Франции было нельзя. Армия должна была рассчитывать только на победу. Только в равнинах Италии могла она организовать свои транспорты, запрячь артиллерию, одеть солдат и ремонтировать кавалерию. Во французской армии было только 30 000 человек и 30 пушек. Ей противостояли 80 000 человек и 200 пушек. В генеральном сражении численная слабость, недостаток артиллерии и кавалерии не позволили бы ей долго сопротивляться. Следовательно, ей надо было восполнить недостаток численности быстротой, недостаток артиллерии — особым характером и качеством маневрирования, недостаток кавалерии — выбором соответствующих позиций. Моральное состояние французских солдат было превосходное. Они прославились и получили воинскую закалку на Альпах и Пиренеях. Лишения, бедность и нищета создают хорошего солдата.

III

Наполеон прибыл в Ниццу 27 марта. Армия, показанная ему генералом Шерером, оказалась еще хуже, чем можно было представить. Хлебом снабжали плохо, мяса не выдавали уже давно. Для перевозок было только 500 мулов. Нельзя было и думать везти с собой больше 30 пушек. Положение ухудшалось с каждым днем, нельзя было терять ни минуты. Армия не могла больше оставаться на месте; следовало или итти вперед, или отступать. Наполеон отдал приказ двинуться вперед, чтобы поразить противника внезапностью и ошеломить его решительными успехами. Главная квартира с начала войны ни разу не выхо-

Рис. 2. Генерал Бонапарт, главнокомандующий итальянской армией в 1796 г.

дила из Ниццы. Он и ее двинул в поход, направив в Альбенгу. Административно-хозяйственная часть всегда смотрела на себя как на неподвижное учреждение и больше заботилась о своих домашних удобствах, чем о потребностях армии.

Производя смотр войскам, Наполеон сказал: «Солдаты, вы раздеты, плохо питаетесь, правительство вам много задолжало и ничего не может дать. Ваше терпение и храбрость, которые вами выказаны среди этих скал, изумительны, но они не дают вам никакой славы, их блеск не отражается на вас. Я хочу повести вас в самые плодородные равнины мира. Богатые страны, большие города будут в вашей власти. Вы найдете там почести, славу и богатство. Солдаты итальянской армии, неужели нехватит у вас храбрости и выдержки?» Эта речь молодого, двадцатишестилетнего генерала, имя которого заставляло вспоминать действия под Тулоном, Саорджио и Кайро, была встречена одобрительными восклицаниями.

Для того чтобы обойти Альпы и вступить в Италию через Кадибонский перевал, следовало всю армию собрать на ее крайнем правом фланге. Это — опасная операция. Переход из состояния обороны в наступление есть одна из самых сложных операций. Серюрье со своей дивизией в Гарессио был поставлен для наблюдения за Колли около Чева, Массена и Ожеро — в Лоано, Финале и Савоне. Лагарп был расположен так, чтобы угрожать Генуе; его авангард, под командой бригадного генерала Червони, захватил Вольтри. Французский посланник потребовал в генуэзском сенате пропуска армии через Бокеттский перевал и ключей от форта Гави, заявив, что французы намерены проникнуть в Ломбардию и опираться в своих действиях на Геную. В городе поднялась суматоха: сенат, советы заседали непрерывно.

IV

Встревоженный Болье немедленно двинулся на помощь Генуе. Он перенес свою главную квартиру в Нови, разделив армию на три части: правый фланг, состоящий из пьемонтцев под командой Колли с главной квартирой в Чева, получил задачу оборонять реки Стуру и Танаро; центр под командой Аржанто, имея главную квартиру в Сасселло, двинулся на Монтенотте, чтоб отрезать французскую армию во время ее перехода к Генуе, обрушившись на ее левый фланг, и перехватить ей в Савоне корнишскую дорогу. Лично сам Болье с левым флангом двинулся через Бокетта на Вольтри для прикрытия Генуи.

На первый взгляд эти распоряжения кажутся очень разумными, но если разобраться в условиях местности, то становится ясно, что Болье разбросал свои силы потому, что между его центром и левым флангом не было путей сообщения, тогда как французская армия, наоборот, была расположена таким образом, что могла сосредоточиться в несколько часов и обрушиться на отдельные части противника.

Генерал Аржанто, командующий центром неприятельской армии, занял Нижнее Монтенотте 10 апреля. 11-го он выступил на Монтеледжино, чтобы через Мадонну выйти к Савоне. Полковник Рампон, назначенный для защиты трех редутов Монтеледжино, узнав о движении противника, выслал ему навстречу сильную разведку. Она возвратилась назад между 12 и 2 часами дня. Аржанто попытался ее захватить; три его последовательные атаки были отражены Рампоном. Так как его войска утомились, он занял позицию с расчетом на следующий день окружить редуты и взять их. Болье со своей стороны вышел 10-го к Генуе. В тот же день он атаковал генерала Червони перед Вольтри. Червони оборонялся целый день. 11-го числа он занял позицию на горе Фурш, вечером и ночью снялся с нее и присоединился к своей дивизии — к Лагарпу, занявшему 12-го до рассвета позицию позади Рампона на Монтеледжино. Ночью главнокомандующий с дивизиями Ожеро и Массена вышел через Брик-де-Менао и Кастелаццо за Монтенотте. С рассветом 12-го Аржанто, окруженный со всех сторон, был атакован Рампоном, Лагарпом и Массена; поражение было полным: войска противника были перебиты, взяты в плен или рассеяны небольшими партиями. Четыре знамени, пять пушек и 2 000 пленных составляли трофеи этого дня.

В то же самое время Болье появился в Вольтри. Там он уже никого не застал. Он завязал там беспрепятственно сношения с английским адмиралом Нельсоном. Только днем 13-го этот генерал узнал о разгроме под Монтенотте и о выходе французов в Пьемонт. Ему пришлось быстро отвести свои войска назад и снова двигаться по тем же плохим дорогам, какими его заставлял пользоваться принятый им план. Обход получился столь длинный, что только часть его войск могла два дня спустя прибыть в Миллезимо, и потребовалось 12 дней для эвакуации складов из Вольтри и Бокетта. Для обеспечения эвакуации ему пришлось оставить там часть войск.

V

12 апреля главная квартира армии прибыла в Каркаре. Пьемонтцы отступили на Миллезимо, а австрийцы на Дего. Эти две позиции имели связь через пьемонтскую бригаду, занимавшую высоты Биестро. В Миллезимо пьемонтцы стояли по обеим сторонам дороги, пересекающей Пьемонт. К ним присоединился Колли со всеми, кого он мог выделить с правого фланга. В Дего австрийцы стояли на позиции, защищающей дорогу в Акви — прямой путь в Миланскую область. К ним присоединился Болье с тем, что он вывел из Вольтри. Таким образом, два выхода в Пьемонт и в Миланскую область были прикрыты. Противник надеялся, что у него хватит времени укрепиться на них. Каковы бы ни были преимущества, полученные французами в результате сражения у Монтенотте, у противника оказывалось превосходство в ресурсах для

пополнения своих потерь. Но 14 апреля сражение у Миллезимо открыло обе дороги — и в Турин и в Милан.

Ожеро, образуя левый фланг армии, двинулся на Миллезимо, Массена с центром направился на Биестро и Дего, а Лагарп с правым флангом армии пошел на высоты Кайро. Таким образом, французская армия занимала 4 лье пространства от правого фланга к левому. Противник, заняв холм Коссерия, господствующий над обоими рукавами Бормиды, опирался на него своим правым флангом. 13-го генерал Ожеро, войска которого не участвовали в сражении под Монтенотте, ударил в правый фланг противника с такой стремительностью, что выбил его из миллезимских ущелий и окружил холм Коссерия. Австрийский генерал Провера с его арьергардом силою в 2 000 человек был отрезан. В этом безнадежном положении он отбивался отважно. Провера укрылся в старом разрушенном замке и там забаррикадировался. С этой высоты ему был виден правый фланг сардинской армии, подготовлявшийся к бою на следующий день. Провера надеялся, что эти войска его выручат. Главнокомандующий понимал необходимость овладеть замком Коссерия в тот же день, 13-го. Но замок оказался хорошо укрепленным, и взять его не удалось. На следующий день началось сражение. После упорного боя Массена и Лагарп захватили Дего, а Менар и Жубер — высоты Биестро. Все атаки Колли для выручки Коссерии были тщетны; он был разбит и преследуем по пятам. Тогда Провера сложил оружие. Неприятель, преследуемый по ущельям Спинье, по дороге в Акви, 400 всадниками 22-го конно-егерского, 7-го гусарского и 15-го драгунского полков, оставил 30 орудий, 60 зарядных ящиков, 15 знамен и 6 000 пленных, среди которых находились два генерала и 24 полковника. В наиболее решительные минуты главнокомандующий находился повсюду.

С этих пор обе армии, австрийская и сардинская, разделились. Больше перенес свою главную квартиру в Акви, по дороге в Миланскую область, а Колли направился в Чева прикрывать Турин.

VI

15 апреля, в 3 часа утра, в Дего прибыла австрийская гренадерская дивизия Вукассовича, направленная из Вольтри через Сасселло. На позиции было лишь несколько французских батальонов. Гренадеры легко захватили селение, и во французской главной квартире поднялась тревога. Трудно было понять, каким образом противник мог оказаться в Дего, когда аванпосты, выставленные на дороге в Акви, ничего не заметили. Наполеон двинулся туда. После двухчасового жаркого боя Дего был взят обратно, и неприятельская дивизия почти вся была пленена или перебита. Победу решил полковник штаба Ланюсс, впоследствии дивизионный генерал, павший смертью храбрых в 1801 г. на поле сражения у Александрии, в Египте. Во главе двух батальонов легких войск он взобрался по левому откосу холма Дего. Батальоны венгер-

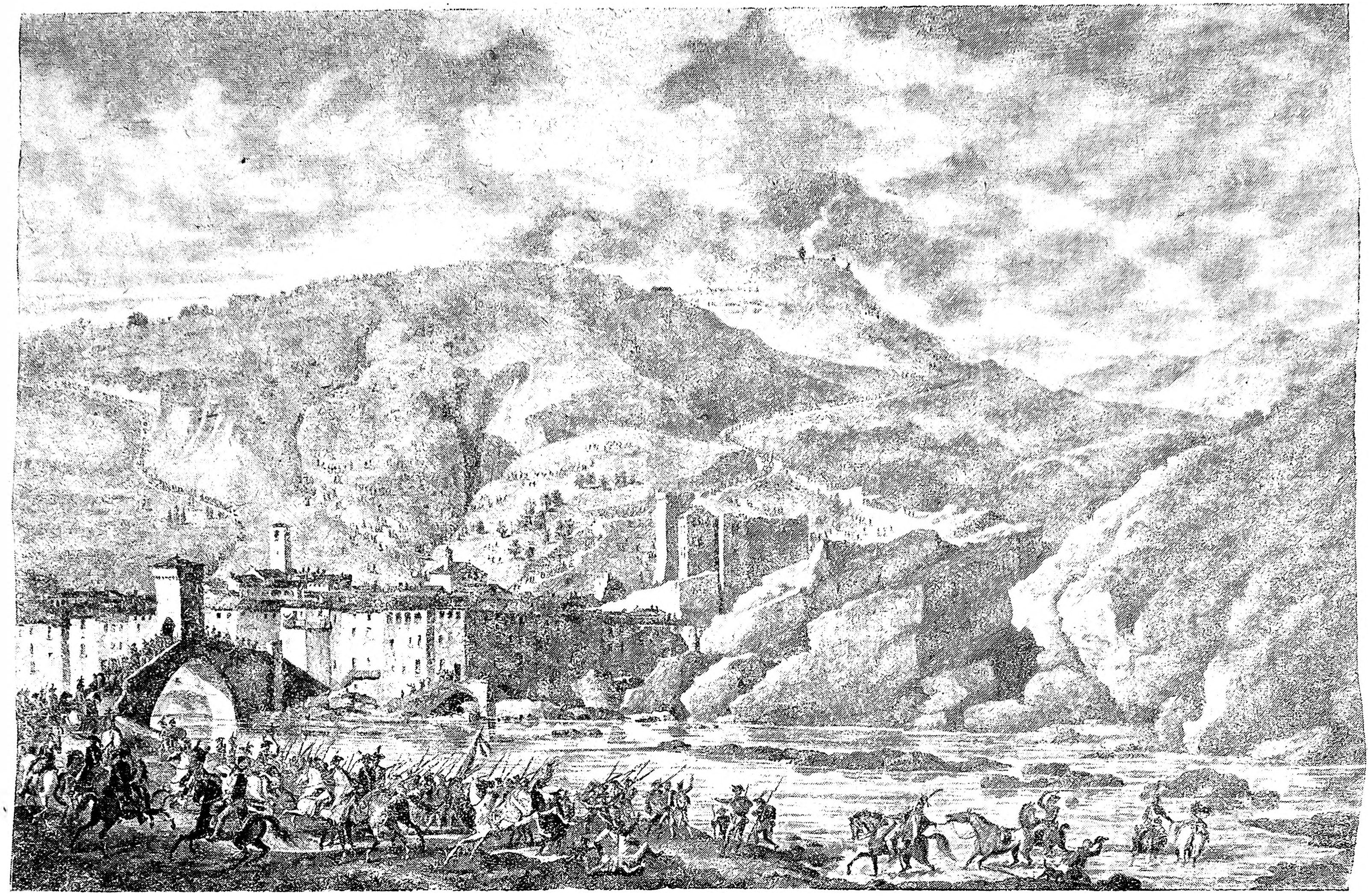

Рис. 8. Бой у *Миллезимо 14 апреля 1796 г.*

ских гренадер бросились, чтобы помешать их подъему. Обе французские колонны три раза принимались двигаться вперед и были отброшены назад. В третий раз Ланюсс, подняв шляпу вверх на конце своей шпаги, отважно выступил вперед, увлек всех и решил победу. За этот поступок, происшедший на глазах у главнокомандующего, он был награжден чином бригадного генерала. Генералы Косс и Банель были убиты. Они прибыли с Восточных Пиренеев. Офицеры, служившие в пиренейской армии, выказали исключительную храбрость.

В Дего Наполеон в первый раз заметил одного батальонного командира, которого назначил командиром полка, — это был Ланн, сделавшийся впоследствии маршалом империи, герцогом Монтебелло и показавший величайшие дарования. В дальнейшем он принял большое участие во всех событиях.

После сражения у Дего боевые действия были направлены главным образом против пьемонтцев. В отношении австрийцев удовольствовались тем, что оказывали им сопротивление. Лагарп наблюдал за Сан-Бенедетто на р. Бельбо. Болье занимался лишь сбором и переформированием остатков своей армии. Дивизия Лагарпа, принужденная задержаться несколько дней на этой позиции, страдала от недостатка продовольствия; у нее имелось мало средств для подвоза, и местность, где стояли войска, была истощена. В дивизии возникли беспорядки на почве грабежа.

Серюрье, узнав в Гарессио о сражениях у Монтенотте и Миллезимо, овладел высотою Сан-Джиованни-ди-Мюриальдо и вошел в Чева в тот же день, когда Ожеро прибыл на высоты Монте-Цемоло. 17-го Колли после безуспешного сопротивления очистил укрепленный лагерь Чева, переправился через Танаро и отошел за р. Курсалья, заняв правым флангом Мадонна-Вико. В тот же самый день главнокомандующий перенес свою главную квартиру в Чева. Противник бросил здесь полевую артиллерию, увезти которую у него не было времени, и ограничился тем, что оставил гарнизон в форту.

Прибыв на высоты Монте-Цемоло, армия залюбовалась величественным зрелищем: перед ней открывался вид на обширные и плодородные равнины Пьемонта; По, Танаро и другие реки извивались вдали. Пали, как бы по волшебству, чудовищные препятствия, казавшиеся гранью иного мира, которые создала такими грозными прихоть природы. «Ганнибал форсировал Альпы, — сказал Наполеон, устремив свой взор на эти горы, — а мы их обошли». Удачная фраза, выразившая в двух словах смысл и сущность кампании.

Армия переправилась через Танаро. Теперь, когда она в первый раз очутилась на равнине, почувствовалась необходимость иметь кавалерию; командовавший ею генерал Стенжель переправился через Курсалья у Лезеньо и произвел разведку местности. Главная квартира прибыла в замок Лезеньо, на правом берегу этой реки, около впадения ее в р. Танаро.

VII

19 апреля генерал Серюрье двинулся через мост Сан-Микеле, чтобы повести наступление на правый фланг армии Колли, а в то же время Массена переправился через Танаро для обхода ее левого фланга. Колли, понимая, что его позиция плоха, оставил ее в течение ночи и двинулся на правый фланг, чтобы расположиться у Мондови. Случайно перед Сан-Микеле он со своими силами очутился у переправы в то самое время, когда Серюрье проходил по мосту. Колли остановился, развернул численно превосходившие силы и вынудил Серюрье к отступлению. Однако Серюрье мог бы удержаться в Сан-Микеле, если бы один из его пехотных полков не бросился грабить. 22-го Серюрье перешел через мост в Торре, Массена — в Сан-Микеле и главнокомандующий — в Лезеньо. Эти три колонны направились на Мондови. Колли возвел уже здесь несколько редутов и занял позиции правым флангом в Мадонна-Вико и левым флангом в Бикок. Серюрье овладел Бикок и решил участь сражения у Мондови. Этот город со всеми складами попал в руки победителя.

Генерал Стенжель с отрядом всадников, превышавшим тысячу человек, преследуя противника, вошел в равнину и был атакован отважной пьемонтской кавалерией, бывшей в очень хорошем состоянии. Он отдал все необходимые распоряжения. Во время отхода, в рукопашной схватке, он пал, смертельно раненный сабельным ударом. Полковник Мюрат во главе трех кавалерийских полков отбросил пьемонтцев и в свою очередь преследовал их в течение нескольких часов. Генерал Стенжель, эльзасец, был превосходный гусарский офицер. Он служил под командой Дюмурье, был ловкий, толковый, проворный. В нем сочетались все качества молодости с качествами зрелых лет. Это был настоящий боевой генерал. За два или три дня перед смертью, когда он первым вошел в Лезеньо, туда несколькими часами позже прибыл главнокомандующий, и что бы последний ни потребовал, все было готово: дефиле, броды разведаны, проводник найден, священник и почтмейстер опрошены, сношения с жителями налажены, в различных направлениях высланы шпионы, письма с почты захвачены и те из них, которые могли дать сведения военного характера, переведены и просмотрены, приняты меры для оборудования складов. К несчастью, Стенжель был близорук, существенный недостаток в его профессии, оказавшийся для него роковым.

В этом сражении пьемонтцы потеряли 3 000 человек, восемь пушек, десять знамен, 1 500 пленных, среди которых трех генералов. После сражения у Мондови главнокомандующий двинулся в Кераско. Серюрье направился на Фоссано и Ожеро — на Альба. Болье из Акви с половиною своей армии двинулся на Ницца-делла-Палья для производства диверсии в пользу пьемонтцев, но слишком поздно. Узнав о перемирии в Кераско, он отошел на По.

Рис. 4. Сражение у Мондови 22 апреля 1796 г.

VIII

Эти три колонны одновременно вступили в Кераско, Фоссано и Альба. Главная квартира Колли была в Фоссано.

Кераско, расположенный у слияния Стуры и Танаро, был крепостью сильной, но плохо вооруженной и совсем без продовольствия. Обладать им было важно для армии. Тотчас же крепость стали приводить в состояние обороны. Французский авангард перешел Стуру и продвинулся вперед за небольшой городок Бра. Между тем подход Серюрье позволил связаться с Ниццей через Понте-ди-Нава, откуда стали прибывать материальная часть и подкрепления к артиллерии. Армия в этих боях захватила много пушек и лошадей. Много их было захвачено на равнине Мондови. Через несколько дней после вступления в Кераско армия имела 60 орудий с запасом зарядов и снарядов.

Солдаты, остававшиеся в течение десяти дней без продовольствия, стали получать его регулярно. Грабеж и бесчинства, обычное следствие быстрых передвижений, прекратились. Восстанавливалась дисциплина. Армия быстро изменила свой облик среди изобилия запасов, доставляемых этой прекрасной страной. Впрочем, потери не были так велики, как можно было думать. Быстрота движений, стремительность войск и особенно искусство противопоставлять их неприятелю по меньшей мере в равном, а часто и в превосходном числе, в соединении с постоянными успехами, которых войска добивались, — все это сберегло много людей. К тому же потери все время возмещались, так как солдаты прибывали через все перевалы, со всех сборных пунктов, едва только пронесся слух о победе. До сих пор бедность во французской армии была неописуема: офицеры в течение многих лет получали жалованье только по 8 франков в месяц, а штаб совершенно не имел коней. В бумагах маршала Бертье сохранился альбенгский приказ о выдаче в награду каждому дивизионному генералу по 8 луидоров.

Кераско лежит в 10 лье от Турина, в 15 — от Алессандрии, в 18— от Тортоны, в 25 — от Генуи и в 20 — от Савоны. Сардинский двор не знал, на что решиться: его армия пала духом и частью была уничтожена. Австрийская армия думала только о том, как прикрыть Милан. Весь Пьемонт был сильно возбужден. Двор не пользовался никаким доверием. Он склонился перед властью Наполеона и просил перемирия. Многие предпочитали, чтобы армия двинулась на Турин, но Турин был сильной крепостью, и нужны были тяжелые орудия, чтобы им овладеть. У короля оставалось еще много крепостей, и, несмотря на победы, которые были только что одержаны французами, малейшая их неудача могла все перевернуть вверх дном. Две соединившиеся неприятельские армии превосходили бы французскую армию: Они имели бы хорошую артиллерию и особенно кавалерию, еще не имевшую потерь.

Французская армия, несмотря на ее победы, была смущена. Успех казался загадочным. Офицеры, даже генералы, не понимали, как могли

думать о завоевании Италии с такой небольшой артиллерией, личный состав которой к тому же вследствие болезней и по мере удаления от Франции уменьшался с каждым днем. Следы таких настроений в армии нашли отголосок в приказе, с которым главнокомандующий обратился к солдатам в Кераско:

«Солдаты, в течение 15 дней вы одержали шесть побед, взяли 21 знамя, 55 пушек, много крепостей и завоевали самую богатую часть Пьемонта, вы захватили 15 000 пленных, убито и ранено вами 10 000 человек.

До этого времени вы дрались за бесплодные скалы, осененные вашей славой, но бесполезные для отечества. Ныне вы по вашим заслугам сравнялись с армией, завоевавшей Голландию и Рейн.

Лишенные всего, вы получили все. Вы выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, делали усиленные переходы без обуви, отдыхали без вина и часто без хлеба. Только республиканские фаланги, только солдаты свободы способны перенести то, что перенесли вы. Отечество возблагодарит вас, солдаты! Признательное отечество обязано вам своим процветанием, и если вы, тулонские победители, предвозвестили бессмертную кампанию 1794 г., то ваши теперешние победы предвещают еще более славную.

Обе армии, которые недавно были атакованы вами, бежали от вас. Люди, смеявшиеся над вашей нищетой, радовавшиеся успехам ваших врагов, смутились и трепещут.

Солдаты, вам осталось еще сделать немало. Ни Турин, ни Милан не взяты. Говорят, что среди вас встречаются такие, мужество которых ослабло, и они предпочитают вернуться на вершины Апеннин и Альп. Я не могу этому поверить. Победители Монтенотте, Миллезимо, Дего, Мондови горят желанием еще дальше распространить славу французского народа».

Совещание о перемирии происходило в главной квартире, в доме Сальматориса, в то время дворецкого сардинского короля, а впоследствии префекта дворца императора Наполеона. Пьемонтский генерал Ла-Тур и полковник Коста [1] участвовали как представители короля. Граф Ла-Тур был старый солдат, генерал-лейтенант сардинской службы, противник всяких новый идей, мало образованный и посредственный. Полковник Коста, уроженец Савойи, был в расцвете сил. Он легко изъяснялся, был умен и производил выгодное впечатление. Условия, выставленные французами, были следующие: король должен был выйти из коалиции и выслать полномочного представителя в Париж для заключения окончательного мира. Чева, Кони, Тортона или, взамен ее, Александрия должны были быть переданы французской армии со всей артиллерией и складами. Французская армия будет занимать всю местность, на-

---

[1] Начальник штаба пьемонтской армии. — *Прим. франц. ред.*

ходящуюся в ее обладании. Военные дороги во всех направлениях будут открыты для свободного сообщения из армии во Францию и обратно. Валенца немедленно передается французам до тех пор, пока не закончится переправа через р. По. Местная милиция разоружается, а регулярные войска возвращаются в гарнизоны.

Теперь австрийцев можно было преследовать в глубь Ломбардии, а войска алыпийской армии перевести в Италию. Связь с Парижем сокращалась наполовину. Были получены большие артиллерийские склады для формирования осадного парка и осады самого Турина, если Директория не одобрит мира.

IX

Вслед за заключением перемирия и по занятии крепостей Кони, Тортона и Чева возник вопрос, нужно ли итти вперед и до каких пор. Считали, что перемирие, по которому сдавались все крепости и пьемонтская армия отделялась от австрийской, было полезно. Но не выгоднее ли, прежде чем итти дальше, произвести сперва революцию в Пьемонте и Генуе?

Французское правительство могло предъявить ультиматум, но так далеко удалиться от Франции и переправиться через Тичино, не будучи уверенным за свой тыл, было опасно. Намерения сардинского двора были ясны. В нем господствовали дворяне и духовенство — непримиримые враги республики. Если бы французы двинулись вперед и потерпели неудачу, то неизбежно последовала бы их месть. Генуя вызывала большие сомнения. В ней господствовала олигархия, и приверженцы Франции, несмотря на их большое количество, не имели влияния на политику. Генуэзские буржуа были хорошими ораторами, но этим они и ограничивались. Управляли олигархи, они командовали войсками и располагали 10 000 крестьян долины Фонтана-Буона и другими, которых они призывали в случае нужды на свою защиту. Где же следовало остановиться после переправы через Тичино? Нужно ли было переправляться через Адду, Олио, Минчио, Адидже, Бренту, Павию, Тальяменто, Изонцо? Можно ли было оставлять у себя в тылу такое многочисленное и враждебно настроенное население? Не лучше ли было итти постепенно, устраивая опорные пункты, сменяя правительства и вверяя управление людям, придерживающимся одинаковых взглядов с французами? Если французы дойдут до венецианских владений, не будет ли вынуждена эта республика, располагающая 50-тысячным войском, перейти на сторону противника?

На это возражали: французская армия должна использовать свою победу. Она должна остановиться только там, где имеется наилучшая оборонительная линия против австрийской армии, которая обязательно выйдет из Тироля и Фриуля. Этой линией был Адидже: он прикрывает все долины р. По, пересекает всю Среднюю и Нижнюю Италию, изоли-

рует крепость Мантую, и, по всей вероятности, эту крепость можно будет взять раньше, чем армия противника будет в состоянии ей помочь.

То, что маршал Виллар не понимал этого основного принципа, извратило всю цель войны в 1733 г. Он находился в октябре во главе 50 000 человек, сосредоточенных в лагере Виджевано. Не имея перед собой неприятельской армии, он мог направиться, куда хотел. Он ограничился тем, что расположился на Олио, по обеим сторонам р. По. Спустя три месяца в Сераль прибыл Мерси. Маршал Куаньи из этого ничего не сумел извлечь. Он маневрировал поочередно то на одном, то на другом берегу По.

Если бы эти генералы изучили топографию Италии, то начиная с ноября Виллар занял бы позицию на Адидже, пересекая таким образом всю Италию, а Куаньи воспользовался бы своими победами для того, чтобы отправиться туда как можно быстрее.

На Адидже имеется возможность пополнять все потери армии, потому что население там легко может ее содержать.

Лучшее средство помешать Венеции выступить против Франции — угрожать ей войной. Она к войне не готова, и у нее не будет времени сформировать армию. Если армия останется на правом берегу Тичино, австрийцы принудят эту республику выступить вместе с ними. Сардинского короля можно не бояться: его ополчение распущено, англичане откажут ему в помощи, а внутреннее положение его страны в плохом состоянии. У него осталось только 15 000 — 18 000 человек. Разбросанные по городам, они едва достаточны для поддержания внутреннего спокойствия.

С другой стороны, недовольство венского двора против туринского кабинета будет возрастать. Вена будет упрекать Турин за то, что при первом же проигранном сражении он упал духом. Совсем не так действовал в 1705 г. Виктор Амедей после победы, одержанной Вандомом у Кассано, когда принц Евгений был отброшен на берега озера Изео, а три французские армии захватили все его владения и даже графство Ницца. У него оставался только Турин, и, однако, он продолжал поддерживать союз с Австрией. Он за это был вознагражден в следующем году Туринским сражением, когда к нему вернулись все его владения.

Генуэзских олигархов можно не бояться. Лучшая гарантия против их выступления — те громадные выгоды, которые они извлекают из своего нейтралитета. Прибыв на Адидже, армия сможет овладеть всеми государствами, принадлежащими австрийской династии в Италии, и всеми папскими владениями по эту сторону Апеннин, сможет провозгласить принципы свободы и возбудить итальянский патриотизм против иноземного господства. Лозунг единой Италии, провозглашенный в Милане, Болонье и Вероне, произведет волшебное действие. Провозглашенный же на правом берегу р. Тичино, он вызовет со стороны итальянцев вопрос: «А почему вы сами не двигаетесь вперед?»

X

Полковник Мюрат, первый адъютант главнокомандующего, был командирован в Париж с 31 знаменем и договором о перемирии. Его прибытие в Париж через Мон-Сенис с этими трофеями и актом о подчинении сардинского короля вызвало в столице радость. Адъютант Жюно, отправленный после сражения под Миллезимо по ниццской дороге, прибыл после Мюрата.

Провинция Альба, которую французы заняли, во всем Пьемонте была страной наиболее оппозиционной по отношению к королевской власти. Здесь раньше уже происходили волнения; несколько позже они повторились снова. Если пришлось бы продолжать войну с сардинским королем, именно здесь французы нашли бы себе поддержку.

Таким образом в течение двух недель первая часть плана была выполнена и были достигнуты большие результаты: пали пьемонтские крепости, и коалиция была ослаблена.

В течение месяца с начала этой кампании правительство пять раз выносило постановление, что итальянская армия хорошо послужила отечеству — в заседаниях 21, 22, 24, 25 и 26 апреля, — и каждый раз за новые победы.

Согласно условиям перемирия в Кераско, сардинский король отправил в Париж графа Ревеля для заключения окончательного мира. Он был заключен и подписан 15 мая 1796 г. По этому договору крепости Алессандрия и Кони передавались итальянской армии, Суза, Брунетто, Экзиль уничтожались и открывались альпийские перевалы. Это отдавало короля на милость республики, у него не оставалось более других укрепленных пунктов, кроме Турина и форта Бар.

ГЛАВА III

СРАЖЕНИЕ У ЛОДИ

Схема 3

I. Переправа через По (7 мая 1796 г.). — II. Бой у Фомбио (8 мая). Смерть генерала Лагарпа. — III. Перемирие с герцогом пармским (9 мая). — IV. Сражение у Лоди (10 мая). — V. Вступление в Милан (15 мая). — VI. Перемирие с герцогом моденским (17 мая). — VII. Бертье. — VIII. Массена. — IX. Ожеро. — X. Серюрье.

I

Крепости Кони, Тортона и Чева были взяты французами в первые дни мая. Массена двинулся со своей дивизией на Алессандрию и захватил здесь много складов, принадлежавших австрийской армии. Главная квартира прибыла в Тортону, проследовав через Альбу, Ницца-делла-

Палья и монастырь Боско. Тортона была очень хорошей крепостью; в ней было много орудий и боевых припасов.

Болье в отчаяньи отступил за р. По для прикрытия Милана. Он рассчитывал защищать переправу через По напротив Валенцы, и если эта переправа будет форсирована, то оборонять переправу через Сезию и через Тичино. Он расположил свои войска на левом берегу р. Агонья, у Валеджио. Здесь он был усилен резервной дивизией из десяти батальонов, и его армия снова сравнялась с французской. В Валенце французы должны были произвести переправу через По. В заключенном в Кераско перемирии один параграф предусматривал передачу этого города французам для производства ими здесь переправы через реку. Массена, прибыв в Алессандрию, тотчас же выдвинул части в направлении Валенцы.

Ожеро вышел из Альба и расположился у устья Скривии. Серюрье направился в Тортону, куда Лагарп прибыл по аквийской дороге. Из гренадеров, собранных со всей армии в числе 3 500 человек, было сформировано десять батальонов. С этими отборными войсками, кавалерией и 24 пушками Наполеон направился усиленными переходами к Пьяченце, чтобы захватить там переправу через По. После переправы остальные французские войска должны были передвинуться к Пьяченце.

7 мая, в 9 часов утра, Наполеон прибыл к этому городу, сделав 16 лье в 36 часов. Он выехал на берег реки, где оставался до тех пор, пока переправа не была закончена и авангард не расположился на левом берегу. Паром поднимал 500 человек и 50 лошадей и совершил переправу в полчаса. Артиллерийский полковник Андреосси, начальник понтонного парка и полковник штаба Фронтен захватили на участке р. По от Кастель-Сан-Джиованни до Пьяченцы десять судов с 5 000 раненых и с медикаментами австрийской армии. Полковник Ланн переправился первым с 900 гренадер. Два эскадрона неприятельских гусар тщетно пытались противодействовать высадке. Несколько часов спустя весь авангард переправился на тот берег. В ночь с 7-го на 8-е прибыла вся армия. 9-го была закончена наводка моста. 7-го вечером генерал Лагарп, командующий гренадерами, расположил свою главную квартиру в Качина-Деметра, между Фомбио и р. По. Эта река в Пьяченце имеет очень быстрое течение; ширина ее 250 туазов. Переправа через такую реку является очень ответственной операцией.

II

Австрийская дивизия Липтая, силою в восемь батальонов и восемь эскадронов, выйдя из Павии, прибыла ночью в Фомбио, находящееся в одном лье от Пьяченцы. 8-го в 1 час дня было замечено, что колокольни и дома селения забаррикадированы и заняты войсками и что на шоссе, пересекающем рисовые поля, расставлены пушки. Выбить противника из Фомбио было необходимо. К нему могли подойти подкрепления,

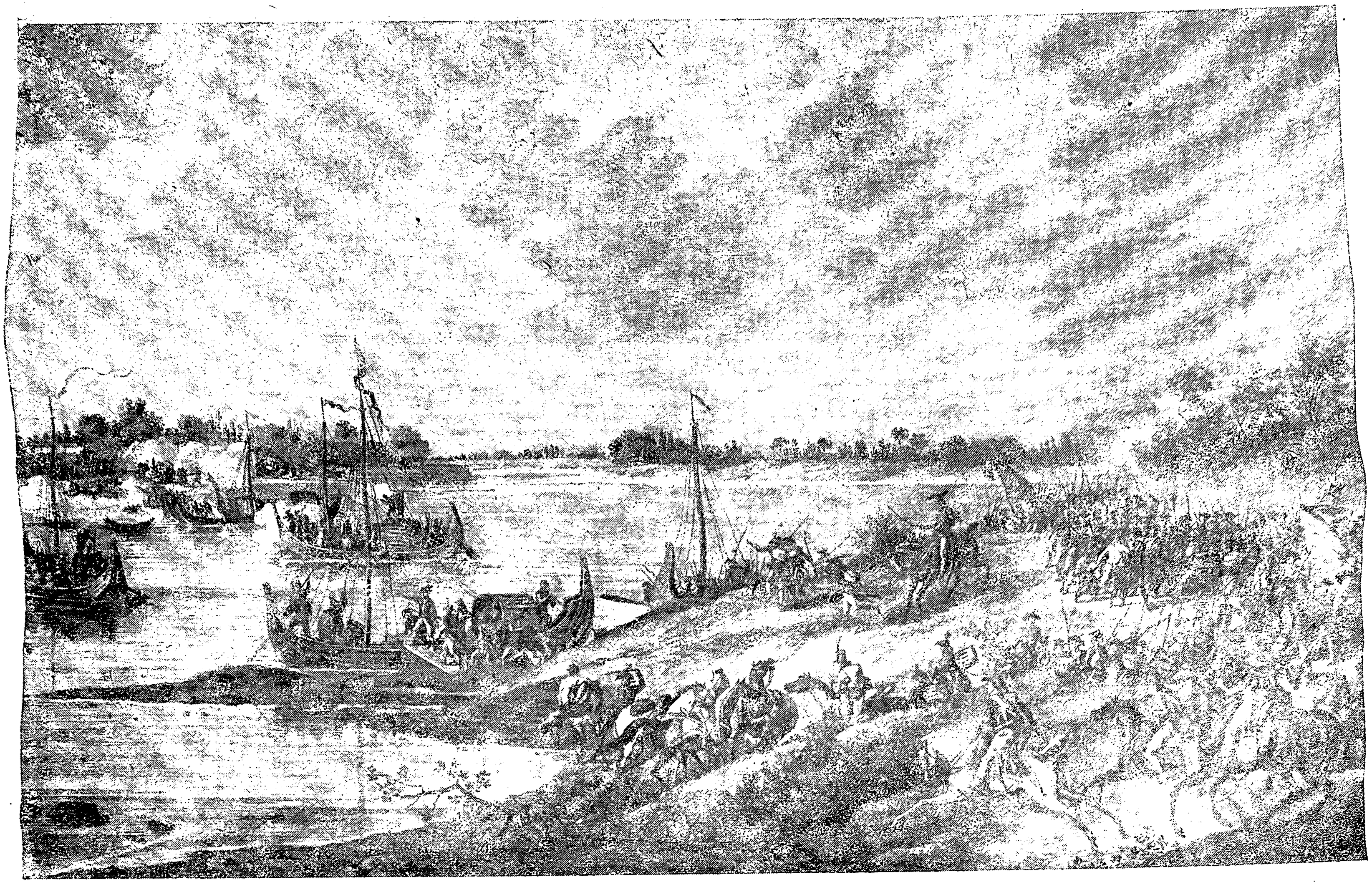

Рис. 5. Переправа французов через р. По 7 мая 1796 г.

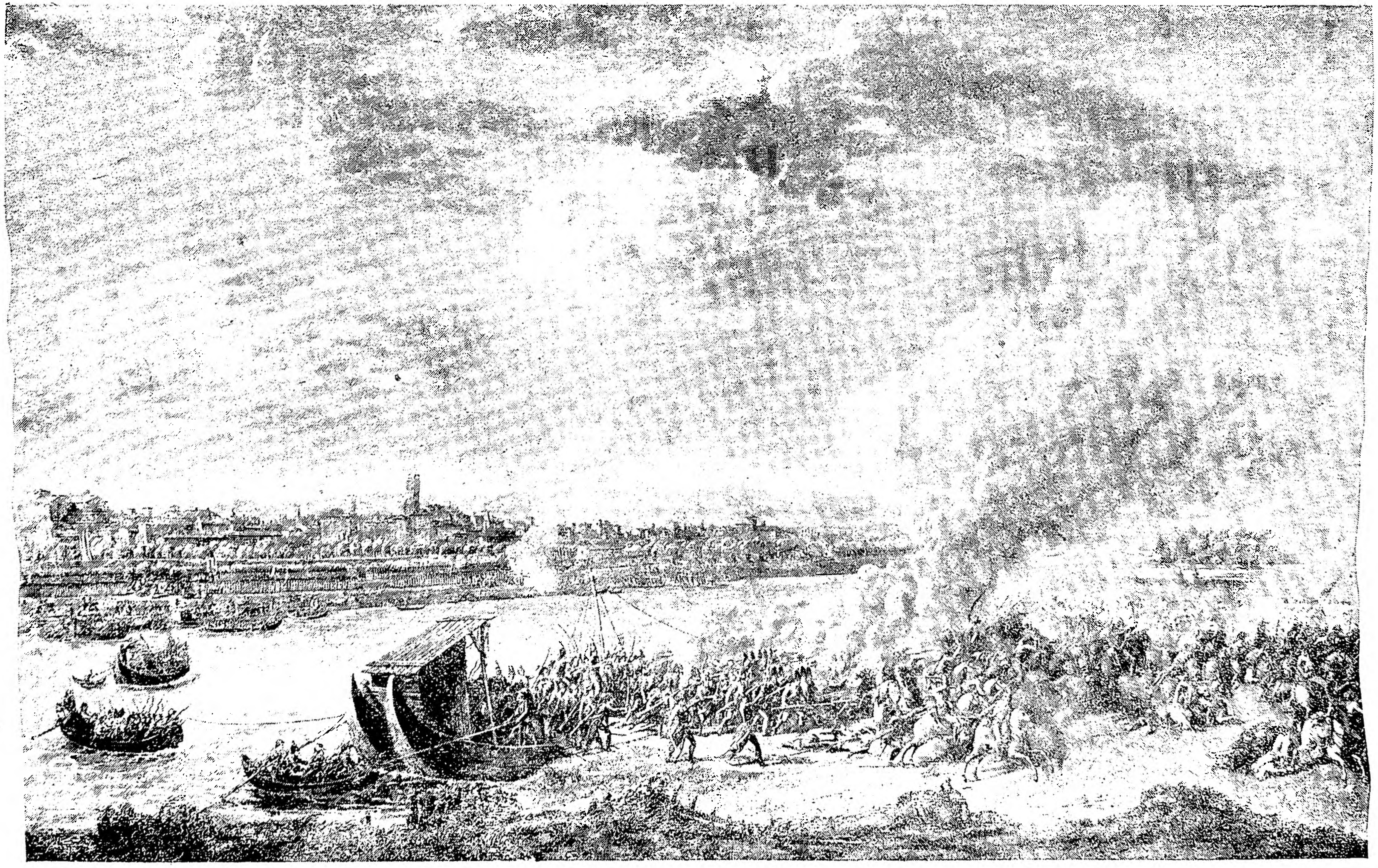

Рис. 6. Переправа французов через р. По. Бой на левом берегу реки 7 мая 1796 г.

и было бы опасно вести бой, имея позади реку. Наполеон отдал необходимые распоряжения. Ланн повел атаку на левый фланг, Ланюсс — на центр, Даллемань — на правый фланг. В течение часа селение было взято. Австрийская дивизия была опрокинута, потеряла свои пушки, 2 000 пленных и три знамени. Те, что остались целыми, бросились в Пиццигетоне и переправились через р. Адду. Крепость Пиццигетоне была вооружена только несколько дней тому назад. Она была далеко от театра военных действий, и противник о ней не беспокоился. Липтай все-таки успел развести подъемный мост и расставить на валу полевые пушки. Французский авангард остановился с наступлением ночи в селении Малео. Лагарп отошел назад, чтобы стать впереди Кодоньо, прикрывая дороги из Павии и из Лоди.

От захваченных пленных узнали, что Болье двигался со своей армией к Фомбио. Думали, что некоторые его части, не зная о происшедшем бое, придут на ночевку в Кодоньо. Об этом было сделано предупреждение. Отдав распоряжение о бдительности, главнокомандующий вернулся в Пьяченцу, в главную квартиру. В течение ночи Массена переправился через По и расположился в резерве у моста, чтобы поддержать в случае нужды Лагарпа.

Что предвидели, то и случилось. Движение войск из Тортоны в Пьяченцу нельзя было скрыть от Болье. Он двинул свои войска для занятия местности между Тичино и Адда, надеясь прибыть во-время к Пьяченце, чтобы помешать переправе через реку. Он знал, что у французов совсем не было понтонного парка. Один из его кавалерийских полков, находившийся впереди колонны, появился у аванпостов генерала Лагарпа, по дороге на Павию, и поднял тревогу. Французы взялись за оружие. После нескольких залпов все стихло. Однако Лагарп в сопровождении патруля и нескольких офицеров направился вперед, чтобы удостовериться, что произошло, и лично расспросить обитателей ближайших домов на дороге. Они ему сказали, что эту тревогу произвел кавалерийский полк, не знавший о переправе французов через По. Лагарп поехал обратно, но, вместо того чтобы возвращаться по шоссе, к несчастью, поехал по тропинке. Солдаты, не узнав генерала, встретили его беглым огнем. Лагарп упал замертво; он был убит своими солдатами. По происхождению он был швейцарец из кантона Во. Это был офицер выдающейся храбрости, гренадер ростом и духом; в армии он пользовался большой популярностью. Его смерть стала известной в главной квартире в 4 часа утра. Немедленно в эту дивизию был выслан Бертье. Он застал войска в состоянии отчаянья.

III

Войдя в Парму, Наполеон при переправе через Треббию принял послов герцога с просьбой о мире и покровительстве. Герцог пармский не имел никакого политического значения: захватывать его владения

не было никакой выгоды. Наполеон оставил его управлять герцогством, возложив на него в то же время и все те повинности, какие могла выполнить страна. Такое решение было самым простым и самым разумным. Утром 9 мая в Пьяченце было подписано перемирие. Герцог уплачивал 2 миллиона деньгами, доставлял армии огромное количество хлеба, овса и т. д., выставлял 1 600 артиллерийских и кавалерийских лошадей и принимал на себя издержки по обслуживанию военных дорог и госпиталей, находящихся в его владениях. Наполеон произвел реквизицию некоторых предметов искусства для парижского музея — пример, встречаемый в истории впервые. Парма дала 20 картин по выбору французских комиссаров. Среди них находился знаменитый *Св. Иероним*. Герцог предлагал 2 миллиона, чтобы сохранить у себя эту картину, и уполномоченные армии очень склонялись к такой замене. Главнокомандующий же сказал, что от 2 миллионов, которые дадут, не останется вскоре ничего, тогда как подобный шедевр украсит Париж на многие столетия и вызовет появление других подобных же шедевров.

Герцогства Пармское, Пьяченцское и Гвастальское были во владении дома Фарнезе. Елизавета, сестра Филиппа V, единственная наследница этого дома, передала эти герцогства Испании. Дон-Карлос, ее сын, получил их во владение в 1714 г. Впоследствии, когда он занял неаполитанский престол по Аахенскому договору 1748 г., эти страны перешли к Австрии, потом они были отданы инфанту дону Филиппу. С 1762 г. ими владел его сын Фердинанд. Это был известный воспитанник Кондильяка, умерший в 1802 г. Он жил в замке Колорно, окруженный монахами, и тщательно выполнял все религиозные обряды.

IV

Армия собрала в Пьяченце 400 артиллерийских лошадей. 10-го она выступила из Казаль-Пустерленго на Лоди, где Болье сосредоточил дивизии Себоттендорфа и Розельмини, а Колли и Вукассовича направил на Милан и Кассано. Судьба этих войск зависела теперь от быстроты движения. Можно было отрезать их от Олио и взять в плен, но в одном лье от Казаля французский авангард обнаружил сильный австрийский арьергард из гренадер, выгодно расположившийся для обороны лодийского шоссе. Пришлось прибегнуть к маневрированию. Наконец в ряды противника было внесено смятение. Он был преследуем по пятам до Лоди. Эта крепость была обнесена стенами. Неприятель попытался запереть ворота, но французские солдаты проникли туда вперемежку с беглецами. Болье выставил 25—30 пушек для обороны моста, но французы немедленно противопоставили ему столько же.

В австрийской линии было 12 000 пехотинцев и 4 000 кавалеристов. Вместе с 10 000 человек, отступившими на Кассано, с 8 000 человек, дравшимися в Фомбио и укрывшимися остатками их в Пиццигетоне,

и с 2 000 человек гарнизона миланского замка это давало 35 000—36 000 человек.

Наполеон в надежде отрезать дивизию, двигавшуюся на Кассано, решил перейти через р. Адда по мосту в тот же самый день под огнем противника и изумить его такой смелой операцией. С этой целью после нескольких часов отдыха в Лоди, около пяти часов вечера, он приказал генералу Бомону, командующему кавалерией, переправиться через Адду в полулье вверх по течению, где находился брод. После перехода на тот берег он должен был начать орудийную перестрелку с легкой батареей на левом фланге противника. В то же время у моста и по краю правого берега он выставил всю артиллерию армии. Позади городского вала он поставил колонну гренадер. Как только Наполеон заметил, что огонь противника ослабел, а голова французской кавалерии начала выстраиваться на левом берегу и этот маневр вызвал у противника некоторое беспокойство, он приказал атаковать. Голова колонны гренадер простым полуоборотом налево очутилась на мосту, беглым шагом в несколько секунд перешла через мост и немедленно овладела неприятельскими пушками. Колонна подверглась обстрелу противника только в момент, когда перестраивалась для прохождения через мост. Она не понесла потерь, потому что в одно мгновение проскочила на другой берег. Она обрушилась на противника и заставила его отступить на Крему в величайшем беспорядке, с потерей артиллерии, большого количества знамен и 2 500 пленных. Эта столь энергичная операция, произведенная под убийственным огнем, считается военными одной из самых блестящих за все время войны. Французы потеряли не больше 200 человек, а противник был разгромлен [1].

Но Колли и Вукассович переправились через Адду у Кассано и отходили по шоссе в Брешиа; это и заставило французов двинуться на Пиццигетоне. Они считали нужным преследовать противника, чтобы не дать ему времени вооружить эту крепость и снабдить ее продовольствием. Как только ее окружили, она сдалась. В ней было 300 человек, которыми противник пожертвовал, чтобы обеспечить свой отход.

Наполеон, делая ночной обход, встретился с биваком пленных, где был один старый венгерский офицер. Наполеон спросил его, как шли у них дела. Старый капитан не мог не признаться, что все шло очень плохо. «Но, — прибавил он, — здесь нет возможности что-либо понять;

---

[1] В «Дневнике св. Елены» изложено так: «Вандемьер и даже Монтенотте, — сказал император, — не побуждали еще меня смотреть на себя, как на необыкновенного человека. Только после Лоди у меня появилась мысль, что я мог бы сделаться, пожалуй, решающим лицом на нашей политической арене. Первая искра честолюбия зародилась тогда» («Дневник св. Елены», Лаказ, ч. I, стр. 193, изд. 1823 г.). Об этом же говорится в «Рассказах о плене»: «Именно вечером у Лоди я уверовал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для совершения великих дел, которые до тех пор представлялись мне фантазией» («Рассказы о плене императора Наполеона на о. св. Елены» генерала Монтолона, т. II, Париж, 1847, стр. 424). — *Прим. франц. ред.*

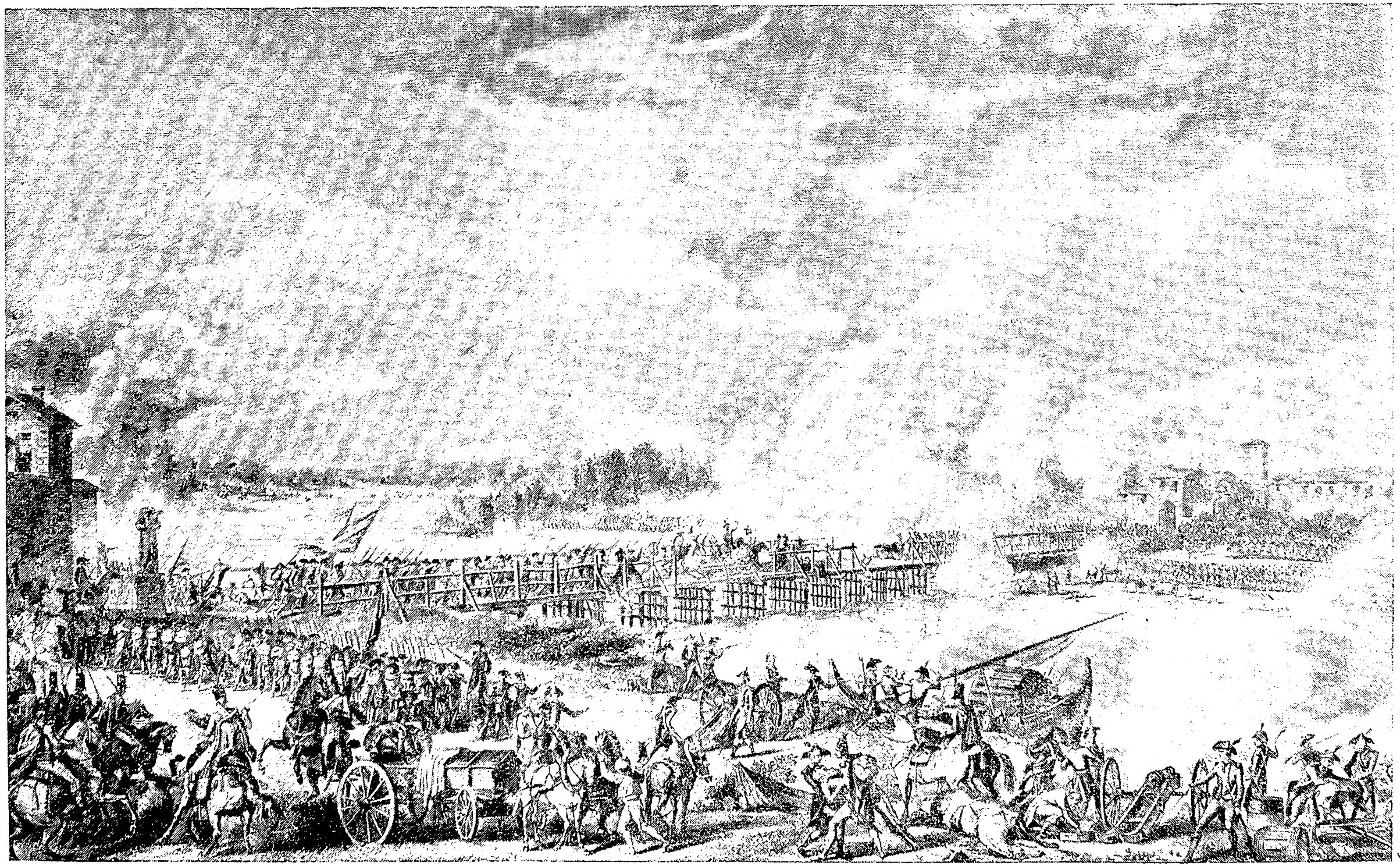

Рис. 7. Переправа французов через р. Адду по мосту в Лоди 10 мая 1796 г.

мы имеем дело с молодым генералом, который всегда тут как тут, то в нашем тылу, то на нашем фланге. Такой способ действий на войне невыносим и противоречит всем правилам».

Французская легкая кавалерия вошла в Кремону после лихой атаки и преследовала австрийский арьергард до Олио.

V

Ни одна французская часть еще не вошла в Милан, хотя эта столица уже оказалась в тылу армии, расположившейся на стоянках в Кремоне. Австрийские правительственные учреждения были эвакуированы в Мантую. Город охранялся национальной гвардией. Муниципалитет прислал в Лоди депутацию, во главе которой стоял Мельци. Эта депутация торжественно заявила о своем подчинении.

15 мая Наполеон въехал в Милан через триумфальную арку среди народа и национальной гвардии города. Начальником ее был избран герцог Сербеллони.

Ожеро занял Павию, Серюрье — Лоди и Кремону, дивизия Лагарпа — Комо, Кассано, Лукко. Легкие войска расположились на р. Олио. В Лоди, Кассано, Лукко и Пиццигетоне были построены предмостные укрепления, их вооружили и снабдили продовольствием.

В Милане Наполеон отдал приказ:

«Солдаты, вы с высоты Апеннин устремились, как горный поток. Вы опрокинули и рассеяли все, что противостояло вашему движению.

Пьемонт, освобожденный от австрийской тирании, отдался естественным чувствам мира и дружбы с Францией.

Милан ваш, и республиканский флаг развевается над всей Ломбардией.

Герцоги пармский и моденский обязаны своим политическим существованием только вашему великодушию.

Армия, угрожавшая вам, не находит больше места, где бы она могла укрыться от вашей храбрости. По, Тичино, Адда не задержали вас ни на один день. Эти оплоты Италии оказались недостаточно сильными; вы их так же быстро преодолели, как и Апеннины.

Эти успехи обрадуют родину. Ваши представители в Конвенте установили праздник в честь ваших побед. Ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши сестры, ваши возлюбленные будут радоваться вашим успехам и гордиться тем, что они вам близки.

Солдаты, вы много сделали. Но значит ли это, что больше уже нечего делать? Не скажут ли о нас, что мы сумели победить, но не сумели воспользоваться победой? Не упрекнет ли нас потомство, что в Ломбардии мы нашли Капую? Но я уже вижу, как вы хватаетесь за оружие. Покой вас тяготит. Дни, потерянные для славы, потеряны и для вашего счастья. Итак, идем, нам еще предстоят усиленные переходы, чтобы победить врага, покрыть себя лаврами и отомстить злодеям!

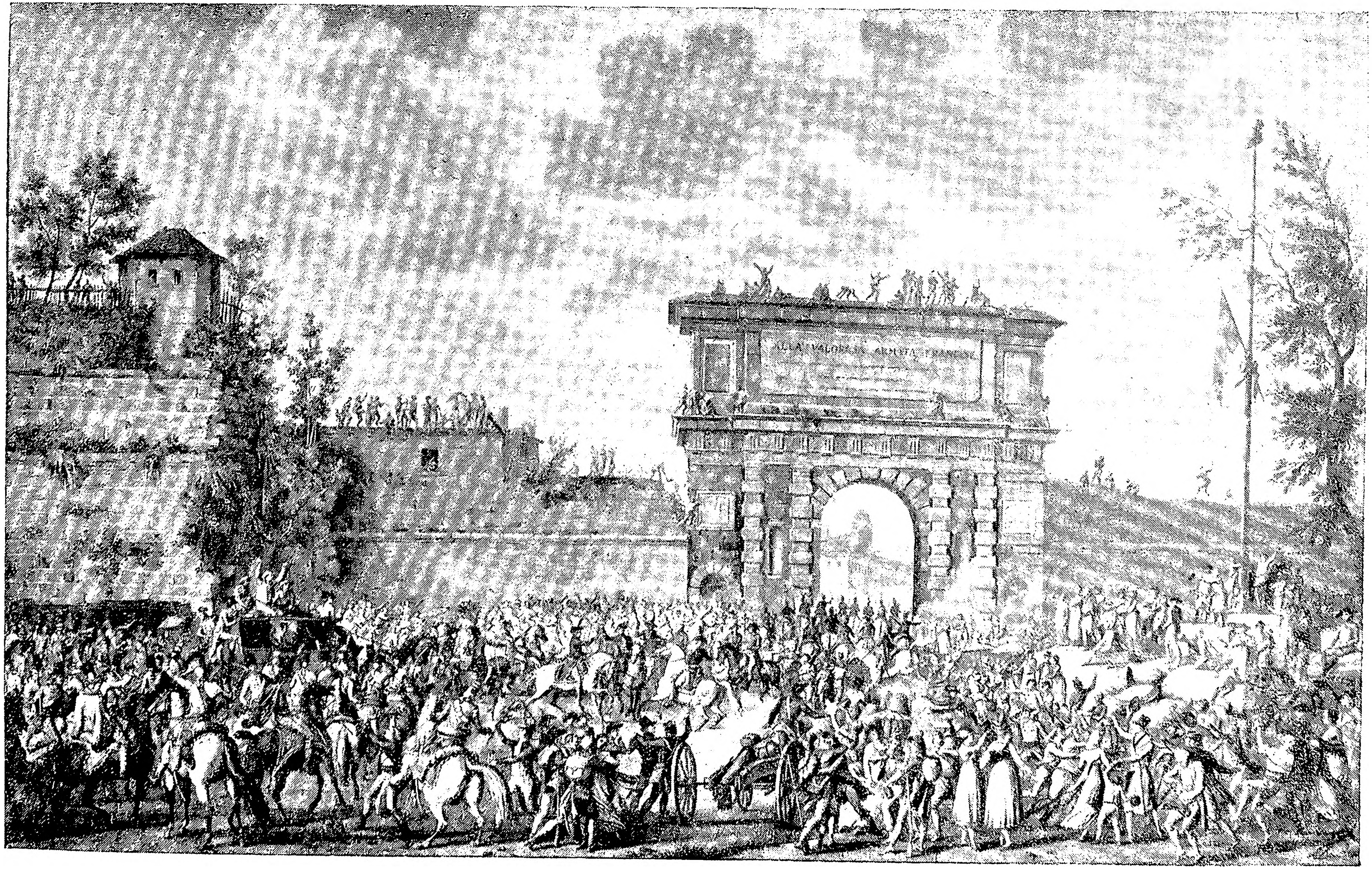

Рис. 8. Вход французов в Милан 15 мая 1796 г.

Пусть трепещут те, кто занес над Францией меч войны, кто подло избивал наших посланников и сжигал наши суда в Тулоне: час отмщения настал!

Но народы пусть не беспокоятся. Мы — друзья всем народам и особенно верные друзья потомкам Брутов, Сципионов и великих людей, которых мы принимаем за образец. Восстановить Капитолий, водрузить там статуи героев, сделавших его знаменитым, пробудить римский народ, окоченевший от векового рабства, — таковы плоды наших побед. Они создадут эпоху в истории. Вам будет принадлежать бессмертная слава за то, что вы изменили лик самой прекрасной страны в Европе.

Французский народ, свободный, уважаемый всем светом, даст Европе мир, который возместит жертвы, приносимые в течение шести лет. Вы вернетесь к своим очагам, и ваши сограждане будут говорить, указывая на вас: «Он был в итальянской армии!»

Армия использовала эти шесть дней отдыха для улучшения материальной части. Пьемонт и Парма доставили все, но еще более значительные запасы оказались в Ломбардии. Это позволило выплатить жалованье и удовлетворить все нужды.

Милан расположен среди одной из богатейших равнин мира — между Альпами и реками По и Адда. Его население равнялось 120 000 человек. Крепостная стена была окружностью в 10 000 туазов. В нем имелось десять ворот и 140 монастырей. Посредством канала он связан с реками Тичино и Адда. Их воды поступают в Милан при помощи шлюзов. Другой канал был сооружен во времена королевской власти в Италии для соединения Милана с Павией и для установления прямого сообщения с р. По и чтобы способствовать сообщениям с Генуей. Транспорт с генуэзскими товарами гужом следовал до Камбио на р. По, а оттуда товары грузились на суда и спускались по этой реке и через Нижнее Тичино прибывали в Павию, где перегружались для Милана. Посредством нового канала товары продолжали итти водой до Милана и оттуда отправлялись на Адду.

Милан был основан в 580 г. до нашей эры. Этот город подвергался 40 раз осаде, 20 раз его брали с боя. Четыре раза он целиком был разрушен. Его цитадель построена на развалинах дворца Висконти.

Милан был столицей австрийской Ломбардии, разделявшейся на семь провинций: Милан, Павия, Варезе, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя. Ломбардия имела особые привилегии. Австрийский император назначал сюда в качестве генерал-губернатора принца крови и высшее управление вверял особому министру. Ломбардия имела нечто вроде парламента, избиравшегося от семи провинций. Этот парламент часто был в оппозиции к генерал-губернатору и австрийскому министру. Зажиточный дворянин граф Мельци был среди этих депутатов самым влиятельным по своему образованию, патриотизму и честности. Впоследствии он был президентом Итальянской республики и канцлером Итальянского

королевства. Он был безраздельно предан идее независимости Италии. Цвета зеленый, белый и красный сделались национальными цветами свободной Италии. Национальная гвардия формировалась во всех городах. Сербеллони, первый командир полка миланской национальной гвардии, пользовался большой популярностью и обладал большим состоянием. Впоследствии он стал очень известным в Париже, где долго жил в качестве посла Цизальпинской республики.

В Милане, как и во всех больших городах Италии, а пожалуй, и во всех больших городах Европы, французская революция возбудила сначала самое живое сочувствие. Спустя некоторое время террор изменил эти настроения. Однако идеи революции сохранились в Милане у многих ее горячих приверженцев. Народ влекла идея равенства. Австрийцы, несмотря на свое долгое господство, не внушили к себе привязанности в этом народе. Генерал-губернатор эрцгерцог Фердинанд не был ни любим, ни уважаем, его обвиняли в пристрастии к деньгам, в поощрении хищений и растрат, в спекуляции зерном и в других подобных прегрешениях. Он был женат на принцессе Беатриче Эсте, дочери последнего герцога моденского.

Миланская цитадель была отлично вооружена и хорошо снабжена продовольствием. Болье оставил в ней 2500 человек гарнизона. Французский генерал Деспинуа был назначен командующим войсками Милана и блокадой цитадели. В артиллерии был сформирован осадный парк из орудий и боеприпасов, взятых в пьемонтских крепостях, имевших французские гарнизоны: из Тортоны, Алессандрии, Кони, Чева, Кераско.

VI

Три герцогства — Модена, Реджио и Мирандола — на правом берегу Нижнего По управлялись последним государем из дома Эсте, старым скрягой, единственным удовольствием которого было копить золото. Подданные его презирали. При приближении армии он отправил к Наполеону командора Эсте, своего побочного брата, с просьбой о перемирии и о покровительстве. Город Модена имел бастионную крепостную ограду, хорошо снабженный арсенал и 4000 солдат. Этот государь, впрочем, не имел какого-либо политического значения. С ним было поступлено, как с герцогом пармским, но приняли во внимание его родство с австрийским домом. Перемирие было заключено и подписано в Милане 17 мая. Он уплачивал 10 миллионов, поставлял лошадей, продовольствие и известное число произведений искусства. Для переговоров о мире им был выслан в Париж полномочный представитель, но мир заключен не был, переговоры затянулись и, наконец, были прерваны. Желая спрятать свои сокровища в надежное место, он переправил их в Венецию, где умер в 1798 г. С ним угас дом Эсте, в Средние века очень знаменитый и воспетый Ариосто и Тассо. Его дочь, принцесса

Беатриче, жена эрцгерцога Фердинанда, была матерью императрицы австрийской. Она умерла в 1816 г.

Известия о переправе через р. По, о сражении у Лоди, о занятии Ломбардии, о перемириях с герцогами пармским и моденским опьянили Директорию, принявшую пагубный план раздела итальянской армии на две армии. Наполеон с 20 000 человек должен был, перейдя через По, двинуться на Рим и Неаполь, а Келлерман с другими 20 000 человек — действовать на левом берегу По и прикрывать осаду Мантуи. Наполеон, возмущенный такой неблагодарностью, подал в отставку, не желая участвовать в гибели итальянской армии и своих собратьев по оружию. Он говорил, что все люди, посланные в глубь полуострова, погибнут, что главная армия, вверяемая Келлерману, мала, не сможет удержаться и через несколько недель будет вынуждена уйти за Альпы. «Один плохой генерал, — заявил он, — лучше двух хороших». Правительство это смутило, и оно отказалось от этих гибельных для свободы мер. С тех пор в отношении итальянской армии оно одобряло все, делаемое или предлагаемое Наполеоном.

VII

Бертье был в возрасте сорока двух лет. Его отец был инженер-географ. Бертье смолоду участвовал в американской войне, в чине лейтенанта, причисленного к штабу Рошамбо. В эпоху революции он был полковником, командовал версальской национальной гвардией и находился в сильной оппозиции к партии Лекуантра. Посланный в Вандею начальником штаба революционных войск, он был там ранен. После 9-го термидора он был начальником штаба у Келлермана в альпийской армии и последовал за ним в итальянскую армию. Это именно он распорядился занять армией линию Боргетто, сдержавшую противника. Когда Келлерман вернулся в альпийскую армию, он взял с собой и Бертье. С принятием командования итальянской армией Наполеоном Бертье просил и добился места его начальника штаба. Он был при нем, в этой должности, в итальянской и египетской кампаниях. Впоследствии он сделался военным министром, начальником штаба Великой армии, принцем Невшательским и Ваграмским, женился на баварской принцессе и был осыпан милостями Наполеона. Он обладал громадной энергией, следовал за главнокомандующим во всех разведках и объездах войск, не замедляя этим нисколько своей штабной работы. Характер имел нерешительный, мало пригодный для командования армией, но обладал всеми качествами хорошего начальника штаба. Он хорошо знал карту, очень разумно вел разведывательную часть, сам лично заботился о рассылке приказаний, приобрел навык самые сложные движения армии представлять в докладах ясно и просто. Вначале хотели навлечь на него немилость главнокомандующего, говоря, что Бертье его наставник, что именно он руководит операциями. Это не удалось. Бертье предпринимал все,

Рис. 9. Генерал Массена.

от него зависящее, чтобы прекратить эти слухи, делавшие его в армии смешным. После итальянской кампании он получил в командование армию, назначенную для захвата Рима, и провозгласил там Римскую республику.

VIII

Массена, уроженец Ниццы, поступил на службу Франции в «Итальянский королевский» полк. В начале революции он был офицером. Он быстро выдвинулся, сделался дивизионным генералом и служил под начальством главнокомандующих Дюгоммье, Дюмербиона, Келлермана и Шерера. Он был крепко сложен, неутомим. Он был особенным знатоком горной войны, был решителен, отважен и полон честолюбия. Его отличительной чертой было упрямство. Он никогда не падал духом. Он пренебрегал дисциплиной, плохо заботился о хозяйственно-административной части и по этой причине был мало любим солдатами. Он плохо продумывал распоряжения. Разговор его был мало содержателен, но с первым пушечным выстрелом, среди пуль и опасностей его мысль приобретала силу и ясность. Будучи разбитым, он вновь брался за дело, как победитель. В конце итальянской кампании он получил почетное назначение доставить в Директорию Лёобенский прелиминарный договор. Во время египетской кампании он командовал гельветской армией и считал, что он спас республику, выиграв Цюрихское сражение. Впоследствии он был маршалом, герцогом Риволи и князем Эсслингским.

IX

Ожеро, уроженец предместья Сен-Марсо, в начале революции был сержантом. Повидимому, он был выдающимся унтер-офицером, потому что был послан в Неаполь обучать неаполитанские войска. Вначале он служил в Вандее. В генералы он был произведен в армии Восточных Пиренеев, где командовал одной из главных дивизий. По заключении мира с Испанией он привел свою дивизию в итальянскую армию и здесь провел все кампании с Наполеоном, пославшим его в Париж для совершения переворота 18-го фрюктидора. Вслед за тем Директория дала ему в командование рейнскую армию. Он совсем не имел образования и сколько-нибудь заметного ума. Среди своих солдат поддерживал порядок и дисциплину и был ими любим. Атаки он производил правильно и в порядке, хорошо распределял свои колонны, хорошо расставлял резервы и дрался с неустрашимостью. Но он очень часто падал духом — не то по свойству своего характера, не то вследствие малой расчетливости и недостаточной проницательности своего ума. По своим политическим убеждениям он примыкал к партии Бабефа. Он был выбран депутатом в Законодательный корпус в 1798 г. Не было человека более непригодного, чем он, для политической деятельности, в которой он,

Рис. 10. Генерал Ожеро.

однако, любил принимать участие. Во времена империи он был герцогом Кастильонским и маршалом Франции.

X

Серюрье, родом из департамента Эн, в начале революции был пехотным майором. Он сохранял все внешние черты и суровость майора, был строг в отношении дисциплины и походил на аристократа, за что подвергался многим опасностям, особенно в начале революции. Он выиграл сражение у Мондови, взял Мантую и имел честь видеть, как перед ним проследовал сдавшийся фельдмаршал Вурмзер. Он был отважен, лично неустрашим, но ему не везло. У него было меньше порывистости, чем у предыдущих, но он их превосходил своими нравственными качествами, уравновешенностью своих политических убеждений и честностью в отношениях. Он получил почетное назначение отвезти в Директорию знамена, отнятые у эрцгерцога Карла. Впоследствии он был маршалом Франции, комендантом Дома инвалидов и сенатором.

ГЛАВА IV

ВОССТАНИЕ В ПАВИИ

Схема 4

I. Армия покидает свою стоянку для занятия линии Адидже. — II. Восстание в Павии (24 мая 1796 г.). — III. Взятие и разграбление Павии (26 мая).—IV. Причины восстания.—V. Армия вступает на территорию Венецианской республики (28 мая). — VI. Сражение у Боргетто. Переправа через Минчио (30 мая). — VII. Армия прибывает к Адидже (3 июня). — VIII. Описание Мантуи.—IX. Блокада Мантуи (4 июня). — X. Перемирие с Неаполем (5 июня).

I

В начале кампании Мантуя была разоружена. Венский двор надеялся, что его армия будет наступать. Он рассчитывал на победы, а не на поражения, и только после договора в Кераско он распорядился вооружить и снабдить продовольствием Мантую и крепости в Ломбардии. Среди военных имеются люди, думающие, что если бы вместо потери времени в Миланской области французская армия продолжала свой марш для оттеснения Больe на ту сторону Адидже, то Мантуя была бы захвачена врасплох. Но нельзя оставлять в тылу у себя такое громадное количество больших городов с населением свыше одного миллиона, не взяв в свои руки власть над ними и не обеспечив их расположения к себе.

Французы пробыли в Ломбардии только семь-восемь дней. К 25 мая все стоянки были сняты. Эти несколько дней были затрачены с пользой: национальная гвардия была сформирована во всех городах Лом-

бардии, была организована власть на местах, спокойствие в стране восстановлено, — все это обеспечивало господство французов. Генерал Деспинуа принял командование над гарнизоном Милана. Одной бригадой была обложена цитадель. В пехотных и кавалерийских дивизиях были образованы небольшие команды выздоравливающих и слабосильных для несения гарнизонной службы в наиболее важных пунктах. Команда дивизии Ожеро в 300 человек расположилась в цитадели города Павии,— это считалось достаточным для защиты ее и моста через Тичино.

II

24 мая главная квартира прибыла в Лоди. Прошло всего два часа после приезда туда главнокомандующего, как получилось известие о восстании в Павии и во всех селениях этой провинции, из которой дивизия Ожеро ушла 20-го. Легкое волнение почувствовалось даже в Милане. Тотчас же с 300 всадников, шестью орудиями и батальоном гренадер Наполеон отправился в эту столицу. Он прибыл туда в тот же вечер и нашел спокойствие восстановленным. Гарнизон цитадели, сделавший вылазку, был отброшен за валы. Отдельные группы были рассеяны. Главнокомандующий продолжал свой путь на Павию.

Мятежники, намереваясь соединиться с гарнизоном миланской цитадели, выслали авангард в 800 человек в Бинаско. Ланн его атаковал. Бинаско был взят, разграблен, сожжен. Надеялись, что пожар, который можно было видеть со стен Павии, устрашит этот город. Вышло не так. В город бросились 8 000—10 000 крестьян и сделались там хозяевами. Они были под предводительством фанатиков из своей среды и австрийских агентов, которых мало заботило, чему может подвергнуться страна. На случай неудачи они имели средства бежать в Швейцарию.

Вечером в Милане было обнародовано воззвание, ночью расклеенное и на воротах Павии:

«Сбитые с толку массы, не имея действительных средств для сопротивления, во многих общинах дошли до крайностей, не признавая республики и доблестной армии, победившей королей. Это непонятное безумие вызывает сострадание: вводят в заблуждение бедный народ, на его погибель. Главнокомандующий, верный принципам, присущим его нации, не вести войну с народами, желает оставить открытой дверь для раскаяния. Но те, кто через 24 часа не сложит оружия, будут считаться бунтовщиками. Их селения будут сожжены. Пусть грозный пример Бинаско откроет им глаза! Его участь станет участью всех общин, упорствующих в мятеже».

III

26 мая небольшая колонна покинула Бинаско и прибыла в Павию в 4 часа пополудни. Ворота были закрыты. Оказалось, что французский гарнизон капитулировал, и прошло уже несколько часов, как мятеж-

ники овладели цитаделью. Этот успех сильно их ободрил. Казалось трудным с 1 500 человек и шестью пушками овладеть восставшим городом с 30 000 населения. Этот город был обнесен стеной и старой бастионной оградой, находящейся, правда, в очень плохом состоянии, но дающей защиту от штурма. Набат раздавался во всех окрестных селениях. Малейший шаг назад увеличил бы беду и вынудил бы призвать армию, находившуюся уже на Олио. При таких обстоятельствах благоразумие предписывало атаковать. Стрельба шести пушек не могла разрушить ворота. Тем не менее картечь и бомбы согнали крестьян, стоявших на стене, и позволили гренадерам сбить ворота топорами.

Гренадеры вошли в город беглым шагом, с ружьями наперевес, проникли на площадь и расположились в домах, стоящих по углам улиц. Кавалерийский полуэскадрон двинулся к тичинскому мосту и произвел удачную атаку. Крестьяне испугались, что их отрежут, бросили город и побежали в поле. Тогда городские власти и дворянство, во главе с архиепископом миланским и епископом павийским, вышли просить о милосердии.

Триста французов, захваченных в плен в цитадели, сами во время суматохи вырвались на свободу и безоружные прибыли на площадь. Первым движением главнокомандующего было расстрелять этот гарнизон через каждого десятого.

«Трусы, — сказал он им, — я доверил вам пост, чрезвычайно важный для армии, а вы его уступили жалким крестьянам, не оказав ни малейшего сопротивления!»

Капитан, командовавший этим отрядом, был арестован. Он оказался мало развитым человеком и сослался в свое оправдание на приказание генерала Гакена. Гакен только что прибыл в Павию из Парижа. Он был арестован мятежниками во время перепряжки почтовых лошадей. Ему приставили пистолет к горлу, угрожая смертью, если он не прикажет цитадели сдаться. Он уговорил гарнизон сдаться. Но как ни виновен был Гакен, это не оправдывало коменданта форта, который ничуть не был ему подчинен и, даже если бы и был подчинен, не должен был исполнять его приказаний с момента его ареста. Капитан был предан полевому суду и расстрелян.

В городе царил чрезвычайный беспорядок. Начались пожары, и город был обречен на разгром.

Грабеж продолжался несколько часов и нагнал больше страха, чем причинил зла. Он коснулся только нескольких ювелирных магазинов, но разнеслись слухи о больших погромах в городе, и это было уроком для всей Италии.

Подвижные колонны, высланные во все селения, произвели общее разоружение. Со всей Ломбардии были взяты заложники, которых брали из самых знатных семей, даже если на них не ложилось подозрений. Считали, что путешествие во Францию будет полезно для наиболее

влиятельных лиц. Через несколько месяцев они вернулись. Многие объехали чуть ли не все наши провинции и сделались настоящими французами.

Город Павия расположен в 5 лье от Милана, на Тичино, в 2 лье от впадения его в По. В ширину город равен 850 туазам. Окружность его— 2 500 туазов. В нем имеется каменный мост через Тичино, единственный на этой реке. Он окружен развалившейся крепостной оградой.

IV

Это восстание приписывали недовольству чрезвычайной контрибуцией в 20 миллионов, реквизициями, необходимыми для армии, а возможно и отдельным притеснениям. Но войска были голы и босы, они заслуживали из-за этого названия бандитов и бродят, какое давалось им противником. Ломбардцы, итальянцы не считали себя побежденными. Разбита была армия австрийцев, в которой не было итальянских частей. Ломбардия даже платила особый налог вместо поставки рекрут.

У Венского двора сложилось определенное мнение, что из итальянцев нельзя сделать хороших солдат. Это обстоятельство, вынуждая население жить местными интересами, много способствовало отсталости общественного сознания в Италии. Будь французская армия поддержана денежными средствами из Франции, она могла бы сформировать итальянские части. Но одно дело — призывать нацию к свободе и к независимости, формировать общественное сознание и другое — отбирать у нее в то же самое время насущные жизненные средства. Для согласования этих противоречий нужен талант.

Вначале были недовольство, ропот, заговоры. Поведение главнокомандующего в побежденной стране очень затруднительно. Если он суров, он раздражает своих врагов и умножает их число; если он мягок, он дает возможность и дальше следовать по пути злоупотреблений и насилий, неизбежно связанных с состоянием войны. Как бы то ни было, если бунт при этих обстоятельствах во-время успокоен и победитель сумел применить одновременно меры строгости, справедливости и мягкости, они произведут только хорошее воздействие, возымеют успех и явятся гарантией на будущее.

V

В течение этого времени армия продолжала движение на Олио под начальством Бертье. Главнокомандующий присоединился к ней в Сонсино и 28-го вошел вместе с нею в Брешиа, в один из самых больших венецианских городов на материке. Его жители были недовольны господством венецианской знати. Брешиа находится в 11 лье от Кремоны, в 15 — от Мантуи, в 38 — от Венеции, в 24 — от Триента, в 40 — от Милана. Он был покорен Венецианской республикой в 1426 г. В го-

роде Брешиа 50 000 жителей. Во всей провинции насчитывалось 500 000 человек, обитающих частью в горах, частью в богатых равнинах.

Было обнародовано такое воззвание:

«Для освобождения самой прекрасной страны Европы от железного ига австрийцев французской армии пришлось преодолеть труднейшие преграды. Ее усилия увенчались победой. Остатки неприятельской армии отступили на ту сторону Минчио. Французская армия, преследуя их, вступает на земли Венецианской республики, но она не забывает о продолжительной дружбе, связывающей обе республики. Религия, власти и обычаи, а также собственность будут уважаемы. Пусть народ не беспокоится: будет поддерживаться строжайшая дисциплина, и все, что потребуется для армии, будет покупаться за наличные деньги по справочным ценам.

Главнокомандующий предлагает официальным лицам, городским властям и духовенству оповестить об этом население, чтобы превратить в крепкую дружбу доверие, издавна соединяющее обе нации.

Верный своим принципам чести и своим правам победы, французский солдат грозен только для врагов своей свободы и своего правительства».

Сенат выслал своих представителей к армии с протестом против нарушения нейтралитета и согласился на поставку всего необходимого для армии с условием, что за это будет впоследствии заплачено.

Более, стоя на Минчио, получил значительные подкрепления. При первом известии о движении армии он перенес свою главную квартиру за Минчио: он хотел обороняться на этой реке с целью воспрепятствовать обложению Мантуи, которая усиливалась с каждым днем. Не обращая внимания на протесты венецианцев, он захватил силою крепость Пескиеру и оперся на нее своим правым флангом, которым командовал генерал Липтай. Своим центром он опирался на Валеджио и Боргетто, где расположил дивизию Питтони, а дивизию Себоттендорфа поставил в Поццоло. Колли, усиленный гарнизоном Мантуи, стал в Гоито; резерв под начальством Меласа, силою в 15 000 человек, находился в Виллафранка, готовый двинуться в любую угрожаемую точку.

VI

29 мая французская армия была расположена левым флангом в Дезенцано, центром — в Монте-Кьяро, правым — в Кастильоне, совершенно пренебрегая Мантуей, которая была на ее правом фланге. 30-го с рассветом армия вышла на Боргетто, внушив противнику, будто она хочет переправиться через Минчио у Пескиеры, чтобы отвлечь туда его виллафранкский резерв.

Приблизившись к Боргетто, французский авангард обнаружил 3 000 человек австрийской и неаполитанской кавалерии на равнине и 4 000 пехотинцев, укрепившихся в этой деревне, на высотах Валеджио

Генерал Мюрат атаковал неприятельскую кавалерию и достиг в этом бою больших успехов. Тут французская кавалерия, находившаяся до сих пор в плохом состоянии, в первый раз удачно померялась силами с австрийской кавалерией. Она захватила девять пушек, два знамени и 2 000 пленных, между ними принца Куто, командующего неаполитанской кавалерией. Начиная с этого времени французская кавалерия соперничала в подвигах с пехотой. Полковник Гарданн, шедший во главе гренадер, беглым шагом, с ружьями наперевес, проник в Боргетто. Противник сжег мост, который приходилось восстанавливать под огнем с высоты Валеджио. Гарданн бросился вперед в воду. Австрийцы решили, что перед ними грозная колонна, действовавшая на мосту в Лоди; они отступили. Валеджио был взят в 10 часов утра.

В полдень, закончив исправление моста, французские дивизии переправились через Минчио. Ожеро поднимался по левому берегу, двигаясь на Пескиеру, и занял высоты Кастельнуово. Серюрье следовал за войсками, очистившими Валеджио, в направлении на Виллафранка. Главнокомандующий находился при этой колонне до тех пор, пока был виден противник, но так как последний избегал вступать в бой, то он возвратился в Валеджио, где было намечено расположить главную квартиру. Дивизия Массена, которая должна была ее прикрывать, еще не переправилась через мост, готовя обед на правом берегу Минчио. Дивизия Себоттендорфа, услышав канонаду в стороне Валеджио, двинулась туда, поднимаясь вверх по левому берегу Минчио. Ее разъезды прибыли к Валеджио, не встретив никого. Они вошли в местечко и пробрались к помещению, где находился главнокомандующий. Его небольшой конвой едва успел захлопнуть ворота и прокричать о тревоге. Это дало время главнокомандующему вскочить на лошадь и выбраться по садам за селение.

Солдаты Массена бросили обед и переправились через мост. Барабанный бой обратил в бегство австрийских гусар. Преследовали Себоттендорфа весь вечер; он понес большие потери.

Опасность, которой избежал Наполеон, дала ему почувствовать необходимость образования охраны из отборных людей, подготовленных к этой службе. Их обязанностью было обеспечивать безопасность Наполеона. Была сформирована часть, получившая название *гиды*. Организация ее была поручена Бессьеру, командиру эскадрона. Этой части тогда же присвоили особое обмундирование, такое же, какое впоследствии было у гвардейских конных егерей; она явилась их зародышем. В нее зачислили отборных людей, минимум с десятилетним сроком службы, и часть эта оказала в боях громадные услуги. Тридцать-сорок из этих доблестных храбрецов, использованных во-время, всегда доводили дело до самых решительных результатов. Гиды во время боя были тем, чем впоследствии при императоре сделались дежурные эскадроны, и это

легко объяснить, потому что и те и другие были у Наполеона под рукой и он их бросал в дело в наиболее важные минуты.

Бессьер, уроженец Лангедока, начал службу в 22-м конно-егерском полку, в армии Восточных Пиренеев. Он был храбр и обладал спокойствием во время самого сильного огня. У него было очень хорошее зрение и большой навык в кавалерийских перестроениях и маневрированиях. Особенно хорошо руководил он кавалерийским резервом. Во всех больших сражениях в дальнейшем ему принадлежат величайшие заслуги. Он и Мюрат были первоклассными кавалерийскими начальниками, но с качествами совершенно противоположными. Мюрат был авангардный начальник, порывистый и кипучий. Бессьер обладал свойствами начальника кавалерийского резерва, полный энергии, но осторожный и рассудительный. Со времени создания гидов ему была поручена исключительная охрана главнокомандующего и главной квартиры. Впоследствии он был герцогом Истрийским, маршалом империи и одним из маршалов гвардии.

VII

Для прикрытия Италии и осады Мантуи французской армии было необходимо занять линию Адидже и мосты у Вероны и Леньяго. Все попытки проведитора Фоскарели воспрепятствовать движению на Верону были тщетны. 3 июня Массена овладел этим городом, расположенным в 32 лье от Милана, в 25 — от Венеции, в 16 — от Триента. В Вероне имелось три каменных моста через Адидже; мост Понте-Веккио имел 60 туазов длины и три арки. В этом городе было 60 000 жителей; он раскинут на большом пространстве, красивый, богатый, со здоровым климатом. Его крепостная ограда на обоих берегах реки равна 6 000 туазам. Крепостные форты расположены на высотах, господствующих над левым берегом.

Вооружив Порто-Леньяго, обсервационная армия заняла своим левым флангом высоты Монте-Бальдо, центром — Верону, правым флангом — Нижний Адидже. Она прикрывала осаду Мантуи. Трехцветное знамя развевалось над тирольскими проходами. Теперь следовало ускорить падение Мантуи и отнять у Австрии этот оплот. Надеялись, что управятся с этим до подхода новой австрийской армии, но сколько боев, сколько грозных событий, сколько опасностей предстояло еще преодолеть!

VIII

Мантуя расположена посреди трех озер, образуемых водами р. Минчио, которая вытекает из оз. Гарда у Пескиеры и впадает в р. По близ Говерноло. Мантуя соединялась с сушей посредством пяти дамб. Первая из них, дамба Фаворита, отделявшая Верхнее озеро от Среднего, длиной в 300 туазов, была сооружена из камня. Вдоль этой дамбы находились

городские водяные мельницы. В этой дамбе были сделаны шлюзовые затворы для подачи воды на мельницы. У конца шоссе, проложенного по дамбе, была расположена цитадель Фаворита — правильный пятиугольник, довольно трудно доступный, так как часть фронтов его могла быть ограждена наводнениями. Шоссе, устроенное на этой дамбе, служило для сообщения Мантуи с Ровербелла, а оттуда с Вероной или Пескиерой. Шоссе на дамбе Сен-Жорж, длиной в 180 туазов, выходило к предместью Сен-Жорж и служило дорогой в Порто-Леньяго. Это шоссе запиралось каменными воротами; посредине озера были устроены подъемные мосты. По третьей дамбе проходило пиетольское шоссе. Нижнее озеро было шириной всего лишь в 80 туазов; пространство же, находившееся между озером и самой крепостью, было занято укрепленным лагерем, обведенным рвами с водой и находившимся под обстрелом из крепостных орудий. Шоссе на четвертой дамбе, у Черезских ворот, вело в Модену. Оно запиралось каменными воротами. Тут озеро было довольно широко. Наконец, на пятой дамбе проходило прадельское шоссе; оно было длиной в 200 туазов и служило дорогой в Кремону. Защищалось это шоссе остроугольным верком, расположенным посреди озера. Таким образом, из всех пяти шоссе на дамбах одно лишь шоссе Фаворита оборонялось цитаделью. Четыре остальных были беззащитны. В результате, заняв конечные выходы из этих шоссе, осаждающий мог горстью людей блокировать весь гарнизон Мантуи.

Во время существования Итальянского королевства хотели усовершенствовать эту большую крепость. Чувствовалась необходимость поставить укрепления у выходов изо всех плотин. Инженер Шасселу возвел долговременный форт впереди сен-жоржского шоссе, другой форт, стоивший несколько миллионов,— впереди пиетольского шоссе, разрушил шоссе в Череза и соорудил форт впереди прадельского шоссе. Ныне, таким образом, для блокирования Мантуи надо обложить четыре форта, расположенные у четырех выходов.

Серралио является местностью между Минчио, Мантуей, По и каналом Фосса-Маэстра, выходящим из озера в Мантуе и впадающим в По около Боргофорте. Серралио представляет собой треугольник в 6—7 кв. лье; это — остров. Мантуя нуждалась в гарнизоне по меньшей мере в 12 000 человек; он должен был удерживаться возможно дольше в Серралио, чтобы использовать все находящиеся в нем средства, а также для того, чтобы сохранять свое господство над течением По и иметь возможность вывезти запасы с правого берега этой реки.

Говерноло когда-то был укреплен.

Сан-Бенедеттское аббатство, главное местопребывание бенедектинских монахов, лежит на правом берегу По, напротив устья Минчио. Гарнизон Мантуи постарался еще в мирное время о том, чтобы устроить в нем госпиталь для выздоравливающих: воздух там очень здоровый.

IX

Осажденный, сознавая всю важность закрепиться в начале каждого из пяти шоссе, с очень большим напряжением возводил там укрепления, но ему не дали на это времени. 4 июня сам главнокомандующий прибыл к Сен-Жоржскому предместью, захватил его после оживленного боя и отбросил противника в крепость. Противник едва успел развести подъемные мосты на плотине; опоздай он на несколько минут, — участь крепости была бы решена. Ожеро овладел воротами Череза. Противник очистил Пиетоле и отступил в укрепление.

Теперь противник имел возможность производить вылазки только через цитадель Фаворита, так что осаждающая армия могла быть уменьшена.

Блокада была возложена на Серюрье. Он расположил свою главную квартиру в Ровербелла, в пункте, наиболее близком от цитадели Фаворита. Три тысячи человек он поставил вокруг этой цитадели, 600 человек — в Сен-Жорже, 600 — в Пиетоле, 600 — в Череза, 1 000 — в Праделла, 2 000 человек артиллерии, кавалерии и пехоты в качестве подвижной колонны — вокруг озера и в резерве. Около дюжины барж, вооруженных пушками, с личным составом из французского флота, крейсировало по озерам. С 8 000 человек всех родов войск под ружьем Серюрье блокировал гарнизон, насчитывавший 14 000 человек, из которых более 10 000 находилось в строю.

О возведении циркумвалационных линий не подумали и совершили ошибку, но инженеры обнадеживали, что крепость сдастся прежде, чем австрийская армия будет в состоянии прийти к ней на помощь. Без сомнения, эти линии были не нужны против Вурмзера, когда он завозил продовольствие в крепость накануне сражения у Кастильоне. Наполеон, снявший тогда блокаду и бросивший свой осадный парк, бросил бы также и циркумвалационные линии, но когда Вурмзер был отброшен в Мантую после сражения у Бассано, возможно, что будь там циркумвалационные линии, он принужден был бы их форсировать и, пожалуй, сложить оружие. Это было во время третьей блокады. Тогда же вокруг Сен-Жоржа начались работы по возведению циркумвалационных линий, и им именно были обязаны тем, что сдался корпус генерала Провера и был одержан успех в сражении под Фаворита в январе 1797 г.

X

Неаполитанский король, видя, что Верхняя Италия находится под властью французов, выслал в главную квартиру князя Бельмонте с просьбой о перемирии, которое и было подписано 5 июня. Неаполитанская кавалерийская дивизия в 2 400 коней покинула австрийскую армию. Неаполитанский полномочный представитель отправился в Париж для заключения с республикой окончательного мира. Так как неаполитанский король мог выставить 60 000 пехотинцев, то это перемирие

было важным событием, тем более что его государство, удаленное от театра войны, оказывалось по своему географическому положению вне сферы влияния армии, господствующей в Верхней Италии: от По до оконечности полуострова — 200 лье расстояния.

Не без труда главнокомандующий добился признания своей политики французским правительством, хотевшим революционизировать Рим, Неаполь и Тоскану, не считаясь с расстоянием, с возможностью успеха и с силами. У правительства было ошибочное представление и о местности, и о настроении этих народов, и о силе революционеров.

Инженерная часть итальянской армии находилась под командованием полковника Шасселу, произведенного в генералы. Это был один из лучших офицеров инженерного корпуса — с неровностями в характере, но хорошо знающий все тонкости своего искусства.

Леспинасс, начальник артиллерии, был старый офицер, лично храбрый и очень ревностно ведший дело.

Доммартен, Сюньи, Сонжи были заслуженными офицерами.

Начальник артиллерии Дюжар, посланный для вооружения ницкого и прованского побережий, был убит на Тендском перевале альпийскими контрабандистами.

Болье после стольких поражений впал в немилость своего повелителя и был отозван. Во временное командование австрийской армией вступил Мелас, главная квартира которого находилась в Триенте. Главнокомандующим австрийской армией в Италии был назначен фельдмаршал Вурмзер, командовавший армией Верхнего Рейна.

ГЛАВА V

МАРШ ПО ПРАВОМУ БЕРЕГУ ПО

I. Причина движения французов на Апеннины. — II. Возмущение в имперских поместьях. — III. Вступление в Болонью и в Феррару (19 июня 1796 г.).—IV. Перемирие с папой (23 июня). — V. Вступление в Ливорно (27 июня). — VI. Наполеон во Флоренции.— VII. Мятеж в Луго. — VIII. Заложение траншеи перед Мантуей (18 июля).—IX. Хорошее положение дел в Пьемонте и в Ломбардии.

I

Армия достигла места своего назначения: она занимала линию Адидже, прикрывая осаду Мантуи и Среднюю и Нижнюю Италию. Она была в состоянии противодействовать австрийским армиям, двинутся ли они через Тироль или через Фриуль. Ей самой нельзя было итти вперед, не взяв Мантуи и не обезвредив государств правого берега По.

Но для осады Мантуи был необходим осадный парк, который армия оставила в Антибе. Тот, что был сформирован из крупнокалиберных пушек, снятых с крепостей Тортона, Кони и Чева, был занят осадой Миланской цитадели; следовательно, нужно было прежде всего ускорить взятие этой цитадели.

Австрийский посланник в Генуе Жирола подстрекал имперские поместья к восстанию и организовывал отряды из бежавших австрийских пленных, из пьемонтских дезертиров и из контрабандистов. Генуэзская олигархия с одобрением смотрела на все, что этот посланник замышлял против французской армии. Такое положение становилось нетерпимым: дороги от армии в Геную, Савону и Ниццу были перехвачены до такой степени, что батальону в 600 человек приходилось несколько раз вступать в бой, пока он не добирался до армии.

Необходимо было лекарство быстрое и сильно действующее.

Римский двор выставил вооруженные силы. Было бы крайне досадно, если бы его войска усилились еще на 5 000 англичан, находившихся на о. Корсике, в тот момент, когда австрийская армия окажется в состоянии наступать.

Следовало поэтому переправиться через По, отбросить армию папы за Апеннины, принудить его к подписанию перемирия, затем перейти через Апеннины, занять Ливорно, изгнать оттуда английскую факторию, сосредоточить в этом городе 500—600 корсиканских беженцев и переправить их для поднятия восстания на Корсику. Это удержало бы там английскую дивизию, так как она занялась бы самообороной.

Фельдмаршал Вурмзер, отбывший с Рейна с 30 000 отборных войск, находился на марше в Италию. Он не мог прибыть туда раньше 15 июля. Следовательно, имелось 30—40 дней, в течение которых можно было без затруднения выделить необходимые отряды, с тем чтобы они возвратились на Адидже к половине июля.

II

7 июня Наполеон отправился в Милан и распорядился заложить траншею перед цитаделью. Оттуда 13-го он двинулся в Тортону с колонной в 1 200 человек, направившейся под командованием полковника Ланна к имперским поместьям. Полковник Ланн вошел приступом в Арквату, расстрелял повстанцев, вырезавших французский отряд в 150 человек, разрушил до основания замок маркиза Спинола, генуэзского сенатора и главного зачинщика мятежа. В то же самое время адъютант Мюрат отправился в Геную, был введен в сенат посланником Французской республики в Генуе Фэпу, потребовал и добился смещения губернатора г. Нови, изгнания из Генуи посланника Жирола и сформирования отрядов из генуэзских войск на различных этапных пунктах,

вменив им в обязанность очистить дороги, сопровождать французские транспорты и восстановить безопасность путей сообщения.

Генерал Ожеро со своей дивизией переправился через По 14 июня в Боргофорте, в четыре перехода достиг Болоньи и Феррары и овладел обоими этими легатствами, принадлежавшими папе.

Генерал Вобуа сосредоточил в Модене бригаду из 4 000 человек и 700 коней.

Из Тортоны Наполеон двинулся через Пьяченцу, Парму, Реджио и 19-го прибыл в Модену. Его присутствие в этих двух последних городах побудило население требовать свободы. Но перемирие регентством тогда выполнялось строжайшим образом. Главнокомандующий употребил все свое влияние, чтобы удержать этих людей в подчинении своему герцогу. Он принял в Модене участие в празднествах, предложенных ему регентством, советуя последнему внушить к себе доверие народа и облечься в его глазах всем уважением, в котором оно нуждалось.

Старый герцог со своими сокровищами уже давно бежал в Венецию.

Шоссе из Модены в Болонью проходит под гласисами форта Урбино, принадлежавшего папе. Этот форт состоял из старых бастионов и выдвинутых вперед верков, он был вооружен, снабжен продовольствием и оборонялся гарнизоном из 800 человек. Войска дивизии Ожеро, вошедшие в тот же самый день в Болонью, не имели времени им овладеть или его блокировать. Полковник Виньоль, помощник начальника штаба, отправился туда с 200 гидов и заставил гарнизон сдаться. Вооружение форта состояло из 60 пушек. Половина из них была отправлена в Боргофорте, где находился осадный парк.

III

Дивизия Ожеро захватила в Болонье одного кардинала и 400 человек. Кардинал выпросил разрешение отправиться в Рим на честное слово. Так как он вел себя там плохо, то несколько месяцев спустя генерал Бертье приказал ему возвратиться в главную квартиру. Он ответил в очень изысканном стиле, что очищающей от грехов молитвой святого отца он освобожден от своего слова. Над этим в армии много смеялись.

В феррарской цитадели оказалось 114 орудий с большим числом боеприпасов. Сорок орудий были посланы в боргофортский парк.

Болонья, или по местному названию Дотта, расположена у подножья Апеннин, на р. Рено. В ней имеется 50 000—60 000 жителей. Болонская академия наук самая известная в Италии. Красивые улицы города окаймлены сводчатыми портиками для движения пешеходов.

Посредством канала город связан с Венецией. Болонья оказывает большое влияние на все три легатства. Все они недовольны господством пап, позорным для всех светских людей. «Как плохо, — говорили

эни, — быть под управлением духовенства. У нас нет родины; нами руководят холостяки, смотрящие на вещи с ложной точки зрения; они приучают с детства к богословским наукам, менее всего нужным для суждения о светских делах».

Особенно горячо жаждала свободы Болонья. В ней, как и в Брешиа, проживали самые пламенные приверженцы итальянской независимости, готовые на все, чтобы она восторжествовала. Ни в каком другом месте не выражалось французам более искренней приверженности. Этот город сохранил такое настроение.

Вступление армии в город было сплошным триумфом. Каприра, Марескальки и Альдини, депутаты сената, участвовали в оказании ей почестей. Двое первых принадлежали к лучшим фамилиям страны. Каприра, в то время сенатор, был впоследствии обер-шталмейстером итальянского короля, а Марескальки — министром иностранных дел; Альдини был лучшим адвокатом Болоньи и доверенным лицом сената. Впоследствии он сделался министром — государственным секретарем Итальянского королевства. В Болонье в то время находилось 300—400 испанских иезуитов. Они опасались за свою участь, и наиболее зажиточные и молодые из них бежали в Рим. Штаб главнокомандующего успокоил их и распорядился, чтобы с ними обращались с должным почтением. Между ними имелись люди выдающихся качеств.

В течение тех нескольких дней, которые Наполеон пробыл в Болонье, этот город совершенно изменил свою физиономию. Никогда революция не изменяла с большей быстротой нравы и обычаи народа. Все, кто не принадлежал к духовенству, обрядились в военную форму и нацепили на себя шпагу. Город и частные лица устраивали множество празднеств, носивших характер народных величественных торжеств, какие впервые видела Италия. Французский главнокомандующий появлялся среди народа постоянно без охраны и каждый вечер отправлялся в театр без всякого другого эскорта, кроме болонских солдат.

IV

Тем временем в Ватикане поднялась тревога. Азора, испанский посланник, снабженный полномочиями папы, поспешно прибыл 23 июня для подписания перемирия, обеспечивающего права папы. Последний обязался отправить посланника в Париж для заключения с республикой окончательного мира. Перемирие должно было продолжаться до заключения мира. Болонья и Феррара оставались во власти французской армии; армия ставила свой гарнизон в Анкону; папа выплачивал 21 миллион деньгами, доставлял лошадей и зерно и отдавал сто произведений искусства, по выбору французских комиссаров, для отправки в Парижский музей.

Военная обстановка была такова, что в предположения Наполеона не могло входить движение на Рим. Однако враги папы с неудовольствием смотрели на это перемирие. Население Болоньи особенно проявляло беспокойство, как бы ему не пришлось вернуться снова под господство папы. Ему легко было объяснить, что теперь в условия мира будет включена гарантия, его свобода будет гарантирована. Получив это обещание, население тотчас же вооружило национальную гвардию.

V

Закончив это важное дело, обеспечивающее спокойствие на флангах армии и содействовавшее привлечению к ней симпатий населения, Наполеон перешел за Апеннины и в Пистойе 26 июня присоединился к дивизии Вобуа. Он поселился у епископа, который наделал много шума своими либеральными религиозными взглядами.

Манфредини, премьер-министр великого герцога тосканского, встревоженный слухами о намерении французской армии пройти через Флоренцию, поспешил в главную квартиру. Его успокоили и заверили, что французы хотят дружбы с великим герцогом и пересекут его территорию только для того, чтобы пройти в Сиенну.

27 июня, выйдя из Фучекио, Мюрат, командующий авангардом, круто повернул на Ливорно и через 8 часов уже был там, надеясь захватить врасплох английских купцов, имевших в порту 100 нагруженных судов, но они были во-время предупреждены и укрылись в корсиканских портах.

Ливорнская крепость была рассчитана на 8 000—10 000 жителей. Торговля шла здесь с таким успехом, что население возросло до 60 000 с лишком человек, и это повело к постройке множества предместий. Войти в порт было затруднительно. Рейд был удален от берега и плохо защищен. Каждый год на нем происходило немало аварий. Ливорно занял место порта Пизы, расположенного в устье Арно, главной тосканской реки. Это — морской порт Флоренции, который очень часто посещается англичанами, построившими здесь склады для своих мануфактурных товаров, продуктов из Индии и других колоний. Занятие Ливорно и разрушение фактории были очень чувствительны для лондонской торговли.

В Ливорно собрались корсиканские беженцы, прибывшие из Франции, в числе 600 человек. Сообщение с Корсикой могло производиться беспрепятственно. На остров были отправлены воззвания. Вице-король Эллиот не замедлил это почувствовать; произошел ряд восстаний. Беженцы были влиятельными лицами, а их близость и их воззвания возбуждали воинственное население гор. Последовали кровавые расправы. Англичане каждый день теряли много людей и не имели достаточно силы, чтобы удержаться в стране. Можно было не опасаться того, что

они будут беспокоить итальянское побережье. Наконец, в октябре Джентили и корсиканские беженцы высадились на остров, захватили его и изгнали англичан.

Спаноки, тосканский комендант Ливорно, был очень расположен к англичанам. Некоторые его поступки переполнили меру терпения; он был арестован и отправлен во Флоренцию, где его передали в распоряжение великого герцога.

Французский консул Белльвиль взял в свое ведение все спорные дела об английских товарах. Несмотря на тучи жуликов, сбежавшихся из Марселя и Генуи, армейская казна получила 12 миллионов.

Комендантом города был оставлен Вобуа с 2 000 человек гарнизона, и все войска направились обратно через Апеннины и По на Адидже для соединения с армией.

VI

Главнокомандующий по приглашению великого герцога отправился из Ливорно во Флоренцию. Он прибыл туда без всякого эскорта и остановился у французского посланника, где его ожидал гвардейский батальон, присланный герцогом в качестве почетного караула. Он остался очень доволен приемом великого герцога и с любопытством осматривал все, заслуживающее внимания в этой старинной и крупной столице. Французские войска два раза проходили через великое герцогство, но вдали от Флоренции. Соблюдалась строжайшая дисциплина, и не было заявлено никаких жалоб. Тосканское правительство признавалось, что англичане были больше хозяевами в Ливорно, чем оно само, и жаловалось на заносчивость английского резидента.

Во время одного из обедов у великого герцога Наполеон получил известие о взятии миланского замка, капитулировавшего 29 июня. Громадные башни, остатки дворца Висконти, господствовали над заложенной траншеей. Несколько орудий, обстреливающих траншеи сверху, задержали устройство подступов на несколько дней. Гарнизон, силою в 2 500 человек, сдался. В этом замке оказалось 100 орудий. Осадный парк был немедленно отправлен на судах по р. По в Мантую. Вместе с орудиями, снятыми с замка Урбино и Феррары, составился парк из 200 орудий, хорошо снабженных боеприпасами, который был признан достаточным для осады Мантуи.

После обеда великий герцог повел своего гостя в знаменитую Флорентийскую галлерею для осмотра произведений искусства. Наполеон был восхищен Медицейской Венерой. Анатом Фонтана показывал ему превосходные модели человеческого тела из воска, он заказал такие же для Парижа.

Манфредини, мажордом и первый министр великого герцога, был наставником этого государя, так же как и эрцгерцога Карла. Родом он

был из Падуи, венецианской провинции. Он был шефом австрийского полка. Это был просвещенный человек, столь же близко воспринявший почти все философские идеи революции, сколь он был далек от крайностей ее. Он всегда боролся с домогательствами римского двора. Это был человек здравого смысла, всеми уважаемый, тайно стремившийся к независимости Италии.

VII

После краткого пребывания во Флоренции Наполеон отправился в Болонью, где потратил несколько дней на упорядочение вопросов, касавшихся народных стремлений к свободе. В Луго поднялся мятеж, были совершены эксцессы против слабого французского отряда. Генерал Бейран двинулся туда со своей бригадой и встретил сопротивление со стороны ворвавшихся в город 4 000—5 000 крестьян. Он их атаковал, разбил, захватил город и разграбил его. Имольский епископ, впоследствии папа Пий VII, в епархии которого произошло возмущение, сделал попытку успокоить народ. Он высылал даже в Луго епископа эдесского, тогда своего старшего викария и затем духовника. Успеха он не имел. Мятежники встречали его с почтением, но не подчинились его уговорам. Они подчинились только силе.

Армия переправилась через По. На правом берегу осталось только несколько жандармских застав и несколько команд на сборных пунктах. Население было настолько хорошо расположено к армии, что для порядка в тылу достаточно было национальной гвардии. Хоть правитель Модены и был предан противнику, но власть принадлежала не ему; патриоты Реджио и Модены были значительно сильней.

VIII

В Мантуе комендантом был Канто-д'Ирль, имевший в своем подчинении генералов Роккавина, Розельмини и Вукассовича с 12 000 человек пехоты, 500 кавалерии, 600 артиллерии, 150 минеров, 100 моряков — всего в общем 14 000 человек. Главная квартира главнокомандующего была переведена из Болоньи в Ровербелла, где находился Серюрье, командующий блокадным корпусом.

На Нижнем озере плавало много французских баркасов. Полковник Андреосси заготовил большое количество судов и надеялся на захват крепости врасплох. Уже 1 000 гренадер были посажены на суда и должны были высадиться в 2 часа утра под батареей и бастионом у дворца, овладеть воротами и опустить подъемные мосты сен-жоржского шоссе, по которым армия вошла бы в город. Этот проект казался вполне осуществимым. Полковник Лагоц, уроженец Мантуи, должен был вместе с несколькими патриотами итти во главе колонны. Но так как уровень р. По значительно понизился, а течение в Нижнем озере очень быстрое, то для прохода судов в нем оказалось мало воды. Они

были вынуждены отойти в середину камышевых зарослей, чтобы не быть замеченными из крепости. Здесь ночью они сели на мель, и снять их не смогли. В следующую ночь вода еще убавилась. Эту экспедицию пришлось бросить. Тогда был возбужден вопрос, закладывать ли траншею. Тирольская буря готова была вот-вот разразиться. Но Шасселу предложил взять крепость в 15 дней с помощью траншей. Крепость была плохо вооружена и гарнизон ослаблен. Главнокомандующий решился на это.

Генералы Мюрат и Даллемань переправились через рукав Нижнего озера в Пиетоле, где он очень узок, и после оживленного боя овладели незатопляемым участком местности от Пиетоле до дворца и укрепленным лагерем Мильяретто. 18 июля все препятствия были преодолены, впереди оставался только простой бастион и наполненный водою широкий ров. Инженерный генерал Шасселу заложил траншею. Осада после этого превратилась в совершенно обыкновенную осаду. 22-го траншея была уже в 50 туазах от укрытого пути. Противник тщетно пытался несколькими вылазками замедлить продвижение. Стычки были кровопролитные, но всегда отражались с потерями. Особенно хорошо действовал полковник Дюпюи во главе гренадерского батальона, тот самый, который впоследствии отличился в Египте во время каирского мятежа.

IX

Приближался момент, когда австрийцы окажутся в состоянии предпринять наступление. Наполеон, успокоенный относительно хода работ по осаде Мантуи, решил заняться переустройством во внутренних делах Ломбардии, для того чтобы обеспечить свой тыл на время борьбы, которая должна была начаться. Он отправился в Милан с тем, чтобы вернуться к моменту наступления.

Сардинский король отдал себя целиком в распоряжение республики. Он сдал все свои крепости. Суза, Экзиль и Демонте срывались. Александрия находилась в руках итальянской армии. В Милане находился сардинский поверенный в делах кавалер Боргезе; но король часто посылал в главную квартиру графа Сен-Марсана или для представления особых разъяснений, или с просьбой о необходимой помощи для поддержания мира в стране. Сардинские дела не могли быть в более надежных руках. По характеру и личным качествам он нравился главнокомандующему. Граф Сен-Марсан, принадлежавший к одной из лучших фамилий Пьемонта, был в возрасте 25—30 лет. Человек выдержанный, мягкий, просвещенный, он был свободен от всяких предрассудков и имел здравый взгляд на вещи. Он питал предубеждение против австрийской политики — чувство, которое он заимствовал у своих предков и вывел из собственного опыта.

ГЛАВА VI

СРАЖЕНИЕ У КАСТИЛЬОНЕ

Схемы 5 и 6

I. Прибытие фельдмаршала Вурмзера в Италию во главе новой армии.— II. Положение французской армии. — III. План кампании австрийской армии.—IV. Вурмзер выходит тремя колоннами (29 июля 1796 г.): правой — по шоссе в Киеза, центральной — в направлении на Монте-Бальдо, между Адидже и оз. Гарда, левой — по долине Адидже.—V. Быстрое решение, принятое Наполеоном. Бой у Сало. Бой у Лонато (31 июля).—VI. Сражение у Лонато (3 августа).— VII. Сдача трех дивизий правого фланга противника и части центра.—VIII. Сражение у Кастильоне (5 августа).—IX. Вторая блокада Мантуи (конец августа). — X. Поведение различных народов Италии при известии об успехах австрийцев.

I

Когда венский двор узнал о прибытии французов на границу Тироля и об осаде Мантуи, он отказался от наступления, которое предполагал вести в Эльзасе, и выделил фельдмаршала Вурмзера во главе 30 тысяч человек из армии Верхнего Рейна для отправки в Италию. Там эта армия, соединившись с войсками Болье, пополнившимися в течение двух месяцев, и с гарнизоном Мантуи, возросла до 80 000 человек, не считая больных в Мантуе.

Французская армия, разгромив армию Болье, выполнила возложенную на нее задачу. Если бы рейнские армии сделали то же самое, поднятая в Европе великая борьба была бы закончена.

Между тем слухи о приготовлениях австрийского дома дошли до венецианских областей; вдобавок купеческие письма постарались их преувеличить: до конца августа австрийцы будто бы овладеют Миланом, французы потеряют полуостров, не смогут уйти к Альпам, и снова оправдается в этом году пословица, что Италия послужит им могилою.

II

Наполеон внимательно следил за всеми этими приготовлениями и сильно тревожился. Он заявлял Директории, что нельзя с одной только 40-тысячной армией сдерживать натиск всех австрийских сил. Он требовал, чтобы либо ему были высланы подкрепления, либо же рейнские армии начали без замедления кампанию. Он напоминал об обещании, данном ему при отъезде из Парижа, что они начнут действовать 15 апреля. Однако истекло два месяца, а они еще не выходили из своих зимних квартир. Наконец, в июне они открыли кампанию; но подобная диверсия в то время была совершенно бесполезна для итальянской армии: 30 000 человек Вурмзера находились уже на марше, и вскоре ожидалось их прибытие к месту назначения. В таком положении предоставленный са-

мому себе Наполеон сосредоточил на Адидже и на Киеза всю свою армию, оставив только один батальон в феррарской цитадели, два в Ливорно и этапные команды в Кони, Тортоне, Алессандрии, Милане и Пиццигетоне. Осада Мантуи вызвала заболевания; хотя перед этой крепостью он держал только 7 000—8 000 человек, то есть две трети гарнизона, — потери все же были значительными. На Адидже в обсервационной армии нельзя было собрать больше 30 000 человек; с таким небольшим числом солдат приходилось бороться против главной австрийской армии. Велась очень деятельная корреспонденция между Италией и Тиролем, где сосредоточивался противник. Каждый день можно было убеждаться во вредном влиянии этих приготовлений на настроение итальянских народов. Приверженцы французов трепетали, приверженцы Австрии стали угрожать, но все изумлялись, что такая могущественная держава, как Франция, оставила без поддержки армию, так хорошо ей послужившую. Эти пересуды проникли даже в среду солдат вследствие их ежедневного общения с жителями.

Дивизия Соре стояла на позиции в Сало, прикрывая местность между озерами Идро и Гарда и перехватывая дорогу из Триента в Брешиа по киезской долине. Массена, расположенный в Буссоленго, занимал Корону и Монте-Бальдо бригадою Жубера, другая часть его дивизии стояла лагерем на Риволийском плато. Бригада Даллеманя из дивизии Деспинуа охраняла веронские мосты, другая бригада этой дивизии охраняла Адидже до Порто-Леньяго, дивизия Ожеро занимала Порто-Леньяго и Нижний Адидже. Генерал Гильом был комендантом Пескиеры, где шесть галер под начальством капитана 2-го ранга Алемана господствовали на оз. Гарда. Серюрье вел осаду Мантуи. Кильмэн командовал кавалерией армии, Доммартен — артиллерией. Главная квартира была перенесена в Кастельнуово, вблизи Адидже, Киезы и Мантуи.

III

Вурмзер перенес свою главную квартиру в Триент и сосредоточил всю армию в итальянском Тироле. Он разделил ее на три корпуса. Левому, под командованием генералов Давидовича, Мессароша и Митровского, силою в 20 000 человек, была назначена для движения долина Адидже: Мессарош должен был следовать по шоссе левого берега и проникнуть в Верону по высотам; Давидович и Митровский, с кавалерией и артиллерией, должны были переправиться через Адидже по мосту, сооруженному у Дольче, и двинуться на Коссариа. Центр, силою в 30 000 человек, под командованием Вурмзера (в составе четырех дивизий — генералов Меласа, Себоттендорфа, Баялича и Липтая), должен был проникнуть в Италию через Монте-Бальдо и местность между Адидже и оз. Гарда. Правый, в составе 20 000 человек, под начальством Квазданович, Отта, принца Рейсс и Очкая, должен был пройти через

Киезу, двинуться на Брешиа и обогнуть всю французскую армию, отделяя ее от Милана и отрезая от путей отступления. Полное ее поражение было бы эффектным следствием такой искусно задуманной комбинации. Рассчитывая на свое громадное превосходство, Вурмзер думал не просто победить, но использовать победу целиком и сделать ее решительной и роковой для противника [1].

IV

Едва прошло несколько дней со времени прибытия Наполеона в Милан, как он узнал о движении из Тироля. Поспешно он отправился в Кастельнуово, в свою главную квартиру. В этом небольшом местечке он находился недалеко от гор Монте-Бальдо и Вероны. 29 июля утром он узнал, что Корона была атакована большими силами, что легкие войска генерала Мессароша вышли на веронские мосты, на левом берегу Адидже, и многочисленные колонны спускаются с Рокка-д'Анфо. В течение всей ночи донесения ежечасно следовали одно за другим. Стало известно, что Жубер, атакованный на Корона, весь день оказывал сопротивление, но вечером отошел на Риволийское плато, которое Массена занимал крупными силами; что австрийские бивачные огни покрывают всю местность между оз. Гарда и Адидже; что на веронских высотах сосредоточились все легкие войска дивизии Мессароша. Со стороны Брешиа Кважданович, вышедший по долине Киезы, разделился на три колонны: одна прикрывает высоты Сант-Озетто [2], повидимому, направляясь на Брешиа, другая заняла позицию у Гавардо и угрожает движением на Понте-Сан-Марко и Лонато, третья пошла на Сало, где вела бой с 3 часов дня. На рассвете 30-го было получено донесение, что сант-озеттская колонна проникла в Брешиа, где не встретила никакого сопротивления, захватив там в плен четыре роты, оставленные для охраны госпиталей. Одна из дорог, связывающих армию с Миланом, оказалась, таким образом, перехваченной; уцелела лишь единственная — кремонская. На всех дорогах из Брешиа в Милан, в Кремону, в Мантую были замечены люди, распускавшие слухи, что одна армия в 80 000 человек вышла через Брешиа, а другая армия в 100 000 человек — через Верону, что Соре, боясь оказаться отрезанным от Брешиа и от армии, отошел

---

[1] Заметка, написанная рукой Наполеона:

Австрийские генералы:

Правый фланг	*Центр*	*Левый фланг*
1. Кважданович.	1. Вурмзер.	1. Давидович.
2. Очкай.	2. Мелас.	2. Мессарош.
3. Отт.	3. Себоттендорф.	3. Митровский.
4. Принц Рейсс.	4. Липтай.	
	5. Баялич.	

[2] В современных картах это место значится под названием Сант-Езебио. — *Прим. франц. ред.*

на высоты Дезенцано, оставив у Сало генерала Гиё с 15 000 человек, в старинном замке, обеспеченном от атаки врасплох, что гвардской колонной противника выслано несколько разъездов на Понте-Сан-Марко, но что они там задерживаются ротой егерей, охраняющей этот мост.

V

План Вурмзера теперь был раскрыт. Он захватил и рассчитывал сохранить инициативу. Он предполагал, что армия стоит неподвижно вокруг Мантуи и что, окружив этот пункт, он окружит тем самым и французскую армию. Чтобы расстроить эти предположения, следовало вырвать эту инициативу, сделать армию подвижной, сняв осаду Мантуи, пожертвовав траншеями и осадным парком для того, чтобы быстро двинуться на один из корпусов противника и затем последовательно обрушиться на оба остальных. Австрийцев было по два с половиной человека на одного француза, но если они будут атакованы по отдельности всей французской армией, то эта армия будет на поле сражения иметь численное превосходство. Наполеон двинулся сначала против правого корпуса под командованием Квазданович.

Дивизия Серюрье сожгла осадные лафеты и платформы, побросала порох в воду, зарыла в землю снаряды, заклепала орудия и в ночь с 31 июля на 1 августа сняла осаду Мантуи. Дивизия Ожеро направилась из Леньяго на Минчио, в Боргетто. Войска Массена защищали весь день 30-го высоты между Адидже и оз. Гарда. Бригада Даллеманя была двинута на Лонато.

Наполеон отправился на высоты позади Дезенцано, приказав Соре вновь двинуться к Сало на выручку генералу Гиё, подвергавшемуся опасности на плохой позиции, где Соре его оставил. Гиё дрался там 48 часов против целой неприятельской дивизии, которая пять раз бросалась на штурм и пять раз была отражена. Соре прибыл как раз в ту минуту, когда противник напрягал последние усилия. Он обрушился на его фланги, разгромил его, захватил знамена, пушки и пленных.

В то же самое время австрийская дивизия генерала Очкая из Гавардо двигалась на Лонато, чтоб занять позицию на высотах и войти в связь с Вурмзером на Минчио. Наполеон сам повел против нее бригаду Даллеманя. Бригада проявила чудеса храбрости. Очкай был обращен в бегство и понес громадные потери. Остатки этих двух дивизий, разбитых Соре и Даллеманем, стягивались в Гавардо. Соре опасался подставить себя под удар и снова занял промежуточную позицию между Сало и Дезенцано.

Тем временем Вурмзер распорядился переправить через Адидже свою артиллерию и кавалерию. Владея всей местностью между Адидже и оз. Гарда, он расположил одну из своих дивизий на высотах Пескиеры, чтобы прикрывать эту крепость и охранять свои пути сообщения.

Две другие дивизии с частью кавалерии он направил на Боргетто для овладения мостом через Минчио и для выхода на Киезу с целью войти в связь со своей правой колонной. С двумя последними дивизиями пехоты и оставшейся кавалерией он двинулся на Мантую, чтобы заставить снять осаду с этой крепости. Но она была снята уже 24 часами раньше. Он нашел траншеи и батареи еще целыми, орудия перевернутыми и заклепанными, повсюду — остатки лафетов, платформ и снаряжения. Поспешность, вызвавшая, как казалось, эту меру, должна была его обрадовать; все, что видел здесь Вурмзер, ясно говорило больше об испуге, чем о заранее рассчитанном плане.

Массена, сдерживавший противника весь день 30-го, ночью переправился в Пескиере через Минчио и продолжал свое движение на Брешиа. Австрийская дивизия, показавшаяся перед Пескиерой, нашла правый берег Минчио усыпанным стрелками, высланными из гарнизона и из арьергарда Массена под командованием Пижона, имевшего приказание противодействовать переправе через эту реку и, когда она будет форсирована противником, сосредоточиться к Лонато. Ожеро, двигаясь на Брешиа, переправился в Боргетто, сломал мост и оставил арьергард для занятия правого берега, приказав ему сосредоточиться к Кастильоне, когда противник форсирует реку. Всю ночь с 31 июля на 1 августа Наполеон двигался с дивизиями Ожеро и Массена на Брешиа, куда прибыл в 10 часов утра.

Дивизия противника, узнавшая о движении на нее французской армии по всем дорогам, поспешно отступила. Войдя в Брешиа, она нашла там 500 больных французов, но оставалась в Брешиа так мало, что у нее нехватило времени на опрос пленных и на согласование своих действий с их показаниями. Генерал Деспинуа и полковник штаба Эрбен, каждый с несколькими батальонами, стали преследовать противника на Сант-Озетто и Киезу. Наполеон с двумя дивизиями — Ожеро и Массена — повернул обратно быстрым контрмаршем и двинулся от Минчио на Киезу, откуда раньше вышли обе эти дивизии, чтобы поддержать свои арьергарды, сделавшиеся теперь авангардами.

VI

2 августа Ожеро, на правом фланге, занял Монте-Кьяро; Массена, в центре, стал у Понте-Сан-Марко, держа связь с Соре, занимавшим на левом фланге высоты между Сало и Дезенцано с повернутым назад фронтом, чтобы сдерживать уже дезорганизованный правый фланг Квасжданович.

Тем временем арьергарды, оставленные Ожеро и Массена на Минчио, отходили перед дивизиями противника, форсировавшими переправы через эту реку. Арьергард Ожеро, имевший приказание сосредоточиться к Кастильоне, бросил свой пост раньше времени и вернулся в беспорядке

к своим главным силам. Командовавший им генерал Валетт был смещен с должности перед строем за то, что не обнаружил в этом случае должной твердости. Что касается генерала Пижона, то он с арьергардом Массена достиг Лонато в полном порядке. Противник, воспользовавшись оплошностью генерала Валетт, овладел Кастильоне 2 августа и там укрепился.

3 августа произошло сражение у Лонато. Оно было дано двумя дивизиями Вурмзера, переправившимися через Минчио по мосту у Боргетто, в том числе дивизией Липтая и одной из бригад дивизии Баялича, которую он оставил перед Пескиерой. Вместе с кавалерией силы австрийцев равнялись 30 000 человек. У французов было 20 000—23 000 человек. Вурмзер с двумя пехотными дивизиями и кавалерией, которые он повел в Мантую, а тем более Кваждановичь, который уже отступал, не могли здесь находиться.

Утром, на рассвете, противник двинулся на Лонато, которое было им стремительно атаковано. Здесь он надеялся установить сообщение со своим правым флангом, о котором он начинал беспокоиться. Авангард Массена был сбит, Лонато взято. Главнокомандующий, находившийся в Понте-Сан-Марко, стал во главе войск. Австрийский главнокомандующий слишком растянул свои войска в стремлении продвинуть правый фланг, с тем чтобы открыть себе пути сообщения в Сало, и поэтому его фронт был прорван в центре. Лонато было вновь взято штурмом и неприятельская линия разрезана надвое. Одна часть отошла на Минчио, другая бросилась к Сало; но поражаемая с фронта генералом Соре, который вышел ей навстречу, а с тыла — генералом Сент-Илером, она была вынуждена сложить оружие. Если французы были атакованы в центре, они зато атаковали правый фланг. Ожеро охватил дивизию Липтая, прикрывавшую Кастильоне, и после упорного боя сбил ее. Противник потерял Кастильоне и отступил на Мантую, откуда к нему подоспели подкрепления, но уже после того как сражение было окончено. Дивизия Ожеро потеряла много храбрых бойцов в этом упорном бою. Армия очень сожалела, особенно о генерале Бейране и полковнике Пурайе, весьма выдающихся офицерах.

VII

Кваждановичь ночью получил сообщение об исходе Лонатского сражения. Весь день он слышал оттуда пушечную пальбу. Его положение становилось очень затруднительным: соединение с главными силами армии стало невозможным. К тому же он думал, что французские дивизии, действовавшие против него 2 августа, продолжают все время итти за ним, и это делало французскую армию в его представлении огромной. Ему казалось, что она находится повсюду. Вурмзер из Мантуи направил часть своих войск к Маркарии для преследования Серюрье и потерял время, пока повернул их к Кастильоне. 4 августа ему не удалось

этого сделать. Он потратил весь день на сбор и приведение в порядок своих частей и снабжение боевыми припасами своей артиллерии.

Наполеон в 2 или в 3 часа пополудни произвел разведку боевой линии, занимаемой австрийской армией. Она показалась ему грозной: на ней находилось еще 25 000—30 000 бойцов.

Он приказал укрепить Кастильоне, внес исправления в занятую Ожеро позицию и отправился в Лонато, для того чтобы лично наблюдать за движением своих войск, которые чрезвычайно важно было ночью сосредоточить вокруг Кастильоне. Весь день Соре и Эрбен, с одной стороны, Даллемань и Сент-Илер — с другой, безостановочно преследовали три дивизии правого фланга противника и дивизии, отрезанные от центра в сражении у Лонато. На каждом шагу они захватывали пленных. Батальоны в полном составе складывали оружие — одни в Сант-Озетто, другие в Гавардо, многие разбрелись, не зная что делать, по соседним долинам. 4 000—5 000 человек из них, узнав от крестьян, что в Лонато только 1 200 французов, направились туда в надежде пробить себе дорогу на Минчио. Было 5 часов вечера. Наполеон тоже вошел в Лонато с другой стороны, двигаясь из Кастильоне. К нему привели парламентера. В то же время донесли, что неприятельские колонны двигаются через мост Понте-Сан-Марко с целью занять Лонато и требуют сдачи этого города. Между тем Сало и Гавардо все время были в руках французов. Было очевидно, что это могли быть только заблудившиеся колонны, пытавшиеся пробиться. Наполеон приказал своему штабу сесть на коней, затем привести сюда офицера-парламентера и развязать ему глаза среди шумного движения главной квартиры. «Скажите своему генералу, — заявил ему Наполеон, — что я даю ему восемь минут сроку для того, чтобы сложить оружие; он очутился среди всей французской армии. По прошествии этого времени пусть не надеется больше ни на что». Измотанные и проплутавшие в течение трех дней, неуверенные в себе, не понимавшие, что случилось, убежденные, что крестьяне их обманули, эти 4 000—5 000 человек положили оружие. Один этот эпизод может дать понятие о беспорядке и смятении в австрийских дивизиях, разбитых у Сало, у Лонато, у Гавардо, преследуемых во всех направлениях и почти уничтоженных. Весь остаток дня, 4-го, и целая ночь прошли в сборе всех наличных войсковых колонн и сосредоточении их в Кастильоне.

VIII

5-го с рассветом французская армия, силою в 20 000 человек, заняла кастильонские высоты — прекрасную позицию. Дивизия Серюрье, силой в 5 000 человек, получила приказание выступить из Маркарии, сделать ночной переход и обрушиться утром на тыл и левый фланг Вурмзера. Пушечные выстрелы Серюрье должны были служить сигналом для начала общего сражения. Ожидали большого морального успеха

от этой внезапной атаки, и, чтобы сделать ее еще более чувствительной, французская армия притворилась отступающей. Как только она услышала первые звуки канонады обходной колонны Серюрье, замещенного вследствие его болезни генералом Фиорелла, армия быстро двинулась вперед и обрушилась на противника, поколебленного в своей уверенности и растратившего свой первый порыв. Медольский [1] холм, находящийся среди равнины, являлся опорным пунктом левого фланга противника. Полковнику штаба Вердье было поручено его атаковать; адъютант Мармон направил туда несколько артиллерийских батарей. Холм был взят. Массена атаковал правый фланг, Ожеро — центр, Фиорелла ударил с тыла на левый фланг; легкая кавалерия внезапно атаковала главную квартиру и едва не захватила в плен самого Вурмзера. Противник повсюду начал отступать. Только чрезвычайное утомление французских войск спасло австрийскую армию, в беспорядке бросившуюся на левый берег Минчио, надеясь на нем собраться и удержаться. Здесь ей было выгодно оставаться, так как сохранялись пути сообщения с Мантуей. Но дивизия Ожеро двинулась на Боргетто, а дивизия Массена — на Пескиеру. Генерал Гильом, комендант этой крепости, имевший только 400 человек гарнизона, замуровал ворота. Пришлось потерять несколько часов, пока их пробили. Австрийские войска, блокировавшие Пескиеру, были свежие. Они долго держались против 18-й линейной полубригады, которой командовал полковник Сюше, но были, наконец, сбиты, потеряли 18 пушек и много пленных.

Главнокомандующий двинулся с дивизией Серюрье к Вероне, куда прибыл 7-го ночью. Вурмзер распорядился закрыть ворота, желая выиграть ночь для эвакуации Вероны, но Наполеон приказал их сбить пушечными выстрелами и овладел городом. Австрийцы понесли много потерь.

Дивизия Ожеро, встретив затруднения в устройстве переправы у Боргетто, перешла по Пескиерскому мосту. Вурмзер, потеряв линию Минчио, попытался сохранить важную позицию Монте-Бальдо и Рокка-д'Анфо. Генерал Сент-Илер атаковал Квазданович в долине Идро, 12-го числа овладел Рокка-д'Анфо, Лодроне, Рива и захватил у него много пленных. Это заставило австрийцев сжечь свою озерную флотилию. Массена двинулся на Монте-Бальдо и 11-го числа захватил Корона. Ожеро поднялся вверх по левому берегу Адидже, следуя по горным хребтам, и дошел до высоты Ала. Бои и маневрирования этих трех дивизий дали 2 000 пленных и несколько пушек.

После проигрыша двух таких сражений, как у Лонато и Кастильоне, Вурмзер должен был понять, что он не может принудить французов отказаться от обеспечения линии Адидже. Он отступил в Роверето и Триент.

---

[1] Монте-Меделано, в 3 800 м юго-западнее Сольферино.—*Прим. франц. ред.*

Сама французская армия тоже нуждалась в отдыхе.

Австрийская армия после своего поражения все еще состояла из 40 000 человек, но с той разницей, что отныне один батальон итальянской армии французов обращал в бегство четыре неприятельских, и повсюду французы подбирали пушки, пленных и предметы военного снаряжения. Вурмзер, правда, снабдил продовольствием гарнизон Мантуи. Он вывел оттуда бригады Вукассовича и Роккавина, которые заменил свежими войсками, но он увел с собой обратно только половину своей прекрасной армии. Впрочем, совершенно не было бы подобной деморализации в этой армии после ее неудач, если бы она не была чрезмерно самоуверенна в начале кампании.

План австрийского главнокомандующего, который мог удаться при других обстоятельствах и против другого человека, чем его противник, должен был неизбежно привести к печальному исходу. Хотя, на первый взгляд, поражение этой большой и прекрасной армии в течение нескольких дней, казалось, следовало бы приписать только искусству Наполеона, который не останавливался на раз принятом плане, а всегда маневрировал в соответствии с обстановкой, — все же нужно признать, что план австрийцев имел порочную основу. Всегда бывает ошибкой действовать отделыными корпусами, не имеющими между собой путей сообщения, против армии сосредоточенной, части которой имеют между собой хорошую связь. Правый корпус австрийцев мог сообщаться с центром только через Роверето и Ледро. Другой ошибкой было подразделение правого фланга на несколько колонн и назначение различных целей различным его дивизиям. Та, которая прошла к Брешиа, против себя никого не нашла, а та, которая достигла Лонато, имела дело с войсками, бывшими накануне в Вероне перед левым флангом, который в эту минуту входил в Веронскую область и не имел перед собой никого.

В австрийской армии были очень хорошие войска, но были также и плохие. Все, что пришло с Вурмзером из Рейнской области, было превосходно, но кадры старой армии Болье, столько раз битые, были деморализованы. В боях и сражениях от 29 июня до 12 августа французская армия взяла 15 000 пленных, 70 пушек и девять знамен; убитых и раненых у противника было 25 000 человек. Потери французской армии равнялись 7 000 человек, из которых 1 400 попало в плен, 600 были убиты и 5 000 ранены, половина из них легко.

IX

Гарнизон Мантуи первые дни после снятия осады потратил на разрушение возведенных противником сооружений, на увоз орудий и принадлежностей осадного парка. Быстрое отступление Вурмзера вернуло скоро французов к крепости. Потеря осадного парка лишила их средств продолжать дальше осаду. Потеря этого парка, созданного с большими

трудностями из орудий, собранных в различных крепостях Италии, была весьма чувствительна. Впрочем, наступило очень плохое время года; заложение и обслуживание траншей были бы слишком опасны для войск в эту пору, когда все возрастало число жертв, уносимых осенней погодой. Французы не стали создавать другой осадный парк: незачем было терять его еще раз при новых событиях, которые заставят снять осаду вторично. Они удовольствовались простой блокадой. Это было возложено на генерала Саюгэ. Он атаковал Говерноло и приказал генералу Даллеманю атаковать Боргофорте.

24 августа в его власти было все Серралио. Он отбросил противника в крепость и повел блокаду. Им было увеличено число редутов и прочих сооружений на контрвалационной линии. С каждым днем численность его войск уменьшалась от убийственной лихорадки, и с ужасом предвидели рост потерь в это осеннее время. Правда, гарнизон был подвержен тем же заболеваниям, однако он был лучше укрыт в домах и пользовался бо́льшими удобствами, чем осаждающие.

X

При первых же слухах о неудачах французской армии население Италии обнаружило, на чью сторону оно склонялось. Партия приверженцев противника зашевелилась больше всего в Кремоне, в Казаль-Маджиоре и в Павии, но вообще в Ломбардии преобладало хорошее настроение. В Милане народ проявлял доказательства своей непреклонной твердости и неизменной преданности Франции. За это он с тех пор пользовался доверием Наполеона, доверившего ему оружие, о чем Милан настойчиво не переставал просить и которое он сумел хорошо использовать. Несколько времени спустя Наполеон писал миланцам:

«Когда французская армия начала отходить, а приверженцы Австрии и враги итальянской свободы считали ее безнадежно погибшей, когда вы сами не могли думать, что этот отход был лишь хитростью, — вы выказали привязанность к Франции и любовь к свободе. Вы доказали усердие и непреклонное постоянство, вызвавшее к вам уважение в армии, и за эти заслуги вы будете взяты под особое покровительство республики. С каждым днем ваш народ становится все больше достойным свободы, с каждым днем в нем увеличивается энергия, и он, без сомнения, в один прекрасный день выступит со славой на мировой арене. Примите выражение моего удовольствия и искреннее желание французского народа видеть вас свободными и счастливыми».

Население Болоньи, Феррары, Реджио и Модены выказало живой интерес к судьбе французов. Известия об их неудачах были приняты недоверчиво, а известия об их победах, наоборот, были встречены восторженно. Парма оставалась верной, но регентство Модены проявило враждебность.

В Риме французы подвергались оскорблениям на улицах. Выполнение условий перемирия было приостановлено. Кардинал Маттеи, архиепископ Феррары, засвидетельствовал свою радость при снятии осады Мантуи. Он призывал народы к восстанию, завладел феррарской цитаделью и поднял над ней флаг церкви. Папа тотчас же выслал туда легата. Уверяли, что французы уже по ту сторону Альп. После сражения у Кастильоне кардинал Маттеи был вызван в Брешиа. Введенный к главнокомандующему, он отвечал на все одним словом: «грешен» (peccavi); это обезоружило победителя, удовольствовавшегося заключением его на три месяца под домашний арест в семинарии. Впоследствии этот кардинал был полномочным представителем папы в Толентино.

В вознаграждение за хорошее поведение Ожеро в сражении у Лонато, где он командовал правым флангом с задачей атаковать Кастильоне, он впоследствии получил титул герцога Кастильонского. Сражение у Лонато — самый блестящий подвиг в жизни этого генерала. Наполеон о нем никогда в дальнейшем не забывал.

ГЛАВА VII

МАНЕВРИРОВАНИЯ И БОИ МЕЖДУ МИНЧИО И БРЕНТОЙ

Схема 6

I. Положение австрийской армии в Тироле к 1 сентября 1796 г.— II. Сражение у Роверето (4 сентября). — III. Вурмзер спускается в равнины Бассано. — IV. Бои у Примолано, Каволо, Чисмоне (7 сентября). Французская армия форсирует ущелья Бренты.— V. Бой у Вероны (7 сентября). — VI. Сражение у Бассано (8 сентября). — VII. Вурмзер переправляется через Адидже по мосту Порто-Леньяго (11 сентября).—VIII. Сражение у Сен-Жоржа (15 сентября). Вурмзер запирается в Мантуе. — IX. Третья блокада Мантуи.

I

Армии самбро-маасская и рейнско-мозельская переправились наконец через Рейн. Они быстро двинулись в сердце Германии; первая достигла р. Регниц, вторая — р. Лех. Вурмзер набирал 20-тысячное пополнение в Тироле. Он перешел в наступление, намереваясь с 30 000 человек пройти из Триента на выручку Мантуи, следуя по ущельям Бренты через Бассано к Нижнему Адидже, и оставил Давидовича с 25 000 человек для охраны Тироля.

Наполеон понял всю важность отвлечения на себя австрийской армии, чтобы помешать ей выделить силы против приближавшейся к равнинам Баварии рейнской армии. Как только он распознал замысел Вурм-

зера, он решил немедленно перейти в наступление и разбить его по частям при его вступлении в Италию, закончив тем самым разгром этой, причинившей ему столько хлопот, армии, за которые она понесла недостаточную кару своим поражением при Лонато и Кастильоне.

Генералу Кильмэну, с отрядом в 2 500—3 000 человек всех родов войск, было поручено охранять Адидже, прикрывая блокаду Мантуи, которая велась под командованием генерала Саюгэ. Кильмэн занял равнины Вероны и Порто-Леньяго. Часть веронской стены на левом берегу Адидже была восстановлена, и форты могли выдерживать осаду. В инструкциях, данных Кильмэну, все было предусмотрено.

1 сентября Вурмзер со своей главной квартирой был еще в Триенте, а Давидович в Роверето. Он прикрывал Тироль дивизией Вукассовича, расположенной в Марко с авангардом в Серравалле и аванпостами в Ала, и дивизией Рейсса, расположенной в Мори, на правом берегу Адидже, с авангардом у моста через р. Сарка и аванпостами на Лодроне. Резерв Давидовича стоял на превосходной позиции Калиано за Роверето. Три дивизии и кавалерийские резервы, с которыми Вурмзер хотел действовать на Адидже, находились на марше между Триентом и Бассано, дивизия Мессароша — около этого города, дивизия Себоттендорфа—в Ровиго и Маньяно и дивизия Кваждановича — в Лависе.

Дивизия Вобуа, образуя левый французский фланг, двинулась в тот же день, 1 сентября, из Лодроне и поднялась вверх по Киезе, следуя по шоссе, ведущему в Триент. Дивизия Массена, кавалерийский резерв и главная квартира переправились через Адидже по мосту Поль, направляясь по шоссе левого берега. Дивизия Ожеро, вышедшая из Вероны, двигалась во второй линии по тому же шоссе, занимая легкой пехотой верхний хребет гор, господствующих над шоссе и долиной левого берега Адидже.

Тироль является одним из самых старинных владений австрийского дома. Трентино, его южная часть, называемая Итальянским Тиролем, была под управлением епископа, триентского владетеля. Из Триента в Италию ведут три шоссе: одно в Бассано, по левому берегу Бренты, одно в Верону, через Роверето, по левому берегу Адидже, и одно в Брешиа. Пересекая р. Сарка и пролегая затем по обоим берегам оз. Гарда, оно в дальнейшем следует по Киезе и проходит в Рокка-д'Анфо. Шоссе веронское и бассанское соединяются поперечной дорогой.

II

Принц Рейсс хотел оборонять мост через Сарка, но генерал Сент-Илер, командующий авангардом дивизии Вобуа, атаковал его, штурмом захватил мост, взял большое число пленных и преследовал по пятам до Мори. Со своей стороны, генерал Пижон, командующий авангардом Массена, сбил авангард Вукассовича в Серравалле, преследовал его до Марко и захватил несколько сот пленных. Обе армии 4 сентября на рас-

свете оказались одна перед другой, каждая на обоих берегах Адидже. Атака была стремительная, сопротивление — упорное, но едва только австрийские ряды заколебались, Наполеон приказал генералу Дюбуа броситься в атаку. Атака Дюбуа была успешна, но сам он, пронзенный тремя пулями, пал в бою. Это был храбрый офицер, отличившийся в предшествовавшей кампании на Рейне.

Армия вошла в Роверето на плечах противника, которому удалось собраться лишь в ущелье перед Калиано — на очень сильной позиции. Здесь Адидже стиснут между отвесными горными вершинами. Ущелье не достигает и 40 туазов ширины; отдельные фортификационные сооружения и сплошная стена, поддерживаемые многочисленными батареями, преграждали вход. Генерал Давидович с резервом был на позиции. Генерал Доммартен выставил одну легкую батарею, простреливавшую ущелье насквозь. С боем на горах начали наступать стрелки и добились там некоторого успеха. Девять батальонов в сомкнутой колонне устремились в теснину, ударили на противника и опрокинули его. Артиллерия, кавалерия, пехота перемешались. Было захвачено 15 пушек, семь знамен, 7 000 пленных.

Со своей стороны, генерал Вобуа форсировал лагерь Мори и, преследуя противника, поднимался вверх по правому берегу реки в направлении на Триент. Лемаруа, адъютант главнокомандующего, был тяжело ранен в отважной и блестящей атаке на Роверето. Этот молодой человек родом из департамента Ламанш отличился в Париже в день вандемьера.

Армия продолжала двигаться ночью. 5-го днем она вошла в Триент. Вечером дивизия Вобуа продвинулась дальше и заняла позицию на Авичио, в 3 лье от Триента; остатки войск Давидовича стояли на позиции позади этой реки. Наполеон приказал начальнику кавалерии перейти реку вброд с тремя эскадронами, отрезать неприятельскую линию и ударить с тыла на войска, обороняющие мост, а в то же время Наполеон сам намеревался их атаковать. Противник в большом беспорядке бросил свою позицию, и генерал Вобуа расположился на берегах Авичио.

III

Проигрыш сражения у Роверето, вместо того чтобы остановить движение Вурмзера на Бассано, заставил его только ускорить марш. Действительно, будучи отрезан от Триента и от Тироля, он должен был спешить выйти из ущелий и сосредоточить свою армию в Бассано. Но его побуждала другая причина: он решил, что Наполеон хочет двинуться на Инсбрук для соединения с рейнской армией, вступившей к тому времени в Баварию, и, основываясь на этой ошибочной мысли, он распорядился двинуть дивизию Мессароша на Мантую. 7 сентября она уже дошла до Вероны, а в то же время главная квартира с дивизиями Себоттендорфа и Квазданович прибыла с резервами в Бассано. Авангард

этой большой колонны занял позицию у Примолано с целью оборонять ущелья Бренты. В ночь с 5 на 6 сентября в Триенте было получено известие, присланное генералом Кильмэном из Вероны, что дивизия Мессароша переправилась через Бренту и двинулась к Адидже и возможно, что 7 сентября она атакует Верону. У Наполеона тотчас же составился план запереть Вурмзера между Брентой и Адидже или, если при его приближении он отойдет к Пиаве, окружить и захватить дивизию Мессароша, уже подставившую себя под удары и слишком выдвинувшуюся вперед.

Охрану Итальянского Тироля Наполеон поручил генералу Вобуа, который был в состоянии действовать до Бреннера.

В течение ночи он был занят организацией управления страной и распорядился объявить следующее воззвание:

«Тирольцы, вы просите покровительства французской армии: нужно, чтобы вы были этого достойны. Так как большинство из вас к нам настроено хорошо, то противодействуйте людям, не желающим подчиниться армии. Их безрассудное поведение способно навлечь на ваше отечество все ужасы войны. Превосходство французской армии ныне бесспорно для всех. Министры императора, подкупленные английским золотом, изменили ему. Этот несчастный государь не делает шага без ошибки. Вы хотите мира? Французы борются за него. Мы пришли на вашу землю только для того, чтобы заставить венский двор внять молыбе разоренной Европы и прислушаться к голосу ее народов. Мы идем сюда не для увеличения своих владений; природа ограничила наши пределы Рейном и Альпами, так же как Тироль ею сделан границей Австрии.

Тирольцы, что бы вы ни делали в прошлом, вернитесь к своим очагам, покиньте знамена, бессильные вас защитить. Я говорю об этом не потому, что будто бы есть враги, которые могут устрашить победителей Альп и Италии, но потому, что я стараюсь избежать лишних жертв, чего требует благородство моей нации. Мы грозны в боях, но друзья тех, кто относится к нам гостеприимно.

Религия, обычаи, собственность в подчинившихся общинах будут уважаться...»

6 сентября на рассвете, имея в голове дивизию Ожеро, затем Массена и резерв, Наполеон двинулся по ущельям Бренты с целью скорейшего выхода на Бассано. Нужно было сделать эти 20 лье по трудной дороге самое большее в два дня. Вечером главная квартира и армия стали в Борго-ди-Валь-Сугана.

IV

7-го на рассвете Наполеон двинулся дальше. Его авангард не замедлил столкнуться с авангардом Вурмзера, на позиции за Примолано. Вытеснить его оттуда казалось невозможным, но ничто не могло устоять

перед стремительностью французов. 5-я пехотная легкая полубригада в рассыпанном строю, поддержанная тремя батальонами 4-й линейной, тремя сомкнутыми колоннами сбила двойную австрийскую линию. 5-й драгунский полк, под командой полковника Милью, отрезал ее от шоссе. Авангард противника почти целиком сложил оружие. Артиллерия, знамена, парки и обозы — все было взято. Небольшой форт Каволо тщетно пытался сопротивляться,— он был обойден и взят.

Ночью французская армия остановилась в селении Чисмоне. Наполеон расположился там со своей главной квартирой, без свиты, изнемогая от голода и утомления. Всю ночь он провел на бивуаке. Один солдат (узнанный впоследствии императором в Булоньском лагере в 1805 г.) поделился с ним своим хлебным пайком.

Были захвачены парки с боевыми припасами, 12 пушек, пять знамен и 4 200 пленных.

V

В тот же самый вечер дивизия Мессароша атаковала Верону, которой надеялась овладеть без сопротивления. Но впереди Вероны вся местность была приспособлена к обороне; сильный равелин был возведен перед воротами Виченцы. Генерал Кильмэн поджидал Мессароша. Подступы к городу оборонялись несколькими кавалерийскими эскадронами, которые, отойдя за фортификационные сооружения, завели австрийскую колонну под обстрел 30 орудий. После нескольких тщетных попыток Мессарош, сочтя невозможным взять крепость, остановился в Сан-Микеле, потребовав подкреплений и понтонный парк для переправы через Адидже и окружения города. Но Вурмзер, сам оказавшийся в это время в Бассано под неожиданной угрозой нападения, приказал ему как можно скорее отступать к себе. Он надеялся во-время подтянуть эту дивизию, чтобы остановить французскую армию перед Бассано. Но было слишком поздно: дивизия Мессароша дошла только до Монтебелло 8 сентября, в день, когда разыгралось сражение у Бассано.

VI

8 сентября на рассвете Наполеон находился на аванпостах. В 6 часов авангард атаковал и отбросил шесть батальонов, бывших на позиции в ущельях по обоим берегам Бренты. Их остатки отошли на линию главных сил, насчитывавших 20 000 человек, но оказавших лишь слабое сопротивление. Дивизия Ожеро атаковала левый фланг, дивизия Массена — правый фланг. Неприятель был сбит на всех пунктах и отброшен на Бассано. 4-я линейная полубригада перешла по мосту, как в Лоди. В 3 часа армия вошла в Бассано и захватила 6 000 пленных, восемь знамен, два понтонных парка, 200 багажных повозок, 32 пушки, 100 повозок обоза разного рода — все повозки в четверной упряжке.

Вурмзер в беспорядке отступил на Виченцу, не имея больше возможности отступать к Пиаве. Там он соединился с дивизией Мессароша. Таким образом, он оказался отрезанным от австрийских областей и от путей сообщения с Австрией. Генерал Квазданович с 3 000 человек, отрезанный от Бассано, отступил на Фриуль. 9-го дивизия Массена двинулась на Виченцу, дивизия Ожеро — на Падую, перехватывая эти обе большие дороги на случай, если бы Вурмзер попытался вернуться на Бренту, чтобы достигнуть Пиаве. Разбитый в Роверето, в ущельях Бренты, в Бассано и перед Вероной, он имел лишь деморализованные войска. Лучшие он потерял. От армии в 60 000 человек у него осталось только 16 000. Никогда не было более критического положения. Он отчаивался в своем спасении. Французы каждую минуту ждали, что он сложит оружие.

VII

Из этих 16 000 человек 6 000 состояли из кавалерии, отлично обученной и недеморализованной, совсем не понесшей потерь и не дравшейся. Она наводнила всю местность в поисках прохода на Адидже. Два эскадрона переправились на правый берег Адидже, воспользовавшись альбаредским паромом для разведки расположения французов и получения сведений о Мантуе. Вурмзер не мог переправиться через Адидже, так как французская армия преследовала его по пятам и он потерял в Бассано свой понтонный парк. Его положение было безнадежно, но тут неожиданно французы очистили Леньяго, не разрушив моста. Эта ошибка батальонного командира спасла его. Килмэн, когда он был атакован в Вероне дивизией Мессароша, вызвал к себе 400 человек, охранявших Леньяго, и приказал Саюгэ заменить их отрядом из блокирующих Мантую войск. Командир батальона, командовавший этой частью, потеряв несколько человек зарубленными по дороге из Леньяго в Мантую, вообразил, что вся австрийская армия переправилась в Альбаредо и вот-вот отрежет ему отступление. Он поверил слухам, распространяемым противником, о поражениях французской армии, будто бы погибшей в Тироле. Он счел себя отрезанным, потерял голову, очистил крепость и начал отступать к Мантуе. Вурмзер, извещенный об этом счастливом обстоятельстве, направился тотчас же в Леньяго, вошел туда без выстрела и воспользовался мостом для переправы через Адидже. В это время главнокомандующий прибыл в Арколе. Получив это печальное известие, он завладел паромом у Ронко, распорядился тотчас же Массена переправиться на правый берег и приказал Ожеро двинуться из Падуи на Леньяго. У него все еще была надежда снова окружить фельдмаршала, прибыв раньше его в Молинелла. Килмэн со всем, что он мог найти в своем распоряжении, расположился на этой реке, пересекая дорогу к Мантуе, но он был слаб. Вурмзер потерял цен-

ное время в Леньяго или потому, что чрезмерное утомление вынудило его дать отдых войскам, или потому, что думал, будто французы находятся на дороге из Виченцы в Ронко; он заколебался в надежде открыть себе естественные пути сообщения, вдоль дороги на Падую. У него было много кавалерии, и он мог освещать местность на очень далекое расстояние. Его разъезды дали ему наконец знать, что французы были в Монтаньяна, прямо перед ним, идя по падуанской дороге, и что они двигаются из Леньяго по обоим шоссе. Тогда Вурмзер выступил на Мантую.

Из Ронко в Сангвинетто ведут две дороги; одна, левая, — идущая по Адидже и пересекающая в Череа дорогу из Леньяго в Мантую, другая — ведущая из Ронко прямо в Сангвинетто. Генерал Пижон с авангардом Массена двинулся прямо на Сангвинетто. Но Мюрат, посланный в разведку с легкой кавалерией, пошел по дороге на Череа, как подводящей его ближе к противнику, и вскоре вступил в орудийную перестрелку. Пижон, услыхав пушечные выстрелы, опираясь своим левым флангом на Череа, прибыл туда и построил 4-ю легкую полубригаду в боевой порядок за ручьем, чтобы преградить дорогу. Вурмзер был отрезан. Ему грозила гибель, в случае если он не сумеет открыть прохода. Он атаковал Череа, развернув всю свою армию, и окружил этот слабый авангард, который был вскоре прорван; 300 или 400 человек попали в руки Вурмзера.

После этого он быстро продолжал марш на Сангвинетто. На перекрестке у Череа главнокомандующий, прибывший галопом в селение в ту минуту, когда его авангард обратился в бегство, едва успел повернуть назад и скрыться. Несколько минут спустя на то самое место, где только что был Наполеон, прибыл Вурмзер. Узнав об этом от одной старухи, он приказал преследовать Наполеона по всем направлениям, настаивая, чтобы его привели живым.

Достигнув Сангвинетто, Вурмзер двинулся ночным маршем. Узнав, что у Молинелла его ожидают главные силы Саюгэ и Килмэна, он сошел с большой дороги, принял влево и 12 сентября прибыл в Виллимпента, где находился небольшой, слабо охраняемый мост, который кавалерия Вурмзера захватила врасплох. Генерал Шартон, спешно вызванный для обороны этого моста из состава блокадных войск, с 500 человек 12-й легкой полубригады, не успел прибыть во-время. Он тогда построился на дороге в каре и оказал сильное сопротивление, но был изрублен австрийскими кирасирами и погиб, так же как и его отряд. 14-го в Дуе-Кастелли некоторым утешением для фельдмаршала явился еще один успех, подобный Череа и Виллимпента: батальон легкой пехоты был отрезан и разгромлен двумя кирасирскими полками и потерял 300 человек. Армия была чрезвычайно утомлена, поэтому допускала небрежности в несении службы.

VIII

Небольшие успехи, достигнутые австрийской армией в боях у Череа, Виллимпента и Дуе-Кастелли, подняли ее настроение. Гарнизон вышел из города, и Вурмзер расположил свою армию между Сен-Жоржем и цитаделью. У него было тогда 35 000 человек: 5 000 человек лежали в госпиталях, 5 000 человек он оставил для охраны крепости и расположил в ...[1] 25 000 человек, из которых 5 000 кавалерии. Располагаясь таким образом, он надеялся найти случай достигнуть Леньяго и переправиться через Адидже. Но генерал Бон, командовавший дивизией Ожеро, взял Леньяго 13 сентября, захватил здесь 1 700 пленных и 24 полевых орудия и освободил 500 французов, плененных в Череа и других мелких стычках. 14-го он прибыл в Говерноло, составляя левый фланг армии; Массена, бывший в Дуе-Кастелли, образовал центр; Саюгэ с блокадными войсками был в Фаворита, образуя правый фланг. Кильмэн собрал к себе всю кавалерию. Усиленные переходы, проделанные в течение этих последних 15 дней, значительно ослабили полки. Армия вечером 16-го насчитывала 24 000 человек, из которых 3 000 человек кавалерии. Армии численно были равны, но моральное состояние обеих армий было различно. У противника только одна кавалерия сохранила бодрое настроение.

15 сентября генерал Бон выступил из Говерноло и направился к Сен-Жоржу, опираясь на Минчио своим левым флангом. Завязался очень оживленный бой; австрийцы ввели свои резервы. Бон был не только остановлен, но даже потерял небольшой участок местности. Саюгэ со своей стороны вступил в бой на правом фланге. Противнику показалось, что сбита вся линия, как вдруг Массена колоннами дебушировал на центр и внес расстройство в неприятельскую армию, поспешно бросившуюся в город. Она потеряла 3 000 пленных, в числе которых были: один кирасирский полк на конях в полном снаряжении, три знамени и 11 пушек.

После сражения у Сен-Жорж, которое было очень напряженным, Вурмзер рассеялся по Серралио. Он перебросил мост через По и ввез в крепость продовольствие.

24 сентября Отт атаковал Говерноло. Он был отражен с потерей 1 000 человек и шести пушек. В случае захвата этого пункта фельдмаршал хотел попытаться пройти оттуда на Адидже.

Наконец, 1 октября Кильмэн, командовавший блокадой, вошел в Серралио, овладел Праделла, Череза и блокировал крепость. Эта операция, во время которой велись очень оживленные бои, проведенная с небольшим числом людей, делает честь генералу Кильмэну.

С 1 по 18 сентября противник потерял 27 000 человек, из которых 18 000 пленных, 3 000 убитых, 6 000 раненых, а также 75 пушек, 22 зна-

---

[1] Неразборчивое слово в подлиннике. — *Прим. франц. издания.*

мени и штандарта, 30 генералов, 80 чиновников главной квартиры, 6 000 лошадей. 16 000 человек с фельдмаршалом были вынуждены укрыться в Мантую. 10 000 человек из всей армии под командованием Давидовича спаслись в Тироль и под командованием Квазданович а — во Фриуль.

Французская армия потеряла 7 500 человек, из которых 1 400 пленных, 1 800 убитых, 4 300 раненых.

Мармон, которого главнокомандующий послал в Париж со знаменами, взятыми в сражениях у Роверето, Бассано, Сен-Жорж, в боях у Примолано и Чисмоне, был один из его адъютантов. Наполеон впервые увидел его в Тулоне младшим лейтенантом артиллерии и привязался к нему. Впоследствии он стал герцогом Рагузским и маршалом Франции.

IX

Так как армия в данную минуту не имела перед собой противника, войскам требовалось дать некоторый отдых. Вобуа занял Триент и укрепился на берегу Авичио. Дивизия Массена заняла Бассано, наблюдая за переправами через Пиаве. Дивизия Ожеро заняла Верону. Кильмэн командовал блокадными войсками Мантуи. Сражения у Роверето, Бассано и Сен-Жорж, частые мелкие бои и болезни в блокадных войсках ослабили армию.

Гарнизон Мантуи производил сначала много раз сильные вылазки, но неудачи и болезни скоро охладили его пыл. В конце октября в гарнизоне насчитывалось еще 17 000 человек в строю, 10 000 человек в госпиталях, 30 000 едоков. Это давало надежду, что гарнизон не замедлит сдать крепость. Но старый маршал распорядился засолить большую часть лошадей своей кавалерии. Это мероприятие в соединении с продовольственными припасами всякого рода, которые он собрал с окрестных участков и особенно из Моденской области, ввезшей в течение двух перерывов осады заранее заготовленные обозы, давало возможность крепости сопротивляться значительно дольше, чем предполагалось. Вопреки всякой вероятности, вопреки ожиданиям всей Италии, французской армии было суждено одержать еще более кровавые и более славные победы, и Австрия должна была выставить и потерять еще две новые армии, прежде чем пал этот оплот Италии.

Кильмэн, по происхождению ирландец, был превосходный кавалерийский офицер. Он обладал хладнокровием, верным военным взглядом, был очень пригоден для командования отдельными обсервационными корпусами и для выполнения самых сложных поручений, требующих находчивости, ума и свежей головы. В день прэриаля он действовал против Сент-Антуанского предместья. Во время итальянской кампании ему было около пятидесяти лет. Он оказал важные услуги армии, в которой был бы одним из выдающихся генералов, если бы имел более

крепкое здоровье. Он обладал большим знанием австрийской армии, хорошо изучил ее тактику, не придавал значения ложным слухам, которые она обыкновенно распускала, и не обращал внимания на головные отряды, которые она бросала на пути сообщения, чтобы заставить поверить присутствию больших сил там, где их не было. Его политические убеждения были очень умеренные.

ГЛАВА VIII

АРКОЛЬСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Схема 7

I. Фельдмаршал Альвинци прибывает в Италию во главе третьей армии.—II. Хорошее состояние французской армии. Голос всех народов Италии предвещает ей успех.—III. Сражение на Бренте (5 ноября 1796 г.). Вобуа в беспорядке очищает Тироль.—IV. Сражение у Кальдиеро (12 ноября). — V. Ропот в армии и различные настроения, волнующие французского солдата. — VI. Ночной переход армии на Ронко; она переправляется там через Адидже по понтонному мосту (14 ноября).—VII. Аркольское сражение; первый день (15 ноября).—VIII. Второй день (16 ноября).—IX. Третий день (17 ноября).—X. Французская армия торжественно вступает в Верону через Венецианские ворота на правом берегу (18 ноября).

I

За всеми курьерами, привозившими в Вену известия об успехах эрцгерцога Карла, следом приезжали курьеры от Вурмзера с донесениями только о его поражениях. Весь сентябрь двор провел в переходах от радости к печали. Удовлетворение, которое он испытывал от своих триумфов, не возмещалось унынием, в которое он впадал от своих неудач. Германия была спасена, но Италия потеряна, и армия, охранявшая эту границу, исчезла. Ее многочисленный штаб, старый фельдмаршал и кое-какие остатки смогли найти спасение, только запершись в Мантуе, которая, доведенная до крайности и поражаемая осенними лихорадками, вскоре могла оказаться вынужденной открыть ворота победителю. Придворный военный совет чувствовал, что нужно предпринять чрезвычайное усилие. Он собрал две армии: одну во Фриуле, другую в Тироле, отдал их под командование фельдмаршала Альвинци и приказал ему двинуться на спасение Мантуи и освобождение Вурмзера.

II

Неудачи в армиях самбро-маасской и рейнской быстро дали почувствовать себя в Италии. Если обе армии не смогли удержаться на правом берегу Рейна, то было срочно необходимо, чтобы они выделили

значительные силы для подкрепления итальянской армии. Директория давала много обещаний, но мало их выполняла. Она все же выслала 12 батальонов, взяв их из вандейской армии. Они прибыли в Милан в течение сентября и октября, двенадцатью колоннами. Был пущен слух, что каждая из этих колонн представляет собой полк в полном составе. Это была бы очень значительная помощь. Французский солдат в Италии не нуждался, однако, в ободрении такого рода. Он был полон доверия к своему вождю и верил в свое собственное превосходство. Он исправно получал жалованье, был хорошо одет, накормлен, артиллерия была прекрасная и многочисленная, кавалерия имела хороших лошадей.

Народы Италии связали свою судьбу с интересами армии — от нее зависела их свобода и независимость. Они были убеждены в превосходстве французского солдата над германским, так же как и в превосходстве генерала-победителя, который одолел Болье и Вурмзера, над фельдмаршалом Альвинци. По сравнению с июлем общественное мнение теперь очень изменилось. Тогда, при известии о прибытии Вурмзера, вся Италия ждала его победы, ныне никто не сомневался в победе французской армии. Общественное мнение народов по ту сторону По, Болоньи, Модены и Реджио было таково, что они считали свои силы достаточными для отражения армии папы, если она двинется на их земли, как она угрожала.

III

В начале октября фельдмаршал Альвинци находился со своей армией еще перед Изонцо, но в конце этого месяца он перенес свою главную квартиру в Конельяно, за Пиаве. Массена, расположенный в Бассано, наблюдал за его движениями. Давидович собрал в Тироле корпус силою в 18 000 человек, включая сюда тирольское ополчение. Дивизионный генерал Вобуа прикрывал Триент, занимая Авичио отрядом в 12 000 человек. Дивизия Ожеро, кавалерийские резервы и французская главная квартира расположились в Вероне.

По плану Альвинци в Вероне предстояло соединиться с Давидовичем и оттуда двинуться на Мантую. Он перебросил 1 ноября два моста через Пиаве и направился тремя колоннами на Бренту. Массена, угрожая атакой, принудил его развернуть всю свою армию и, когда увидел, что перед ним свыше 40 000 человек, бросил свой Бассанский лагерь, переправился обратно через Бренту и пошел к Виченце, куда на соединение с ним 5 ноября прибыл Наполеон с дивизией Ожеро и своим резервом и 6-го на рассвете выступил, чтобы дать сражение Альвинци, следовавшему за Массена. У Альвинци главная квартира была перенесена в Фонтанина, авангард под начальством Липтая был выслан на правый берег Бренты в Карминьяно, выдвинувшись вперед по отношению к левому флангу, находившемуся под командой генерала Провера. Правый фланг, под начальством Квазданович, был на позиции между Бас-

сано и Виченцей. Генерал Митровский командовал обсервационным корпусом в ущельях Бренты, а генерал Гогенцоллерн командовал резервом.

Массена атаковал на рассвете и после нескольких часов боя оттеснил авангард Квазданович, Липтая и дивизию Провера, причинив им большие потери людьми и захватив пленных.

Наполеон во главе дивизии Ожеро двинулся за Кважданович, оттеснил его от Нове и отбросил на Бассано. Было 4 часа пополудни. Он придавал большую важность переправе через мост и овладению в тот же самый день городом. Но так как резерв Гогенцоллерна уже подходил, он приказал бригаде из своего резерва выдвинуться вперед, чтобы поддержать атаку моста. Однако батальон в 900 кроатов, оказавшийся отрезанным, бросился в деревню на большой дороге. Лишь только показалась голова резерва, намереваясь пройти через деревню, кроаты встретили ее сильным огнем. Пришлось выдвинуть гаубицы; деревня была взята и кроаты перестреляны. Но это вызвало задержку на два часа, и когда резерв прибыл к мосту, наступила ночь. Форсирование переправы пришлось отложить на следующий день.

Вобуа получил приказ атаковать позиции противника на правом берегу Авичио. 1 ноября он атаковал позиции Сан-Микеле и Сегонцано. Противник был сильный и храбро оборонялся. Успех Вобуа был неполным, и новая попытка атаки на следующий день тоже была неудачна. Атакованный в свою очередь, он был оттеснен со своей лависской позиции и принужден был оставить Триент. Сосредоточившись, Вобуа занял позицию в Калиано, но Лаудон, маневрируя со своими тирольцами по правому берегу Адидже, овладел Номи и Торболе. Его намерением, повидимому, было двинуться на Монте-Бальдо и Риволи. У Вобуа никого больше не оставалось на правом берегу, и он ничего не мог противопоставить этому маневру, который, если бы он был выполнен, тяжело отразился бы на участи всего его корпуса и всей армии.

Эти печальные известия достигли главной квартиры в 2 часа утра. Больше колебаться было нельзя. Необходимо было спешить к Вероне, откинув первоначальное предположение и всякую мысль о диверсии. Ближайшим намерением главнокомандующего было отбросить Альвинци на ту сторону Пиаве, двинуться вверх по ущельям Бренты и отразить Давидовича. Полковник Виньоль, офицер для поручений при штабе армии, был послан для сосредоточения к Вероне всех войск, какие могли встретиться, и для направления их на Корону и Риволи. Он встретил батальон 40-й полубригады, только что прибывший туда из Вандеи, и сдержал первых неприятельских стрелков, поднявшихся на Корона. На другой день на эту важную позицию прибыл Жубер с 4-й легкой полубригадой, взятой из частей, блокировавших Мантую. С этого момента больше нечего было опасаться. Вобуа навел мосты через Адидже, вновь перешел на правый берег и прочно занял позиции Корона и Риволи.

Французская армия от Бренты весь день 7-го проходила через город Виченцу, который, став свидетелем одержанной армией победы, не мог уяснить себе этого отступательного движения; Альвинци, со своей стороны, в 3 часа утра тоже начал было отходить, чтобы переправиться через Пиаве, но вскоре узнал от своей легкой кавалерии об отступлении французов. Снова двинувшись на Бренту, он на другой день переправился через эту реку, чтобы следовать за противником.

Наполеон отправился к дивизии Вобуа, которую приказал собрать на Риволийском плато, и объявил ей: «Солдаты, я недоволен вами. Вы не выказали ни дисциплины, ни выдержки, ни храбрости. Вы не смогли удержать ни одну из позиций. Вы предались панике и дали себя согнать с позиций, где горсть храбрецов могла остановить целую армию. Солдаты 39-й и 85-й полубригад, вы не французские солдаты. Начальник штаба армии, распорядитесь начертать на их знаменах: «Они больше не солдаты итальянской армии!»

Эта речь, произнесенная суровым тоном, вызвала слезы на глазах старых солдат. Дисциплина не могла сдержать громких выражений их скорби. Многие гренадеры, имевшие почетное оружие, восклицали: «Генерал, нас оклеветали! Пошлите нас в авангард, и вы увидите, принадлежат ли 39-я и 85-я полубригады к итальянской армии». Произведя таким образом желаемое впечатление, Наполеон обратился к ним с несколькими словами утешения. Эти две полубригады несколько дней спустя покрыли себя славой.

IV

Несмотря на неудачи Альвинци на Бренте, его операции увенчались, повидимому, самым блестящим успехом. Он завладел всем Тиролем и всей местностью между Брентой и Адидже. Но самое трудное предстояло еще впереди: это было форсирование переправы через Адидже перед лицом французской армии и соединение с Давидовичем, на пути к которому стоял корпус храбрецов, укрепившихся перед Вероной. Шоссе из Вероны в Виченцу идет вдоль Адидже, на протяжении трех лье, до Вилланова, где поворачивает под прямым углом налево, направляясь прямо на Виченцу. В Вилланова оно пересечено небольшим ручьем Альпоне, протекающим через Арколе и впадающим в Адидже около Альбаредо.

Налево от Вилланова находятся высоты, известные под именем Кальдиерской позиции. Заняв ее, можно прикрыть Верону и ударить на тыловые пути противника, маневрирующего на Нижнем Адидже. Обеспечив оборону Монте-Бальдо и стойкость войск Вобуа, Наполеон решил занять Кальдиеро, чтобы получить больше шансов при обороне и придать своему положению большую прочность.

11-го, в 2 часа пополудни, армия перешла через веронские мосты. Бригада Вердье, следуя во главе, сбила неприятельский авангард,

захватила несколько сот пленных и ночью заняла позицию у подножия Кальдиеро.

Огни биваков, донесения шпионов, показания пленных не оставляли никакого сомнения в намерениях Альвинци: он готов был принять сражение и прочно утвердился на этих прекрасных позициях, опираясь своим левым флангом на аркольские болота и правым флангом на гору Оливетто и селение Колоньоло. Эта позиция была хороша в обоих направлениях. Он еще укрепил ее несколькими редутами и очень сильными батареями. На рассвете произвели разведку боевой линии противника: ее левый фланг был неприступен, правый, казалось, был слабее. Чтобы воспользоваться этой оплошностью, Массена получил приказ двинуться со своей дивизией для занятия холма, который выступал за правый фланг противника и который по небрежности не был занят последним. Бригадный генерал Лоней отважно вскарабкался на высоту во главе отряда стрелков, но слишком выдвинулся вперед и не мог быть вовремя поддержан дивизией, которая, тоже взобравшись на высоту, была задержана оврагом. Лоней был отражен и взят в плен. Противник, осознавший ошибку, исправил вслед за тем свою позицию.

Не было больше возможности атаковать его с надеждой на успех.

Однако огонь был открыт по всей линии и продолжался весь день. Хлынул проливной дождь. Земля настолько намокла, что французская артиллерия не могла сделать ни малейшего движения, в то время как австрийская, уже находясь на позиции, вела действительный огонь. Противник произвел несколько попыток атаковать, но был отражен. Ночь обе армии провели на своих позициях, одна против другой. Дождь продолжался всю ночь с той же силой, так что на следующий день главнокомандующий счел за лучшее отойти в свой лагерь перед Вероной. Потери в этом деле были равные. Противник с основанием приписывал себе победу. Его аванпосты приблизились к Сан-Микеле, и положение французов сделалось действительно критическим.

V

Вобуа понес значительные потери; у него осталось не больше 8 000 человек. Две другие дивизии после столкновений на Бренте и неудавшегося натиска на Кальдиеро имели в строю не больше 13 000 человек. Мысль о перевесе сил противника была у всех. Солдаты Вобуа с целью оправдать свое отступление заявили, что дрались один против трех. Противник, без сомнения, тоже понес потери, но он имел численный перевес, и ему удалось выиграть большое пространство. Альвинци считал, что ему легко справиться с небольшим числом французов, и поэтому больше не сомневался ни в освобождении Мантуи, ни в завоевании Италии. В этом самообольщении он собирал и изготовлял большое количество лестниц, угрожая захватить Верону штурмом.

Гарнизон Мантуи оживился, стал делать частые вылазки, беспрестанно тревожа осаждающих, насчитывающих только 8 000—9 000 человек против 25-тысячного гарнизона, из которого, правда, 10 000—12 000 человек были больны.

Французы находились в таком положении, что больше не могли предпринять наступление. Их сдерживала, с одной стороны, позиция Кальдиеро, а с другой — ущелья Тироля. Но даже если бы позиция противника и позволяла что-либо предпринять против нее, то численное превосходство его было слишком очевидно для всех. Следовало предоставить ему инициативу и терпеливо выжидать, что он вздумает предпринять. Время года было чрезвычайно плохое, и все передвижения производились по грязи. Кальдиерское дело, тирольская неудача заметно понизили моральное состояние французского солдата. У него сохранялось, правда, еще чувство преимущества над равным числом, но он не верил в возможность сопротивляться столь великому численному превосходству. Значительное число солдат было по два, по три раза ранено в различных сражениях в Италии. В их разговорах проскальзывало упадочное состояние духа. «Мы не можем одни работать за всех,— говорили они. — Армия Альвинци, оказавшаяся здесь, — это та, перед которой отступили армии рейнская и самбро-маасская, а те сейчас бездельничают. Почему мы должны исполнять их обязанность? Если нас разобьют, мы, обесчещенные, побежим на Альпы; если, наоборот, мы победим, к чему приведет эта новая победа? Нам противопоставят еще одну армию, подобную той, что имеется у Альвинци, так же как сам Альвинци заместил Вурмзера с его армией, а Вурмзер заместил Болье. В такой неравной борьбе мы поневоле будем раздавлены». Наполеон им отвечал: «Нам осталось сделать только одно усилие, и Италия наша. Противник, без сомнения, превышает нас числом, но половина войск у него состоит из рекрутов. Разбив его, забрав Мантую, мы сделаемся хозяевами всего, наша борьба этим заканчивается, потому что не только Италия, но и общий мир связан с Мантуей. Вы хотите итти на Альпы, но вы на это больше не способны. С голодных и снежных биваков на тех бесплодных скалах вам было хорошо итти и завоевывать роскошные равнины Ломбардии, но из приветливых и цветущих биваков Италии вы неспособны возвратиться в снега. Одни подкрепления к нам подошли, другие находятся в пути. Пусть те, кому не хочется больше сражаться, не ищут напрасных предлогов, потому что — разбейте Альвинци, и я ручаюсь вам за ваше будущее...» Эти слова, повторяющие то, что жило во всех благородных сердцах, подняли ослабевшее моральное состояние и постепенно вызвали противоположные чувства. Армия, упавшая было духом, хотела отступать, но теперь, полная воодушевления, стала твердить, что надо итти вперед: «Разве могут итальянские солдаты терпеть надругательства и оскорбительные выходки этих рабов?»

Когда в Брешиа, в Бергамо, в Милане, Кремоне, Лоди, Павии, Болонье узнали, что французская армия потерпела неудачу, то раненые и больные, еще плохо поправившиеся, выписывались из госпиталей, чтобы вернуться в ряды. Раны большого числа полубольных храбрецов еще сочились кровью. Это трогательное зрелище наполняло душу волнующим трепетом.

VI

Наконец, 14 ноября, с наступлением ночи, веронский лагерь стал в ружье. Три колонны начали движение в величайшей тишине, пересекли город, переправились через Адидже по трем мостам и выстроились на правом берегу. Час выступления, направление, являющееся направлением отхода, молчание, какое хранилось согласно дневного приказа, одним словом, общее положение дел — все указывало на предстоящее отступление. Этот первый шаг к отступлению влек за собой неизбежно снятие осады Мантуи и предвещал потерю всей Италии. Те из жителей, которые связывали с победами французов надежды на свою новую судьбу, следили с беспокойством и со стесненным сердцем за движениями армии, уносящей все их надежды. Однако армия, вместо того чтобы следовать по пескиерской дороге, вдруг повернула налево и пошла вдоль Адидже. К рассвету она прибыла в Ронко, где Андрессси заканчивал наводку моста. С первыми лучами солнца армия простым захождением налево очутилась, к своему удивлению, на другом берегу. Тогда офицеры и солдаты, которые во время преследования ими Вурмзера проходили через эти места, начали догадываться о намерении своего генерала: «Он хочет обойти Кальдиеро, которого не мог взять с фронта; не имея возможности драться на равнине с 13 000 человек против 40 000, он переносит поле сражения на ряд шоссе, окруженных обширными болотами, где одной численностью не сделаешь ничего, но где доблесть головных частей колонны решает все...»

Надежда на победу оживила тогда все сердца, и каждый дал обещание превзойти самого себя, чтобы поддержать такой хорошо задуманный и отважный план.

Кильмэн был оставлен в Вероне с 1 500 человек всех родов войск; ворота ее были крепко заперты; движение по дорогам строго запрещено. Противник совершенно не заметил этого движения.

Мост у Ронко был наведен на правом берегу Альпоне, почти в четверти лье от его устья, и это подверглось критике плохо осведомленных военных. Действительно, если бы мост был расположен на левом берегу, напротив Альбаредо, то, во-первых, армии пришлось бы продвигаться по обширной равнине, чего главнокомандующему хотелось избежать; во-вторых, Альвинци, стоявший на кальдиерских высотах, занял бы стрелками правый берег Альпоне, скрывая этим движение колонны, которая могла быть им направлена на Верону. У ней хватило бы вре-

мени захватить этот слабо охраняемый город, чтобы затем итти на соединение с армией Тироля. Риволийская дивизия, попавшая между двух огней, была бы вынуждена отступить на Пескиеру, и французская армия вся целиком оказалась бы под непредвиденным ударом. Вместо этого путем наводки моста с правого берега Алыпоне французы получали неоценимые преимущества: первое — возможность привлечь противника к трем шоссе, пересекающим обширное болото; второе — установить сообщение армии с Вероной по дамбе, которая ведет вверх по Адидже и проходит через селения Порчиле и Гомбиония, где находилась главная квартира Алывинци, тогда как у противника не имелось ни пригодной для занятия позиции, ни возможности прикрыть какой-либо естественной преградой движение своих войск, которые он бы направил для атаки Вероны. Подобная атака отныне становилась невозможной, так как французская армия ударила бы ему в хвост, в то время как перед стенами города была бы задержана его голова.

От моста Ронко идут три шоссе: первое — левое — шоссе направляется к Вероне, поднимаясь вверх по Адидже, проходит через селения Биондд и Порчиле, где и вступает в равнину; второе — центральное — шоссе ведет в Вилланова и проходит через селение Арколе, пересекая р. Алыпоне по небольшому каменному мосту; третье — правое — шоссе спускается вниз по Адидже и ведет в Альбаредо. От Ронко до Порчиле — 3 600 туазов, от Порчиле до Кальдиеро — 2 000 туазов, от Кальдиеро до Вероны — 3 лье, от Арколе до Вилланова — 3 000 туазов, от Ронко до Арколе — 2 200 туазов, от Ронко до устья Альпоне — 1 000 туазов, от устья Альпоне до Альбаредо — 500 туазов.

VII

Три колонны начали движение по этим трем шоссе. Левая колонна поднялась вверх по Адидже до окраины болот у селения Порчиле, откуда с шоссе виднелись веронские колокольни. Противнику стало с этого момента невозможно наступать на этот город. Центральная колонна выходила на Арколе, где французские стрелки продвинулись до моста, не будучи замеченными. Два батальона кроатов с двумя пушками стояли там для охраны тыла своей армии и для связи с частями, которые гарнизоном Леньяго могли быть выдвинуты в поле, так как эта крепость была всего в 3 лье от правого фланга. Местность между Арколе и Адидже была совсем без охраны. Альвинци удовольствовался сделанным распоряжением гусарским разъездам: объезжать дамбы три раза в день на болотах по берегам Адидже. Дорога из Ронко в Арколе через 1 200 туазов встречает ручей Алыпоне. Оттуда она на протяжении 1 000 туазов поднимается вверх по правому берегу этого небольшого ручья до каменного моста и, огибая его, входит в селение Арколе.

Бивак кроатов опирался правым флангом на селение, левым — на

устье ручья и имел впереди фронта дамбу, от которой был отделен только ручьем. Стреляя прямо перед собой, они взяли во фланг колонну, голова которой подошла к Арколе. Колонна поспешно отступила до места, где поворот шоссе избавлял ее фланг от огня с левого берега. Ожеро, возмущенный этим отступательным движением, ринулся на мост во главе двух гренадерских батальонов; но, встреченный ружейным огнем с фланга, он отошел к своей дивизии.

Альвинци, извещенный об этой атаке, не понял сначала ее значения. Однако, когда рассвело, он из Кальдиеро и с соседних колоколен увидел движение французов. Разведка его гусар была встречена ружейными выстрелами на всех дамбах, и французская кавалерия бросилась их преследовать. Теперь для него стало очевидно, что французы переправились через Адидже и находятся на его тылах. Для него казалось безрассудным, что можно таким образом бросить всю армию в непроходимые болота. Он думал, что с этой стороны наступают одни легкие войска, дабы беспокоить его и замаскировать действительную атаку, которая будет произведена по веронскому шоссе.

Однако разведка доносила, что под Вероной все было спокойно, поэтому он счел необходимым прежде всего отбросить с болот эти легкие войска. Одну дивизию, под командованием Митровского, он направил на аркольскую дамбу и другую, под командованием Провера, — на левую дамбу. Около 9 часов утра они быстро двинулись в атаку. Массена была поручена левая дамба. Допустив противника приблизиться, он бросился в штыки, оттеснил его, причинил ему много потерь и взял большое число пленных. То же самое произошло на аркольской дамбе. Как только противник проник за изгиб шоссе, Ожеро встретил его штыковой атакой и обратил в бегство. Победителю достались пленные и пушки; болота были покрыты трупами.

Захват Арколе становился чрезвычайно важным делом, потому что оттуда, выходя на тылы противника, было удобно захватить мост Вилланова на ручье Альпоне, бывший единственным путем отступления, и его надлежало закрепить за собой раньше, чем противник перестроится. Но когда Арколе устоял против ряда атак, Наполеон решил лично произвести последнее усилие: он схватил знамя, бросился на мост и водрузил там знамя. Колонна, которой он командовал, прошла уже половину моста; фланговый огонь и прибытие новой дивизии к противнику обрекли и эту атаку на неудачу. Гренадеры головных рядов, покинутые задними медлившими товарищами, заколебались. Однако, обращенные в бегство, они не хотели допустить, чтобы их генерал попал в плен; они взяли его за руки, за платье и поволокли с собой среди трупов и умирающих. Он был сброшен в болото и погрузился в него до пояса. Вокруг него сновали солдаты противника.

Гренадеры увидели, что их генерал в опасности. Раздался крик: «Солдаты, вперед, на выручку генерала!» Эти храбрецы тотчас же по-

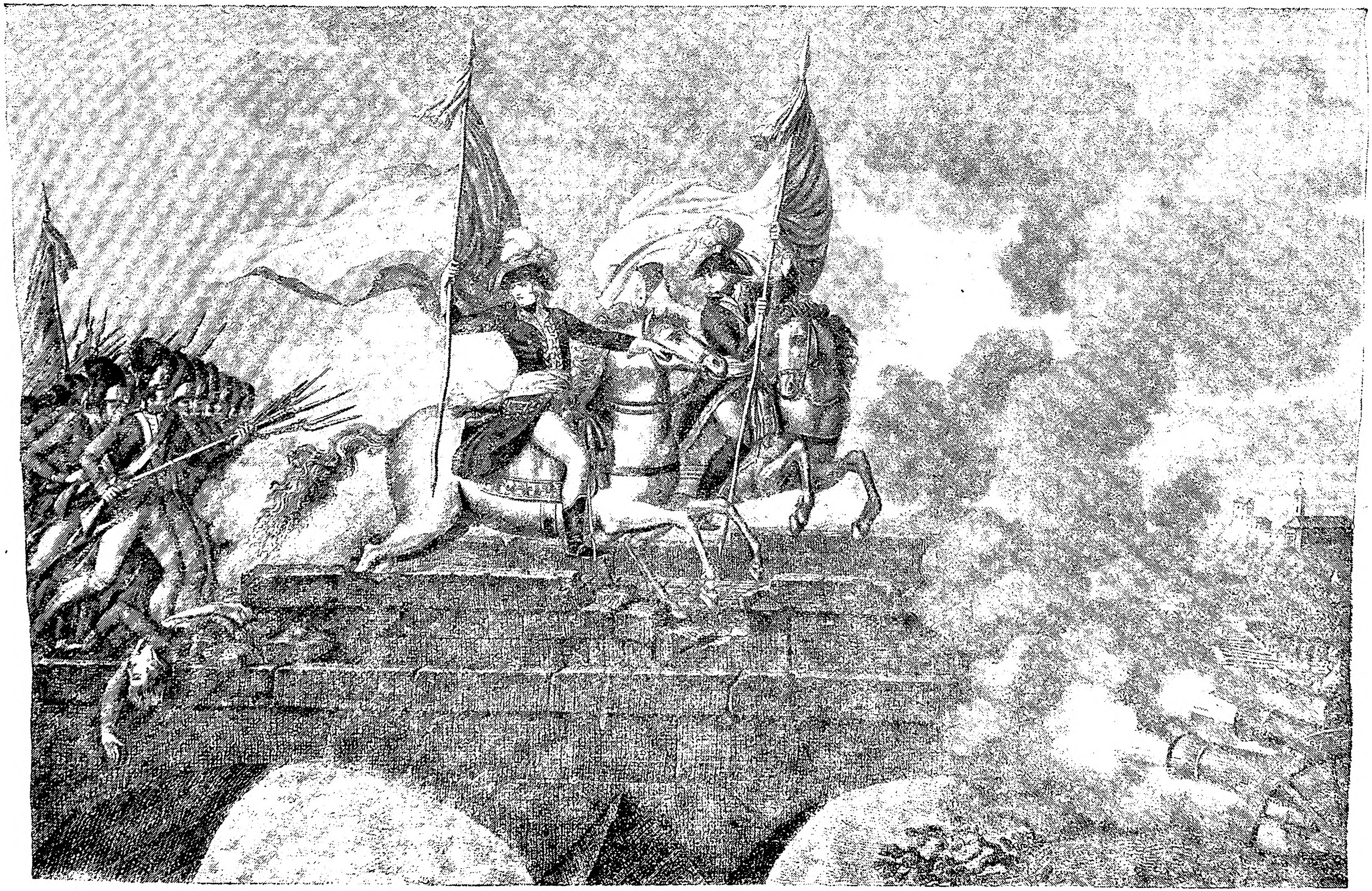

Рис. 11. Наполеон на Аркольском мосту.

вернули беглым шагом на противника, штыковой атакой ударили на него, оттеснили его за мост, и Наполеон был спасен.

Этот день был днем воинской самоотверженности. Ланн, лечившийся от говернольских ран, полубольной примчался к бою из Милана. Став между неприятелем и Наполеоном, он прикрывал его своим телом, получил три ранения, но ни на минуту не хотел отойти. Мюирон, адъютант главнокомандующего, был убит, прикрывая телом своего генерала. Героическая и трогательная смерть! Бельяр, Виньоль были ранены среди войск, двинутых ими вперед, в атаку. Храбрый генерал Робер, закаленный в боях солдат, был убит.

Генерал Гиё с бригадой переправился на пароме через Адидже в Альбаредо. Арколе был обойден с тыла. Но Альвинци, ознакомившись к этому времени с действительным положением вещей, сознал всю его опасность для себя. Он поспешно покинул Кальдиеро, разрушив свои батареи и переправив через Альпоне все свои обозы и резервы. Французы с высоты колокольни Ронко с горечью видели, как ускользает от них эта добыча, и именно тут, при виде поспешных движений противника, можно было судить о размахе и всех последствиях наполеоновского замысла. Каждому стало ясно, каковы могут быть результаты подобной глубокой и отважной комбинации. Неприятельская армия, благодаря своему поспешному отступлению, избежала разгрома.

Только лишь около 4 часов генерал Гиё смог двинуться на Арколе по левому берегу Алыпоне. Селение было взято без выстрела, да теперь оно и не имело значения. С этим запоздали на 6 часов: противник занял уже свою естественную позицию. Арколе было теперь не больше, как промежуточный пост между фронтом обеих армий, тогда как утром оно находилось в тылу у противника. Тем не менее этот день увенчался громадными результатами: Кальдиеро было очищено, Вероне больше не грозила опасность, две дивизии Альвинци были разбиты и понесли значительные потери, многочисленные колонны пленных и громадное число трофеев вызывали восторг у солдат и офицеров. Каждый вновь проникался доверием и чувством победы.

VIII

Между тем Давидович с тирольскими войсками атаковал Корона и овладел им. Он занял Риволи. Вобуа стал на высотах Буссоленго. Кильмэн, не опасаясь больше вследствие очищения Кальдиеро за левый берег, направил все свое внимание на веронскую крепостную стену правого берега. Но если бы Давидович двинулся на Верону и вынудил Кильмэна броситься к Мантуе, он снял бы блокаду этого города и отрезал бы путь отступления главной квартире и армии, находившейся в Ронко. От Риволи до Мантуи — 13 лье, от Ронко до этого города — 10 лье по очень дурным дорогам. Поэтому на рассвете следовало стать так, чтобы

быть в состоянии поддержать Вобуа, обеспечить блокаду Мантуи и пути сообщения с армией и ударить на Давидовича, если он днем двинется вперед. Для успеха этого плана было необходимо строго рассчитать время. Главнокомандующий, который не мог знать, что произойдет в течение дня, предположил, что все дела идут у Вобуа плохо, что он оттеснен и занял позицию между Ровербелла и Кастельнуово.

Он распорядился очистить Арколе, отвел армию на правый берег Адидже, оставив на левом берегу только одну бригаду и несколько пушек, и приказал, чтобы на этой позиции солдаты варили себе суп. Если бы противник двинулся на Риволи, следовало снять мост на Адидже, исчезнуть перед Альвинци, прибыть во-время для поддержки Вобуа и прикрыть Мантую. Он оставил в Арколе зажженные огни на биваках, поддерживаемые дозорами сторожевых постов, чтобы Альвинци ничего не заметил. В 4 часа утра армия стала в ружье, но в ту же самую минуту один офицер от Вобуа доложил ему, что Вобуа еще в 6 часов вечера находился на позиции в Буссоленго и что Давидович не трогался. Этот генерал командовал в свое время одним из корпусов армии Вурмзера. Он помнил урок и остерегался поставить себя под удар.

Между тем около 3 часов утра Альвинци, узнав об отступлении французов, распорядился занять Арколе и Порчиле и днем направил две колонны по обеим плотинам. Завязалась ружейная перестрелка в 200 туазах от моста Ронко. Французы бросились по нему со штыками наперевес, обрушились на противника, разгромили его и энергично преследовали до выхода из болот, которые были заполнены телами противника. Знамена, пушки и пленные явились трофеями этого дня, когда вновь были разбиты еще две австрийские дивизии. На вечер, следуя тем же мотивам и тем же комбинациям, главнокомандующий предписал то же самое движение, что и накануне, — концентрацию всех своих войск на правом берегу Адидже, с оставлением на левом берегу только авангарда.

IX

Альвинци, введенный в заблуждение шпионом, уверявшим, что французы двигались к Мантуе и имеют на Ронко только один арьергард, выступил до зари из своего лагеря. В 5 часов утра французская главная квартира узнала, что Давидович стоит не двигаясь, а Вобуа находится на тех же самых позициях. Армия перешла обратно через мост: головные колонны обеих армий встретились на середине плотины. Бой был упорный, и успех колебался в продолжение нескольких минут. 75-я полубригада была отброшена. Пули долетали до моста. Главнокомандующий расположил 32-ю полубригаду в засаде, уложив ее на землю, в небольшой ивовой заросли, вдоль плотины, около головы моста. Засада во-время вскочила, произвела залп, ударила в штыки и сбросила

в болото сомкнутую колонну по всей ее глубине. Это были 3 000 кроатов; они все тут погибли.

Массена на левом фланге был не раз на волосок от неудачи, но он все шел во главе войск, подняв шляпу на конец своей шпаги, как своеобразное знамя, и разгромил противостоявшую ему дивизию.

После полудня главнокомандующий счел наконец, что настал момент завершить дело. Если бы Вобуа в этот же самый вечер был оттеснен Давидовичем, на следующую ночь пришлось бы двинуться на помощь к нему и к Мантуе. Альвинци двинулся бы на Верону, ему приписывали бы честь и плоды победы, а успехи, одержанные за три дня, были бы потеряны. Если же вместо этого Наполеон оттеснит Альвинци за Вилланова, он сможет двинуться на поддержку Вобуа через Верону. Он распорядился тщательно сосчитать число пленных и установить приблизительно потери противника. Подсчет показал, что за три дня противник был ослаблен больше чем на 25 000 человек. Таким образом, число бойцов у Альвинци превосходило французские силы не больше как на одну треть. Наполеон приказал выйти из болот и приготовиться к атаке противника на равнине. Обстоятельства этих трех дней настолько изменили моральное состояние обеих армий, что победа была обеспечена. Армия перешла по мосту, переброшенному через устье Альпоне. Эллиоту, адъютанту главнокомандующего, было поручено навести второй мост, но Эллиот был там убит. В 2 часа пополудни французская армия построилась в боевой порядок, левым флангом в Арколе и правым в направлении на Порто-Леньяго. Правый фланг противника опирался на Альпоне, а левый — на болота. Противник стоял по обеим сторонам дороги к Виченце. Полковник штаба Лорсе был послан из Леньяго с 600—700 человек, четырьмя пушками и 200 коней с целью обойти болота, к которым противник примкнул свой левый фланг. Около 3 часов, в ту минуту, когда этот отряд продвинулся вперед и оживленная канонада началась по всей линии, а стрелки сошлись врукопашную, — командир эскадрона Эркюль получил приказание направиться с 25 гидами и четырьмя трубачами сквозь камышевую заросль и атаковать крайнюю оконечность левого неприятельского фланга, как только леньягский гарнизон начнет обстреливать его с тыла орудийным огнем. Эркюль умно выполнил этот маневр и много способствовал успеху дня. Неприятельская линия была прорвана, и противник начал отступать. Его главнокомандующий эшелонировал 6 000 — 7 000 человек на тыловых рубежах, чтобы обеспечить обозы и прикрыть отступление. На поле сражения не осталось никого, кроме французов. Неприятеля преследовали весь вечер, и он потерял много пленных. Армия провела ночь на своей позиции. Несмотря на три победоносных дня, генералы и штаб-офицеры задумались над тем, что прикажет главнокомандующий на следующий день. Они думали, что, удовольствовавшись отходом противника, он не станет драться на равнинах Виченцы и вернется в Верону по левому

берегу Адидже, чтобы оттуда двинуться на Давидовича и занять Кальдиеро, — сделает то, что было первоначальной целью его маневра.

Но противник понес такие потери в личном составе и так пострадал в моральном отношении, что на равнине его можно было больше не бояться. Днем стало известно, что за ночь он отступил на Виченцу. Армия пошла за ним следом, но по прибытии в Вилланова одна лишь кавалерия продолжала преследование. Пехота задержалась до выяснения, как будет держаться неприятельский арьергард.

Главнокомандующий зашел в монастырь Сан-Бонифацио. В церкви был расположен лазарет. Там лежали кучами 4 000—5 000 человек, из которых большая часть были мертвы. От них шел трупный запах. Главнокомандующий в ужасе направился к выходу, как вдруг услышал, что кто-то назвал его по имени. Два несчастных раненых солдата три дня лежали среди мертвецов, без пищи. без перевязки. Они неясно сознавали, живы ли они, но жизнь вернулась к ним, когда они увидели своего генерала. Им была оказана всяческая помощь.

Получив донесения, что противник, отступая в величайшем беспорядке, не задерживается нигде и его арьергард прошел уже за Монтебелло, главнокомандующий, повернув налево, направился на Верону для атаки тирольской армии. Разведчики задержали одного штабного офицера, которого Давидович выслал к Альвинци. Он только что спустился с гор и думал, что находится среди своих. Из его депеш узнали, что между обеими австрийскими армиями в продолжение трех дней совсем не было связи и Давидович ничего не знает о том, что произошло.

Альвинци потерял за три аркольских дня 18 000 человек, из которых 6 000 пленными, а также четыре знамени и 18 пушек.

X

Торжествующая французская армия вошла в Верону через Венецианские ворота спустя три дня после того, как она тайком вышла оттуда через Миланские ворота. Трудно описать изумление и энтузиазм населения. Враги, даже самые явные, не могли скрыть своего восхищения и присоединяли свои поздравления к поздравлениям патриотов.

Но армия не остановилась. Она переправилась через Адидже и двинулась на Давидовича, который 17-го атаковал Буссоленго и отбросил Вобуа на Кастельнуово.

К Кастельнуово был направлен Массена, где он соединился с Вобуа и атаковал Риволи. Ожеро, двинувшись по левому берегу Адидже на Дольче, захватил в плен 1 500 человек, два понтонных парка, девять орудий и большой обоз.

Однако такие большие результаты были достигнуты не без потерь; армия, больше чем когда-либо, нуждалась в отдыхе, и было бы нецелесообразно двинуться в Тироль и доходить до Триента. Она заняла Мон-

те-Бальдо, Корона, ущелья Киезы и Адидже. Армия Альвинци собиралась в Бассано, Давидович — в Триенте.

Можно было ожидать, что Мантуя откроет свои ворота раньше, чем австрийскому главнокомандующему удастся сформировать новую армию. Гарнизон этой крепости стал получать вдвое уменьшенный паек, дезертирство увеличилось, госпитали были переполнены. Все предвещало скорую сдачу: смертность была огромная, болезни каждый месяц уносили в могилу больше людей, чем требовалось для выигрыша большого сражения.

ГЛАВА IX

ОЧЕРК ОПЕРАЦИЙ САМБРО-МААССКОЙ И РЕЙНСКОЙ АРМИЙ В ГЕРМАНИИ в 1796 г.

Схема 8

I. Зимние квартиры в 1796 г.—II. Выделение из австрийских армий в Германии 30 000 человек в Италию.—III. Марши и бои в июне.—IV. Рейнская армия прибывает на Неккар 18 июля. — V. Самбро-маасская армия прибывает на Майн 12 июля. — VI. Переход самбро-маасской армии с Майна на Наб. Позиции, занимаемые ею 21 августа.—VII. Переход рейнской армии с Неккара на Лех. Нересгеймское сражение (11 августа). Позиции, занимаемые ею 23 августа.—VIII. Маневрирования эрцгерцога Карла против самбро-маасской армии. Амбергское сражение (24 августа). Поспешное отступление этой армии. Вюрцбургское сражение (3 сентября). Расположение самбро-маасской армии на Лане 10 сентября. Переправа ее через Рейн 20-го. — IX. Марши и контрмарши рейнской армии в продолжение сентября. Ее отступление. Биберахское сражение (2 октября). — X. Переход рейнской армии через Шварцвальд. Эльц-Кандернское сражение. Переправа этой армии через Рейн по Гюнингенскому мосту 26 октября. — XI. Осада Келя и гюнингенского предмостного укрепления. — XII. Замечания.

I

Пруссия заключила мир с республикой в апреле 1795 г. Конвенция, подписанная 17 мая, устанавливала правила, каких воюющие армии должны были придерживаться в прусских провинциях при прохождении по ним. Но эта конвенция вызвала много споров, и 5 августа 1796 г. в Берлине было постановлено, что будет создана разграничительная линия от Везеля на Рейне, вдоль границ Тюрингенских гор, и ни одна из воюющих армий не может ее переходить. Области прусского короля и присоединяющихся к прусской конфедерации германских государей, лежащие к югу от этой линии, делаются нейтральными. Воюющие армии

могут проходить по ним с оплатой за предметы довольствия, какие им потребуются, но без права возводить какие-либо укрепления.

В течение лета 1795 г. австрийцы действовали на Рейне двумя армиями: одна — нижне-рейнская, под командованием фельдмаршала Клерфайта, другая — верхне-рейнская, под командованием фельдмаршала Вурмзера. Против первой французами была выставлена самбро-маасская армия, под командованием генерала Журдана, против второй — рейнская армия, под командованием Пишегрю, занимавшая контрвалационные линии вокруг Майнца. Несмотря на отпадение Пруссии, эта кампания окончилась в пользу австрийцев. В октябре они форсировали майнцские контрвалационные линии, захватили на них большое количество полевой артиллерии и оттеснили Пишегрю на вейссембургские линии. Военные действия окончились перемирием, подписанным 23 декабря 1795 г., по которому было постановлено: 1) самбро-маасская армия занимает крепость Дюссельдорф, с выставлением аванпостов в трех лье впереди по левому берегу Вуппера; далее ее разграничительная линия протянется по левому берегу Рейна до устья р. Наг, около Бингена, от которого поднимется вверх по левому берегу Наг до гор, пойдет к границам Эльзаса, последует по вейссембургским линиям и от них по Рейну до Базеля; 2) австрийцы выставляют аванпосты по левому берегу Зига, впадающего в Рейн у Бонна; местность между Вуппером и Зигом считается нейтральной; от устья Зига линия следует по правому берегу Рейна до устья р. Наг, откуда она пересекает Рейн около Бингена и поднимается вверх по правому берегу Наг до гор. Вследствие того что австрийцы занимают Майнц и всю местность по левому берегу Рейна до Вейссембурга, их линия от Вейссембурга переходит на правый берег и следует по нему до Базеля. Согласившись с этими условиями, Журдан перенес свою главную квартиру в Гундсрюк, Пишегрю — в Страсбург, Клерфайт — в Майнц и Вурмзер — в Мангейм.

Франция и Австрия в течение зимы предприняли все, что можно было сделать для пополнения, обмундирования и приведения своих армий в наилучшее состояние. Успехи минувшей кампании возродили в венском кабинете большие надежды. Он отозвал Клерфайта и заменил его эрцгерцогом Карлом. Генерал Пишегрю вызывал у французского правительства недоверие: операции, приведшие к неудачам в конце кампании, были проведены настолько неправильно, что их приписывали измене. Однако у Директории не было доказательств. Не смели вполне этому поверить, но ухватились за первый попавшийся предлог, чтобы отозвать этого генерала из армии. Он был назначен послом в Швецию. Пишегрю отказался от этого дипломатического назначения и удалился в свои поместья. Главнокомандующим рейнской армией был назначен Моро и 23 мая 1796 г. вступил в командование.

II

Между тем в Италии кампания началась в апреле. Сражения у Монтенотте, Миллезимо и Мондови заставили сардинского короля подписать конвенцию в Кераско и выйти из коалиции. Придворный военный совет приказал эрцгерцогу отказаться от перемирия и начать военные действия на Рейне, отчасти чтобы помешать французам отправить подкрепления за Альпы, а отчасти чтобы отвлечь общественное мнение от итальянских разгромов.

При отъезде из Парижа, в конце февраля, Наполеон получил обещание, что в течение апреля рейнская и самбро-маасская армии начнут кампанию. Однако в конце мая они были все еще на своих зимних квартирах. Все победы, одержанные итальянской армией, ее продвижение вперед подчеркивали срочную необходимость приступить к делу французским армиям на Рейне. Под разными предлогами эта минута отдалялась. Наконец неблагоразумие противника сделало то, чего французское правительство не догадалось приказать. Моро, пребывавший до того в Париже, успел доехать только до Страсбурга. Все войска, стоявшие по квартирам на Мозеле, Сааре и Маасе, пришли в движение, и 1 июня военные действия начались.

Тем временем известия о сражении у Лоди, о переправе через Минчио, о сражении при Боргетто, об обложении Мантуи, о прибытии главной квартиры французской армии в Верону и о расположении ее аванпостов на горах Тироля изменили замыслы Венского двора. Эта армия,— говорили там, — не ходит, а летает по воздуху, никакая преграда ее не останавливает. Необходимо ее укротить. Двор приказал Вурмзеру отправиться в Италию с 30 000 человек армии Нижнего Рейна, чтобы служить резервом для остатков армии Болье, переформировывающейся в Тироле, в Каринтии и в Карниоле, двинуться на поддержку Мантуи, прежде чем эта крепость потеряет возможность сопротивляться, и отбить обратно наследственные области Ломбардии, сохранение которой для двора было важнее, чем рискованные завоевания во Франции. Он объединил под командованием эрцгерцога обе свои армии, приказал не начинать военных действий и считать действительным существующее перемирие. Но этот приказ прибыл слишком поздно: за два часа перед тем начались военные действия.

Эрцгерцог, ослабленный выделением Вурмзера, отказался от всех завоевательных проектов, которые он составил, и ограничил свои честолюбивые порывы обороной переправы через Рейн и прикрытием Германии. У него были: 1) армия Нижнего Рейна, под командованием генерала от артиллерии Вартенслебена и фельдмаршал-лейтенантов: Края, Воронека, Готце, Грубера, Коллоредо-Мельса, Стаадера и Линдта; она состояла из 101 батальона пехоты — 71 000 человек, 139 эскадронов кавалерии — 22 700 человек, в общем 93 700 человек, из которых должны

были быть выделены подкрепления в гарнизоны Эренбрейтенштейна, Майнца и Мангейма; 2) армия Верхнего Рейна, под командованием генерала от артиллерии Ла-Тура, взамен отбывшего Вурмзера, и подчиненных ему фельдмаршал-лейтенантов: Старая, Фрелиха, князя Фюрстенберга, Рейсса, Риша и принца Конде; она состояла из 58 батальонов пехоты — 65 000 человек, 120 эскадронов кавалерии — 18 000 человек, в общем 83 000 человек. Все количество войск Австрии на Рейне, таким образом, в мае равнялось 176 700 человек. Уход 30 000 человек из этой армии в Италию, не считая первоначального выделения 6 000 человек, уменьшил армию эрцгерцога до 140 000 человек.

Обе французские армии, вместе взятые, насчитывали свыше 150 000 человек. Самбро-маасская армия состояла из 65 000 человек пехоты, 11 000 кавалерии, в общем из 76 000 человек; рейнско-мозельская армия — из 71 000 человек пехоты, 6 500 кавалерии, в общем из 77 500 человек. Первая была разделена на три корпуса. Левый, под командованием Клебера, образованный из дивизий Коло и Лефевра, находился на правом берегу Рейна, в Дюссельдорфе. Главнокомандующий Журдан был в Гундсрюке с центром, образованным из дивизий Шампионэ, Гренье и Бернадота. Правый, под командованием Марсо, состоял из его собственной дивизии и из дивизии Понсе. Генерал Бонно командовал кавалерийским резервом. Рейнско-мозельская армия была сведена в три корпуса: Дезе командовал левым, у него были дивизии Бопюи и Дельмаса; Сен-Сир командовал центром с дивизиями Дюгема и Тапонье; Ферино командовал правым — дивизии Делаборда и Тарро, и генерал Бурсье командовал кавалерийским резервом.

III

1 июня Клебер вышел из Дюссельдорфа со своим корпусом силою в 80 батальонов и 20 эскадронов, 2-го прибыл на Зиг, переправился через эту реку после авангардного боя и овладел укератской позицией. 4-го он атаковал принца Вюртембергского, стоявшего с корпусом в 15 000 человек на альтенкирхенских высотах, разбил его, захватил 2 000 пленных, четыре знамени, 12 пушек и двинулся на Лан. Главнокомандующий Журдан переправился через Рейн в Нейвиде и соединился со своим левым корпусом на Лане. Марсо снял свой биркенфельдский лагерь и двинулся к Майнцу. Эрцгерцог Карл подтянул с Верхнего Рейна 8-тысячный отряд и двинулся на самбро-маасскую армию. 15 июня он ее атаковал, разбил в Вецларе дивизию Лефевра, захватил у него одно знамя и семь пушек. Журдан отказался от своего предположения дать сражение 17 июня и начал отступать по всему фронту. Он переправился через Рейн с частью своей армии по кельнскому и нейвидскому мостам, направив Клебера на Дюссельдорф. Сильно теснимый противником, этот генерал был вынужден 19 июня принять бой в Аль-

тенкирхене, из которого он вышел с честью, без чувствительных потерь, и занял дюссельдорфскую позицию.

Уходя с отрядом в Италию, Вурмзер укоротил свою позицию и поставил левый фланг на Рейне у городка Франкенталя, который был им укреплен, и правый фланг — в горах. Моро приказал Дезе и Сен-Сиру его атаковать. Первый стал маневрировать между Рейном и горами, второй — через Гомбург и Цвейбрюккен. 15 июня, после горячего боя, австрийский арьергард был опрокинут и должен был отступить в мангеймское предмостное укрепление, с потерей тысячи человек. Но этот небольшой успех не возмещал неудачи, испытанной в течение этого времени самбро-маасской армией, отошедшей на Рейн.

IV

Французское правительство наконец почувствовало, что маневрирования Моро на левом берегу Рейна нисколько не помогали самбро-маасской армии. Оно приказало ему переправиться через Рейн. 24 июня, в 2 часа утра, Дезе с 2 500 человек овладел островом Эрлен-Рейн и в течение утра овладел Келем. Он взял 800 пленных и 12 пушек. Вечером он начал наводить понтонный мост, закончив его в полдень 25-го. В этот день две его дивизии, кавалерийский резерв, главная квартира и одна из дивизий Ферино переправились на правый берег, в общем числе 40 000 человек. Генерал Сен-Сир со своими двумя дивизиями остался на левом берегу напротив мангеймского предмостного укрепления, другая дивизия Ферино — на Верхнем Рейне. Генерал Старай с 26 батальонами, среди которых была часть армии Конде и швабский контингент, получил задание охранять Рейн от Швейцарии до Раштадта. Ла-Тур с 22 батальонами был в Мангейме. Он охранял промежуток от Раштадта до Майна и занимал на левом берегу мангеймское предмостное укрепление. Войска Старая были разбросаны вдоль правого берега. У него было два небольших лагеря, каждый на 6 000 человек, расположенных в нескольких лье от Келя — один в Вильштедте, другой около Оффенбурга. 26-го Ферино поднялся вверх по Рейну, направившись на вильштедтский лагерь и 28-го — на оффенбургский лагерь. Противник их эвакуировал. В то же самое время Дезе со своим корпусом и резервом армии направился на Ренх. Генерал Старай был здесь с 10 000 человек. Он его атаковал, сбил, взял десять пушек, 1 200 пленных и преследовал до Раштадта, куда только что прибыл генерал Ла-Тур из Мангейма с 25 000 человек и занял позицию за р. Мург. Но как только Сен-Сир узнал о движении противника от Мангейма на Верхний Рейн, он двинулся вслед за ним по левому берегу, перешел по Кельскому мосту, вышел на Фрейденштадт, овладел редутами, расположенными на горе Книбис, и форсировал переправу через р. Мург после очень оживленного боя, продолжавшегося весь день 5 июля. Генерал Ла-Тур отступил за

р. Альб, потеряв 1 000 пленных. Французская главная квартира была перенесена в Раштадт. В течение этого времени Ферино овладел р. Кинциг, поднялся вверх по Рейну, и по мере того, как он продвигался вперед, бригады, бывшие на левом берегу, переправлялись через эту реку и увеличивали его корпус.

Эрцгерцог, узнав 26 июня о переправе через Рейн у Келя, выступил во главе 24 батальонов и 29 эскадронов на поддержку своей верхне-рейнской армии, оставив для наблюдения за Журданом 36 000 человек под начальством Вартенслебена и 26 000 человек в гехтсгеймском укрепленном лагере для прикрытия Майнца. Он соединился с генералом Ла-Тур за р. Альб, и у него под командованием оказалось 44 батальона и 80 эскадронов, а именно: на его левом фланге, в горах, под командованием генерала Кайма, 18 батальонов и 19 эскадронов; в центре, перед Этлингеном, 13 батальонов и 28 эскадронов; на правом фланге, под командованием генерала Ла-Тура, 10 батальонов и 29 эскадронов и три батальона с четырьмя эскадронами в наблюдательных отрядах.

С такими значительными силами он предполагал атаковать 10-го французскую армию и сбросить ее в Рейн. Но генерал Моро предупредил его. 9-го Сен-Сир форсировал Ротенсоль, разбил Кайма, отбросил саксонцев на Неккар. Эрцгерцог, узнав об этом, приказал двинуть свой центр и правый фланг против Дезе. Дезе в деревне Малыш сдержал эрцгерцога. Он проявил много отваги, продержался большую часть дня и лишь вечером отошел на другую позицию, немного позади. Такое доблестное сопротивление озадачило неприятеля, который, опасаясь, что его отрежет генерал Сен-Сир, уже дошедший до Нейенбурга, перешел в отступление 10-го на Пфорцгейм, выделив десять батальонов на пополнение гарнизонов Филиппсбурга и Мангейма. На следующий день он продолжал свой путь на Штутгарт, где переправился через р. Неккар, преследуемый генералом Сен-Сиром. Со своей стороны генерал Ферино овладел биберахской позицией на Кинциге, перешел через Шварцвальд и прибыл в Виллинген. Противник совершенно очистил всю местность между Рейном и Шварцвальдом. В «лесных» городах были поставлены французские гарнизоны.

V

Как только в главной квартире самбро-маасской армии узнали, что рейнская армия произвела переправу через Рейн, генерал Клебер 29 июня выступил из Дюссельдорфа. Ему была придана дивизия Гренье, переправившаяся через Рейн в Кельне. В Лимбурге у него был бой, и 8 июля он переправился через Лан. Главнокомандующий Журдан с остальной армией присоединился к нему на невидском мосту, оттеснил генерала Вартенслебена, имея небольшие авангардные стычки, и переправился через Лан тремя колоннами по трем мостам: гиссенскому, вецларскому и лейнскому. В Фридберге, после оживленного боя, противник был

разбит, и 12-го Журдан переправился через Нидду, вышел на равнины Майна, занял позицию перед Франкфуртом и заключил с Вартенслебеном перемирие на несколько дней для переговоров о сдаче Франкфурта, открывшего свои ворота. Это дало время противнику выиграть два перехода и уйти на Верхний Майн. Франкфурт был хорошо вооружен, обильно снабжен боевыми и съестными припасами. Форт Кёнигсштейн, расположенный в одном переходе от Франкфурта на большом кельнском шоссе, сдался 21 июля. В нем имелись 93 пушки и 600 человек гарнизона.

VI

Журдан, получив инструкцию правительства, оставил Марсо перед крепостями с 30 000 человек, а сам только с шестью дивизиями, в составе 50 000 человек, двинулся вперед, в глубь Германии. Он следовал по окраине Тюрингенских гор, окаймляющих Саксонию, и таким образом удалялся от Дуная. 21 июля его авангард вступил в Швейнфурт, а главная квартира прибыла туда 26-го. Вюрцбург и его цитадель, занятые 3 000 человек князя-епископа, капитулировали 24-го, и гарнизон сложил оружие. Форт Кенигсгофен капитулировал 3 августа. Генерал Вартенслебен с 31 000 человек отступил на Бамберг, не оказывая сопротивления. Самбро-маасская армия последовала за ним, переправилась через Регниц в Бамберге и разбила его в бою у Форхгейма 6 августа. Это вынудило его отступить за р. Вильс. Французская главная квартира 11 августа расположилась в Лауфе. Форт Ротенберг, лежащий на шоссе из Байрейта в Амберг, капитулировал. В нем оказалось 43 орудия. 15 августа французы двинулись на Зульцбах и Амберг. Целый день им пришлось вести бой. Четыре дивизии были введены в дело. Противник очистил свои позиции на Вильсе и отступил за р. Наб у Шваценфельд, все больше удаляясь от армии эрцгерцога. 19-го французская армия была уже по ту сторону Вильса. Генерал Бернадот был откомандирован в Неймаркт, на шоссе из Регенсбурга в Нюренберг, в 10 лье от Регенсбурга: обе французские армии овладели левым берегом Дуная, и их можно было рассматривать как объединенную армию. 20-го главнокомандующий с пятью дивизиями двинулся на Наб. На вольферингенских высотах произошел горячий бой, после которого противник ночью их очистил.

21 августа позиция самбро-маасской армии была следующая: главная квартира была в Амберге; пять дивизий, 40 000 человек, стояли вдоль р. Наб, имея перед собой армию Вартенслебена; на правом фланге, в 10 лье, стояла дивизия Бернадота в 7 000 человек, отряженная для наблюдения за регенсбургской дорогой; Марсо с тремя дивизиями в 30 000 человек блокировал Майнц, Эренбрейтенштейн и охранял р. Майн. Наб — небольшая речка, впадающая в Дунай в одном лье выше Регенсбурга. Операционная линия самбро-маасской армии шла через Лауф,

Нюренберг, Бамберг и Вюрцбург. Эта армия не имела путей сообщения с рейнской армией, хотя обе французские армии владели левым берегом Дуная и были расположены между армиями эрцгерцога и Вартенслебена. Самбро-маасская армия находилась в одном переходе от границ Богемии.

Бои под Амбергом и Вольферингом были очень кровопролитны. Поле сражения осталось за французами, хотя потери обеих сторон были почти равны. Число пленных с той и другой стороны не превышало 200—300 человек. Это — единственные крупные события, хоть сами по себе и незначительные, происшедшие после выступления из Франкфурта.

VII

Рейнская армия переправилась через Неккар 22 июля и следовала за эрцгерцогом Карлом по двум шоссе — гмюндтенскому, левому, и гёппингенскому, правому. Эти два шоссе, идущие первое — по долине Ремса и второе — по долине Вильса, пересекают горы Альб, называемые Вюртембергскими Альпами. Движения рейнской армии были медлительными, что навело эрцгерцога Карла на мысль, что она не решается серьезно действовать за Неккаром. Он распорядился занять позицию на Вейссенштейнском плато. Но 23 июля Дезе, прибыв в Гмюндт, стал по пятам преследовать неприятельский арьергард и дал бой в Аалене, где захватил 500 пленных.

В тот же самый день Сен-Сир, проходивший по правому шоссе, прибыл в Гейденгейм, на р. Бренц. 5 и 8 августа происходили авангардные бои с переменным успехом и потерей нескольких сот человек. Саксонские части оставили австрийскую армию и вернулись в Саксонию.

Между тем эрцгерцог Карл, рассудивший, что французские армии были отделены одна от другой только тремя переходами и намереваются произвести соединение в Альтмюле, решил рискнуть на сражение с целью этому помешать. Его арьергард превратился в авангард. Он его выдвинул в Эглинген, где этот авангард 10 августа был атакован французами, опрокинувшими его и захватившими 300—400 пленных. 11-го на рассвете выступила восемью колоннами вся австрийская армия. Французская армия была впереди Нересгейма, где она занимала фронт в 8 лье; в ней имелось налицо 48 батальонов и 66 эскадронов — 45 000 человек. Дюгем с 6 000 человек образовывал правый фланг, отправившийся на Бренц, в 2 лье от Дуная. Тапонье был в центре, имея девять батальонов на высотах Дюнстелькингена, три — в Дишингене, немного позади. Бопюи образовывал левый фланг впереди Швейндорфа. Дельмас с 8 000 образовывал авангард и находился в Бонфингене. Из трех левых колонн эрцгерцога две направились на Дишинген и Диллинген и атаковали Дюгема с фронта и сзади, отделили его от центра и отбросили на один переход назад, в то время как третья колонна под командованием гене-

рала Фрелиха переправилась через Дунай в Ульме и ударила на французскую армию с тыла. Французская главная квартира, обозы и хозяйственно-административная часть были изгнаны из Гейденгейма и бежали в направлении на Аален. Таким образом, с самого начала сражения французская армия была обойдена, отрезана и потеряла свою операционную линию. В обозах и резервах возник беспорядок. Это был довольно серьезный результат, но те три колонны, которые были использованы для его достижения, оказавшись в 3 лье от поля сражения, не смогли принять участия в деле. Две правые колонны вышли по нордлингенскому шоссе, проникли между авангардом и левым флангом и атаковали оконечность боевой линии, где командовал генерал Газан. Три колонны центра, предназначенные для главной атаки, руководимые лично самим эрцгерцогом, состояли из 19 батальонов и 24 эскадронов. Они вышли на Луфгаузен, опрокинули посты Сен-Сира, не ожидавшего такой сильной атаки и занимавшего еще позиции, на которых его застал накануне вечер Эглингенского боя. Он стянул свои войска на дюнстелькингенские высоты. Все усилия эрцгерцога взять эти позиции в течение оставшейся части дня были тщетны. Та и другая стороны потеряли по 6 000—7 000 человек. Ночью он отошел своим правым флангом на дорогу между Нордлингеном и Донаувертом в меттингенский лагерь, а своим левым флангом в Диллинген на Дунае. Центр ночевал на поле сражения. Небольшая французская колонна вновь взяла Гейденгейм и восстановила коммуникационные линии армии. Это побудило Моро остаться на поле сражения, подобрать раненых и подготовиться либо к отступлению, либо к движению вперед, в зависимости от получения дальнейших сведений. Он одержал победу. Самбро-маасская армия уже переправилась через Регниц и, казалось, направлялась через Амберг на Регенсбург. Она выиграла несколько переходов у эрцгерцога Карла, который, не успев в бою 11-го опрокинуть французскую армию и отбросить ее в ущелья гор Альб и боясь быть окруженным, не мог больше терять ни минуты. Ночью он начал отступать, считая соединение обеих французских армий совершившимся фактом и отказавшись ему воспрепятствовать. Вследствие этого он оставил левый берег Дуная, Верниц, Альтмюль и переправился обратно через Дунай и Лех. Кампания для австрийцев оказалась проигранной.

В продолжение этого времени генерал Ферино с 23 батальонами и 17 эскадронами, третьей частью армии, пройдя через горы Шварцвальда, овладел Линдау и Брегенцом на Констанцском озере, где оставил семь батальонов и три эскадрона под командованием генерала Делаборда для наблюдения за выходами из Тироля, и двинулся через Штокахс 16 батальонами и 14 эскадронами на Меммингген. 13-го генерал Аббатучи, командовавший авангардом, атаковал корпус Конде в Миндельгейме и уничтожил несколько его полков, затем присоединился к рейнской армии и образовал ее левый фланг на р. Лехе.

VIII

Генерал Моро несколько дней оставался на нересгеймском поле сражения. Наконец он двинулся на Донауверт, но возвратился к Гохштедту, не выслав даже кавалерийской разведки на Альтмюль, чтобы попытаться войти в связь с самбро-маасской армией. Подобные колебания и бесцельные маневрирования ободрили эрцгерцога, он увидел, что еще сможет помешать соединению обеих армий, на что он было уже перестал надеяться. Он оставил за Лехом генерала Ла-Тура с 30 батальонами, чтобы сдерживать и замедлять движения рейнской армии, а сам с отрядом в 30 000 человек пехоты, кавалерии и артиллерии переправился через Дунай и двинулся на нюренбергское шоссе. 22 августа он атаковал генерала Бернадота на его позиции перед Неймарктом, преследовал его до Лауфа и Нюренберга и отбросил на Форхгейм. Генерал Вартенслебен тотчас же перешел в наступление и переправился через Наб. Самбро-маасская армия отступила на Амберг и Зульцбах, но, атакованный на этой позиции с фронта Вартенслебеном, во фланг и с тыла отрядом армии эрцгерцога Карла, ее главнокомандующий не захотел рискнуть на серьезное дело. Его отступление стало очень затруднительным; армия потеряла свою операционную линию — шоссе из Лауфа в Нюренберг. Армии пришлось маневрировать на горах по едва проходимым для обозов дорогам; артиллерия и обозы ее пришли в плохое состояние. Эти беспорядочные переходы плохо повлияли на дисциплину в армии, которая пришла 26-го в Форхгейм, левый фланг в Эберманнштадт, где она провела 28-е. Главнокомандующий намеревался произвести несколько наступательных операций, но не смог этого выполнить вследствие быстроты движений эрцгерцога Карла и его наступательных демонстраций на тылы французской армии: противник уже направил одну дивизию на Бамберг, поднял тревогу в главной квартире, внес беспорядок в обозы и в административно-хозяйственную часть, преградил дорогу из Бамберга в Швейнфурт, куда армия смогла прибыть только 31 августа, после трех дней форсированных переходов и пробивая себе дорогу штыками. В этом городе она остановилась на отдых, в котором так нуждалась.

Вюрцбург был занят генералом Готце, блокировавшим своей дивизией цитадель, где был заперт генерал Болемон, начальник артиллерии, с 8 000 человек. Готце был поддержан дивизией Старая. Эрцгерцог с остальной армией был в одном переходе позади. Журдан воспользовался таким распылением армии противника и решил открыть себе дорогу на Вюрцбург. 2 сентября перед полуднем он выступил и на следующий день, 3-го, атаковал эрцгерцога Карла. Во время сражения прибыли Край и Вартенслебен и противопоставили ему 40 000 человек пехоты и 12 000 кавалерии. Французов было только 30 000 человек: они проиграли сражение. Дивизия Лефевра была оставлена ими в Швейнфурте.

Журдан отступил на Арнштейн и на р. Лан, куда прибыл 10 сентября; его войска изнемогали от усталости и были сильно деморализованы. Он расположил свою главную квартиру в Вецларе. С 22 августа ему пришлось драться против армии Вартенслебена и эрцгерцога, силою в 68 000 бойцов, у него же их было только 44 000. Прибыв на Лан, он соединился с Марсо и с дивизией в 10 000 человек, прибывшей из Голландии, после чего он оказался численно сильнее своего противника.

В течение 15 дней он потерял все свои завоевания в Германии единственно благодаря маневрированию своего противника и проигрышу Вюрцбургского сражения. Но все еще могло быть поправлено. Все заставляло верить, что участь кампании должна измениться и окончиться в нашу пользу. Он хорошо сознавал, что ему нужно делать, но у него недоставало энергии и решительности. Он допустил предупредить себя на Лане и отбросить за Рейн. Доблестный Марсо был убит в бою при Альтенкирхене. Клебер и Колло были отозваны из армии за неподчинение. Армия была разбросана: часть переправилась через Рейн, а дивизия Лефевра занимала дюссельдорфский лагерь.

Немного спустя Журдан оставил командование армией, но, по странности, трудно объяснимой, Директория заменила его Бернонвиллем, человеком, едва способным вести батальон.

Эрцгерцог покинул берега Лана с 12 000 человек с целью двинуться против рейнско-мозельской армии, все еще находившейся в Баварии, оставив генерала Вернека с 50 000 человек наблюдать за самбро-маасской армией.

IX

23 августа, через 12 дней после Нересгеймского сражения, французская рейнско-мозельская армия переправилась, наконец, через Дунай и двинулась на Лех. Генерал Дезе, образуя левый фланг армии, прибыл к устью Леха, напротив Райна. Центр, под начальством Сен-Сира, был в Аугсбурге, и правый фланг, под командой Ферино, был напротив Ландсберга. Генерал-лейтенант Ла-Тур, назначенный для обороны переправ через Лех, расположил три батальона в Ингольштадте, дивизию из восьми батальонов с 20 эскадронами напротив Райна для обороны Нижнего Леха и 15 батальонов на фридбергских высотах напротив Аугсбурга. Корпус Конде образовывал левый фланг напротив Ландсберга. 24-го генерал Ферино форсировал переправу у Гаунштедтена, Сен-Сир переправился по лехгаузенскому броду перед Аугсбургом, и Дезе — по ландвейскому броду. Аугсбургские мосты были тотчас же приведены в исправность, и оказавший сильное сопротивление генерал Ла-Тур был отброшен с прекрасных фридбергских позиций. Он оставил победителю 17 пушек и 1 500 пленных.

После переправы через Лех правый фланг французской армии передвинулся на Дахау, в 3 лье от Мюнхена, расположив авангард под стенами этого города, центр — у Пфаффенгофена, левый фланг — у Гейденфельда и выслав наблюдательный отряд на Ингольштадт. Австрийский главнокомандующий перенес свою главную квартиру в Ландсгут на Изаре, где соединился с главными силами армии. Дивизия генерала Науендорфа силою в 8 000 человек, которая была выделена эрцгерцогом для наблюдения за Дунаем после Амбергского сражения, занимала Абендсберг и прикрывала Регенсбург; корпус Конде занимал Мюнхен. В таком положении он выжидал несколько дней наступления французского генерала, но, видя, что тот не двигается, заподозрил, не переправился ли он на левый берег Дуная для преследования эрцгерцога Карла. Вследствие этого 1 сентября он двинулся со всей своей армией и несколькими колоннами на Гейзенфельд, атаковал французский левый фланг и дошел до р. Паар, но был оттеснен и узнал от пленных, что армия стоит, не двигаясь, и вся целиком находится на правом берегу Дуная. Тогда он возвратился на свои позиции. В этом бою потери были равные и на той и на другой стороне, противник оставил французам одну гаубицу. 7 сентября генерал Моро без всякого плана решил двинуться вперед. 9-го левый фланг направился в Нейштадт, примыкая к Дунаю, напротив Абендсберга, центр — на Майнбург и правый фланг — на Мосбург. Мюнхен и Фрейзинг были заняты французами, но противник стоял по левому берегу Изара. Моро встретил мало препятствий при этом движении. Он захватил 500—600 пленных.

Противник ждал, что Моро направится на Регенсбург, но 8 и 9-го тот не двигался, а 10-го начал отходить на свои прежние позиции и отрядил генерала Дезе с 12 000 человек на розыски самбро-маасской армии, находившейся к этому времени в 80 с лишком лье от него. Дезе в ночь с 11 на 12-е переправился через Дунай в Нейбурге и 12-го прибыл в Эйхштет, откуда выдвинулся на Гейдек, на полпути к Нюренбергу. Там он узнал все подробности о событиях, происшедших за это время, и об оттеснении самбро-маасской армии на Рейн. Он пошел назад и 16-го присоединился к армии на Дунае. Между тем генерал Ла-Тур, узнав про движение Дезе, двинулся вперед и завязал мелкие бои на всем фронте, но, получив сведения о слабости отряда Дезе и о приближающихся силах, оставшихся на правом берегу Дуная, он стал действовать с осмотрительностью.

Покинув Рейн, эрцгерцог оставил в крепостях: в Майнце 15 000 человек пехоты и 1 200 кавалерии, в Эренбрейтенштейне — 3 000 человек пехоты, в Мангейме — 8 000 человек пехоты и 300 кавалерии и в Филиппсбурге — 2 500 человек пехоты и 300 кавалерии. Журдан оставил на р. Майн дивизии Марсо, Понсе, Боннара — 26 000 человек — для блокады Майнца и Эренбрейтенштейна. Но против Мангейма и Филиппсбурга Моро оставил только подвижную колонну в 2 800 человек пе-

хоты, кавалерии и артиллерии, под командованием бригадного генерала Шерба, которого он выделил из гарнизона Ландау. Эрцгерцог тотчас же по своем прибытии на Лан приказал генералу Петраш оттянуть девять батальонов из гарнизонов Мангейма и Филиппсбурга, атаковать генерала Шерба и захватить кельские и гюнингенские предмостные укрепления. Генерал Шерб был все еще в Брухзале. Во-время узнав об этом от перебежчиков, он 13 сентября перешел в отступление и отошел на Кель, еще полностью не восстановленный. Петраш последовал за ним и 18-го атаковал с вчетверо бо́льшими силами, но потерпел неудачу и потерял много людей. Этим успехом французы отчасти обязаны усердию, проявленному страсбургской национальной гвардией.

Моро был сильно встревожен боем, чуть не помешавшим его отступлению. Он почувствовал необходимость приблизиться к Рейну и начал свое отступление. Он переправился обратно через Лех в тот же самый день, когда Журдан перешел обратно за Рейн. 20-го он занял позицию за Шмуттером, 21-го — за Миндель, 22-го — за Гюнц. Он двигался тремя колоннами: Ферино командовал левой колонной, Сен-Сир — центральной и Дезе — правой, считая по направлению отхода. Генерал Фрелих следовал за Ферино, Ла-Тур — за Сен-Сиром, генерал Науендорф шел по левому берегу Дуная. Крепость Ульм, не имевшая никакого гарнизона, была, к счастью, занята отрядом Монришара на 24 часа раньше, чем генералу Науендорфу удалось бы туда войти. 24-го французская армия заняла позицию на Иллере, опираясь — Ферино на Меммингген и Дезе на Ульм. 25, 26 и 27-го она продолжала свое отступление. Дезе, следуя по левому берегу Дуная, направился на Эинген. Через 6 часов после того, как он покинул Ульм, туда вошли австрийцы. 27-го армия прибыла на Федер-Зее. Там она узнала, что генерал Петраш занял все проходы Шварцвальда, а шварцвальдские города были заняты восставшими крестьянами. 28-го генерал Ла-Тур атаковал по всему фронту, но был повсюду отражен. Генерал Науендорф, до тех пор составлявший правый фланг австрийской армии, покинул этот участок фронта, двинулся на Тюбинген и соединился с Петрашем на ротвейльской позиции, таким образом заняв крупными отрядами долины Кинцига и Ренха, в то время как эрцгерцог Карл с корпусом в 12 000 человек прибыл в селение Ренхен, выслав разъезды на Кинциг, около Келя. Генерал Ла-Тур, ослабленный вследствие этого, имел не свыше 25 000 человек и оказался под ударом. Однако он стоял лагерем в Швейнгаузене, и ему казалось, что нечего было опасаться. Генерал Моро чувствовал необходимость удалить его, чтобы получить возможность форсировать ущелья. 2 октября он его атаковал в Биберахе. Австрийцы были разбиты и обратились в бегство, оставив в руках победителя два знамени, несколько пушек и 4 000 — 5 000 пленных.

X

После этого сражения французская армия продолжала свое отступление. Обозы, громоздкие вещи, раненые были направлены через шварцвальдские города на Гюнинген с прикрытием, достаточным, чтобы обеспечить их проход. Правый фланг атаковал ущелья и овладел селениями Ротвейль и Виллинген 10 октября. Сделав поворот кругом, он двинулся к ущельям Валь-Данфер. 12-го во Фрейбург — в долину Рейна — прибыл Сен-Сир. Армия потратила 13, 14 и 15-е для перехода через это ужасное ущелье. Она заняла позицию за небольшой речкой Эльц, прикрывая Фрейбург.

Между тем эрцгерцог Карл прибыл в Эттенгейм, где к нему один за другим присоединились: 15 октября Петраш, 18-го — Науендорф, 20-го Ла-Тур. Корпуса Конде и Фрелиха следовали за французской армией через ущелья Валь-Данфер и шварцвальдские города. Таким образом, к 15-му французы оказались в сборе, их пути сообщения с Францией шли через мосты Альт-брейзахский и Гюнингенский. Моральное состояние и снабжение войск улучшились, тем не менее они остались в бездействии. 18-го противник двинулся на них с 36 000 человек, примыкая правым флангом, под командованием Петраша, к Рейну, имея центр под командованием Вартенслебена и левый фланг под командованием Ла-Тура. Бились упорно с равными потерями и равным успехом. Так как Фрелих и корпус Конде вошли в Вальдкирх по долине Шварцвальда, то главнокомандующий счел нужным приблизиться к Фрейбургу, отведя свой правый фланг, но все время прикрывая этот город и Ней-Брейзах. 21-го Дезе переправился через Рейн в Ней-Брейзахе и спустился по левому берегу к Страсбургу. Армия очистила Фрейбург и заняла позицию, опираясь правым флангом на Кандерн, левым примыкая к Рейну в Шлиенгене. 23-го она была атакована. Ослабленная выделением корпуса Дезе, она значительно уступала в численности противнику, но занимала прекрасную позицию и обороняла ее, а 26-го, немного потрепанная, переправилась обратно за Рейн по Гюнингенскому мосту. Ферино остался на Верхнем Рейне, а остальная армия двинулась на Страсбург.

Таким образом, ведя войну в Германии в течение четырех месяцев, обезвредив маркграфа баденского, герцога вюртембергского и курфюрста баварского, заключив с ними перемирие и наложив контрибуции, которые не успела собрать, одержав много побед и не подвергшись существенному поражению, французская армия отошла обратно за Рейн. На правом берегу у нее остались только крепость Дюссельдорф и предмостные укрепления — кельское и гюнингенское.

XI

Дюссельдорф — крепость на севере — не привлек на себя внимание австрийцев; но крепости Кель и Гюнинген позволяли части армии зимовать на левом берегу Рейна и беспокоить Германию. Австрийцы ре-

шили овладеть этими укрепленными местами. 28 октября 40 000 человек обложили их предмостное укрепление и перед Келем возвели контрвалационные линии. Они состояли из 15 редутов, примкнутых справа и слева к Рейну, связанных между собой окопами, имевшими почти 3 500 туазов протяжения и целиком охватывавшими всю систему укреплений Келя. Со своей стороны, и французы работали с таким же напряжением, чтобы возвести палисады и вооружить форт и выдвинутые укрепления выше и ниже по Рейну, установить батареи по всему левому берегу и прочно устроиться на всех островах, особенно на островах Эрлен-Рейн и Туффю [1]. Перед этим последним, в 1 500 туазах от Келя, они соорудили равелин в виде предмостного укрепления. Расстояние от этого равелина до Кинцига было 1 000 туазов. Перпендикулярно к Рейну ими был построен укрепленный лагерь в 1 000 туазов и предмостное укрепление на острове Эрлен-Рейн. Расстояние от Келя до устья Кинцига, вниз по Рейну, — 500 туазов. Эти укрепления охранялись 16 батальонами, сменяемыми через каждые 24 часа. Несмотря на такие серьезные приготовления к обороне, эрцгерцог Карл упорствовал в осаде крепости, которую он мог блокировать только с одного берега и не мог отрезать от Страсбурга и Франции. 21 ноября была заложена траншея на укреплениях Кинцига. 22 ноября на рассвете Дезе сделал вылазку из кельского укрепленного лагеря во главе 16 000 человек пехоты и 3 000 кавалерии. Он прорвал контрвалационные линии и овладел селением Зюнтгейм, расположенным в одном лье от Рейна в тылу у противника. Но у него были слишком незначительные силы. Он разрушил несколько редутов контрвалационной линии, заклепал 15 пушек, шесть захватил с собой и взял 1 500 пленных, но был вынужден отойти в свои укрепления. 28 ноября противник сразу открыл огонь всеми своими батареями. Рытье параллелей против укреплений Кинцига было предпринято как ложная атака. Главную же атаку повели на равелин впереди острова Туффю и против острова Эрлен-Рейн. План противника состоял в разрушении мостов на Рейне. 6 декабря противник овладел островом Туффю и равелином.

9 декабря он овладел всеми внешними окопами и расположился в старой кельской церкви. 18-го он овладел правым флангом французских окопов и редутом Тру-де-Лу. 3 января овладел всем островом Эрлен-Рейн, 6-го атаковал флешь, выше по Рейну, разрушил мосты и 10 января вошел в Кель, который капитулировал. Французы очистили этот форт и перевезли все на страсбургский берег. Потери на той и другой стороне были очень значительны и расход боевых припасов громадный. Французская артиллерия имела превосходство вследствие огромного числа батарей, которые ею были построены на левом берегу. Заморозки в ноябре, декабре и январе причиняли много страданий обеим армиям.

---

[1] В донесениях об осаде Келя этот остров назван «Лесной остров» (Busch Insel); ныне его не существует.—*Прим. франц. ред.*

В продолжение этого времени князь Фюрстенберг оставался против Гюнингена с 13 батальонами. Правый фланг рейнской армии, под начальством Ферино, вошел в эту крепость. Генерал Аббатучи был назначен комендантом предмостного укрепления, и по мере того как противник готовился к осаде предмостного укрепления, этот молодой офицер не терял времени и подготовил все, что требуется для ведения самой упорной обороны. Батареи противника были готовы 25 ноября и начали оживленный обстрел предмостного укрепления. 29-го мост был разрушен. 30 ноября австрийцы пошли на штурм с 6 000 человек. Бой велся оживленный и упорный. Противник был отражен, оставив треть людей на поле сражения и в плену. Молодой Аббатучи, 24-летний генерал, подававший самые блестящие надежды, произвел вылазку во главе гарнизона, чтобы выгнать австрийцев из люнета, где они хотели окопаться. Вылазка удалась, но он был смертельно ранен. Результатом этого штурма было прекращение осады. Но 19 января 1797 г., после взятия Келя, противник вновь заложил траншею, и 19 февраля гарнизон капитулировал и ушел за Рейн.

Успех обеих этих операций позволил эрцгерцогу Карлу расположиться на зимних квартирах вдоль левого берега, в Брисгау и баденских областях, и выделить сильные подкрепления в армию, собиравшуюся за Пиаве и командование над которой он принял в феврале. Она должна была отомстить за Болье, за Вурмзера, за Альвинци и вновь завоевать Мантую, Ломбардию и Италию.

XII

Первое замечание. *О плане кампании.* Плохой исход этой кампании следует приписать операционному плану, принятому правительством. Целью вторжения в Германию было: 1) произвести диверсию, которая помешала бы австрийцам выделять новые отряды из рейнских армий для посылки подкреплений в свою итальянскую армию; 2) отделить государей Германского союза от императора, склонить на свою сторону Баден, Вюртемберг и Баварию, привлечь к прусской конфедерации нейтральных государств Саксонию и северных владетельных князей, которые в нее еще не вошли; 3) поддерживать войну в Германии, наложить на нее контрибуции и набрать лошадей в целях реорганизации пехоты, кавалерии и артиллерии; ресурсы же республики употребить на создание резервной армии; 4) овладеть крепостями Эренбрейтенштейном, Майнцем, Мангеймом и Филиппсбургом для обеспечения границ по Рейну и иметь в своем распоряжении для окончания этой и для ведения следующей кампании войска для блокады этих крепостей; 5) обеспечить зимние квартиры французских армий в Германии и прикрывающие их позиции, овладев Ингольштадтом и Ульмом, для того чтобы была возможность, после взятия Мантуи, весной 1797 г., атаковать владения императора одновременно со стороны Италии и Германии.

Для этого нужно было сделать две вещи: 1) только блокировать крепости Эренбрейтенштейн и Филиппсбург, осадить Майнц и Мангейм; 2) прикрывать осады и блокады сильной армией, которая перенесла бы войну внутрь Германии и угрожала бы владениям императора. Эту сильную армию следовало составить из четырех корпусов, каждый в составе трех пехотных дивизий, нескольких конно-егерских и гусарских бригад и из резерва тяжелой кавалерии. Численность армии должна была составить 140 000 — 150 000 человек.

Обсервационную армию на Рейне следовало составить из трех корпусов, в которые включить семь дивизий и несколько кавалерийских бригад, всего 60 000 человек. Первый ее корпус, силою в две дивизии, должен был охранять Голландию и Дюссельдорф и блокировать Эренбрейтенштейн. Второй корпус, силою в три дивизии, должен был осаждать Майнц. Третьим корпусом, из двух дивизий, нужно было блокировать Филиппсбург и Мангейм, охранять Кель и гюнингенское предмостное укрепление. Общая численность обеих армий должна была составлять 200 000—210 000 человек.

Эти войска уже существовали: в армиях рейнской и самбро-маасской в начале кампании имелось 160 000 человек, в голландской армии — 30 000 человек, и 20 000 человек можно было подтянуть из Вандеи и из внутренней Франции, где в них не было необходимости. В общем составилось бы 210 000 человек.

Траншею перед Майнцем нужно было заложить на другой же день после того, как блокировали крепость. Июня, июля, августа и сентября было достаточно, чтобы ее взять. Было даже возможно с тем же осадным парком выгадать время для взятия еще и Мангейма. Крепости Эренбрейтенштейн и Филиппсбург не смогли бы устоять перед девятимесячной блокадой и капитулировали бы в течение зимы. Сосредоточение войск в большую общую армию следовало бы сделать под стенами Страсбурга по левому берегу Рейна в течение февраля, марта и апреля путем замаскированных передвижений. Можно было возлагать большие надежды на столь значительную армию, которой надлежало переправиться через Рейн врасплох и быстро, по всем направлениям, подавляя войска, разбросанные для обороны реки. Армии противника покинули бы Рейн и сосредоточились бы на Дунае. Французская армия заняла бы Ульм. Из этого пункта, как из центра, она могла бы маневрировать в Вюртемберге на Верниц, Лех и в Баварии, имея только одну операционную линию — на Кель, Ней-Брейзах и Гюнинген. Она все подавляла бы своей массой. На зимних квартирах ей следовало бы стать на границах Австрии, подчинив и склонив на свою сторону и обезвредив государей Германского союза.

План кампании, принятый в Париже, был составлен в противоположном духе: 1) крепости не были ни блокированы, ни осаждены, за ними только велось наблюдение издали; 2) две армии под начальством

двух главнокомандующих, независимых один от другого, вступили в Германию по двум прямо противоположным операционным линиям. Они шли наугад, без согласования, без связывающих путей сообщений и были отброшены, не будучи разбиты в настоящем большом сражении. Это произошло от господствовавших тогда ошибочных взглядов. Исходили из того, что в кампании 1794 г., когда противники овладели крепостями Конде, Валансьенном, Ландреси и Кенуа, французы подверглись неудачам в различных прямых атаках на центр и добились успехов только тогда, когда они разделили свои войска на две армии — северную и самбро-маасскую, направив одну — армию Пишегрю — на правый фланг противника через Менен вдоль моря, а другую — армию Журдана — на левый фланг по Самбре. Результатом этого операционного плана было завоевание названных крепостей и Бельгии. Противник был отброшен за Рур и Рейн, а немного спустя капитулировали, одна за другой, и фландрские крепости.

Но принципы, выведенные из этих предпосылок, были ошибочны. Успехи кампании 1794 г., очень далекие от того, чтобы приписывать их плану кампании, были одержаны, наоборот, несмотря на ошибочность этого плана, единственно по причине громадного численного превосходства войск, которые были выставлены республикой на этой границе. Хотя и разделенные на две отдельные армии, войска каждой из армий были по численности почти равны всей австрийской армии. В сражении под Флерюсом генерал Клерфайт имел армию такой же силы, как армия Журдана, но армия Журдана была только частью войск, какие Франция имела на севере, а Клерфайт сосредоточил бо́льшую часть своих сил. Если бы он разыграл сражение основательно и оказался победителем, он затем разбил бы Пишегрю, и, несмотря на огромное число батальонов, французы были бы разбиты вследствие ошибочного плана.

Если бы вместо двух армий — одной на правом, а другой на левом берегу — вся французская армия была бы сосредоточена на Самбре, среди флерюсских равнин, выставив обсервационный корпус в направлении на Дюнкерк, то армия Журдана, вдвое сильнейшая, чем армия Клерфайта, не подверглась бы отпору, а, подобно горному потоку, обрушилась бы на левый фланг противника и отрезала бы ему отступление к Рейну. У нее был бы успех верный и решительный. Но неудобства, являющиеся следствием таких принципов войны, делаются значительно более опасными при вторжении в неприятельскую страну. Обе французские северные армии имели в 1794 г. свои фланги, опиравшиеся один — на крепости Шарлемон, Живе и Филиппвилль, а другой — на крепость Дюнкерк и на море. Их другие фланговые группы все время опирались на крепости или примыкали к участкам французской территории. Сообщение между обеими армиями затруднялось вследствие разделения их противником, но оно все время велось немного позади фронта. В кампанию 1796 г. левый фланг, правый фланг и тылы обеих армий были

без прикрытия. Во Фландрии каждые 24 часа обе армии согласовывали свои действия приказаниями из Парижа. В 1796 г. управлять из центра стало совершенно невозможно и все должно было исходить от одного главнокомандующего, а их было два. Следовательно, приходится признать, что ошибочные принципы плана кампании в 1794 г. помешали французам иметь решительный успех, а в 1796 г. они были причиной потерь и бедствий в этих армиях.

Республика хотела мира и границы по Рейну. Не было возможности требовать этой границы, пока противник занимал Майнц. Следовало осадить Майнц. Осада была тем менее опасна, что эта крепость лежит на левом берегу.

Армия, двигающаяся на завоевание страны, имеет оба свои крыла примкнутыми к нейтральным странам или к большим естественным преградам, будь то большие реки или горные цепи, или же имеет примкнутым только одно крыло, а иногда и ни одного. В первом случае ей необходимо следить преимущественно только за тем, чтобы не прорвали ее фронта. Во втором случае она должна опираться на обеспеченный фланг. В третьем случае она должна опираться на все свои различные корпуса заставлять прочно опираться на свой центр и никогда не разделяться. Если трудно победить, имея два фланга открытыми, эта трудность удваивается, если их четыре, утраивается, если их шесть, учетверяется, если их восемь, т. е. если разделяются на две, три или четыре части. Операционная линия армии в первом случае может быть ближе к правому или левому флангу; это для нее безразлично. Во втором случае она должна опираться на обеспеченный фланг. В третьем случае она должна опираться на середину фронта движения армии. Во всех случаях нужно через каждые пять или шесть переходов иметь на операционной линии крепость или укрепленную позицию для сосредоточения в них складов продовольствия и боеприпасов, для организации обозов и устройства из этих мест центра движения — опорной точки, укорачивающей операционную линию.

Ульм является первой естественной осью вторжения в Германию. Эта крепость, лежащая на Дунае, дает тому, кто ее займет, легкую возможность маневрировать на обоих берегах. Это единственный пункт для содержания в нем основных складов на самой большой реке Европы, реке, омывающей стены Ингольштадта, Регенсбурга, Пассау и Вены. Со стороны Франции эта крепость лежит у выхода из Шварцвальда.

Второе замечание. *О маневрированиях генерала Журдана.*

1. В начале кампании главнокомандующий самбро-маасской армией маневрировал сразу на обоих берегах Рейна, имея свой левый фланг отделенным этой рекой от центра и правого фланга. Если бы Клебер в Альтенкирхене 7 июня был атакован 30 000 человек, а не 15 000, как это было на самом деле, он был бы поставлен в тяжелое положение. 1 июня следовало всю армию сосредоточить в Дюссельдорфе и дви-

нуться на реки Зиг, Лан, Майн, занять здесь хорошую позицию на высотах, окопаться и ждать тут, пока рейнская армия не переправится на правый берег Рейна.

2. В первых числах июля самбро-маасская армия двинулась вперед. Переправа через реку, произведенная рейнской армией в Келе, заставила эрцгерцога двинуться на Верхний Рейн. Он оставил Вартенслебену только 36 000 человек. Этот отряд следовало бы разбить. Но по правилам того времени предписывалось двигаться по всем дорогам, как для облавы. Так как за неприятельским арьергардом следовали только с равными последнему силами и притом без обхода правого и левого флангов, без прорыва в центре, он никогда не попадал в тяжелое положение. Он причинял столько же вреда, сколько получал сам.

3. От Майна главнокомандующий самбро-маасской армией двинулся на Швейнфурт и Бамберг, примыкая своим левым флангом к горам Саксонии, которая только что присоединилась к прусскому нейтралитету и войска которой из-за этого покинули австрийскую армию, имея свой правый фланг открытым. Вследствие такого направления он увеличивал расстояние, отделяющее его армию от рейнской армии, потому что удалялся от Дуная в тот момент, когда рейнская армия переправлялась на правый берег этой реки. Обе армии действовали обратно тому, что они должны были делать. Одна армия опиралась на свой левый фланг, другая — на свой правый фланг, тогда как первая должна была опираться на свой правый фланг, а вторая — на свой левый фланг, для того чтобы произошло их соединение в компактную массу.

4. Самбро-маасская армия, переправившись через Регниц в Бамберге 8 августа, двинулась на Нюренберг и Лауф и оттуда, сделав поворот налево, направилась на р. Наб через Зульцбах и Амберг, подставляя при этом на протяжении в 30 лье свой правый фланг выходам из Богемии, а левый фланг — дунайским переправам, которые были в руках противника, потому что он еще занимал Баварию, правый берег Леха и левый берег Верница. Она, следовательно, тянулась колонной в 30 лье длиной, окруженная со всех сторон противником. Таким образом, если переход в 50 лье, от Франкфурта к Бамбергу, противоречил цели, которую она должна была преследовать — соединению обеих армий, то переход от Бамберга в Амберг был безрассудством и, очевидно, ставил на карту участь всей армии. Эта часть Баварии на правом берегу Регница является страной ущелий, образуемых отрогами Богемских гор, страной бесплодной, труднопроходимой, имеющей только один путь сообщения — шоссе из Нюренберга в Амберг. Для прикрытия своего отступления Журдан выслал дивизию Бернадота в Неймаркт, расположенный в 10 лье от себя, чтобы угрожать Регенсбургу. Самбро-маасская армия должна была из Франкфурта, следуя по левому берегу Майна, двинуться на Мергентгейм, обеспечить свой правый фланг соединением с левым флангом рейнской армии и тогда, сделав полный поворот своим

правым флангом, произвести захождение левым флангом в направлении на Регенсбург. По прибытии в Вюрцбург у армии было еще время двинуться по прямой на Нюренберг, минуя Бамберг. По прибытии в Нюренберг ее главнокомандующему следовало итти по дороге на Неймаркт и приближаться к Регенсбургу. Как бы то ни было, в случае необходимости отступления он бы тогда обеспечил его в направлении на левый фланг рейнской армии, поднимаясь вверх по Регницу и отнюдь не спускаясь вниз по этой реке.

5. Главнокомандующий самбро-маасской армией одновременно узнал, что эрцгерцог Карл движется ему навстречу, уже разбил Бернадота и овладел Лауфом и Нюренбергом и что все пути сообщения армии перерезаны. Это именно и значит, что его операционная линия была плохая и что он сманеврировал вопреки всем правилам ведения войны.

6. Раз Бернадот был разбит, что мог сделать главнокомандующий, попав в то ложное положение, в каком он был? Он должен был форсировать переправу через Наб до прибытия эрцгерцога к Амбергу и двинуться на Регенсбург, от которого был удален только на... лье [1], и здесь произвести соединение с рейнской армией. Первое же энергичное движение заставило бы эрцгерцога Карла сосредоточиться, отозвать назад все выделенные отряды, что сразу бы прояснило и рассеяло эту вымышленную бурю. Австрийцы очень искусны в распространении ложных слухов и в создании ошибочных представлений у населения. Они являются большими мастерами сеять тревогу в тылах армии, но стоит обнажить оружие, как истина обнаруживается.

7. 1) В Вюрцбургском сражении Журдан совсем некстати оставил четверть своих сил у Швейнфурта; добавление дивизии Лефевра могло бы ему дать победу.

2) Если бы Лефевр выступил из этого города в 2 часа утра и 2 сентября прибыл на поле сражения в 10 часов, то, бросившись сразу в атаку, он мог бы разгромить 20 батальонов Готце и Старая, овладеть Вюрцбургом и там соединиться с Марсо. Эрцгерцог очень неумело разбросал свои силы. Он смог их собрать лишь в день боя, 3 сентября, с большим опозданием, но Журдан, прибыв к полудню 2-го, дал эрцгерцогу 18 часов на сбор армии. 3-го, в 9 часов утра, у эрцгерцога в боевой линии было уже 45 000 человек.

3) Журдан занял поле сражения втрое большее, чем следовало. Ему пришлось поневоле растянуться в одну линию: как бы ни были неустрашимы его войска, их линия не могла не быть прорвана.

8. 1) Лан от Кобленца до Гиссена течет на протяжении 24 лье. Он протекает в 30 лье от Дюссельдорфа. Если бы Журдан сосредоточил все дивизии на своем крайнем левом фланге, в Вецларе, он разбил бы и отбросил своего противника на Рейн, а вскоре вслед за этим — на

---

[1] Пропуск во французском тексте.

Дунай. Превосходство в силах у него было большое после соединения с корпусом Марсо и дивизией из Голландии. Он сам объявил об этом замысле, но время, которое надлежало затратить на его выполнение, он потерял на его проектирование. Армия у него растянулась кордоном вдоль Лана. Кордон этот и прорвали в направлении на Лимбург вследствие отступления корпуса Марсо. Главнокомандующий тогда поспешно отвел свои колонны на Альтенкирхен.

2) Там у него было еще время возобновить наступление и все исправить, но нехватало решимости.

3) Поскольку он приказал отступить, следовало отходить по крайней мере до дюссельдорфского укрепленного лагеря всей армией сосредоточенно. Пока армия стояла сосредоточенной массой на правом берегу Рейна, эрцгерцог не мог ослаблять себя, потому что каждую минуту ему грозила опасность наступательного движения армии. Но все было потеряно, когда Журдан из Альтенкирхена расчленил свою армию и один только левый фланг ее продолжал движение к Дюссельдорфу, остальная же часть армии переправилась обратно через Рейн. Как будто левому берегу и Гундсрюку что-то угрожало! Не против него, а против рейнско-мозельской армии, бывшей еще в сердце Германии, собирался итти эрцгерцог.

9. Образ действий в течение октября, ноября, декабря и января самбро-маасской армии, усиленной войсками из Голландии, необъясним. Но она была под командованием такого странного генерала (Бурнонвиля), что ничему не следует удивляться. Между тем Гош мало что сделал на побережье, а Клебер, сидя в Шайо, ровно ничего. Он был в немилости. Вот когда представился случай забыть его провинности, если они у него были, и использовать его таланты и патриотизм. Если бы тогда самбро-маасскую армию вверили Гошу, он еще спас бы кампанию.

Генерал Журдан был очень храбр в день боя, перед лицом врага и под огнем, но он не обладал смелостью мысли в ночной тиши, перед боем. У него не было недостатка в интеллектуальных способностях, но он был нерешителен и пропитан самыми ошибочными принципами войны.

Третье замечание. *О маневрированиях генерала Моро.*

1. Переправа через Рейн произошла 24 июня. Ее следовало произвести с 1 по 4-е этого месяца, в то время когда самбро-маасская армия начинала свое движение. 24 июня, в день переправы, первые части войск прибыли на правый берег в 3 часа утра. Мост следовало закончить в полдень и армию переправить и построить на правом берегу перед рассветом 25-го. Мост был готов только 25-го к полудню, с опозданием на 24 часа. Переправа через реки, подобные Рейну, является одной из таких трудных операций, при которых не следует подставлять войска под возможный удар в течение такого продолжительного срока без обеспечения их путей сообщения.

2. 26-го рейнская армия имела только 40 000 человек на правом берегу; Сен-Сир с 20 000 человек оставался в Палатинате на левом берегу, а Делаборд с 10 000 человек — на Верхнем Рейне.

Три корпуса и резерв, составлявшие всю армию, силой в 70 000 человек, должны были 26-го, самое позднее в полдень, быть на правом берегу на марше, чтобы захватить врасплох и разгромить разбросанные вдоль реки неприятельские дивизии. 27 июня армии следовало войти в Раштадт, 30-го — в Пфорцгейм, изолировав Филлипсбург, Мангейм и отрезав противника от Неккара, на котором ей следовало быть с 1 по 4 июля. Ее главнокомандующий выиграл бы тогда 15 дней, избежал бы многих мелких боев, вместо них одержал бы несколько громких побед, еще более ослабив своего противника, уже тогда уступавшего ему по силе, — прежде чем эрцгерцог Карл успел бы вернуться сюда с берегов Лана. Нерешительность французского главнокомандующего дала время неприятельскому главнокомандующему сосредоточить к 9 июля свою армию у Эттлингена, в трех переходах от Келя, спустя 13 дней после переправы через Рейн. Как мог французский главнокомандующий опасаться за территорию республики, предприняв наступление с 70 000 человек?

3. После переправы через Рейн, не произведя еще соединения с самбро-маасской армией, этот главнокомандующий выделяет свой правый фланг в 20 000 человек — почти треть своей армии — под начальством Ферино, который поднимается вверх по течению к Констанцскому озеру, в то время как центр и левый фланг направляются на Неккар. Армия оказывается таким образом разделенной на две части Вюртембергскими Альпами, горами Шварцвальда и Дунаем, тогда как, наоборот, генерал Старай, действующий против Ферино, после борьбы за выходы из Шварцвальдских гор сосредоточился на Неккаре и примкнул к левому флангу эрцгерцога Карла. Остальные две трети рейнской армии прибыли на Неккар в составе 50 000 человек. Перед ними оказалась большая часть неприятельской армии. Журдан на Майне и Ферино на Констанцском озере имели в головных частях лишь весьма незначительные силы. Таким образом, в этом марше-маневре французы образовали три отдельных соединения, не имевших между собой никакой связи, с тремя различными операционными линиями и шестью флангами, из которых пять было открытых. Так как фланги являются слабейшими участками, их нужно прикрывать, а когда этого сделать нельзя, то их следует иметь возможно меньше.

4. Марш армии от Рейна через Штутгарт и через Вюртембергские Альпы соответствует духу этой войны, но главнокомандующий должен был распорядиться занять Ульм — крепость настолько важную, что без обладания ею невозможно вести войну в бассейне Дуная, простирающемся от гор Тироля и Швейцарии до гор Тюрингии и Саксонии. Он должен был упереть свой правый фланг в Дунай; тогда по прибытии

в Нересгейм фланг не оказался бы открытым. Но, хотя и обойденный в Нересгеймском сражении и справа и слева и не имея никакой опоры в центре, главнокомандующий поддержал честь французского оружия и выказал хладнокровие и выдержку.

5. После Нересгеймского сражения он должен был быстро двинуться на Верниц и Альтмюль, соединиться с Журданом, расположить свою главную квартиру в Регенсбурге, укрепить этот пункт, самый важный после Ульма, и маневрировать на обоих берегах. Соединение обеих армий можно было бы произвести 15—16 августа, и успех кампании был бы обеспечен. Вместо этого он сделал все, что только хотелось его противнику. Он 12 дней бездействовал в самый решающий момент кампании, наконец решился переправиться через Дунай и Лех, а после этого снова бездействовал 16 дней. Казалось, он не знал, что у него на левом фланге существует французская армия. Только 10 сентября, спустя месяц после Нересгеймского сражения, когда самбро-маасская армия была уже в 80 лье от него, он решился выделить дивизию Дезе на левый берег Дуная с целью получения известий о Журдане.

19 сентября он начал отступать и переправился обратно через Лех. Тогда самбро-маасская армия вышла из боя на левом берегу Рейна, и перед ним оказались все силы противника. Таким образом, он оставался 32 дня лицом к лицу с генералом Ла-Туром, имевшим в два раза меньшие силы, не пытаясь нанести урон, дать ему бой и разгромить; наоборот, он не причинил ему никакого вреда.

Единственным важным событием этой кампании является Биберахское сражение, вызванное необходимостью обеспечить отступление,— сражение, которое имело бы более значительные результаты, если бы на следующий день операции продолжались бы, а именно продолжалось бы преследование генерала Ла-Тура частью армии, а оставшимися силами маневрирование с целью вновь открыть проходы в горах Шварцвальда.

Именно в этом отступлении почувствовалось значение Ульма, этого ключа Дуная.

6. По прибытии 14 октября во Фрейбург и Альт-Брейзах можно было принять одно из двух решений: переправиться через Рейн в тот же самый день и дать армии отдых, для того чтобы согласовать свои действия с самбро-маасской армией, или двинуться немедленно против эрцгерцога Карла, чтобы воспользоваться моментом, когда у него меньше сил, и отбросить его за Ренх и Мург, помешав соединению с Ла-Туром; он держался бы тогда в баденских областях и в Брисгау. Вместо этого Моро остался на позиции у Фрейбурга, позволив эрцгерцогу Карлу сосредоточить свои отряды. И что является еще более странным, Журдан, отослав треть своей армии под начальством генерала Дезе на левый берег Рейна, еще упорнее застыл в той же самой нерешительности, обрекая две остальные трети на полный разгром. Это была существенная ошибка. Армия вернулась во Францию в беспорядке, имея вид побеж-

денной — вид, какого до 20 октября, гордая биберахскими успехами, она не имела и какого у нее не было бы, возвратись она раньше.

7. Особенностью этой кампании является то, что французские генералы, несмотря на все их ошибки, не подверглись никакому существенному ущербу и у них постоянно была возможность все поправить. Моро после Биберахского сражения был еще распорядителем судеб кампании. Ему было достаточно для этого двинуться на Ротвейль, разгромить Петраша и Науендорфа, имевших оба вместе не больше 15 000 человек, а после этого направиться против эрцгерцога, находившегося в устье Ренха меньше чем с 9 000 человек.

Даже 15 октября, по прибытии в долину Рейна, он мог еще все поправить. Быстро поднявшись к Келю, он отбросил бы эрцгерцога с Ренха и помешал бы его соединению с корпусом Науендорфа и Ла-Тура. Восстановив сообщения с самбро-маасской армией, он неизбежно убедил бы ее вновь перейти в наступление.

Наконец, он мог еще все поправить даже во время осады своих предмостных укреплений. Если бы он вышел через кельский укрепленный лагерь с 50 000 человек, он разгромил бы осадную армию генерала Ла-Тура, имевшую самое большее 35 000 человек, и успел бы еще стать на зимние квартиры по Дунаю.

Четвертое замечание. *О маневрированиях эрцгерцога Карла.*

1. Французские и австрийские армии были численно равны, но у эрцгерцога имелось на 20 000 человек больше кавалерии, чем у противника. Это преимущество было бы решительным у другого народа, но немцы не умеют пользоваться своей кавалерией, боятся подставить ее под удар и дорожат ею больше того, что она в действительности стоит.

Конная артиллерия является дополнением кавалерии. 20 000 всадников и 120 орудий легкой конной артиллерии равняются 60 000 человек пехоты, имеющей 120 орудий. Трудно определить, кто из них имел бы превосходство в странах с обширными равнинами, как Египет, Польша и т. д. Две тысячи кавалерии с 12 орудиями конной артиллерии равняются, следовательно, 6 000 человек пехоты с 12 орудиями. В линейном боевом порядке дивизия занимает линию 500 туазов. Двенадцать пехотинцев или четыре всадника приходятся на один туаз. Пушечный выстрел, поражающий все, что находится на одном кубическом туазе, убил бы, следовательно, 12 пехотинцев или четырех кавалеристов с их четырьмя лошадьми. Потеря в 12 пехотинцев является гораздо более значительной, чем потеря четырех кавалеристов и четырех лошадей, потому что потеря восьми пехотинцев больше, чем потеря только четырех лошадей. Снаряжение и вооружение четырех кавалеристов и четырех лошадей не равны снаряжению и вооружению 12 пехотинцев. Таким образом, даже с финансовой точки зрения, потеря пехоты стоит дороже, чем потеря кавалерии.

Если бы эрцгерцог командовал войском, привыкшим смело действовать в конном строю, у него нашлись бы начальники, способные воодушевить кавалерию и пустить ее в бой, и французской армии было бы невозможно проникнуть в Германию, имея кавалерии меньше на 20 000 человек. В этом легко убедиться, вспомнив, что проделывал Наполеон с кавалерией против русской и прусской пехоты у Вошана, Нанжис и т. д.

2. Эрцгерцог, узнав в июне, что французская армия переправилась через Рейн в Келе, выступил с берегов Лана на помощь генералу Ла-Туру. Он оставил генерала Вартенслебена с 36 000 человек на Нижнем Рейне и 26 000 человек в гехтсгеймском укрепленном лагере перед Майнцем. Эрцгерцогу следовало оставить в гарнизоне Майнца только 8 000 человек с несколькими тысячами слабосильных и только 25 000 человек Вартенслебену, а с 60 000 человек двинуться на помощь своей армии Верхнего Рейна. Он сосредоточил бы тогда на р. Альб 90 000—100 000 человек. Кто мог бы ему сопротивляться? 9 июля он разбил бы Дезе, отбросил бы его на левый берег Рейна, овладел бы Келем и Рейнским мостом. Ему нечего было опасаться самбро-маасской армии, потому что она стояла разбросанно. Если бы эта армия даже предприняла наступление и прибыла с 10 по 15 июля на Майн, какое это имело бы для него значение, если бы он уже тогда оказался обладателем Келя, а армия Моро им была бы отброшена в Эльзас?

3. Если бы он сосредоточил в одном каком-либо пункте на своем правом фланге все 50 000 человек, какие у него стояли по р. Альб, он 9 июля, выйдя тремя колоннами на р. Мург, обошел бы Дезе справа и слева и прорвал бы его в центре. Разгромив его и отбросив в Эльзас на левый берег Рейна, он овладел бы Кельским мостом. Сен-Сир, отрезанный от Рейна, был бы отброшен на р. Неккар, а Ферино — на Гюнинген.

Когда две армии стоят друг против друга в боевом порядке, когда одна из них, как французская армия, вынуждена производить отступление по мосту, а другая, как армия австрийская, может отступать на любую точку полуокружности, то все выгоды на стороне этой последней; эта последняя должна дерзать, наносить сокрушительные удары, маневрировать на флангах своего противника. У нее в руках все выгоды, и ей остается только ими пользоваться.

4. Эрцгерцог Карл должен был вооружить, снабдить продовольствием и надежным гарнизоном Ульм, этот ключ к Дунаю.

5. Сражение при Нересгейме представлялось единственным средством, какое оставалось у эрцгерцога, чтобы помешать соединению обеих французских армий на р. Альтмюль. Оказавшись победителем, он отбросил бы рейнско-мозельскую армию в Вюртембергские Альпы и на Неккар. С разгромом главной армии самбро-маасская армия, бывшая лишь второстепенной, была бы вынуждена отступить на Майн. Но в Нересгеймском сражении французская армия была разбросана на линии протя-

жением в 8 лье, на труднодоступной местности; ее фланги были не защищены, эрцгерцог владел всем течением Дуная. Всю силу атаки ему следовало направить в сторону своего левого фланга, а боевую линию построить параллельно Дунаю; у него было обеспеченное отступление на Ульм, Гюнцбургский и Диллингенский мосты. Если бы он повел маневрирование подобным образом, он добился бы громадного успеха. Французы дорого бы заплатили за глупое пренебрежение к обеспечению своего правого фланга Дунаем и за то, что не заняли Ульм войсками Ферино.

6. Потерпев неудачу в сражении при Нересгейме, эрцгерцог оставил мысль помешать соединению обеих французских армий. Если бы он все еще хотел помешать этому соединению, он бы повел свое отступление на реки Верниц и Альтмюль, придерживаясь левого берега Дуная. Оставив 30 000 человек под начальством генерала Ла-Тура за р. Верниц, он выиграл бы те пять или шесть переходов, в которых он нуждался, чтобы двинуться против Журдана. Вместо этого он переправился через Дунай, предоставив левый берег р. Верниц и р. Альтмюль французским армиям. Со своей стороны, Вартенслебен в продолжение всего августа маневрировал так, чтобы быть дальше от Дуная и прикрывать Богемию. Следовательно, ничто не мешало больше соединению французских армий.

7. Переправившись после сражения при Нересгейме через Дунай и Лех, эрцгерцог не имел больше в виду прикрывать Баварию, что бы об этом ни говорили. Положение его было щекотливое. Рейнско-мозельская армия состояла из 60 000 человек, а самбро-маасская из 50 000 человек, следовательно, можно было считать, что перед Регенсбургом уже собрано 110 000 человек на обоих берегах Дуная. Противопоставить им он мог только 90 000 человек. Нересгеймское сражение ухудшило его положение, для французов же оно оказалось благоприятным. Он успокоился, когда узнал, что Моро, остававшийся несколько дней бездеятельным, стал проявлять величайшую нерешительность, то двинулся было на Донауверт, то отступил к Гехштедту, не выслав даже разъездов на р. Альтмюль, и что, наконец, французские генералы маневрируют так, как будто оба они взаимно позабыли о существовании другой французской армии в Германии, а 400 венгерских гусар, наблюдавших вдоль р. Альтмюль, продолжали находиться на ней и высылать патрули вплоть до Нюрнберга и р. Верниц. Именно тогда у него родилась мысль совершить свое прекрасное движение — переправиться 17 августа через Дунай с 28 000 человек и наступать против самбро-маасской армии. Передают, что когда он заявил генералу Ла-Туру, что оставляет его с 30 000 человек на Лехе, этот генерал, обеспокоенный опасностями, каким будет подвергнут такой слабый корпус, сделал ему несколько возражений: «Как возможно устоять перед победоносной французской армией, вдвое сильнейшей, чем мы?» На это эрцгерцог ответил: «Пусть Моро дойдет хоть до Вены, если тем временем я разобью армию Журдана». Он был прав, но ему

следовало успокоить этого генерала, поставив его перед Регенсбургом с приказом расположиться на левом берегу Дуная. В таком случае Моро не смог бы ничего предпринять ни на левом берегу, ни против эрцгерцога.

8. Эрцгерцог атаковал Бернадота в Неймаркте только 22 августа, то есть через пять дней после переправы через Дунай, атаковал вяло и не причинил ему никакого вреда. Это плохое выполнение прекрасного замысла: Бернадота следовало окружить и атаковать спустя 24 часа после переправы через Дунай с такой стремительностью и с таким превосходством в силах, что результатом явилась бы полная гибель его.

9. Эрцгерцог двинулся на Амберг 24 августа, но с небольшим количеством войск, использовав бóльшую часть своих 28 000 человек на выполнение второстепенных задач. Он должен был послать вслед за Бернадотом только несколько эскадронов, а обрушиться на тылы Журдана всеми своими войсками, атакуя со всей стремительностью. На берегах Наба он решил бы участь кампании.

10. Когда 20 сентября Журдан рассеял свою армию и переправился обратно на левый берег Рейна, эрцгерцогу следовало двинуться на Ульм с 40 000 человек, приказав генералу Ла-Туру переправиться на левый берег Дуная по Ингольштадтскому мосту, чтобы с наивозможной быстротой итти к нему на соединение. Он прибыл бы в Ульм в то же самое время, как и французская армия, которой тогда пришлось бы выдерживать натиск 70 000 человек, и ее отступление сделалось бы тогда действительно крайне трудным. Вместо этого эрцгерцог возвратил с собой на Верхний Рейн только 12 000 человек, оставив без основания много войск на Нижнем Рейне у генерала Вернека. Он плохо использовал часть этих 12 000 человек на выполнение второстепенных задач, так что прибыл к Келю только с 8 000—9 000 человек.

11. Он должен был приказать Ла-Туру, Фрелиху и Надашти вести маневрирование на левом берегу Дуная таким образом, чтобы прикрывать отступавшую армию. Они были бы там в состоянии принять на себя Петраша и все другие отряды.

12. Эрцгерцог маневрировал в эту кампанию, применяя правильные принципы, но робко и не продумавши их. Он не наносил больших ударов, и до самой последней минуты, как мы уже говорили, французские генералы получали возможность поправить свои дела, тогда как с момента боя на Мурге эрцгерцог должен был бы решить участь кампаний.

Пятое замечание. *Об осаде Келя и Гюнингена.* К концу декабря французские армии были на отдыхе уже два месяца. Они реорганизовались, пополнились рекрутами, полностью восстановили свои силы и превосходили своей численностью австрийские армии. Однако эрцгерцог Карл, имея их перед собой, отважился заложить траншею сразу перед кельским и гюнингенским предмостными укреплениями. Если бы рейнская армия, подкрепленная отрядом самбро-маасской армии, пере-

шла в наступление через Кель или Гюнинген, она могла бы на рассвете атаковать лагери эрцгерцога Карла силами вдвое большими, овладеть всеми контрвалационными линиями, захватить всю артиллерию, парки, склады и достигнуть блестящей победы, вознаградившей бы ее за все поражения, восстановившей бы честь французского оружия, сделавшей бы сомнительной безопасность Германии и позволившей бы французской армии зазимовать на правом берегу Рейна. Если бы французская армия состояла только из солдат новых наборов, необученных, лишенных моральной устойчивости, — предположение, прямо противоположное тому, что существовало, — французский главнокомандующий, конечно, не мог бы осмелиться на сражение для снятия осады. Но даже и тогда, имея много рук, много средств и положение более выгодное, чем у противника, он должен был бы возводить одно укрепление за другим, батарею за батареей, облегчая себе движение контратаками, опирающимися на позиции левого берега и островов. Даже тогда эти осады должны были бы превратиться в посрамление противника, привести к гибели его парков и войск и принудить его хотя бы вследствие усталости перейти на зимние квартиры.

Обе эти осады не делают чести осторожности эрцгерцога Карла, но являются чрезвычайно славными для его войск и свидетельствуют об их храбрости и хорошем состоянии духа. Эти осады постоянно будут расцениваться военными как действия, мало почетные для французских армий. Действительно, обладание обоими предмостными укреплениями было очень важно для Франции. Рейн является крупной преградой. Обладание обеими этими крепостями вынуждало противника оставить всю долину Рейна вплоть до гор Шварцвальда в руках французских армий, а это было бы выгодно для Франции одновременно и с военной точки зрения и с финансовой. Тревожные настроения Германии не позволили бы австрийцам отправлять столько войск в Италию.

Французские офицеры говорили в свое оправдание, что правительство обрекло их на полнейшую нищету; не выплачивалось жалование, кормили плохо, инженерная и артиллерийская части не имели никаких средств для покрытия своих нужд. Но эти причины совсем не являются решающими. Лишения вызывают только большее стремление ошеломить противника громовым ударом и дать решительное сражение, в котором все шансы на победу были в руках французов. Для развертывания 50-тысячной армии на островах и в местности от равелина до Кинцига было больше пространства, чем нужно.

Со своей стороны, австрийские офицеры, желающие оправдать неосторожность и опрометчивость этих атак со стороны эрцгерцога Карла, говорили, что им было известно об упадке духа, существовавшем во французской армии, о впечатлении, какое было произведено на ее командиров исходом кампании, и особенно об их нерешительности, на которую эрцгерцог Карл именно и рассчитывал, чтобы успешно провести такое

опасное предприятие, которое они считали необходимым для успеха кампании в Италии.

Другие говорили, что эти осады были предприняты по прямым приказам из Вены и вопреки мнению эрцгерцога. Это вероятно.

ГЛАВА X

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ТЕЧЕНИЕ 1796 г.

Схема 9

I. Переговоры с Генуэзской республикой. — II. С сардинским королем. — III. С герцогом пармским. — IV. С герцогом моденским. — V. С Римским двором. — VI. С великим герцогом тосканским. — VII. С королем неаполитанским. — VIII. С императором германским. — IX. Ломбардский конгресс. — X. Циспаданская республика

I

Меньшинство аристократии, управлявшей Генуэзской республикой, большинство третьего сословия и целиком весь народ Западной Ривьеры были благожелательно настроены к французским идеям. Город Генуя был единственным городом в этом государстве, он имел прочные укрепления. Он был обнесен двойной бастионной оградой, оборонялся многочисленной артиллерией, 6 000 человек линейных войск и 6 000 национальной гвардии. По первому знаку сената 30 000 человек из низших корпораций, таких, как угольщики и носильщики, крестьяне долин Польчевера, Бизаньо и Фонтана-Буона, были готовы двинуться на защиту владетеля. Чтобы овладеть этой столицей, нужно было иметь 40-тысячную армию, осадный парк и затратить на это два месяца.

В 1794 и 1795 гг. и в начале 1796 г. австро-сардинская армия стояла к северу от Генуи и сообщалась с ней по Бокеттскому перевалу. Французская армия стояла на западе и сообщалась с нею по береговой дороге (Корниш) от Савоны. Расположенная между двумя воюющими армиями, Генуя могла получать помощь от обеих армий. Она держалась одинаково по отношению к той и другой стороне. Та, за которую она выступила бы, приобретала громадные выгоды. Это придавало Генуе большой вес в делах Италии. Сенат чувствовал всю шаткость и всю силу, даваемую ему таким положением. Он предпочитал держаться нейтралитета и постоянно отказывался удовлетворять требования и угрозы коалиций. Торговля города ширилась и привлекала в республику огромные богатства.

Генуэзский порт был захвачен английской эскадрой. Катастрофа с фрегатом «*Модест*» сильно задела французов. Конвент затаил досаду, но выжидал благоприятной минуты, чтобы потребовать возмещения. Много знатных семейств, наиболее приверженных к Франции, были из-

гнаны. Это было новое оскорбление, нанесенное французскому правительству. После сражения у Лоано, зимой 1795 г., Директория сочла момент тем более благоприятным, что сверхсметная поддержка в 5—6 миллионов имела большое значение вследствие нищеты, которую испытывала итальянская армия. Эти переговоры были начаты, когда Наполеон прибыл для командования армией. Он осудил этот политический шаг, не имевший шансов увенчаться каким-либо успехом и ведший неизбежно к раздражению и к неудовольствию населения этого города. «Нужно,— говорил он,— или штурмовать крепостные валы и, утвердившись там, разгромить аристократию, или признать независимость Генуи и, главное, оставить ей ее деньги».

Несколько дней спустя, когда неприятельские армии были отброшены за По и сардинский король сложил оружие, Генуэзская республика оказалась всецело в руках Франции. Директория хотела установить в ней демократию, но французские армии были уже впереди. Для обеспечения успеха подобной революции было необходимо близкое присутствие или, может быть, даже пребывание под стенами Генуи отряда из 15 000 французов в течение нескольких недель. И это в то время, когда повсюду открыто говорили о приходе Вурмзера, который тогда пересек Германию и вошел в Тироль. Затем поражение Вурмзера, маневрирования в Тироле и по ущельям Бренты, наступление Альвинци для освобождения Вурмзера в Мантуе — эти события одно за другим делали необходимым сосредоточение всей армии на Адидже. Впрочем, армии нечего было опасаться генуэзцев: среди господствующего класса появились разногласия, а народ стоял на нашей стороне.

Жирола, посланник императора, воспользовавшись уходом армии и тайно поддерживаемый феодальной родовой знатью, вызвал восстание в имперских поместьях и организовал отряды из пьемонтских дезертиров, бродяг, оставшихся без дела после роспуска легких пьемонтских войсковых частей, и из австрийских пленных, убегавших с пути вследствие плохого надзора французов. Этими шайками кишели Апеннины и тыл армии. В течение июня стало совершенно необходимым положить этому конец. Отряда в 1 200 человек и присутствия главнокомандующего в Тортоне оказалось достаточно, чтобы все пришло в порядок. Главнокомандующий дал тогда инструкцию французскому посланнику в Генуе Фепу об открытии переговоров, с целью усиления нашего влияния в правительстве, не делая необходимым для этого присутствие армии. Он потребовал: 1) высылки австрийского посланника Жирола; 2) высылки родовой феодальной знати, в соответствии с одним из статутов республики; 3) возвращения изгнанных семей. Эти переговоры затянулись.

Тем временем пять торговых французских судов были захвачены в сфере огня генуэзских батарей без того, чтобы последние оказали им помощь. Сенат, встревоженный угрозами французских агентов, послал в Париж сенатора Винченте Спинола, человека почтенного и подходя-

щего для Франции. Он подписал 6 октября 1796 г., после нескольких недель переговоров, конвенцию с министром иностранных дел Шарлем Делакруа. Все претензии Франции к Генуе были преданы забвению; сенат уплатил 4 миллиона контрибуции и вернул изгнанников. Было бы возможно и следовало воспользоваться этим поводом для заключения с Генуей наступательного и оборонительного союза, для увеличения ее территории имперскими поместьями и областью Массади-Каррара и для получения от нее контингента в 2 400 человек пехоты, 400 кавалеристов и 200 артиллеристов. Но целесообразность такого союза с олигархами внушала отвращение парижским демократам. Тем не менее спокойствие благодаря этой конвенции было восстановлено и продолжалось вплоть до заключения конвенции в Момбелло в июне 1797 г., и пока французская армия находилась в Италии, не возникало никакого повода к жалобе на поведение генуэзского населения.

II

Перемирие в Кераско изолировало австрийскую армию и позволило французской армии изгнать ее из Италии, обложить Мантую и занять линию Адидже. Мир, заключенный в Париже в мае, отдал во власть Франции все крепости Пьемонта, кроме Турина. Сардинский король оказался, таким образом, в полной зависимости от республики. Его армия была уменьшена до нормы в 20 000 человек. Выпущенные им бумажные деньги угрожали разорением для частных лиц и для государства. Его народ был недоволен и разделился на партии. Имелись приверженцы даже французских идей, хотя среди небольшого числа лиц. Политические деятели хотели революционизировать Пьемонт, для того чтобы не беспокоиться за тылы армии и увеличить наши средства против Австрии, но было невозможно опрокинуть сардинский трон без прямого вмешательства в дела страны и без армии, а события, происходившие перед Мантуей, занимали все силы республики в Италии. При этом революция в Пьемонте могла повести к гражданской войне, и тогда пришлось бы оставить в этой стране больше французских войск, чем можно было бы извлечь оттуда пьемонтских, а в случае отступления население неизбежно стало бы прибегать к эксцессам. Кроме того, встревожились бы короли испанский и прусский, видя, что республика из ненависти к королям свергает государей, с которыми она только что заключила мир.

Эти соображения привели Наполеона к мысли о необходимости достигнуть того же результата обратным путем, а именно: заключением наступательного и оборонительного договора с сардинским королем. Подобное решение сохраняло все выгоды и не вызывало никаких неудобств: 1) этот договор был бы сам по себе воззванием, которое сдерживало бы недовольных, так как с его опубликованием они перестали

бы верить заявлениям демократических элементов армии, не переставав-ших обещать им поддержку Франции; следовательно, страна оставалась бы спокойной; 2) дивизия силой в 10 000 человек надежных, прекрасно обученных и старых войск усилила бы французскую армию и дала бы ей новые шансы на успех; 3) пример Туринского двора повлиял бы на венецианцев и побудил бы их к принятию решения искать в союзе с Францией гарантию неприкосновенности их территории и сохранения их конституции. В то же время пьемонтские войска, присоединенные к французской армии, переняли бы от нее боевой дух и привязались бы к главнокомандующему, ведущему их к победе. Во всяком случае они были бы заложниками, которые гарантировали бы хорошее расположение к нам пьемонтского народа. Если бы оказалось верно, что король не может удержаться, находясь между демократическими республиками — Лигурийской, Ломбардской и Французской, то его свержение было бы результатом естественного хода вещей, а не результатом политического акта, способного вселить недоверие к нам среди других королей, находящихся в союзе с Францией. «Союз Франции с Сардинией, — сказал Наполеон, — это гигант, обнимающий пигмея. Если гигант его задушит, то только против своей воли и единственно вследствие чрезвычайного различия силы и величины их органов».

Но Директория не хотела понять целесообразности и глубины такой политики. Она разрешила переговоры, но мешала их завершению. Пуссьельг, секретарь посольства в Генуе, вел переговоры в Турине в течение многих месяцев. Он нашел, что двор склонен к союзу с Францией, но этот неопытный посредник позволил вовлечь себя в явно преувеличенные уступки. Он обещал сардинскому королю Ломбардию, тогда как не могло быть никакого вопроса об увеличении владений этого государя и о возбуждении у него на это надежд. Он и так выигрывал, получая по договору гарантию целостности своего королевства.

Когда Мантуя открыла свои ворота и Наполеон двинулся на Толентино, чтобы там продиктовать мир папе и получить возможность направиться оттуда к Вене, он счел нужным закончить дела с Пьемонтом и уполномочил генерала Кларка вести переговоры с министром Сен-Марсаном о наступательном и оборонительном союзе. Договор о таком союзе был подписан в Болонье 1 марта 1797 г. Король получил от республики гарантию целости своих владений, предоставлял французской армии контингент в 8 000 человек пехоты, 2 000 кавалерии и 20 пушек. Не сомневаясь в ратификации договора, подписанного по приказанию главнокомандующего, Туринский двор поспешил выставить свой контингент, который предполагалось послать с французскими войсками в Каринтию, но Директория медлила с ратификацией этого договора. Контингент оставался в Пьемонте, на квартирах около Новары, в продолжение всей кампании 1797 г.

III

Политика, которую пришлось поддерживать с наследным герцогом пармским, была предрешена нашими отношениями с Испанией. Ему было предложено 9 мая 1796 г. сначала перемирие, и несколько месяцев спустя он подписал в Париже с республикой мир, но французский посланник не сумел реализовать цель, поставленную главнокомандующим. Успехи итальянской армии побудили испанского короля заключить с республикой в августе 1796 г. договор о наступательном и оборонительном союзе[1]. Вследствие этого было бы легко[2] побудить Мадридский двор к высылке дивизии в 10 000 человек на р. По для охраны пармского инфанта и, обещав увеличить территорию этого государства, привлечь указанную дивизию под французские знамена. Ее присутствие импонировало бы Риму и Неаполю и немало способствовало бы успеху военных действий. Союз с Испанией, вынудивший Англию к уходу из Средиземного моря, делал французскую и испанскую эскадры господствующими в нем, чем облегчалась переброска испанских войск в Италию. Нахождение испанских войск в рядах французской армии благоприятно повлияло бы на решение венецианского сената вступить в союз с Францией, что увеличило бы армию на 10 000 славонцев.

IV

По Миланскому перемирию от 17 мая 1796 г. прекратилось состояние войны с герцогом моденским. Французская армия была немногочисленна, а страна, которую она занимала, огромна. Выделение двух-трех батальонов для второстепенных задач было бы ошибкой. Перемирие с Моденой отдавало все средства этого герцогства в распоряжение армии и не требовало посылки войск для поддержания там общественного спокойствия. Командор Д'Эсте, облеченный полномочиями герцога, повел в Париже переговоры об окончательном мире. Французское министерство вполне разумно не торопилось с его заключением. Герцог, целиком преданный австрийцам, удалился в Венецию, а регентство, управлявшее его государством, пропустило в Мантую несколько обозов с продовольствием в начале августа и в конце сентября, в тот момент, когда блокада была снята. Как только главнокомандующий узнал о столь прямом нарушении перемирия, он указал на это регентству, тщетно пытавшемуся оправдаться ссылкой на существование прежних договоров. Между тем в связи с этим отряд мантуанского гарнизона, переправившийся через По у Боргофорте, был отрезан: он направился в Реджио 29 сентября,

---

[1] Договор в Сент-Ильдефонсе, подписанный 13 августа 1796 г. и ратифицированный Директорией 29 августа. — *Прим. франц. ред.*

[2] В рукописи в этом месте сделан пропуск, вследствие чего приводится текст из «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoléon 1-er», изд. 1830 г.

намереваясь двинуться в Тоскану, но жители Реджио заперли ворота города, и отряд укрылся в форте Монте-Киаруголо, где патриоты окружили его и заставили положить оружие. Два жителя Реджио были убиты в происшедшей стычке. Это были первые итальянцы, пролившие кровь за освобождение своей страны. Отряд национальной гвардии Реджио, приведший пленных в Милан, был там торжественно принят ломбардским конгрессом, миланской национальной гвардией и главнокомандующим. По этому случаю было устроено несколько общественных празднеств, содействовавших подъему настроения у итальянцев. Реджио объявил себя свободным. Население Модены хотело сделать то же, но было удержано гарнизоном. При таком положении вещей не могло быть двух решений. Главнокомандующий объявил, что Миланское перемирие было нарушено пропуском продовольствия в Мантую. Он приказал воинским частям занять все три герцогства — Реджио, Модену и Мирандолу и 4 октября 1796 г. по принадлежащему ему праву завоевателя провозгласил их независимость. Это решение улучшило положение армии, потому что недоброжелательное регентство было заменено временным правительством, всецело преданным французскому делу. Во всех городах этих трех герцогств стали вооружать отряды национальной гвардии, составленные из пламенных патриотов.

V

Так как состояние войны с Римом было прервано Болонским перемирием 23 июня 1796 г., то Римский двор послал в Париж монсиньора Петрарки. После нескольких недель переговоров этот посланник препроводил своему двору проект договора с Директорией. Конгрегация кардиналов нашла, что в нем содержатся вещи, противоречащие вере и поэтому неприемлемые. Монсиньор Петрарки был отозван. В сентябре переговоры возобновились во Флоренции. Правительственные комиссары при армии получили на это полномочия Директории. На первых же совещаниях они представили монсиньору Галеппи, папскому уполномоченному, договор в 60 статей, заявив, что в нем нельзя ничего изменить. В Риме заключили, что этот договор также содержит пункты, направленные против веры. Монсиньор Галеппи был отозван, и переговоры прервались 25 сентября. Римский двор, не сомневаясь больше, что французское правительство хочет его гибели, впал в отчаяние и решил связаться исключительно с Веной. Он начал с того, что отказался от выполнения Болонского перемирия. Ему оставалось еще уплатить 16 миллионов, уже высланных им и находившихся на дороге в Болонью, где они должны были поступить в армейскую казну. Эти обозы с деньгами вернулись в Рим, и их возвращение вызвало там триумф. Монсиньор Альбани отбыл 6 октября в Вену с поручением просить поддержки этого двора. Римская знать стала делать патриотические взносы и набирать

полки. Папа разослал воззвания с призывом к священной войне, если его территория подвергнется нападению. Все эти усилия Рима могли привести лишь к созданию 10-тысячной армии из наихудших войск. Рим рассчитывал на неаполитанского короля, который тайно обязался поддержать его армией в 30 000 человек, и хотя враждебность и недобросовестность кабинета Обеих Сицилий были Ватикану известны, он все же обратился к его помощи. «Все средства хороши в состоянии их безумия, — писал посланник Како, — они ухватились бы и за раскаленное железо». Такое положение вещей произвело прискорбное впечатление на всю Италию.

Наполеон не хотел иметь лишних затруднений. Ему уже угрожал Альвинци, войска которого собирались в Тироле и на Пиаве. Он упрекнул французское министерство за то, что оно не привлекло его к переговорам, которыми единственно только он сам мог руководить. Если бы они были поручены Наполеону, как это следовало, он задержал бы открытие переговоров на две-три недели для того, чтобы получить сперва 16 миллионов, которые папа обязался уплатить во исполнение Болонского перемирия. Дело не пострадало бы от того, что смешали бы в договоре и духовные и светские дела, потому что для улажения светских дел, — а это было главное, — опоздание на несколько месяцев с соглашением о духовных делах не имело бы никакого значения. Но зло было сделано. Правительство, признавшее это, дало Наполеону необходимые полномочия, чтобы исправить зло, если возможно. Вопрос заключался в том, чтобы выиграть время, успокоить страсти, восстановить доверие и сдержать в рамках тревогу в Ватикане. Наполеон поручил французскому представителю в Риме Како дезавуировать без огласки все относящееся к духовным вопросам в переговорах — парижских и флорентийских; уведомить, что возобновить переговоры поручено Наполеону и что они будут вестись не с Директорией и не с комиссарами, а с ним. Такое начало произвело хорошее впечатление. Чтобы его усилить, главнокомандующий 19 октября 1796 г. отправился в Феррару, остановился у кардинала Маттеи, архиепископа этого города, и имел с ним несколько совещаний. Он убедил его в своих мирных намерениях и отправил в Рим передать слова мира непосредственно папе. Несколько дней спустя Аркольское сражение положило конец надеждам, зародившимся было в Италии с приближением армии Альвинци. Наполеон счел момент благоприятным для окончания римских дел. В январе 1797 г. он направился в Болонью с 1 500 французов и 4 000 циспаданцев и ломбардцев, угрожая двинуться на Рим [1]. На этот раз, однако, Римский двор отнесся к таким угрозам с насмешкой. Он был в переписке о заключении договора с Веной и знал, что две новые многочисленные армии вступают в Италию. Кардинал Буска и австрийский посланник в Риме громко

---

[1] 13 января 1797 г. — *Прим. франц. ред.*

заявляли: «Если нужно, папа оставит Рим, потому что чем дальше французский главнокомандующий удалится от Адидже, тем более мы будем уверены в своей безопасности». Действительно, несколько дней спустя Наполеон, извещенный о наступлении Альвинци, переправился обратно через По и быстро двинулся в Верону. Но сражение при Риволи в январе 1797 г. навсегда уничтожило надежды врагов Франции. Немного спустя сдалась Мантуя. Наступил момент наказать Рим, и небольшая галло-итальянская армия двинулась на Апеннины. Все затруднения между этим двором и Францией были улажены договором в Толентино, как это будет изложено в XII главе.

VI

Великий герцог тосканский был первым европейским государем, признавшим республику. Когда французская армия заняла Италию, он, следовательно, находился с Францией в мире. Его владения, расположенные по ту сторону Апеннин, не имели никакого влияния на театр военных действий. Если после обложения Мантуи одна французская бригада направилась в Ливорно, то это было сделано с целью изгнать оттуда английскую торговлю и облегчить борьбу за освобождение Корсики; в остальном к владениям Тосканы относились с уважением. Ливорнский гарнизон никогда не был больше 1 800 человек. Это, без сомнения, жертва — использовать три батальона на второстепенную цель, но туда была назначена 75-я полубригада, сильно пострадавшая и нуждавшаяся в отдыхе. Манфредини, премьер-министр великого герцога, проявил находчивость и энергию в устранении препятствий, могущих повредить его государю, и великий герцог обязан был ему сохранением своих владений. Три или четыре малозначущих конвенции были заключены между главнокомандующим и маркизом Манфредини. По последней из них, подписанной в Болонье, из Ливорно эвакуировался французский гарнизон. По этому случаю великий герцог в уплату старых расчетов передал в армейскую казну 2 миллиона. По Кампо-Формийскому миру этот государь сохранил свои владения в неприкосновенности. Он испытал некоторое беспокойство, но ему не было причинено вреда, и в течение итальянской войны его ни разу не обидели, как из уважения к существующим трактатам, так и вследствие желания смягчить вражду, питаемую Лотарингским домом к республике, и отвлечь его от Англии.

VII

Когда французская армия прибыла на Адидже и вследствие этого Средняя и Нижняя Италия оказались отрезанными от Германии, князь Пиньятелли прибыл в главную квартиру, просил и добился для неаполитанского короля перемирия, подписанного 5 июня 1796 г. Неаполитан-

ская кавалерийская дивизия численностью в 2 400 коней, составлявшая часть армии Болье, стала на квартирах близ Брешиа среди французской армии. Неаполитанский уполномоченный отправился в Париж для обсуждения и подписания окончательного мира с республикой. При переговорах возникли затруднения вследствие неуместных придирок Парижа, а также вследствие недобросовестных увертюк, столь обычных для двора Обеих Сицилий. Директория должна была считать за большую удачу то, что удалось обезвредить неаполитанского короля, потому что у него было под ружьем 60 000 человек и он располагал 25 000—30 000 человек для посылки на По. Наполеон не переставал торопить с заключением этого договора. Министерство иностранных дел в Париже требовало контрибуции в несколько миллионов, платить которую Неаполитанский двор резонно отказывался. В течение сентября, когда стало известно, что союз Испании с Францией и освобождение Корсики от английского ига побудили Великобританию отозвать свои эскадры из Средиземного моря, вследствие чего господство в Средиземном море и в Адриатике перешло к тулонским эскадрам, — Неаполитанский двор подписал все, что хотела Директория, и мир был заключен 8 октября. Но недобросовестность этого двора и отсутствие у него уважения к своей подписи на договорах были таковы, что долго спустя после заключения мира двор этот беспокоил Италию передвижениями войск на своих границах и грозя нападением, как будто было состояние войны. Трудно выразить презрение, возбуждаемое таким отсутствием всякого стыда и всякого уважения к себе, и это повлекло наконец к свержению кабинета.

VIII

Французское правительство предписало Наполеону в начале сентября, когда рейнская и самбро-маасская армии были еще в Германии, сообщить императору, что если он не согласится на мир, то его фиумские и триестские морские сооружения будут разрушены. От такого неуместного заявления надеяться было не на что.

Позже, однако, когда самбро-маасская и рейнская армии были отброшены во Францию и когда предмостные укрепления Келя и Гюнингена были осаждены, Моро предложил перемирие, от которого эрцгерцог отказался, заявив о желании получить оба предмостные укрепления. Когда фельдмаршал Вурмзер с 30 000 австрийцев был блокирован в Мантуе и усилия Альвинци выручить его потерпели неудачу у Арколе, Директория стала надеяться, что будет заключено общее перемирие, по которому Гюнинген и Кель сохранятся за Францией, а Мантуя — за Австрией. Генерал Кларк получил для этого необходимые полномочия, чтобы отправиться в Вену и предложить это общее перемирие, долженствовавшее продолжаться до июня 1797 г. Осаду Келя и Гюнин-

гена предлагалось снять и для Мантуи установить status quo. Австрийские и французские комиссары должны были ежедневно доставлять в эту крепость продовольствие, потребное жителям и войскам.

Генерал Кларк прибыл 1 декабря 1796 г. в Милан для согласования действий с главнокомандующим, на которого было возложено добиться для этого уполномоченного всех необходимых паспортов. Наполеон ему сказал: «Осаду Келя и Гюнингена легко заставить снять. Эрцгерцог ведет осаду Келя с сорока тысячами человек, — пусть Моро на рассвете произведет вылазку из укрепленного лагеря с шестьюдесятью тысячами человек, разобьет осадную армию, захватит все парки и разрушит все укрепления осаждающих; впрочем, Кель вместе с гюнингенским предмостным укреплением не стоят Мантуи; нет возможности установить число жителей, мужчин, женщин, детей и даже гарнизона Мантуи. Фельдмаршал Вурмзер, уменьшив для всех людей паек наполовину, выгадает за шесть месяцев запас продовольствия еще на шесть месяцев. Если думают, что перемирие должно послужить началом переговоров о мире, то это еще один повод не предлагать его, пока Мантуя находится во власти Австрии. Нужно выиграть сражение под стенами Келя и дождаться сдачи Мантуи, а тогда предложить перемирие и мир».

Однако приказания правительства были определенны. Генерал Кларк написал императору и отправил ему письмо Директории. Вследствие этого барон Винцент, адъютант императора, и генерал Кларк отправились 3 января в Виченцу; здесь у них состоялось два совещания. Барон Винцент заявил, что император не может принять в Вене уполномоченного республики, которую он не признает; что он не может действовать отдельно от своих союзников и, наконец, если французский министр имеет желание сделать какие-либо сообщения, он может их адресовать г-ну Жиральди, австрийскому посланнику в Турине. К счастью, эта пагубная мысль о перемирии была отвергнута противником. Французский уполномоченный едва успел возвратиться на Адидже, как Альвинци начал наступление для освобождения Мантуи. Это привело к сражениям при Риволи и Фаворита, о чем будет изложено в следующей главе.

Однако Люксембургский [1] кабинет, неизвестно почему, увидел в этом ответе барона Винцента открытую дверь для переговоров и в январе 1797 г. отправил генералу Кларку инструкции для заключения мира на следующих условиях: 1) император отказывается от Бельгии и от Люксембургской области; 2) он признает за республикой Льеж и другие чересполосные владения, уступленные германскими владетельными князьями; 3) он обещает повлиять на то, чтобы в Германии было выкроено некоторое возмещение голландскому штатгальтеру; 4) со своей стороны, Французская республика возвращает императору все его владения

---

[1] Люксембургский дворец — резиденция Директории. — *Прим. франц. ред.*

в Италии. Эти условия не были одобрены Наполеоном, убежденным в том, что республика имела право требовать границы по Рейну и одно государство в Италии с целью поддерживать там французское влияние и сохранить в зависимости Генуэзскую республику, сардинского короля и папу, так как Италию нельзя больше считать такой же, какой она была до войны. Если когда-нибудь французы вновь перейдут за Альпы, не сохранив там могущественного союзника, то генуэзские и венецианские аристократы и сардинский король свяжутся с Австрией неразрывными узами под влиянием необходимости предохранить свои государства от распространения демократических идей. Венеция, не имевшая в течение целого столетия никакого влияния на европейское равновесие, наученная отныне на опыте опасностью, которой она только что избежала, найдет у себя энергию, деньги и армию, чтобы усилить императора и подавить идеи свободы и независимости в своих материковых владениях. Папа, короли, дворянство соединятся для защиты своих привилегий и закроют Альпы для проникновения через них современных идей.

Три месяца спустя Наполеон подписал предварительные условия мира на основе получения границы по Рейну (включая крепость Майнц) с населением на 1 500 000 человек больше, чем того требовала Директория, и существования одной или двух демократических республик в Италии, сообщающихся с Швейцарией, преграждающих всю Италию с севера на юг, от Альп до По, окружающих сардинского короля и прикрывающих по линии По Среднюю и Нижнюю Италию. Французские армии через Геную, Парму, Модену, Болонью, Феррару и Местре сразу могли бы оказаться на Пиаве, обойдя Минчио, Мантую и Адидже. Этой республикой с 3 миллионами жителей обеспечивалось бы французское влияние на 3 миллиона жителей Сардинского королевства и на 3 миллиона жителей церковных владений и Тосканы и даже на Неаполитанское королевство.

IX

Образ действий, которого следовало держаться в отношении населения Ломбардии, требовал осторожности. Франция соглашалась заключить мир, если император откажется от Бельгии и Люксембурга. За это она была согласна возвратить ему Ломбардию. Следовательно, нельзя было ни принимать на себя какого-либо обязательства, ни давать какую-либо гарантию, противоречащую этим секретным намерениям кабинета. С другой стороны, все издержки армии должна была нести страна, а это не только поглощало все поступления, но приводило к увеличению налогов.

Во Франции были упразднены все косвенные налоги. Ее налоговая система была очень несовершенна. Казна была независима. Все велось

там беспорядочно, беспечно и неумело. Все учреждения работали плохо. Из итальянских контрибуций приходилось посылать очень значительные суммы для содержания рейнских армий, тулонских и брестских эскадр и даже правительственных учреждений в Париже. При всем том нужно было противодействовать в Италии влиянию австрийской партии, состоящей из дворянства и части духовенства, на которую с бо́льшим или меньшим успехом воздействовал Рим. Наполеон, не компрометируя себя, поддерживал партию, желавшую независимости Италии, и привлек на свою сторону, несмотря на критическое положение, симпатии демократического большинства этих народов. Он не только оказывал большое уважение религии, но не забывал ни о чем, что могло склонить к нему духовенство. Он сумел весьма уместно, словно талисман, использовать слова *свобода, равенство* и особенно *национальная независимость,* которые со времен Рима никогда не переставали быть дорогими для итальянских сердец. Управление провинциями, городами и сельскими общинами он вверил самому населению, выбрав для этого самых достойных людей, пользовавшихся величайшим народным уважением. Полицейская служба была возложена на национальную гвардию, которая во всей Ломбардии была создана по примеру Франции и у которой были национальные цвета: красный, белый и зеленый. Патриоты с каждым днем становились более многочисленными. Французские идеи одерживали с каждым днем новые успехи, а после уничтожения армии Вурмзера главнокомандующий уполномочил ломбардский конгресс произвести набор легиона в 3 000 человек.

В ноябре польские генералы Зайончек и Домбровский спешно прибыли из Польши с большим числом офицеров, чтобы предложить Италии свои услуги, и главнокомандующий разрешил конгрессу набрать легион из 3 000 поляков. Эти войска никогда не выставлялись в боевую линию для борьбы против австрийцев, но служили для охраны общественного спокойствия и сдерживания папской армии.

X

Когда затрудненные обстоятельства побудили главнокомандующего провозгласить Циспаданскую республику, ломбардский конгресс был сильно встревожен. Он ему дал понять, что это необходимо сделать в силу сложившейся обстановки к югу от р. По. Операционная линия армии не проходила по циспаданской территории. И, наконец, явилось нетрудным убедить наиболее осведомленных людей, что им нечего тревожиться, если французское правительство не желает брать на себя обязательств, которые оно не сможет сдержать в случае военных неудач, так как вполне очевидно, что судьба французской партии в Италии зависит от удачи на полях сражений. Гарантия, которую в данное время

Франция дает Циспаданской республике, благоприятна также и для ломбардцев, так как если Франция когда-нибудь согласится на возвращение австрийцев в Ломбардию, то Циспаданская республика послужит убежищем для ломбардцев и очагом, где сохранится священный огонь итальянской свободы.

Реджио, Модена, Болонья и Феррара, расположенные на правом берегу По, включали в себя все пространство от Адриатического моря до пармских владений, которые соприкасались с Генуэзской республикой, а через нее — с Францией. При наличии опасений, что придется отдать Ломбардию Австрии, чтобы облегчить заключение мира, было необходимо создать демократическую республику на правом берегу По, на которую австрийский двор не мог бы иметь никакого права и никаких претензий.

Эти четыре государства несколько месяцев пробыли независимыми под управлением своих муниципалитетов. Хунта общественной безопасности, составленная из Капрара и т. д.[1], была организована для согласования мероприятий по обороне этих стран и обуздания недоброжелателей. В конце концов эти четыре республики объединились на конгрессе, заседавшем в Модене в течение ноября. Они приняли ломбардские цвета в качестве общеитальянских цветов, пришли к соглашению относительно некоторых основных положений управления, а именно: об отмене феодальных преимуществ, о равенстве, о *правах человека* и т. д., объединились для общей обороны и совместно решили выставить первый итальянский легион силою в 3 000 человек. Этот конгресс собрался из лиц всех сословий. Тут были кардиналы, дворяне, торговцы, юристы, писатели. Была объявлена свобода печати, и, наконец, в начале января 1797 г. эти народы объединились в одну республику под названием Циспаданской. Столицей ее была объявлена Болонья, и они приняли представительное, конституционное, устройство. Это почувствовалось и в Риме. Организация и принципы этой новой республики являлись прочным барьером против принципов, пропатандируемых папским престолом, и против войск, которые им собирались в Романье. Ломбардский конгресс вошел в связь с Циспаданской республикой, которая с этой поры привлекала к себе взоры всех народов Италии. Город Болонья из всех других городов Италии постоянно проявлял наибольшую энергию и был самым просвещенным. В феврале 1797 г., после Толентинского мира, Романья, уступленная папой, естественно должна была присоединиться к Циспаданской республике. Это довело ее население до 2 миллионов человек.

Таково было положение Италии в конце 1796 г., к тому времени, когда, — весной 1797 г., — французская армия решилась перейти через Юлийские Альпы и двинуться на Вену.

---

[1] Здесь в рукописи короткий пропуск. — *Прим. франц. ред.*

ГЛАВА XI

СРАЖЕНИЕ У РИВОЛИ

Схемы 6 и 10

I. Римские дела. — II. Положение австрийской армии. — III. Положение французской армии. — IV. План действий, принятый Венским двором. — V. Бой у Сан-Микеле (12 января 1797 г.). — VI. Занятие Короны фельдмаршалом Альвинци. — VII. Сражение у Риволи (14 января). — VIII. Переправа генерала Провера через Адидже; его движение на Мантую (14 января). — IX. Сражение у Фаворита (16 января). — X. Капитуляция Мантуи (2 февраля).

I

Венецианский сенат с каждым днем все больше и больше раздражался против французов, но это раздражение сковывал двойной страх: присутствие победоносной армии и брожение, охватившее большинство его городов на материке. Тем временем он производил новые наборы славонцев; в лагуны, один за другим, прибывали новые батальоны. Враждебные партии готовили выступления во всех городах этой республики.

Веронский и брешианский замки были заняты французскими войсками. Беспорядки, возникшие в Бергамо, заставили занять цитадель; генерал Бараге-д'Илье занял ее. Такая предосторожность казалась достаточной, так как Наполеон рассчитывал на скорую сдачу Мантуи. Ему не хотелось до падения этой крепости вступать с сенатом в споры, которые усложнили бы его положение. Таким образом, обе стороны скрывали пока свои намерения.

Переговоры с Римом были прерваны. Опыт доказал, что ничего нельзя добиться от этого двора без применения силы. Нужно было положить предел такому состоянию неуверенности, поддерживавшему брожение в Италии.

Еще до прибытия новых австрийских армий 3 000 французов и 4 000 итальянцев переправились через По и вступили в Болонью 6 января 1797 г., откуда главнокомандующий отправился в Милан. Манфредини, первый министр великого герцога тосканского, спешно прибыл туда отстаивать его интересы. Он возвратился во Флоренцию убежденный, что французы двинулись на Рим. Ватикан отнесся спокойно к этим угрозам. Он знал о планах, принятых в Вене, и надеялся на их успех. Австрийский посланник поддерживал его бодрость. Ватикан хотел завлечь французов в глубь Италии. Папа, если бы к тому вынудили обстоятельства, был даже готов покинуть Рим, только бы это содействовало поражению французов на Адидже. Именно там должна была решиться участь Италии.

II

Действительно, Альвинци каждый день получал значительные подкрепления. Области Падуи, Тревизы и Бассано были заняты его войсками. Двумя месяцами, истекшими после Аркольского сражения, Австрия воспользовалась для присылки во Фриуль дивизий, заимствованных с берегов Рейна, где французские армии стояли на зимних квартирах. Она подняла национальное движение во всей монархии, набрала в Тироле несколько батальонов отличнейших стрелков, внушила им убеждение в необходимости защищать их собственную землю и помочь завоевать обратно Италию, так как это насущно необходимо для процветания их горных областей. Ее успехи в Германии в последнюю кампанию и поражения в Италии воздействовали на общественное мнение ее народов по-разному, но в одном и том же направлении. Большие города предложили выставить батальоны из добровольцев. Вена выставила четыре таких батальона. Венские батальоны получили от императрицы знамена, вышитые ее собственными руками; они их потеряли, но защищали с честью. В начале января 1797 г. австрийская армия в Италии состояла из восьми пехотных дивизий, неравной силы, к которым было придано несколько легких кавалерийских бригад, и из одной дивизии резервной кавалерии; в общем 65 000 — 70 000 бойцов (64 батальона, 30 эскадронов) и 6 000 тирольцев, не считая 24 000 человек гарнизона Мантуи; всего 96 000 — 100 000 человек.

III

Французская армия после Арколе была усилена двумя пехотными полубригадами, взятыми с побережий Прованса (57-я полубригада в том числе) и одним кавалерийским полком — в общем 7.000 человек; это возместило потери при Арколе и при блокаде Мантуи. Армия состояла из пяти дивизий: одной командовал Жубер и занимал Монте-Бальдо, Риволи и Буссоленго; Рей с другой дивизией, меньшей силы, находился в резерве в Дезенцано; Массена был в Вероне, имея авангард в Сан-Микеле; Ожеро был в Леньяго, его авангард в Бевилаква; Серюрье блокировал Мантую. В этих пяти дивизиях насчитывалось 42 000 человек, из которых только 31 000 человек была в обсервационной армии. Жубер прикрыл Корону окопами; Верона, Леньяго, Пескиера, Пиццигетоне были в хорошем состоянии; брешианская и бергамская цитадели, форт Фюент, феррарская цитадель и форт Урбано были также заняты французами, а канонерские лодки дали им господство над четырьмя озерами: Гарда, Комо, Лугано и Маджиоре.

IV

Наступление Вурмзера производилось по трем направлениям: по шоссе Киезы, через Монте-Бальдо и по долине Адидже; все три его колонны должны были сойтись у Мантуи. Несколько месяцев спустя

Альвинци в свою очередь вступил в Италию с двумя армиями: одна направилась через Тироль, а другая по рекам Пиаве, Бренте и Адидже; они должны были соединиться в Вероне. На этот раз Венский двор принял новый план, согласованный с операциями на римском театре военных действий. Он предписал повести два больших наступления в следующих направлениях: главное — через Монте-Бальдо, вспомогательное — на Нижний Адидже, по падуанским равнинам. Оба эти наступления должны были вестись независимо одно от другого. Наступавшие корпуса должны были соединиться в Мантуе. Главный корпус должен был выйти через Тироль; в случае если бы ему удалось разбить французскую армию, он вышел бы к стенам Мантуи и застал бы там корпус, прибывший в Мантую после переправы через Адидже. Если бы атака главного корпуса не удалась, а успешной оказалась бы только вспомогательная, то тем самым была бы снята осада Мантуи, а крепость снабжена припасами. После этого корпус, снявший осаду с Мантуи, бросился бы в Серральо и установил бы сообщения с Римом. Вурмзер с 5 000 человек своей кавалерии, со своим штабом и многочисленной полевой артиллерией отправился бы тогда принять командование над армией, формировавшейся в Романье. Большое количество генералов, офицеров и спешенных кавалеристов, находившихся в Мантуе, предназначалось для внедрения дисциплины в армию папы и для организации диверсии, долженствовавшей принудить французов также отрядить два армейских корпуса — один для наблюдения за левым берегом, другой за правым берегом По. Очень толковый тайный агент, посланный из Вены в Мантую, был задержан одним часовым в тот самый момент, когда он миновал уже последний пост блокирующей армии. При помощи рвотного его заставили выдать проглоченную им депешу; она находилась в маленьком сургучном шарике. Эта депеша представляла собой письмецо на французском языке, написанное очень мелким почерком и подписанное самим императором Францем. Император уведомлял Вурмзера, что в ближайшее время он будет освобожден, приказывая ему ни в коем случае не сдаваться в плен, а эвакуировать крепость, переправиться через По и направиться во владения папы, где ему предстояло принять командование над армией последнего.

V

Во исполнение плана, принятого венским двором, Альвинци принял командование над войсками, состоящими из 45 000 человек, и перенес свою главную квартиру из Бассано в Роверето. Генерал Провера принял командование над корпусом, предназначенным для действий в направлении на Нижний Адидже. Этот корпус состоял из трех дивизий, силой в 20 000 человек. Его главная квартира была в Падуе. 12 января левофланговая дивизия корпуса, под командованием Баялича, заняла

позицию в Кальдиеро, а Гогенцоллерн, командующий авангардом, — в Монтаньяна. 12-го Гогенцоллерн двинулся на Бевилаква, где находился авангард под командой храброго генерала Дюфо, который после легкого сопротивления отступил за Адидже, переправившись по мостам Порто-Леньяго. Дивизия Баялича атаковала Сан-Микеле. Она состояла из восьми батальонов и шести эскадронов. Массена выступил на поддержку своего авангарда. Австрийцы были сломлены и преследуемы по пятам до Кальдиеро, оставив 900 пленных.

Извещенный в Болонье своими венецианскими агентами о движении австрийской армии на Падую, главнокомандующий распорядился выставить итальянские части на транспаданских границах, чтобы держать под ударом армию папы, и направил 3 000 французов из Болоньи на Феррару, где они переправились через По в Понте-ди-Лагоскуро. Сам он лично переправился через По в Боргофорте и направился в ровербелльскую главную квартиру. В Верону он прибыл как раз во время Сан-Микельского боя. Вечером он приказал Массена отвести ночью всю свою дивизию за Верону. Противник приступил к действиям. Следовало держать все войска вне дефиле, чтобы была возможность направиться без замедления туда, где произойдет действительная атака. Ночью он получил из Леньяго донесение, что замечено движение австрийской армии на Нижнем Адидже, что с ней ее генеральный штаб и что видели два понтонных парка. Донесение генерала Дюфо не оставляло никакого сомнения в том, что перед ним развернуты многочисленные силы. Он видел более 12 000 человек и предполагал, что это только первая линия. Жубер из Короны сообщал, что он подвергался атакам в течение всего дня, 12-го, но удержался и отразил все атаки противника. Этим, казалось, подтверждалось мнение, что главное наступление противника ведется на Нижнем Адидже.

VI

Противник еще не обнаружил своих намерений, и принимать решение было рано. Войска были готовы к ночному переходу. Дивизия, бывшая в Дезенцано, направилась 13-го в Кастельнуово, чтобы там ожидать дальнейших приказаний. Донесения с Киезы были успокоительны. Пошел проливной дождь. В 10 часов войска были под ружьем, но Наполеон еще не решил, в какую сторону их направить: спускать ли их вниз или поднимать вверх по берегам Адидже?

В 10 часов вечера прибыли донесения из Монте-Бальдо и с Нижнего Адидже. Жубер доносил, что 13-го, в 9 часов утра, противник развернулся большими силами, что он дрался весь день и что его позиция сильно сузилась. Он держался хорошо, но в 2 часа пополудни заметил, что с левого фланга его обошла вдоль оз. Гарда австрийская дивизия, угрожавшая стать между ним и Пескиерой, а с правого фланга его обошла другая дивизия противника, прошедшая вдоль левого берега Адид-

же, перебросившая мост около Дольче, в одном лье от Риволи, переправившаяся через эту реку и идущая по правому берегу, вдоль подножья Монте-Маньоне, для захвата Риволийского плато. Заметив это, он счел необходимым выслать одну бригаду для обеспечения этого важного плато — ключа всей позиции. Он доносил, что в 4 часа он счел даже необходимым продолжать отступление, чтобы прибыть днем на Риволийское плато, и что он будет вынужден ночью очистить местность, если не получит других приказаний. На Нижнем Адидже Провера занимал левый берег. Стрелки вели перестрелку вдоль обоих берегов. План противника стал ясен. Было очевидно, что он действует двумя корпусами: главным — на Монте-Бальдо и менее значительным — на Нижнем Адидже.

Казалось, что дивизии Ожеро будет достаточно для борьбы с Провера за переправу через реку и оборону ее. Но ближайшая опасность угрожала со стороны Монте-Бальдо. Нельзя было терять ни минуты, потому что противник, овладев Риволийским плато, соединялся со своей артиллерией и кавалерией. Если его атакуют до овладения этим важным пунктом, то он будет вынужден драться без артиллерии и без кавалерии. Все войска начали движение с расчетом прибыть в Риволи на рассвете. Главнокомандующий отправился туда же и прибыл на место в 2 часа утра.

VII

Погода прояснилась, луна ярко светила. Главнокомандующий поднимался то на одну, то на другую вершину и наблюдал за линиями неприятельских огней. Ими была заполнена вся местность между Адидже и оз. Гарда. Воздух как бы пылал от костров. Главнокомандующий ясно различил пять стоянок, каждая в составе одной колонны, начавших свое движение уже накануне. По огню биваков силы предполагались в 40 000 — 45 000 человек. Французы могли действовать только с 22 000 человек. Снова диспропорция была очень велика, но у французов имелось превосходство в виде 60 орудий и нескольких кавалерийских полков. Судя по расположению пяти неприятельских биваков, можно было рассчитывать, что они не начнут атаки раньше 10 часов утра. Первая колонна, под командованием Люзиньяна, на правом фланге, была очень далеко. Казалось, что она имеет целью охватить Риволийское плато с тыла. Она не могла прибыть раньше 10 часов. Вторая колонна, под командованием Липтая, намеревалась атаковать, повидимому, левую сторону плато. Третья колонна, под командованием Кеблеса, прижалась к подножию Монте-Маньоне. Четвертая колонна, под командованием Очкая, была на вершине Монте-Маньоне, направляясь на часовню Сан-Марко. Пятая колонна состояла из 14 батальонов, при ней были артиллерия, кавалерия и обозы армии. Она переправилась через Адидже и Дольче и спустилась по правому берегу к подножию Монте-Маньоне.

Она стояла напротив остерии Делла-Дотана, на подъеме близ деревни Инканале у подножья Риволийского плато, и должна была выйти по проходившему там шоссе. Тогда Альвинци получил бы и артиллерию и кавалерию. Шестая колонна, под командованием Вукассовича, была на левом берегу Адидже, напротив венецианской Киузы.

На основании этих наблюдений Наполеон составил свой план. Он приказал Жуберу, очистившему часовню Сан-Марко на Монте-Маньоне и занимавшему теперь Риволийское плато только арьергардом, немедленно перейти в наступление, вновь овладеть часовней, не ожидая рассвета, и оттеснить четвертую колонну Очкая насколько возможно дальше. Десять кроатов, извещенные одним пленным об очищении часовни Сан-Марко, только что ею завладели, когда Жубер, выслав к часовне в 4 часа утра генерала Виаля, вновь занял ее. Началась ружейная перестрелка с одним кроатским полком и вслед за тем постепенно со всей колонной Очкая. К рассвету эта колонна была оттеснена уже к середине хребта Монте-Маньоне. Третья австрийская колонна Кеблеса ускорила тогда свое движение и немного раньше 9 часов прибыла на левые высоты Риволийского плато. У нее совсем не было артиллерии. 14 и 85-я французские полубригады, стоявшие на этой позиции, имели каждая по одной батарее. 14-я занимала правый фланг, она отразила атаки противника. 85-я была охвачена с флангов и оттеснена. Главнокомандующий спешно бросился к дивизии Массена, которая, проведя на марше всю ночь, отдыхала в селении Риволи, и повел ее на противника. Меньше чем в полчаса колонна Кеблеса была разбита и обращена в бегство. Колонна Липтая спешно двинулась на помощь к Кеблесу. Было десять с половиной часов.

Кважданович, находившийся в глубине долины, заметил, что Жубер не оставил никого в часовне Сан-Марко и двинулся вслед за Очкаем, а когда около самого Риволийского плато раздались выстрелы, он счел минуту подходящей и отрядил три батальона для занятия часовни. От успешности этого предприятия зависел исход сражения, но выполнение его было [1] затруднительно: это был подлинный приступ, сопряженный с карабканьем вверх. Жубер приказал возвратиться беглым шагом трем батальонам, подоспевшим к часовне раньше батальонов противника и отбросившим неприятеля вниз, в глубь долины. Французская 15-орудийная батарея, расположенная на Риволийском плато, расстреливала все, что показывалось, пытаясь выйти из теснины на плато. Полковник Леклерк с 300 коней атаковал по-взводно; командир эскадрона Лассаль атаковал с 200 гусарами несколько дальше отсюда. Стремительность этих атак решила успешный исход сражения: противник был опрокинут в овраг; все, что успело подняться на плато — пехота, кавалерия и артиллерия, — было захвачено. Половина армии, состоявшая из

---

[1] В рукописи в этом месте пропуск. — *Прим. франц. ред.*

колонн Квазданович а и Вукассовича, не успев выйти из гор, простояла без пользы и не оказала никакой помощи.

Тем временем первая колонна Люзиньяна прибыла на указанную ей позицию. Она встретила французскую дивизию дезенцанского резерва из 57 и 58-й полубригад, стоявших на позиции в Орса, и оставила здесь одну из своих бригад, чтобы противодействовать им. Другая бригада, силою в 5 000 человек, заняла позицию на высоте Пиполо, по обеим сторонам веронской дороги, позади Риволийского плато, опираясь правым флангом на Адидже. Она совсем не имела артиллерии. Она считала, что обошла французскую армию, но это случилось слишком поздно: едва только она поднялась на высоту, как ей стало видно поражение Очкая, Кеблеса и Липтая. Она сразу почувствовала, что ее ожидает, и очутилась в безвыходном положении. Сначала она подверглась канонаде пятнадцати 12-фунтовых орудий резерва в течение четверти часа, затем была атакована в штыки и целиком взята в плен. Ее вторая бригада, стоявшая несколько более позади, на позиции против дезенцанского резерва, перешла после этого в отступление. Она была преследуема, рассеяна и большей частью перебита или взята в плен. Было 2 часа пополудни. Противник был повсюду разбит и преследуем. Жубер наступал с такой стремительностью, что одну минуту показалось, что будет захвачена в плен вся армия Альвинци. Брентинское ущелье оставалось единственным путем отступления противника. Но Альвинци, сознавая грозящую ему опасность, подоспел с резервом, сдержал Жубера и даже заставил его слегка отступить.

Сражение было выиграно. Французы захватили 12 пушек, знамена и 7 000 пленных. Два сборных отряда из 18 и 32-й полубригад, только что присоединившихся к армии, наткнулись на дивизию Люзиньяна в тот момент, когда она пересекала веронское шоссе. Они распустили в тылах слух, что французская армия окружена и погибла.

В этот день главнокомандующего несколько раз окружали солдаты противника, и под ним было ранено несколько лошадей.

Генерал Шабо занимал Верону с горстью людей.

VIII

В тот же самый день Провера перебросил мост в Анджиари, около Леньяго, переправился через реку и двинулся на Мантую. Он оставил резерв для охраны мостов. Ожеро распорядился плохо: он смог атаковать эти мосты только 15 января 1797 г. Бой продолжался несколько часов. Ожеро перебил и захватил в плен охрану и сжег понтоны. Но Провера обогнал его на один переход: блокада Мантуи оказалась в тяжелом положении. Трудно противодействовать неприятелю, имеющему понтонный парк для переправы через реку. Когда армия, обороняющая речные переправы, имеет целью прикрытие осады, она должна заранее

принять меры к тому, чтобы прибыть раньше противника к промежуточной позиции между рекой, которую она обороняет, и крепостью, которую она прикрывает. Как только Провера переправился через Адидже, Ожеро должен был бы двинуться на Молинелла и прибыть туда раньше его.

Наполеон, узнав 14-го, в 2 часа пополудни, среди разгара Риволийского сражения, что Провера перебросил мост в Анджиари, тотчас же догадался, что может из этого произойти. Он предоставил Массена, Мюрату и Жуберу заботы по преследованию Альвинци на следующий день и в тот же час выступил с четырьмя полками к Мантуе. Ему предстояло сделать 13 лье. Он вступил в Ровербелла в тот момент, когда Провера подходил к Сен-Жоржу. 16-го на рассвете Гогенцоллерн с авангардом появился у ворот Сен-Жоржа во главе полка, одетого в белые плащи.

Зная, что это предместье прикрыто только простой циркумвалационной линией, он рассчитывал овладеть им врасплох. Миоллис, командовавший этим пунктом, выставил охранение только в сторону города. Он знал, что его прикрывает одна дивизия на Адидже и что противник очень далеко. Гусары Гогенцоллерна были похожи на гусар 1-го французского полка. Однако один старый сержант сен-жоржского гарнизона, рубивший дрова в 200 шагах от крепости, заметил эту кавалерию. У него появились сомнения, и он их сообщил сопровождавшему его барабанщику. Им показалось, что белые плащи слишком новы, чтобы быть плащами гусар Бершени. Эти молодцы, чуя недоброе, бросились в Сен-Жорж, подняли тревогу и опустили шлагбаум. Гогенцоллерн пустился в галоп, но проскочить не успел. Он был узнан и обстрелян картечью. Вскоре войска заняли брустверы. В полдень Провера окружил крепость. Доблестный Миоллис с 1 500 человек оборонялся весь день и таким образом дал время прибыть подкреплениям, выступившим из Риволи.

IX

Провера связался с Мантуей по озеру посредством лодки и согласовал с ней свои действия на следующий день. 16-го на рассвете Вурмзер с гарнизоном сделал вылазку и занял позицию у Фавориты. В 1 час утра Наполеон расположил генерала Виктора с четырьмя полками, которые он привел, между Фаворита и Сен-Жоржем, чтобы помешать соединению гарнизона Мантуи с подошедшей выручкой. На рассвете Серюрье с блокирующими войсками атаковал гарнизон, а дивизия Виктора атаковала армию Провера. В этом сражении 57-я полубригада заслужила название *Грозной:* она бросилась в штыки на линию австрийцев и опрокинула все, что пыталось ей сопротивляться. В 2 часа пополудни, после того как гарнизон был отброшен в крепость, Провера капитулировал и сложил оружие. Много знамен, обозов, несколько парков и

6 000 пленных, из них несколько генералов, попало в руки победителя. В продолжение этого же времени арьергард, оставленный Провера на р. Молинелла, был атакован генералом Пуан из дивизии Ожеро, разбит и взят в плен. Из корпуса Провера уцелели только 2 000 человек, оставшихся по ту сторону Адидже. Все остальные были взяты в плен или перебиты. Это сражение было названо сражением у Фаворита, по имени дворца герцогов Мантуи, находившегося близ поля сражения.

У Риволи Жубер весь день 15-го теснил Альвинци и прибыл так быстро к Брентинскому ущелью, что 6 000 человек были им отрезаны и взяты в плен. Мюрат с двумя батальонами легких войск на судах по оз. Гарда обошел Корону. Сам Альвинци едва успел ускользнуть. Жубер направился на Триент и занял старые позиции на р. Авичио. В различных рекогносцировках он захватил около 1 000 пленных. Генерал Ожеро пошел в Кастельфранко и оттуда к Тревизу. Ему тоже пришлось выдержать несколько мелких стычек. Массена занял Бассано и расположил свои аванпосты на Пиаве. В двух авангардных боях он взял 1 200 пленных.

Австрийские войска переправились обратно за р. Пиаве.

Снега занесли все ущелья Тироля, и это была самая большая преграда, которую Жубер должен был преодолеть. Французская пехота восторжествовала над всем. Жубер вступил в Триент и занял весь Итальянский Тироль. Он захватил всех австрийских больных и много складов. Армия заняла те же позиции, что и перед Аркольским сражением.

Трофеями, взятыми в течение января в различных боях, были: 25 000 пленных, 24 знамени и штандарта и 60 орудий. Потери противника были не меньше 35 000 человек. Бессьер повез в Париж знамена. Пленные были в таком большом количестве, что причиняли затруднения. Многие из них с дороги бежали через Швейцарию. Между тем генерал Рей эскортировал их с конвоем в 4 000 человек.

В ознаменование заслуг, оказанных в стольких сражениях генералом Массена, император впоследствии дал ему титул герцога Риволийского.

X

Давно уже гарнизон Мантуи был на половинном пайке; лошади были съедены. Вурмзеру дали знать о результатах Риволийского сражения, и ему не на что было больше надеяться. Потребовали, чтобы он сдался. Он гордо ответил, что у него продовольствия хватит на год. Однако несколько дней спустя его первый адъютант Кленау прибыл в главную квартиру Серюрье. Он уверял, что у гарнизона имеется продовольствия еще на три месяца, но фельдмаршал, считая, что Австрия не сможет во-время выручить крепость, будет сообразовать свои действия с условиями, какие ему предложат. Серюрье ответил, что он запросит об этом главнокомандующего. Наполеон отправился в Ровербеллу

и присутствовал инкогнито, закутавшись в свою шинель, при разговоре между двумя генералами. Кленау, приведя все обычные доказательства, долго разглагольствовал о больших средствах, остающихся у Вурмзера, и о большом количестве жизненных припасов, которые имеются у него в запасных складах. Главнокомандующий приблизился к столу, взял перо и на полях предложений Вурмзера писал приблизительно в течение получаса свои решения, пока дискуссия с Серюрье все еще продолжалась. Окончив, он сказал Кленау: «Если бы Вурмзер сдался, имея продовольствия на восемнадцать или на двадцать дней, он не был бы достоин почетной капитуляции, но я уважаю возраст, храбрость и несчастья фельдмаршала. Вот условия, какие я ему предлагаю, если он откроет завтра ворота крепости. Если он задержит сдачу на полмесяца, на месяц, на два месяца, условия для него остаются те же самые. Он может выжидать до последнего куска хлеба. Я немедленно выступаю за По и двинусь на Рим. Вот вам мои намерения. Извольте доложить их своему главнокомандующему».

Кленау, ничего не понявший из первых слов, скоро догадался, с кем он имеет дело. Он ознакомился с предлагаемыми решениями и проникся признательностью за такую неожиданную щедрость. Больше скрывать не было никакого смысла. Он признался, что продовольствия осталось только на три дня. Вурмзер прислал просить главнокомандующего, намеревающегося переправиться через По, произвести переправу в Мантуе, во избежание обходов и плохих дорог, но все дорожные распоряжения были уже сделаны раньше. Вурмзер передал Наполеону в письме выражения своей признательности и несколько дней спустя отправил к нему в Болонью адъютанта с уведомлением, что существует заговор его отравить, который должен быть выполнен в Романье, и дал ему необходимые указания, как себя от него предохранить. Это предупреждение оказалось полезным.

Генерал Серюрье принимал сдачу Мантуи и видел, как перед ним прошел старый фельдмаршал и весь штаб его армии. Наполеон был уже в Романье. Равнодушие, с которым он уклонился от такого лестного зрелища, как сдача фельдмаршала с громкой репутацией, генералиссимуса австрийских вооруженных сил, во главе со своим штабом, отдающего ему свою шпагу, было отмечено по всей Европе.

В гарнизоне Мантуи было еще 20 000 человек, из которых 12 000 вполне здоровых, 30 генералов, 80 чиновников и служащих разного рода и вся главная квартира Вурмзера. В течение трех блокад с июня в этой крепости умерло в госпиталях и было убито в различных вылазках 27 500 человек.

Жубер, уроженец Энского департамента, прежней Брестской провинции, готовился к адвокатской карьере. Революция заставила его поступить в армию. Он служил в итальянской армии, где был произведен в бригадные генералы. Он был высокого роста, худой и казался по при-

роде слабого сложения, но закалил свое тело среди тягот походной жизни и в горной войне. Он был неустрашим, бдителен, энергичен. В ноябре 1796 г. он стал дивизионным генералом вместо Вобуа. Под его командованием были войска, действовавшие в Тироле. Кампанию в Германии, как будет видно дальше, он провел с честью. Он был сильно привязан к Наполеону, поручившему ему отвезти Директории знамена, взятые итальянской армией. В ноябре 1797 г. он женился на дочери сенатора Семонвиля. В 1799 г. он ввязался в парижские интриги и был назначен главнокомандующим итальянской армией после поражения Моро. Он пал в сражении у Нови смертью храбрых. По молодости Жубер еще не успел приобрести всего необходимого опыта. Он был создан для роли крупного полководца.

ГЛАВА XII

ТОЛЕНТИНО

I. Нарушение перемирия с Римом (1 февраля 1797 г.). — II. Армия папы. — III. Бой у Сенио; подчинение Романьи. — IV. Возвращение пленных, взятых в бою у Сенио.—V. Бой у Анконы и взятие ее.— VI. Миссия генерала ордена камальдульцев к папе Пию VI.— VII. Толентинский договор (19 февраля).—VIII. Мантуя.—IX. Прибытие в Италию двух дивизий самбро-маасской и рейнской армий.

I

Кардинал Буска замещал уже в течение шести месяцев кардинала Целада в должности римского государственного секретаря. Он прервал сношения с Францией, открыто связался с Австрией и работал больше с усердием, чем с успехом, над организацией внушительной армии. Ему хотелось, чтобы вновь ожили те времена, когда папские армии решали участь полуострова. Он побуждал и заставил римскую знать выставить снаряженные полки, коней и вооружение. Этот кардинал имел большую уверенность в привязанности итальянцев к их религии и в природном воинственном духе апеннинских народов. Наполеону пришлось перенести тысячи оскорблений и обид, но падение Мантуи доставило ему наконец возможность за это отплатить.

Курьер кардинала Буска, посланный к монсеньору Альбани, римскому поверенному в делах в Вене, был перехвачен около Меццола 10 января 1797 г.: вся политика Ватикана была этим раскрыта. Этот министр-кардинал писал: «Французы хотели мира, даже настойчиво домогались его, но он, Буска, был далек от заключения мира, потому что папа целиком вверяется судьбе австрийского дома. Условия Болонского перемирия не выполняются и не будут выполняться, несмотря на беспре-

станные жалобы со стороны французского посланника Како. Новые войска энергично набираются во владениях святого престола. Папа принимает генерала Колли, предложенного императором для командования его армией. Необходимо, чтобы этот генерал привел с собой значительное число австрийских офицеров, особенно артиллерийских и инженерных. Отданы распоряжения для встречи их в Анконе. Папа с огорчением узнал, что Колли должен был повидаться и договориться с Альвинци, действиями которого папа мало доволен. Хорошо было бы, если бы Колли произвел смотр войскам папы в Романье, прежде чем отправиться в Рим, и т. д.».

Немедленно же был послан курьер к французскому посланнику Како с приказанием покинуть Рим. «В течение нескольких месяцев, — писал ему Наполеон, — вас осыпали оскорблениями и унижениями, пускали все в ход, чтобы заставить уехать из Рима. Ныне настойчиво избегайте всего, что могло бы вас там задержать. Выезжайте тотчас же с получением этого письма». Этот посланник написал государственному секретарю Буска: «Меня отзывают приказанием моего правительства и обязывают выехать сегодня же вечером во Флоренцию. Имею честь уведомить об этом ваше высокопреосвященство, принося выражения моего почтения».

Кардинал Буска выдержал роль до конца и ответил: «Кардинал Буска давно ожидал известия, которое глубокоуважаемый г-н Како только что ему сообщил. Внезапный его отъезд во Флоренцию не позволяет кардиналу сделать ничего другого, как уверить его в своем глубоком почтении».

В то же самое время генерал Виктор переправился через По в Борго-форте во главе 4 000 человек пехоты и 600 коней и присоединился в Болонье к 4 000 человек итальянской дивизии Лагоца. Этих 9 000 человек было достаточно для завоевания Церковной области.

Несколько дней спустя Наполеон отправился в Болонью и обнародовал манифест, содержащий следующие статьи:

«Ст. I. Святой престол официально отказался исполнять статьи VIII и IX перемирия, заключенного 23 июня в Болонье при посредничестве Испании и торжественно ратифицированного в Риме 27 июня.

Ст. II. Он не перестает вооружаться и призывать своими манифестами народы к войне. Он нарушил неприкосновенность территории Болоньи; его войска приблизились на 10 миль к этому городу и грозили его занять.

Ст. III. Он начал враждебные Франции переговоры с венским двором, как это доказывается письмами кардинала Буска и миссией прелата Альбани в Вене.

Ст. IV. Он вверил командование своими войсками австрийским генералам и офицерам, присланным Венским двором.

Ст. V. Он отказался от ответа на официальные предложения, сделанные ему гражданином Како, посланником Французской республики, об открытии переговоров о мире.

Ст. VI. Договор о перемирии таким образом разорван и нарушен святым престолом.

Вследствие этого объявляю, что перемирие, заключенное 23 июня между Французской республикой и Римским двором, прервано».

В подтверждение этого манифеста обнародовали перехваченные письма кардинала Буска. Можно было бы присоединить сюда большое количество других свидетельств, но и эти письма говорили обо всем. Кардинал Маттеи после трехмесячного пребывания под надзором в Брешиа добился позволения вернуться в Рим. Он несколько раз писал Наполеону, пользуясь знакомством с ним. Наполеон воспользовался этим обстоятельством для препровождения Маттеи перехваченных писем кардинала Буска. Их чтение повергло в смущение священную коллегию и сковало уста приверженцев этого министра.

II

2 февраля 1797 г. главная квартира расположилась в Имола, во дворце епископа Киарамонти, впоследствии папы Пия VII. Маленькая французская армия подошла к Кастель-Болоньезе; перед ней по правому берегу Сенио стояла на позиции армия папы, обороняя мостовую переправу. Эта армия состояла из 6 000 — 7 000 регулярных войск и крестьян-фанатиков, собранных по набатной тревоге и находившихся под начальством монахов. У нее было восемь пушек. Французы приготовились к бою. День был бурный. Когда французы выставляли сторожевое охранение, появился парламентер и с шутовским видом заявил от имени кардинала-главнокомандующего, «что если французская армия будет продолжать движение вперед, она подвергнется обстрелу». Над этой ужасной угрозой много смеялись.

Ему ответили, «что совсем не хотят подвергать себя гневу кардинала и стали на позицию просто, чтобы провести ночь». Однако надежды кардинала Буска удачно осуществлялись. Романья кипела; здесь была провозглашена священная война, и набатный колокол не переставал звонить целые три дня. Население было доведено до исступления и неистовства. Сорокачасовые молебствия, общенародные процессии на площадях городов и селений, грамоты об отпущении грехов, даже чудеса — все было пущено в ход. Тут были иконы мучеников, которые кровоточили, там — плачущие статуи мадонн. Все предвещало пожар, готовый испепелить эту чудесную провинцию. Кардинал Буска сказал французскому посланнику Како: «Мы из Романьи создадим Вандею, мы в ней воздвигнем одну из лигурийских твердынь, мы создадим из нее твердыню Италии».

В Имоле было вывешено следующее воззвание:

«Французская армия вступила на территорию папы. Она будет верна принципам, которых всегда держится, — она будет покровительствовать религии и народу. Французский солдат несет в одной руке штык — верный залог победы, в другой оливковую ветвь — символ мира и залог своего покровительства. Горе тем, кто, соблазненные лицемерами, навлекут на свои жилища месть армии, взявшей в плен за шесть месяцев 100 000 человек из лучших войск императора, захватившей 400 пушек, 110 знамен и уничтожившей пять армий!»

III

3 июня, в 4 часа утра, генерал Ланн, командующий авангардом маленькой французской армии, поднялся вверх по р. Сенио на полтора лье, на рассвете переправился вброд и построился в боевую линию на тылах папской армии, отрезав ей дорогу на Фаэнца. Генерал Лагоц, поддерживаемый батареей и прикрываемый тучей стрелков, перешел по мосту сомкнутой колонной. В миг вооруженная толпа обратилась в бегство. Артиллерия, обозы — все было захвачено; 400—500 человек было порублено; несколько монахов погибло с распятием в руках. Почти все регулярные войска были захвачены в плен. Кардинал-генерал бежал. Бой не продолжался и часа. Со стороны французов потери были незначительны.

В тот же день французы подошли к Фаэнца. Ворота были заперты, гудел набат, на валах стояло несколько пушек, а взбесившийся народ руганью отвечал на требование открыть ворота. Пришлось сорвать ворота с петель на землю и войти в город. «Тут то же самое, что с Павией!» кричали солдаты. Это было требование грабежа. «Нет, — ответил им Наполеон: — в Павии были бунтовщики, нарушившие клятву и намеревавшиеся перерезать наших солдат, своих гостей. Здесь только исступленные крикуны, которых нужно победить милосердием». Только лишь несколько монастырей подверглось осквернению. Спасши этот красивый город от собственного безрассудства, занялись спасением провинции. Во все округа направили агентов, чтобы осведомить население о происшедших событиях, успокоить возбуждение и неистовство, дошедшие до крайней степени. Самым действительным средством оказался роспуск по домам военнопленных.

IV

Пленные, взятые в бою на Сенио, были собраны в Фаэнца, в саду одного монастыря. Они еще были охвачены ужасом и боялись за свою жизнь. Они все бросились на колени и громкими криками молили о пощаде при приближении Наполеона, который сказал им по-итальянски: «Я друг всех народов Италии и особенно римского населения. Я

пришел к вам для вашего же блага. Вы свободны; вернитесь к вашим семьям, скажите им, что французы — друзья религии, порядка и бедных людей». Растерянность сменилась радостью. Эти несчастные принялись выражать чувство признательности с живостью, так свойственной итальянскому характеру.

Наполеон отправился оттуда в трапезную, где были собраны все офицеры. Их было несколько сот, среди которых несколько человек из лучших римских фамилий. Он долго беседовал с ними, говорил о свободе Италии, о всех злоупотреблениях папского правительства, о том, что в нем противоречило духу евангелия, о безумии оказывать сопротивление победоносной армии, составленной из самых дисциплинированных и самых закаленных солдат мира. Он позволил им разойтись по домам и просил лишь, в отплату за свое милосердие, ознакомить всех с чувствами, одушевляющими его в отношении всей Италии и особенно в отношении римского населения. Эти пленные сделались миссионерами, разошедшимися по всем владениям папы и неустанно провозглашавшими похвалы тому, как хорошо поступили с ними. Весть об этом проникла до самых удаленных апеннинских избушек. Получилось удачно: настроение переменилось.

Армия прибыла в Форли, в Чезена, в Римини, в Пезаро и в Синигалья. Население в них оказалось настроенным благожелательно. Оно вдалось в противоположную крайность: принимало с открытым выражением радости тех же французов, которых несколькими днями раньше считало страшными врагами религии, собственности и законов.

V

Колли, командующий армией папы, раньше командовал пьемонтской армией под Мондови и Кераско. Он знал, с кем имеет дело. Он выбрал хорошую позицию на высотах впереди Анконы и здесь расположил оставшиеся у него 3 000 человек. Но, как только показалась французская армия, под различными предлогами он и австрийские офицеры удалились в Лоретто. Позиция, занимаемая романьцами, была очень сильная. Генерал Виктор выслал к ним парламентера с предложением сдаться.

В то время как велись переговоры, французские и итальянские войска обошли позицию справа и слева, окружили ее, захватили противника без выстрела и без сопротивления вошли в цитадель.

С этими пленными было поступлено, как с предыдущими, взятыми на Сенио: они были отосланы по домам. Они послужили новыми миссионерами, предшествовавшими движению армии.

Анкона является единственным портом на побережье от Венеции до Бриндизи, крайней восточной точки Италии. Но порт этот был запущен и в плохом состоянии; даже фрегаты не могли туда входить. В эти дни Наполеон осмотрел все, что надо было сделать для улучшения кре-

пости и приведения в исправность порта. Во времена Итальянского королевства были выполнены громадные работы. Ныне порт может принимать суда всякого рода, даже трехмачтовые. Евреи, многочисленные в Анконе, так же как магометане в Албании и Греции, были подчинены старинным унизительным обычаям. Одной из первых забот Наполеона было освободить их от этого.

Между тем, несмотря на присутствие армии, народ спешил толпами пасть к ногам мадонны, плакавшей крупными слезами. Нашлись благоразумные граждане, давшие знать об этом. Туда был послан Монж. Он сообщил, что мадонна действительно плачет. Настоятелю монастыря велели доставить ее в главную квартиру. Это оказался оптический обман, искусно производимый при помощи стакана. На следующий день мадонна была снова поставлена в церкви, но без стакана: она больше не плакала. Один капеллан, изобретатель этой мошеннической проделки, был арестован. Это было покушением на безопасность армии.

VI

Между тем растерянность царила в Ватикане. Дурные вести поступали туда ежечасно. Сначала узнали, что папская армия, на которую столько рассчитывали, была полностью уничтожена, не оказав даже самого слабого сопротивления. Позднее курьеры, извещавшие о прибытии французской армии в различные города, донесли о переменах, какие произошли в настроении населения. Ненависть и фанатизм сменились чувствами дружбы и желанием свободы. Буска увидел, что Вандея не создается по желанию, что если чрезвычайные обстоятельства ее и порождают, то только большие ошибки могут придать ей устойчивость и длительность. Вскоре узнали, что французская армия овладела уже Анконой, Лореттой, Мачератой и авангард ее находится на гребне Апеннин. «Французы не идут, — говорили прелаты, — они летят».

Между тем пленные офицеры и солдаты, отпущенные из Фаэнца и Анконы, разглашали во всех римских предместьях чувства доверия к армии, которыми они прониклись. Партия свободы поднимала голову и открыто заявляла о себе в самом городе. Священная коллегия, не видя больше никакой надежды, решила перебраться в безопасное место. Были сделаны все приготовления для бегства в Неаполь.

Дворцовые экипажи были уже запряжены, когда генерал Камальдульского ордена прибыл в Ватикан и припал к ногам папы. Проездом через Чезену Наполеон встретился с ним и, зная о доверии, которым этот монах пользуется у Пия VI, поручил ему отправиться к папе и заверить его, что Наполеон совсем не покушается на его жизнь, что он относится к нему с уважением и что папа может оставаться в Риме. Он должен только сменить свой кабинет и выслать в Толентино уполномоченных со всеми правами на заключение и подписание окончатель-

ного мира с республикой. Генерал камальдульцев с успехом выполнил свое поручение.

Папа успокоился, отставил незадачливого Буска, поставил во главе своего кабинета кардинала Дориа, известного уже давно умеренностью своих взглядов, отменил свой отъезд из Рима и назначил уполномоченных для ведения переговоров об окончательном мире и для его подписания.

Инструкции Директории запрещали всякие переговоры с Римом. Директория считала, что надо положить конец светской власти папы и больше ею уже не заниматься, что нельзя найти другого более благоприятного случая, когда бы Римский двор был виновен более очевидно, и что было бы безумием надеяться на искренний мир с клерикалами, настолько враждебными республиканским принципам. Без сомнения, светская власть папы была несовместима с благополучием Италии. Опыт показывал, что от этого двора не следует ждать ни умеренности, ни чистосердечия. Но Наполеон считал, что нельзя ни революционизировать Рим, ни присоединить его к Транспаданской республике без наступления на Неаполь и свержения этого трона. В этом королевстве партия свободы была достаточно многочисленна, чтобы беспокоить двор, но слишком слаба, чтобы быть опорой и оказать действительную помощь французской армии. Неаполитанский двор чувствовал, что революция в Риме повлечет его падение. Однако, чтобы наступать на Неаполь, надлежало иметь армию в 20 000 — 25 000 человек, а это совсем не совмещалось с проектом Наполеона продиктовать мир под Веной.

VII

Авангард французской армии перевалил через Апеннины; он был в трех переходах от Рима. Главная квартира 13 февраля прибыла в Толентино. Кардинал Маттеи, монсиньор Галеппи, герцог Браски и маркиз Массини, полномочные посланники папы, прибыли туда одновременно. Совещания открылись 14-го. Монсиньор Галеппи говорил за всех. В речах этого прелата пришлось выслушивать слишком много проповедей о добродетели. Но Римский двор был виновен, поэтому его следовало наказать, он мог существовать, только лишившись завоеванных у него провинций или же уплатив равноценную контрибуцию. Три легатства, герцогство Урбино, Анкона, провинции Мачерата и Перуджа были завоеваны. После определения таким образом базы переговоров заключение мира потребовало лишь пять дней для дискуссий. Галеппи, говоривший сначала о полной гибели папских финансов, нашел средства, когда пришлось выкупать провинции или уменьшать число тех, которые уступались папой. Договор был подписан в монастыре, где обосновалась главная квартира.

Наполеон долго настаивал перед Римским двором, чтобы инквизиция была уничтожена. Он доказывал ему, что инквизиция стала не тем, чем она была раньше, что ныне инквизиция является больше полицейским трибуналом, чем судом религиозной совести, что аутодафе больше не существует. Он был убежден в правильности своих рассуждений, но отказался от этого параграфа в договоре в угоду папе, вступившему с ним по этому поводу в частную переписку. Наполеон удовольствовался Болонскими легатствами, Феррарой и Романьей, и правом держать гарнизон в Анконе. Это было следствием того же самого принципа, по которому он обязался уважать светскую власть папы. Если бы, как этого хотели транспаданские патриоты, он увеличил эту новую республику герцогством Урбино, Анконой, провинциями Феррара и Мачерата и установил ее границы на Тронто и Апеннинах, она оказалась бы граничащей с Неаполитанским королевством. Война с этим государством сделалась бы неизбежной. Она возникла бы, если бы даже Франция и Неаполь ее не хотели. Значение, какое придавал этот двор переговорам с Римом, было таково, что князь Пиньятелли, неаполитанский премьер-министр, сопровождал главную французскую квартиру от Болоньи. Это достаточно указывало на его тревогу. У этого князя не было недостатка ни в уме, ни в энергии, но он не гнушался ничем в способах разведки. Много раз, и особенно в Лоретта и в течение толентинских переговоров, его заставали подслушивающим у дверей и подвергавшимся таким образом позору быть отогнанным приставами.

Мир остановил продвижение французских войск.

После подписания договора главнокомандующий поручил генералу Виктору наблюдать за его исполнением, отправил своего адъютанта полковника Жюно с почтительным письмом к папе и отбыл в Мантую.

VIII

Мантуя уже целый месяц была во власти республики. Госпитали в ней были все еще переполнены австрийскими больными. Наполеон остановился в герцогском дворце и пробыл здесь несколько дней. В этом городе оказалось большое количество прекрасных картин. Он распорядился отослать их в Парижский музей. Прелестные фрески из *Войны титанов* Джулио Романо возбудили во дворце «Тэ» восхищение знатоков. Комиссия художников представила несколько проектов, чтобы снять фрески и препроводить их в Париж, но был риск погубить и испортить эти шедевры. Наполеон приказал учредить образцовый инженерный арсенал и поручил генералу Шасселу, начальнику инженеров, усовершенствовать фортификационные сооружения. Слабейшими пунктами тогда были Прадельский и Пиетольский участки. Немедленно там было приступлено к работе, чтобы довести их до общего уровня. Были отданы все распоряжения и для вооружения Мантуи.

Затем он отправился в Милан, административный и политический центр Италии. Общественное мнение здесь достигло больших успехов.

IX

Во время Аркольского сражения французское правительство сочло было Италию потерянной, и Наполеону пришлось серьезно подумать, что предпринять для поднятия настроения во Франции. Общественное мнение возмущалось и не понимало, почему возлагают всю тягость, а в то же время и всю славу исключительно на одну армию. Итальянская армия сама очень громко жаловалась на это, и наконец решили серьезно помочь ей. Директория приказала одной дивизии из шести пехотных и двух кавалерийских полков самбро-маасской армии и одной дивизии такой же силы из рейнской армии перейти за Альпы, чтобы дать возможность итальянской армии сражаться с равными силами в новой готовящейся борьбе. Итальянская армия находилась тогда под угрозой армии, разбитой ею потом в Риволи. В дороге с этими подкреплениями произошла задержка. Мантуя, подвергавшаяся сильному нажиму, ускорила действия Альвинци. Подкрепления дошли только до подножия Альп, когда победы у Риволи и Фаворита и сдача Мантуи устранили всякую опасность для Италии. Только по возвращении из Толентино Наполеон произвел смотр этим новым войскам. Они были прекрасны, в хорошем состоянии и были хорошо дисциплинированы. Самбро-маасская дивизия под начальством Бернадота имела в пути мало случаев дезертирства. Рейнская дивизия под начальством Дельмаса была слабее и больше пострадала от дезертирства. Этот отряд пополнений расценивался в 30 000 человек, но налицо их оказалось только 19 000. С их прибытием итальянская армия была в состоянии предпринимать любую операцию и могла принудить Венский двор отказаться от союза с Англией.

ГЛАВА XIII

ТАЛЬЯМЕНТО

I. План кампании 1797 г. — II. Переправа через Пиаве (12 марта). — III. Сражение у Тальяменто (16 марта). — IV. Отступление эрцгерцога Карла. — V. Бой у Градиски (19 марта). — VI. Переход через Юлийские Альпы и через р. Драву (29 марта). — VII. Бой в Тироле.

I

Неудачи, испытанные обеими армиями — самбро-маасской и рейнской — в течение прошедшей кампании, робкое поведение этих армий в течение осады Келя и гюнингенского предмостного укрепления, вполне успокоили с этой стороны придворный военный совет. В конце февраля

он выделил шесть дивизий своих лучших войск на Рейне (40 000 человек) — четыре во Фриуль, две в Тироль. Эрцгерцог Карл во всем блеске славы, приобретенной им в Германии, принял командование над австрийскими армиями в Италии и перенес свою главную квартиру 6 февраля в Иннсбрук, а немного спустя в Виллах и в Гёрц. В течение февраля его инженеры произвели разведку перевалов через Юлийские и Норические Альпы и составили проект укреплений, которые они должны были возвести, как только растает снег.

Наполеон горел нетерпением их предупредить, атаковать и изгнать эрцгерцога Карла из Италии до прибытия сильных подкреплений, двигавшихся из Германии.

Армия Наполеона состояла из восьми пехотных дивизий и кавалерийского резерва — 53 000 пехотинцев, 3 000 артиллеристов, обслуживающих 120 орудий, и 5 000 кавалеристов. Контингент, выставленный сардинским королем, равнялся 8 000 человек пехоты, 2 000 кавалерии и 20 орудий. С Венецией также уже давно велись переговоры о ее присоединении; ее контингент должен был быть такой же, как и пьемонтский. Таким образом, рассчитывали войти в Германию с 70 000 человек пехоты, 9 000 кавалерии и 160 орудиями. Но Директория, в самом странном ослеплении, отказывалась утвердить Болонский[1] союзный договор и этим лишила французскую армию сардинского контингента. Венецианская сеньория отказалась от всяких предложений союза, и с нею следовало быть настороже. Это не только лишало армию венецианского контингента, но вынуждало оставить на Адидже 10 000 человек в резерве для обеспечения тыла и наблюдения за венецианской олигархией. Таким образом, Наполеон мог вступить в Германию только с 50 000 человек, из которых 5 000 человек было кавалерии и 2 500 артиллеристов. Он думал, что самбро-маасская и рейнская армии соединятся в одну и затем двинутся, в числе 120 000 человек, из Страсбурга в Баварию, переправятся через Инн, выйдут на Энс и соединятся с итальянской армией, которая, перейдя через р. Тальяменто, Юлийские Альпы, Каринтию, реки Драву и Мур, выдвинется на Земмеринг. Сосредоточившись таким образом в числе почти 200 000 человек, французы вступят в Вену, а в то же время обсервационная армия в 60 000 человек будет охранять Голландию, блокировать Эренбрейтенштейн, Майнц, Мангейм, Филиппсбург и охранять дюссельдорфское, кельское и гюнингенское предмостные укрепления. Но Директория продолжала держать отдельно самбро-маасскую и рейнскую армии: опыт минувшей кампании прошел для нее бесследно.

В Вену из Италии ведут три больших шоссе: 1) тирольское, 2) понтеббское (или каринтийское) и 3) карниольское.

---

[1] Договор в Болонье о наступательном и оборонительном союзе от 1 марта 1797 г. (другой договор от 5 апреля 1797 г. также не был утвержден Директорией).— *Прим. франц. ред.*

Первое шоссе, начинаясь от Вероны, проходит вдоль левого берега Адидже до Триента, пересекает высокую цепь Альп на Бреннерском перевале, в 60 лье от Вероны, и оттуда, через Зальцбург, выходит к самому Дунаю, по берегу которого спускается до Вены, пересекая Энс. От Вероны до Вены по этой дороге 170 лье.

Второе шоссе пересекает провинции Виченца, Тревиза, переходит через реки Пиаве, Тальяменто, пролетает через Понтебба и Карнийские Альпы и через Тарвисский перевал. От него оно спускается в Каринтию, пересекает р. Драву в Виллахе, проходит через Клагенфурт, главный город этой провинции, упирается в Мур, берегом которого следует до Брука, пересекает Земмеринг и спускается в долину Вены. По этому шоссе от Сан-Даниеле до Вены 95 лье.

Карниольское шоссе переходит через р. Изонцо в Градиска, направляется на Лайбах, главный город провинции, пересекает р. Саву, переходит через р. Драву в Марбурге, входит в Штирию, пересекает Грац, ее главный город, и соединяется с каринтийским шоссе в Бруке. От Гёрца до Вены по этой дороге 105 лье.

Тирольское шоссе связано с каринтийским пятью поперечными дорогами. Первая, называемая *пустертальской,* отделяется от Бриксена, поворачивает вправо, встречает один из притоков Адидже, проходит через Линц, Шпиталь и соединяется с карниольским шоссе около Виллаха; ее протяжение 45 лье. Вторая выходит из Зальцбурга, проходит в Раштадт и также доходит до Шпиталя; ее протяжение 32 лье. В 4 лье ниже Раштадта ответвление этой дороги следует по Муру до Шейфлинга, где встречается с каринтийским шоссе; это ответвление по длине равно 16 лье. Третья дорога выходит из Линца на Дунае, переходит через Энс около Роттенманна, пересекает высокие горы и на 36-м лье соединяется в Юденбурге с каринтийским шоссе. Четвертая выходит из Энс, поднимается по берегу р. Энс на протяжении 20 лье и спускается к Лёобену; ее длина 28 лье. Наконец, пятая выходит из Санкт-Пельтена и идет к Бруку; ее длина 24 лье.

Каринтийское шоссе связывается с карниольским тремя поперечными дорогами. Первая выходит из Гёрца, поднимается вверх по Изонцо, проходит в Капоретто, пересекает Киузу австрийскую и присоединяется в Тарвисе к каринтийскому шоссе; длина ее 21 лье. Вторая выходит из Лайбаха, пересекает реки Саву и Драву и выходит к Клагенфурту; ее длина 17 лье. Третья дорога начинается от Марбурга, встречает Драву и также выходит к Клагенфурту; ее длина 26 лье. За Клагенфуртом каринтийское шоссе не имеет больше никаких дорог, сообщающихся с карниольским. Они идут параллельно в расстоянии 29 лье одно от другого до Брука, где соединяются.

Армия эрцгерцога в первые дни марта состояла из 50 000 человек, из которых 15 000 человек находились в Тироле, а остальные позади

Пиаве, прикрывая Фриуль. Она ожидала прибытия в течение апреля шести дивизий, отправленных с Рейна; это довело бы ее силы до 90 000 с лишком человек. Одно уже это превосходство делало понятным заманчивые надежды Венского кабинета. Французская армия в то время имела три дивизии — Дельмаса, Бараге-д'Илье и Жубера, с кавалерийской бригадой генерала Дюма, сосредоточенные в Итальянском Тироле под командой генерала Жубера; всего в этом корпусе насчитывалось 17 000 человек. Дивизии Массена, Серюрье, Гиё (бывшая Ожеро), Бернадота и кавалерийская дивизия генерала Дюма — 34 000 — 35 000 человек — были сосредоточены в областях Бассано и Тревиза, выставив аванпосты вдоль правого берега Пиаве. Дивизия Виктора находилась еще на Апеннинах. В первых числах апреля она должна была прибыть на Адидже, чтобы образовать там ядро обсервационного корпуса против венецианцев. Постепенно прибывавшие маршевые французские, ломбардские, цизпаданские и болонские батальоны должны были довести этот армейский корпус до 20 000 человек.

Когда узнали, что эрцгерцог прибыл в Инсбрук 6 февраля, то решили, что он сосредоточит все свои силы в Тироле, ограничившись выставлением одной дивизии в 6 000 человек позади Тальяменто. Этим ускорилось бы на 20 дней присоединение к его армии шести дивизий, высланных с Рейна. Он мог бы тогда атаковать генерала Жубера, вытеснить его с позиций на Авичио и отбросить в Италию. В первые же дни февраля главнокомандующий известил генерала Жубера о грозившей ему опасности и приказал ему выбрать три позиции между р. Авичио и линией Торболе и Мори, на которых он мог бы со своим армейским корпусом задержать марш эрцгерцога и выиграть восемь-десять дней, чтобы дать возможность дивизиям, стоявшим на Бренте, ударить армии эрцгерцога во фланг, двинувшись через ущелья Бренты.

II

Но эрцгерцог, согласно плану, предписанному ему придворным военным советом, сосредоточил свои главные силы во Фриуле, и это позволяло французской армии атаковать его до прибытия рейнских дивизий, удаленных еще на 20 переходов.

Исходя из этого, Наполеон 9 марта перенес свою главную квартиру в Бассано. К армии он обратился в приказе со следующими словами:

«Солдаты, взятием Мантуи только что закончилась итальянская война, сделавшая ваши имена бессмертными в сердце родины. Вы — победители в 14 больших сражениях и 70 боях. Вами взято 100 000 пленных, захвачено 500 полевых пушек, 2 000 тяжелых орудий, четыре понтонных парка. Контрибуции, наложенные на страну, которая вами завоевана, позволили вас кормить, содержать и платить вам жалованье.

Кроме того, вы выслали 30 миллионов министру финансов на поддержку государственной казны. Вы обогатили Парижский музей 300 произведений искусства древней и новой Италии, на создание которых потребовалось три столетия. Вы завоевали республике самые прекрасные области Европы. Транспаданская и Циспаданская республики обязаны вам своей свободой. Французские цвета впервые развеваются на берегах Адриатики лицом к лицу с родиной Александра, в 24 часах от нее. Короли сардинский и неаполитанский, папа, герцог пармский отторгнуты от коалиции. Вы выгнали англичан из Ливорно, из Генуи, из Корсики... Но вас ждет еще более высокое предназначение! И вы его будете достойны!

Из всех врагов, соединившихся для удушения республики при самом ее зарождении, остался перед нами только один император... У него нет больше ни своей политики, ни своей воли, а лишь политика и воля того вероломного правительства, которое, не переживая само тягот войны, смеется над бедствиями континента. Исполнительная Директория не щадила ничего, чтобы дать мир Европе; по своей умеренности ее предложения не соответствовали силе ее армий... Вена ее не послушалась, поэтому нет больше надежды на мир, пока мы не дойдем до самого сердца наследственных владений императора.

Вы встретите там храбрый народ; уважайте его религию и его обычаи; щадите его собственность.

Доблестному венгерскому народу вы принесете свободу».

Нужно было переправиться через Пиаве и Тальяменто на глазах у австрийской армии и обойти ее правый фланг, чтобы раньше ее занять ущелья Понтебба. Массена, выступив из Бассано, переправился в горах через Пиаве, разбил дивизию Люзиньяна, преследовал ее по пятам, захватив несколько пушек и 600 пленных, среди которых был сам генерал Люзиньян, и отбросил остатки дивизии за Тальяменто, овладев Фельтре, Кадоре и Беллуно. 12 марта дивизия Серюрье направилась на Азоло, переправилась на рассвете через Пиаве, двинулась на Конельяно, где находилась главная австрийская квартира, и таким образом обошла все дивизии, оборонявшие Нижнюю Пиаве. Это позволило дивизии Гиё произвести в 2 часа пополудни переправу в Оспедалетто, перед Тревизо. Река в этом месте довольно полноводная, а поэтому потребовался мост. Но готовность и усердие солдат заменили его. Только один барабанщик чуть было не утонул и был спасен бросившейся вплавь маркитанткой. В тот же день дивизии Серюрье и Гиё с главной квартирой остановились в Конельяно. Дивизия Бернадота, находившаяся в Падуе, догнала их на следующий день.

Противник выбрал для поля сражения равнины Тальяменто; на них было удобно действовать его хорошей и многочисленной кавалерии. Арьергард противника пытался ночью задержаться в Сачиле, но был выбит оттуда 13-го генералом Гиё.

III

16 марта, в 9 часов утра, обе армии встретились. Французская армия подходила вместе с главной квартирой перед Вальвасоне, на правом берегу Тальяменто, имея слева дивизию Гиё, в центре — дивизию Серюрье и справа — дивизию Бернадота. Австрийская армия, почти равная по силе, была построена в таком же порядке на противоположном берегу. Находясь на такой позиции, она не прикрывала понтеббского шоссе. Колонна Очкая и остатки дивизии Люзиньяна не были больше способны остановить Массена. Между тем Понтебба была самой короткой дорогой и естественным направлением для прикрытия Вены.

Такое поведение эрцгерцога можно объяснить, лишь предположив, что он опасался только за Триест, морской центр Австрии, или что позиции не были им еще окончательно заняты, а прикрывшись Тальяменто, он надеялся выиграть несколько дней, что дало бы время гренадерской дивизии, идущей с Рейна и уже прибывшей в Клагенфурт, усилить дивизию Очкая, действовавшую против Массена.

Канонада началась на обоих берегах Тальяменто. Легкая кавалерия произвела несколько атак по гравию этого горного потока. Французская армия, видя, что противник слишком хорошо подготовил позицию, прекратила огонь, расположилась на биваке и принялась за обед. Это ввело эрцгерцога в заблуждение: он подумал, что она остановилась потому, что шла всю ночь. Он отвел войска назад и вернулся в свой лагерь. Но два часа спустя, когда все успокоилось, французская армия неожиданно вновь встала в ружье. Дюфо во главе 27-й легкой полубригады — авангарда Гиё и Мюрат с 15-й легкой полубригадой — авангарда Бернадота, поддерживаемые каждый своей дивизией, бросились в реку, имея в каждом полку вторые батальоны развернутыми, а первый и третий в колонне по подразделениям на взводной дистанции. Противник быстро бросился к оружию, но уже вся первая линия успела переправиться в самом блестящем порядке и приняла на другом берегу боевое расположение. Орудийный и ружейный огонь разгорелся со всех сторон. Легкая кавалерия, приданная этим двум дивизиям, находилась на правом и левом флангах. Дивизия кавалерийского резерва генерала Дюга и дивизия Серюрье переправились через реку тотчас же, как только первая линия удалилась на 100 туазов от берега, и образовали вторую линию. После нескольких часов боя и ряда пехотных и кавалерийских атак противник, будучи отражен в атаках на Градиска и Кодроипо и видя себя обойденным, вследствие удачной атаки дивизии генерала Дюга, начал отступать, оставив своему победителю восемь орудий и пленных.

При первых пушечных выстрелах Массена переправился через реку в Сан-Даниеле. Он здесь почти не встретил сопротивления, овладел Озоппо — этим ключом понтеббского шоссе, который противником как следует не охранялся, и венецианской Киузой. Ущелья Понтебба оказа-

лись, таким образом, в его власти. Остатки дивизии Очкая он отбросил на Тарвис.

IV

Эрцгерцог, не будучи больше в состоянии отступать через Каринтию, так как Массена занял Понтебба, решил выйти на этот путь через Удине, Чивидале, Капоретто, Киузу австрийскую и Тарвис. Он направил туда три дивизии и обоз под начальством генерала Баялича, а с остальной армией двинулся через Пальманову и Градиску для обороны р. Изонцо и прикрытия Карниоля. Но Массена находился только в двух переходах от Тарвиса; Баялич же, следуя по указанной дороге, был от него в шести, следовательно этот маневр ставил армию в тяжелое положение, и эрцгерцог это чувствовал. Он лично поспешил в Клагенфурт, чтобы стать во главе находившейся там гренадерской дивизии, и занял позицию впереди Тарвиса с целью остановить Массена. Этот генерал задержался на два дня, но, получив приказание двинуться во что бы то ни стало на Тарвис, он поспешно направился туда. Там перед ним очутился эрцгерцог с остатками дивизии Очкая и прибывшей с Рейна прекрасной гренадерской дивизией. Бой был упорный. С той и другой сторон чувствовалось понимание важности победы, потому что, если бы Массена овладел тарвисским проходом, три австрийские дивизии, двигавшиеся по долине Изонцо, были бы потеряны. Эрцгерцог не щадил себя и много раз чуть не был захвачен французскими стрелками. Генерал Брюн, впоследствии маршал Франции, командовавший бригадой в дивизии Массена, вел себя здесь с величайшей доблестью. Австрийцы были разбиты. Они бросили в бой все до последнего батальона, но им не удалось отступить в порядке, и остатки их бежали к Виллаху, сборному пункту за Дравой. Массена, владея Тарвисом, расположился там фронтом в сторону Виллаха и австрийской Киузы, откуда должны были выйти три дивизии, отступавшие по этой дороге с тальяментского поля сражения.

V

На следующий день после сражения на Тальяменто главная квартира эрцгерцога вступила в Пальманову, крепость, принадлежащую венецианцам. Здесь были расположены австрийские склады. Рассчитав, что ему пришлось бы оставить 5 000—6 000 человек для охраны крепости вследствие того, что ее крепостная артиллерия еще не прибыла, он ее эвакуировал. Французы поставили здесь гарнизон и обеспечили его от атаки. Дивизия Бернадота появилась перед Градиской для переправы через Изонцо. Она нашла город запертым, была встречена пушечными выстрелами и попыталась вступить в переговоры с комендантом, но он отказался. Тогда главнокомандующий двинулся с Серюрье на левый берег Изонцо по мальфальконской дороге. Для сооружения моста приш-

лось бы потерять драгоценное время. Полковник Адреосси, начальник монтонных парков, первым бросился в Изонцо, чтобы измерить его глубину. Колонны последовали его примеру, солдаты переправлялись по пояс в воде под ружейным огнем двух кроатских батальонов, обращенных потом в бегство. После переправы дивизия Серюрье двинулась к Градиске, куда прибыла 19 марта, в 5 часов вечера.

Во время этого перехода на правом берегу велась оживленная ружейная перестрелка: там дрался Бернадот. Этот генерал имел неосторожность двинуться открыто на штурм крепости, был оттеснен и потерял 400—500 человек. Эта чрезмерная храбрость оправдывалась желанием самбро-маасских войск показать себя и, благородно соревнуясь, прибыть к Градиске прежде старых итальянских частей. Когда комендант Градиски увидел на высотах Серюрье, то капитулировал с 3 000 человек, двумя знаменами и 20 полевыми орудиями.

Главная квартира направилась через два дня в Гёрц. Дивизия Бернадота двинулась на Лайбах. Генерал Дюга с 1 000 коней завладел Триестом. Серюрье из Гёрца двинулся вверх по Изонцо через Капоретто и австрийскую Киузу, чтобы поддержать генерала Гиё и перехватить в Тарвисе каринтийское шоссе.

Генерал Гиё с поля Тальяментского сражения направился на Удине и Чивидале и захватил в Капоретто изонское шоссе. Все эти дни у него происходили схватки с арьергардом Баялича, который потерял много убитыми, взятыми в плен, обоз и орудия. Это заставило Баялича ускорить марш. С прибытием в Киуза-ди-Плетц австрийцы считали себя спасенными. Они не знали, что Массена занял Тарвис уже два дня назад. Массена атаковал их с фронта, Гиё — с тыла. Позиция на Киузе, хотя и сильная, не смогла устоять перед 4-й линейной полубригадой, прозванной *Неустрашимой*. Эта полубригада вскарабкалась на гору, господствующую над левым флангом, и, таким образом, Баяличу после того, как этот важный пункт оказался обойденным, не оставалось иного выхода, как сложить оружие. Обозы, пушки, парки, знамена — все было захвачено. Однако пленных было взято только 5 000 человек, потому что бóльшая часть была перебита, ранена или пленена в различных боях после Тальяменто, а другие, уроженцы Карниолы и Кроатии, видя, что все потеряно, в больших количествах разбрелись группами по ущельям, рассчитывая пробраться поодиночке в свои селения. Захвачено было 32 орудия, 400 артиллерийских и обозных повозок, четыре генерала и много интендантских служащих.

VI

Главная квартира последовательно направилась в Капоретто, в Тарвис, в Виллах, в Клагенфурт. Армия переправилась через Драву по Виллахскому мосту, который неприятель не смог сжечь из-за недостатка времени. Теперь, находясь в долине Дравы, перевалив через Карнийские и

Юлийские Альпы, армия вступила в Германию. Язык, нравы, климат, почва, культура — все было совершенно иное, чем в Италии. Армия выражала свое удовлетворение гостеприимством и добродушием крестьян. Изобилие овощей, громадное количество повозок и лошадей очень ей пригодились. В Италии она находила только телеги, запряженные волами, езда на которых, медленная и неудобная, плохо гармонировала с живостью французов. Армия заняла цитадели в Гёрце, в Триесте и в Лайбахе. Две австрийские дивизии — Кайма и Меркандина, прибывшие с Рейна, стояли, заняв оборонительные позиции у Клагенфурта. Первая из них потеряла 400 — 500 человек и была отброшена.

Клагенфурт имел бастионную крепостную ограду, заброшенную уже ряд столетий. Инженерные офицеры напустили в рвы воду, вновь соорудили брустверы и снесли дома, построенные на валах. В Клагенфурте были устроены госпитали и склады. Этот опорный пункт у выходов из гор был признан очень важным.

Во всех провинциях было опубликовано следующее воззвание по-французски, по-немецки и по-итальянски:

«Жители Каринтии, Карниолы и Истрии, французская армия идет к вам не для завоевания и не для внесения каких-либо перемен в вашу религию, в ваши нравы и обычаи; она — друг всех наций, а в особенности храбрых германцев. Жители Каринтии, я знаю, вы, так же как и мы, ненавидите англичан, которые одни только и извлекали вместе с вашим правительством, ими подкупленным, выгоды от ведущейся войны. Если мы с вами воюем вот уже шесть лет, это делается вопреки желанию и храбрых венгерцев, и просвещенных граждан Вены, и славных жителей Каринтии, Карниолы и Истрии. Будем друзьями, вопреки Англии и министрам Венского двора. Французская республика получила права победителя; пусть исчезнут они перед безмолвным договором, связывающим нас взаимно! Вы обяжетесь не вмешиваться в войну с нами. Вы поможете удовлетворить нужды моей армии. Со своей стороны, я обеспечу вашу собственность; я не наложу на вас никакой контрибуции. Не достаточно ли ужасна война сама по себе? Не слишком ли вы уже перестрадали, вы, невинные жертвы чужих вожделений? Все налоги, какие вы обычно платили императору, послужат для возмещения расходов, неизбежных при движении армии, и для уплаты за все, что вы мне доставите».

Это воззвание произвело хорошее впечатление. Его придерживались обе стороны. Никакой чрезвычайной контрибуции не было наложено, и жители не давали никакого повода к жалобам. В четырех провинциях были организованы четыре правительства; в их состав вошли наиболее богатые собственники. В Триесте были конфискованы английские товары. В императорских складах рудников Идрии было обнаружено на несколько миллионов ртути.

VII

В течение десяти дней с начала открытия кампании на берегах Пиаве и Тальяменто и во Фриуле войска обеих армий в Тироле оставались в бездействии. Генерал Керпен, командовавший австрийским корпусом, ожидал каждую минуту прибытия двух дивизий с Рейна. Генерал Жубер не получал еще никакого приказания о наступлении; в инструкциях ему предписывалось только сдерживать противника и оберегать свою лависскую позицию. Но тотчас же после Тальяментского сражения и изгнания всей австрийской армии из Италии, а также после овладения Массена каринтийским шоссе, вызвавшего Наполеона на решение продвинуться по этому шоссе со всей армией, он отправил генералу Жуберу приказание разбить противника, которого он превосходил силами, подняться вверх по берегам Адидже, отбросить генерала Керпена за Бреннер и двинуться вправо через Пустерталь, следуя по шоссе, идущему вдоль Дравы, для присоединения к армии в Шпитале, на каринтийском шоссе. Жуберу предписывалось оставить одну бригаду для обороны Авичио с приказанием, если река будет форсирована, отойти на Монте-Бальдо, там ожидать приказаний от генерала Кильмэна, командующего войсками в Италии, и иметь связь с генералом Балланом в Вероне. С прибытием победившей французской армии на Земмеринг все, что могло произойти на Нижнем Адидже, становилось второстепенным.

20 марта, тотчас же по получении приказа, Жубер перешел в наступление. Главная квартира была тогда в Гёрце, на Изонцо. Генерал Керпен стоял с главными силами в Чембра позади Авичио, прикрывая Сан-Микеле, через который сообщался с генералом Лаудоном, занимавшим правый берег Адидже. Дивизия Жубера переправилась через Авичио в Сегонцано, а в то же время дивизии Дельмаса и Бараге-д'Илье перешли его по мосту в самом Лависе и направились по шоссе правого берега на Сан-Микеле. Всем французским силам предоставлялась возможность принять участие в бою против генерала Керпена, тогда как корпус Лаудона, отделенный Адидже, оставался пассивным. Таким образом, исход боя не вызывал сомнений. Генерал Керпен, отброшенный со всех позиций, потерял половину своих людей, знамена, пушки, оставив 3 000 пленных и 2 000 убитых. Это Сан-Микельское сражение открыло путь в Тироль.

В то время как Бараге-д'Илье и Дельмас входили в Сан-Микеле и захватили там мост, Жубер двигался прямо на Неймаркт через горы. Он овладел им после легкого боя, переправился по мосту, разгромил и рассеял войска Лаудона, который стал на позицию между Неймарктом и Трамином. Вечером 22 марта Жубер возвратился в Неймаркт с пушками, знаменами и 2 500 пленными.

В это время авангард вошел в Боцен, богатый торговый город, где захватил все склады противника. Первая австрийская дивизия с Рейна, под командованием генерала Спорна, прибыла в Клаузен. Генерал Кер-

пен собрал позади этой дивизии остатки своих войск и, соблазненный позицией, показавшейся ему неприступной, решил ждать своего победителя. 24 марта генерал Жубер двинулся туда с большей частью своего корпуса. Атака была очень энергична, препятствия местности показались сначала непреодолимыми, но отважные французские стрелки, столь же ловкие, как и сами тирольцы, взобрались на горы, примыкавшие к правому флангу противника, и, действуя оттуда, принудили его к отступлению.

Генерал Керпен, не надеясь больше на присоединение второй дивизии, которую он ожидал с Рейна, отступил на Миттенвальд, оставив, таким образом, в распоряжении Жубера пустертальское шоссе. Но Жубер рассудил, что ему опасно начинать свое движение вправо, дефилируя так близко мимо лагеря противника. Он его атаковал 28 марта. Кавалерийская атака генерала Дюма способствовала успеху этого боя. Генерал Керпен, разбитый в третий раз, эвакуировал Штерцинген и отступил на Бреннер. Тревога распространилась до Инсбрука. Не сомневались больше, что намерением генерала Жубера было двинуться туда, чтобы установить связь с рейнской армией. Такой план привел бы к катастрофе, потому что рейнская армия все еще стояла на квартирах в Эльзасе... Но не было больше никаких препятствий к тому, чтобы Жубер, согласно своим инструкциям, направился через Пустерталь на соединение с главными силами армии на каринтийском шоссе. 2 апреля он начал свое наступление, распорядился занять Бруннекен и Тоблах, и когда явилась уверенность, что никто не может помешать его выходу в долину и движению на Каринтию, он вывел все свои посты из Тироля. 4 апреля он решился окончательно на это движение. Им была оставлена колонна в 1 200 человек под командованием генерала Сервье с приказанием снова занять позиции по р. Авичио для прикрытия Италии. К армии генерал Жубер присоединился с 12 000 человек; он был обременен 7 000 пленных, которые им были захвачены в этих боях.

Таким образом, в 17—20 дней армия эрцгерцога была разбита в двух больших сражениях и нескольких боях, отброшена за Бреннер, Юлийские Альпы и Изонцо; были захвачены Триест и Фиуме — единственные морские порты монархии. Провинции Гёрц, Истрия, Карниоль, Каринтия подчинились французам. 20 000 пленных, 20 знамен, 50 полевых орудий, взятые на поле сражения, явились трофеями, свидетельствующими о превосходстве французского солдата. Из шести дивизий, которых ждал эрцгерцог с Рейна, две были уже израсходованы. Французская главная квартира стояла в Германии, самое большее в 60 лье от Вены. Все заставляло думать, что в течение мая победоносные французские армии овладеют этой столицей, потому что на Рейне у Австрии в начале марта оставалось только 80 000 человек, а во французских армиях — самбро-маасской и рейнской — насчитывалось свыше 130 000 человек.

ГЛАВА XIV
ЛЁОБЕН

I. Императорский двор покидает Вену.— II. Предложение об открытии переговоров о мире.—III. Бой у Неймаркта (1 апреля 1797 г.).— IV. Бой у Унцмаркта.—V. Юденбургское перемирие.—VI. Соединение тирольских, карниольских и каринтийских дивизий. Лёобенские предварительные условия мира (18 апреля).—VII. Побуждения, руководившие Наполеоном.—VIII. Армии рейнская и самбро-маасская; 18 апреля, в самый день подписания мира, они начинают военные действия.

I

Известия о Тальяментском и Тарвисском сражениях, бое у Гёрца и о вступлении французов в Клагенфурт и Лайбах взволновали Вену. Столица оказалась под угрозой и была лишена всяких средств обороны. Стали упаковывать ценную утварь и наиболее важные документы. Дунай был покрыт судами, перевозившими все ценности в Венгрию, куда были отосланы все малолетние эрцгерцоги и эрцгерцогини; между ними находилась и эрцгерцогиня Мария-Луиза, тогда в возрасте пяти с половиной лет, впоследствии императрица французов. Недовольство было всеобщее. «Меньше чем через пятнадцать дней, — говорили венцы, — французы могут прибыть под наши стены. Правительство совсем не думает о заключении мира, и у нас нет никаких средств сопротивляться этой грозной итальянской армии».

Рейнско-мозельская и самбро-маасская армии должны были начать кампанию и переправиться через Рейн в тот же самый день, когда итальянская армия переправится через Пиаве. Они должны были быстро продвигаться вперед по Германии. Наполеон, донося о Тальяментском сражении, заявил, что он через несколько дней перейдет через Юлийские Альпы и окажется в сердце Германии, что между 1 и 10 апреля он будет в Клагенфурте, главном городе Каринтии, т. е. в 60 лье от Вены, и до 20 апреля выйдет на вершину Земмеринга, в 25 лье от Вены. Поэтому было очень важно двинуть рейнские армии и известить его об их выступлении. Правительство ответило ему 23 марта, поблагодарило за Тальяментскую победу, извинилось за то, что рейнские армии еще не выступили, и заверяло, что они скоро будут готовы к выступлению. Но три дня спустя, 26 марта, оно ему написало, что армия Моро не может выступить, так как у нее нехватает судов для переправы через Рейн, и что итальянская армия должна рассчитывать только на себя.

Эта депеша, прибывшая в Клагенфурт 31 марта, вызвала много предположений. Не опасалась ли Директория, что эти три армии, представлявшие всю вооруженную силу республики, объединившись под начальством одного главнокомандующего, сделают его слишком могущественным? Не была ли эта депеша отражением неудач, испытанных

в предшествовавшем году рейнской и самбро-маасской армиями? Не следует ли такое странное малодушие приписать недостатку бодрости и решимости у генералов? Не хотят ли обречь на жертву итальянскую армию, как уже намеревались ее погубить в июне 1796 г., предписывая отослать половину в Неаполь?

Не рассчитывая на помощь этих армий, Наполеон бросил надежду на вступление в Вену. У него не было достаточно кавалерии на то, чтобы спуститься в равнину Дуная, но он без затруднения мог дойти до вершины Земмеринга. У него родилась мысль, что самым выгодным решением, какое можно предпринять в его положении, будет заключение мира — заветная мечта всей Франции.

II

31 марта, через 12 часов после получения депеши от Директории, он отправил эрцгерцогу Карлу письмо, составленное в следующих выражениях:

«Господин главнокомандующий, храбрые солдаты ведут войну, но желают мира. Не шесть ли лет уже тянется эта война? Разве недостаточно перебито людей и разве недостаточно причинено зла опечаленному человечеству? Оно заявляет протесты со всех сторон. Европа, поднявшая оружие против Французской республики, сложила его. Осталась одна ваша нация, а между тем кровь проливается больше, чем когда-либо. Предстоящей новой кампании предшествуют зловещие предзнаменования. Каков бы ни был ее исход, мы перебьем тысячи людей с той и другой сторон, и следовало бы сговориться, нельзя ли ее окончить, потому что все имеет предел, даже ненависть.

Исполнительная Директория Французской республики дала знать императору о своем желании положить конец войне, разоряющей оба народа. Вмешательство Лондонского двора явилось этому помехой. Неужели нет никакой надежды, что нас выслушают, и неужели нам с вами придется из-за выгод и пристрастий нации, чуждой бедствиям войны, продолжать бойню и держать друг друга за горло?

Вы, господин главнокомандующий, близкий по своему рождению к трону и стоящий выше всех мелких страстей, часто владеющих министрами и правительствами, вы можете заслужить титул благодетеля всего человечества и спасителя Германии. Не думайте, господин главнокомандующий, что при этом я имею в виду невозможность спасти ее силой оружия. Но и при предположении, что шансы войны сделаются для вас благоприятными, Германия подвергнется от этого не меньшему разорению. Что касается меня, господин главнокомандующий, то если предложение, которое я имею честь вам сделать, может спасти жизнь только одного человека, я буду больше гордиться этим, чем печальной славой от военных успехов».

2 апреля эрцгерцог Карл ответил:

«Конечно, господин главнокомандующий, я желаю, так же как и вы, мира для счастья народов и человечества. Тем не менее, находясь на посту, который мне вверен, я не считаю себя вправе ни входить в рассмотрение, ни приостанавливать военные действия между воюющими сторонами. Я не получал от императора никаких полномочий для ведения переговоров, и вы найдете естественным, что я этим письмом не вступаю с вами ни в какие переговоры, ожидая распоряжений свыше относительно такого важного вопроса, не входящего, по существу, в мою компетенцию. Каковы бы ни были, впрочем, будущие шансы войны или мира, прошу вас быть уверенным, господин генерал, в моем глубоком уважении и почтении».

Для поддержки этого предложения было важно наступать и приблизиться к Вене.

III

Авангард был в Сан-Фейте, главная квартира — в Клагенфурте. 1 апреля на рассвете Массена направился на Фризах. Перед замком он застал арьергард противника, прикрывавший большие запасы, собранные там эрцгерцогом. Массена его энергично отбросил, вошел на его плечах во Фризах, овладел всеми запасами и продолжал преследование до Неймаркта, где встретил эрцгерцога с четырьмя дивизиями, прибывшими с Рейна, и с дивизиями принца Оранского, генералов Кайма и Меркандина, с резервом гренадер и с остатками прежней армии, расположенными на позиции для обороны неймарктских ущелий.

Главнокомандующий приказал Массена сосредоточить всю свою дивизию левее шоссе. Дивизия Гиё расположилась на высотах справа, и дивизия Серюрье была оставлена в резерве.

В 3 часа пополудни 2-я полубригада легкой пехоты из дивизии Массена с ружьями наперевес бросилась на штурм первой неприятельской линии и покрыла себя славой. Она только что пришла с Рейна, солдаты прозвали ее *контингент,* намекая этим на войска немецких князей, слывшие далеко не отличными. Солдаты 2-й легкой, задетые этим, сделали вызов старым солдатам итальянской армии, чтобы и те шли так же быстро и проходили такое же расстояние, как они. Они творили чудеса. Эрцгерцог Карл, не жалея себя, подавал личный пример храбрости, но бесполезно: его войска были отовсюду отброшены и потеряли 3 000 человек. Французские войска вошли ночью в Неймаркт и захватили 1 200 пленных, шесть пушек и пять знамен.

Оставалось еще 4 лье до Шейфлинга, куда выходила третья поперечная дорога. Австрийский главнокомандующий, не имея возможности замедлить марш победителя, прибег к хитрости, чтобы выиграть 24 часа и дать время генералу Керпену пройти в Шейфлинг. Он предложил перемирие, чтобы была возможность, — говорил он, — принять во внимание

письмо, присланное ему 31 марта. Бертье ответил ему, что можно одновременно вести переговоры и драться, но что до Вены не может быть и речи о перемирии, кроме как для переговоров об окончательном мире.

На рассвете французский авангард выступил в направлении на Мур. Сильные разведывательные партии были высланы до Мура навстречу корпусу Керпена.

Наполеон направился туда. Этот корпус отступил. Лишь генерал Спорк, составлявший его арьергард, был слегка помят. Французская главная квартира пробыла 4 и 5 апреля в Шейфлинге, в замке, лежащем на берегах р. Мур.

IV

От Шейфлинга до Книттенфельда дорога пролегает вдоль Мура по ужасным ущельям. На каждом шагу имелись позиции, способные остановить французскую армию. Для эрцгерцога было в высшей степени важно выиграть несколько дней, чтобы дать Вене время притти в себя и чтобы войска, спешно двигавшиеся с Рейна, смогли прибыть и прикрыть эту столицу. Те же самые причины предписывали французской армии не щадить ничего, чтобы ускорить свой марш. 3 апреля авангард завязал горячий бой в ущельях Унцмаркта; он опрокинул противника, несмотря на его численное превосходство, сбросил его штыковым ударом со всех позиций и вошел в Книттенфельд. Потери австрийцев были значительны: 1 500 пленных, четыре орудия. Полковник Каррер, отличный офицер, командовавший артиллерией авангарда, был убит; его очень жалели, как хорошего боевого офицера. Один из фрегатов, полученных от Венеции, был назван его именем; этот фрегат — один из тех, с которыми Наполеон вернулся из Египта и высадился во Фрежюсе. 6 апреля главная квартира прибыла в Юденбург, главный город одного из округов Каринтии.

V

После Унцмарктского боя армия не встречала больше сопротивления. 7-го ее авангард прибыл в Лёобен. Генерал-лейтенант Бельгард, начальник штаба эрцгерцога Карла, и генерал-майор Мервельдт представились там как парламентеры. После совещания с главнокомандующим они передали ему следующую ноту: «Господин генерал, император желает содействовать успокоению Европы и окончанию войны, разоряющей обе нации. Вследствие предложения об открытии переговоров, которое вами сделано его высочеству в письме из Клагенфурта, император прислал нас к вам, чтобы сговориться об этом столь важном предмете. После разговора, который мы только что имели с вами, император, убежденный как в доброй воле, так и в намерении обоих государств окончить возможно быстрей эту бедственную войну, желает заключить перемирие на десять дней, дабы было возможно с большей скоростью достичь желан-

ной цели и устранить все замедления и препятствия в переговорах, связанные с продолжением военных действий, и дабы все способствовало восстановлению мира между обеими нациями».

Французский главнокомандующий ответил им в тот же день: «В данном военном положении обеих армий перемирие совершенно неблагоприятно для французской армии. Но, если оно должно стать путем к миру, так желательному и так полезному для народа, я охотно согласаюсь с вашими желаниями. Французская республика часто заявляла о своем желании положить конец этой жестокой борьбе. Она продолжает поддерживать эти чувства, и я не сомневаюсь — после нашей беседы с вами, — что через несколько дней мир будет, наконец, восстановлен между республикой и императором».

Перемирие было подписано 7 апреля вечером; оно должно было продолжаться пять дней. Всю местность до Земмеринга занимала французская армия. Грац, один из самых больших городов австрийской монархии, был сдан вместе со своей цитаделью армии.

За обедом генерал Бертье спросил австрийских генералов, где, по их мнению, была дивизия Бернадота. «У Лайбаха», ответили они. «А дивизия Жубера?» — «Между Бриксеном и Мюльбахом». — «Нет, — возразил он, — они все эшелонированы позади нас, самая дальняя дивизия в одном переходе отсюда». Это их сильно удивило. 9-го главная квартира прибыла в Лёобен; авангард направился в Брук, продвинув передовые патрули до Земмеринга.

Полковник штаба Леклерк был послан в Париж для извещения правительства о подписании перемирия. Это был выдающийся офицер, отважный на поле сражения и способный к штабной канцелярской работе.

VI

Из Клагенфурта главнокомандующий 30 марта выслал навстречу генералу Жуберу адъютанта Ла-Валетта с кавалерийским разъездом. Ла-Валетт доехал до Линца, но к тому времени генерал Жубер не выходил еще из Тироля. Горожане Линца, заметив, что французов только 60 человек, восстали, и этот отряд обязан был своим спасением только хладнокровию и неустрашимости командовавшего им адъютанта. Был убит только один драгун. Несколько дней спустя генерал Зайончек с несколькими драгунскими эскадронами занял Линц и связался с тирольским корпусом. Этот город был разоружен, а жители наказаны. 8 апреля Жубер прибыл в Шпиталь, около Виллаха, и образовал левый фланг армии. Он тогда же эвакуировал пленных в тыл.

Генерал Бернадот, организовав управление Карниоля, получил приказание переправиться через Саву, Мур и сосредоточиться к Лёобену. Он оставил генерала Фриана с колонной в 1 500 человек для обеспечения эвакуации Фиуме и для удержания Карниоля. Можно было предвидеть,

что с такими незначительными силами Фриана могут оттеснить. Ему пришлось бы в этом случае обороняться на Изонцо и наконец укрыться в Пальманова, пополнив собой ее гарнизон. Так и произошло: 15 апреля он был атакован 6 000 кроатов. Сражаясь один против четверых, войска Фриана отразили противника и причинили ему значительные потери; но этот генерал понимал, что необходимо эвакуировать Фиуме, и Юденбургское перемирие застало его 19 апреля в Материа прикрывающим Триест. Эти события, так же преувеличенные, как и события в Тироле, получили огласку в Венеции и были главной причиной применения там оружия и выступлений, повлекших за собой гибель этого государства.

В течение пяти дней перемирия, с 7 по 12 апреля, дивизия Массена расположилась в Бруке, у подножья Земмеринга, имея аванпосты на предгорье. Главная квартира отправилась в Лёобен, в епископский дворец. Дивизия Серюрье заняла город Грац и организовала работы по исправлению замка. Эти пять дней были необходимы для отдыха и оказались очень полезны. Перемирие окончилось 13-го; но в 9 часов утра прибыл граф Мервельдт, снабженный полномочиями для переговоров о предварительных условиях мира и их подписания, совместно с маркизом Галло, неаполитанским послом в Вене, пользовавшимся милостью императрицы, которая имела заметное влияние на дела. Перемирие было продолжено до 20 апреля, и начались заседания для обсуждения предварительных условий. 16 апреля после долгих дебатов составили три проекта, которые, с согласия французского уполномоченного, были препровождены в Вену. 17-го, после того как ответ венского кабинета был привезен бароном Винцентом, адъютантом императора, статьи прелиминарных условий, главные и секретные, были окончательно проредактированы. Секретари уполномоченных объявили нейтральным небольшое селение в одном лье от Лёобена, где 18-го утром и были подписаны предварительные условия мира. Полномочия на переговоры были у генерала Кларка, но он находился в Турине. Требовалось время на его прибытие в главную квартиру, и так как 18-го он еще не успел приехать, то Наполеон в данном случае, как и во многих других, не посчитался с этим и подписался сам. Генерал Кларк присоединился к главной квартире лишь несколько дней спустя.

Австрийские уполномоченные хотели доставить нам удовольствие, поместив в первой статье, что император признает Французскую республику. «Вычеркнем это, — сказал Наполеон, — республика сияет сама, как солнце. Только слепцы не замечают этого». В самом деле, такое признание было вредно потому, что если бы когда-нибудь французский народ захотел восстановить монархию, император мог бы сказать, что признал республику.

В предварительных условиях было предусмотрено, что окончательный мир будет обсуждаться на конгрессе, который соберется в Берне,

а мир по всей Германской империи послужит предметом рассмотрения другого конгресса, в одном из германских городов.

Франции была гарантирована граница по Рейну. Река Олио становилась границей владений австрийского дома в Италии и Цизальпинской республики, которая образовалась из Ломбардии, Модены, Бергамо и Кремоны. Город Венеция должен был получить легатства Феррарское и Болонское и Романью в возмещение потери им своих владений на материке. По этому договору за императором оставалась Мантуя, но Цизальпинская республика приобретала венецианские земли. Французские войска могли, продвигаясь от Милана к Венеции по дорогам правого берега По, выйти на Пиаве и лишить всякого значения линии Минчио, Адидже и Мантую. Ничто не мешало, впрочем, тому, чтобы обе республики слились в одну, если они на это согласятся. Венеция просуществовала девять веков, не имея никакой земли на полуострове Италии, исключительно как морское государство, и это было время ее наибольшего могущества.

В это время как раз прибыли депеши от Кильмэна. Армия негодовала, услыхав об убийствах, произведенных у нее в тылу. Знамя восстания было поднято в Венеции, и английский посланник торжествовал. Флаг Льва св. Марка развевался на его гондоле. Этот посланник пользовался большим влиянием.

27 апреля маркиз Галло представил главнокомандующему в Граце предварительные условия, ратифицированные императором. Если обмен не был произведен немедленно, то лишь вследствие ожидания ратификаций от Исполнительной Директории, но так как теперь не могло быть никакого сомнения в этой ратификации, то армия эвакуировала Штирию, часть Карниола и Каринтии. Уполномоченными императора было сделано несколько новых предложений. Ответ на них был послан в Вену с адъютантом Лемаруа. Он был принят там с почетом. В первый раз за время революции увидели трехцветную кокарду в этой столице.

На одном из совещаний в Граце один из уполномоченных, во исполнение собственноручного письма императора, предложил Наполеону, с целью склонить его к миру, владетельное княжество в Германии с 250 000 жителей в потомственное владение как обеспечение от республиканской неблагодарности. Главнокомандующий усмехнулся и поручил уполномоченному поблагодарить императора за это доказательство внимания, которое он ему оказывает, но заявил, что он не хочет никакого возвеличивания, никакого богатства, если они даются не французским народом.

Полковнику штаба Дессолю было поручено отправиться в Париж с известием об открытии переговоров. Генерал Массена вручил Директории договор с предварительными мирными условиями. Массена был принят 9 мая на торжественной аудиенции. Все отличившиеся генералы итальянской армии последовательно посылались в Париж для отвоза

трофеев. Только Массена, стоящий в первом ряду по участию, какое он принимал во всех победах, не был еще послан ни разу. Справедливость требовала, чтобы и его имя было приобщено к этому великому национальному празднику, который был результатом отваги и доблести французских армий.

VII

Положение итальянской армии было прекрасное. По перекличкам от 19 апреля налицо оказалось 38 500 человек пехоты, 4 500 кавалерии, 120 орудий — всего 43 000 человек, сосредоточенных на едином поле сражения и способных в один переход занять позиции на Земмеринге. За все время кампании армия понесла лишь легкие потери. Крепости Пальманова, Клагенфурт, Грац были снабжены продовольствием и вооружены. В них были созданы многочисленные склады запасов всякого рода. Моральное состояние французского солдата было чрезвычайно высоким. В Неймарктском бою принимала участие только третья часть дивизии Массена, и ее одной оказалось достаточным, чтобы опрокинуть лучшие австрийские войска на безукоризненных позициях. Армия эрцгерцога, наоборот, была деморализована: из прежней итальянской армии у него не оставалось почти ничего; шесть дивизий, пришедших с Рейна, были сильно потрепаны по частям и значительно уменьшились численно.

Наполеон мог бы теперь войти в Вену, но это не принесло бы никаких результатов. Удержаться в ней было бы трудно, потому что рейнские армии не только еще не приступили к кампании, но заявили, что не могут ее начать. Советы и Директория разошлись во мнениях. Раскол был даже среди самих членов Директории. Правительство было бессильным. Общественное мнение во Франции утратило свое значение. Финансы находились в плачевном состоянии. Рейнские армии оставались без жалованья и испытывали величайшую нужду. Одним из самых значительных препятствий, мешавшим переправе через Рейн, была невозможность выдать из казны 30 000—40 000 экю Моро, необходимых ему для изготовления понтонного парка. Полки, сформированные в Вандее для итальянской армии, благодаря включению в них многих других команд доведенные до численного состава в 4 000 человек в каждом, прибывали в Милан в составе лишь 900—1 000 человек. Три четверти дезертировали по дороге. Правительство ничего не предпринимало, чтобы собрать дезертиров и набирать армии.

С первых же слов австрийские уполномоченные согласились на уступку Бельгии и линии Рейна, но требовали возмещений. Когда же им было предложено получить их в Германии, например в Баварии, они тотчас же возразили, что следовало бы в этом случае гарантировать Венецианской республике ее конституцию, укрепить аристократию Золотой книги и ни под каким предлогом не допускать, чтобы Итальянская республика распространялась от Альп и Апеннин до Изонцо и Юлийских

Альп. Это означало бы помочь самому активному и самому настойчивому врагу Французской республики, врагу, который, узнав об угрожавших ему опасностях, не будет отныне признавать никакой другой политики, кроме как сближение с Австрией; это сближение выразилось бы в наступательной и оборонительной политике Австрии и венецианской олигархии против демократической Итальянской республики. Это повело бы к увеличению могущества Австрии, Баварии и Венеции. В инструкциях, данных Директорией генералу Кларку, Директория уполномочивала его на подписание условий, значительно менее выгодных.

Народ, правительство, Законодательный корпус хотели мира, и Наполеон подписал его предварительные условия.

VIII

Гоша только что призвали к командованию самбро-маасской армией. Это был молодой человек, полный таланта, отваги и честолюбия. У него под командованием была превосходная армия, насчитывавшая 80 000 человек. Он считал себя в силах ею руководить и горел нетерпением. Он с каждым курьером просил Директорию позволить ему вступить в Германию.

Войска разделяли его пыл. Даже само население Франции, узнавшее о быстром марше Наполеона на Вену и об отступлении австрийских армий с Рейна, запрашивало, почему французы самбро-маасской и рейнской армий остаются праздными и теряют дорогое время.

18 апреля Гош перешел через Рейн по нейвидскому мосту, в то время как Шампионэ, выступивший из Дюссельдорфа, подходил к Укерату и Альтенкирхену. Австрийской армией командовал Край. Гош атаковал Края в Геддесдорфе, захватил много тысяч пленных, пушки и знамена и отбросил его на Майн. 22 апреля он подходил к Франкфурту, когда штаб генерала Края переслал ему депешу генерала Бертье, извещавшую его о подписании Лёобенского договора. Он тотчас же заключил перемирие и перенес свою главную квартиру во Фридберг, заняв Нидду и Вецлар.

Моро находился в Париже. Он требовал понтонного парка для переправы через Рейн, в Страсбурге. Но как только Дезе, командовавший временно рейнской армией, узнал, что Гош дерется с противником, он перебросил мост 20 апреля, в 6 часов утра, в деревне Кильштедт, в нескольких лье ниже Страсбурга. Моро, быстро прибывший из Парижа, оказался во главе армии в ту минуту, когда его атаковал Старай, сосредоточивший 20 000 человек и 27 пушек. Бой был жаркий. Австрийцы были совершенно разбиты; они оставили во власти победителя 20 пушек и пленных.

Были захвачены все повозки канцелярии австрийской главной квартиры. Среди них находился фургон Клинглина, содержавший переписку

Пишегрю с принцем Конде, которую Моро сохранял в секрете в течение четырех месяцев, не донося о ней правительству.

После этой победы армия поднялась вверх по Рейну и овладела Келем. Ее авангард прошел уже за Оффенбург в долину Кинцига; туда 22-го курьер итальянской армии привез известие о подписании лёобенских предварительных условий мира. Моро прекратил военные действия и заключил перемирие со Стараем.

Военные действия на Рейне начались только через 8 часов после подписания Лёобенского договора, и Наполеон получил о них известие через семь дней после подписания этого договора. Почему их не начали пятью днями раньше и, по крайней мере, почему Директория не написала, что не следует рассчитывать на совместные действия с рейнскими армиями? Оттого, что войной руководили вяло, бездарно. Руководство республикой было в корень развращено и не достигало никаких удовлетворительных результатов. По одному из постановлений конституции III года казначейство было независимо от правительства. Мысль ошибочная, пагубная и самая нелепая из всех, какие только могут притти в голову нашим далеким от жизни законодателям. Этого одного было достаточно, чтобы подорвать существование республики.

ГЛАВА XV

ВЕНЕЦИЯ

Схема 11

I. Описание Венеции.—II. Сенат.—III. Поведение проведиторов Мочениго и Фоскарини. — IV. Партии; Брешиа; Бергамо. — V. Трудности, связанные с вопросом о Венеции. — VI. Совещание в Гёрце (20 марта 1797 г.). — VII. Верона. — VIII. Миссия адъютанта Жюно к сенату; объявление войны. — IX. Вступление французов в Венецию; революция в этом городе. — X. Революция в материковых областях. Отправление в Париж знамен, взятых у венецианцев и в последние дни кампании.

I

Венеция, основанная в V в. обитателями Фриула и Падуи, бежавшими в лагуны, чтобы оградить себя от нашествия варваров, занимала сначала местоположение Гераклеи и Киоджии; затем во времена Ария патриарх Аквилей переселился со своим причтом в Градо. Градо сделался столицей. В первые времена венеты подчинялись законам и консулам, назначаемым Падуей. В 697 г. венеты в первый раз выбрали собственного дожа. Французский король Пипин построил в Равенне флотилию и принудил венетов удалиться на Риальто и шестьдесят окружающих его островов, под защиту лагун от враждебных покушений этого короля.

Это и есть место, где расположена современная Венеция. С 960 г. венецианцы завладели Истрией и Адриатикой. Короли Венгрии боролись с ними из-за Далмации. В 1250 г. в союзе с французами они взяли Константинополь.

До середины XVII столетия они владели Мореей и Кандией. Италия, раздираемая революциями, часто меняла властителей, но Венеция, все время независимая и свободная, никогда не признавала чужеземной власти. Ей удавалось постоянно ускользать от порабощения владетелями полуострова.

Венеция является торговым портом, расположенным лучше всех в Италии. Товары из Константинополя и Леванта прибывают туда самым коротким путем — по Адриатическому морю; оттуда они расходятся по всей Верхней Италии до Турина, по р. По и по всей Германии, поднимаясь по Адидже до Боцена, откуда шоссе ведут в Ульм, в Аугсбург, Мюнхен и Нюренберг. Венеция — это морской порт Верхнего Дуная, По и Адидже. Природа предназначила ему быть складочным пунктом Леванта, Италии и Южной Германии. До открытия мыса Доброй Надежды Венеция вела торговлю с Индией через Александрию и Красное море, поэтому она вела борьбу с Португалией, чтобы перехватить ее морские пути. Она снарядила значительный флот в Красном море и соорудила арсенал, бассейны пресной воды и склады запасов около Суэца. Остатки их еще видны у «Моисеевых источников». Однако португальцы разбили этот дорого стоивший флот, а анархия, в которую впал Египет, привела к тому, что этот путь для торговли с Индией закрылся.

Лагуны образуются водами Пиаве, Бренты и Ливенцы; они сообщаются с морем тремя большими проходами: Киоджийским, Маланокко и Лидо.

Верховная власть со времени уничтожения демократических учреждений в 1200 г. перешла к аристократии из нескольких сотен фамилий, записанных в Золотую книгу и представленных почти 1 200 голосами в Большом совете. Население венецианских областей равнялось 3 миллионам человек, расселившихся вокруг Венеции, в очень плодородных областях: Бергамо, Брешиа, Кремона, Виченца, Падуя, Полезина, Тревиза, Бассано, Кадоре, Беллуно и Фриуль на итальянском материке, в Истрии, Далмации и устье Каттаро на берегах Адриатического моря и, наконец, на Ионических островах. Ее территория примыкала на севере к верхнему кряжу Юлийских Альп, от р. Адда до р. Изонцо. Эта горная цепь повсюду непроходима для гужевого транспорта и образует границу в сторону Германии. Через нее можно пройти только по трем проходам: по тирольскому, каринтийскому и по карниольскому шоссе.

В 1796 г. эта республика казалась только тенью былой Венеции. Три поколения сменились, не ведя войны. Один вид ружья заставлял трепетать этих выродившихся отпрысков Дандоло, Зено, Морозини. Во время войны за австрийское наследство и в войны 1733—1740 гг. они

терпели с трусливой покорностью издевательства и оскорбления австрийских, французских и испанских армий.

Венецианский флот состоял из двенадцати 64-пушечных кораблей, стольких же фрегатов и большого количества мелких судов, достаточных, чтобы вселять уважение варварам, господствовать над Адриатикой и оборонять лагуны. Армия силою в 14 000 человек состояла из итальянских полков, набранных на материке, и славонских частей, набранных в Далмации. Храбрые и очень преданные республике славонцы имели то преимущество, что являлись чуждыми материку и по языку и по нравам. Участие в управлении республикой принимали только фамилии, занесенные в Золотую книгу. Сенат состоял исключительно из них, так же как советы и комитеты сорока. Это возбуждало недовольство материкового дворянства, среди которого было большое число богатых, именитых и могущественных фамилий. Попав в подчинение, лишенные всякой власти, они не имели никакого влияния на дела и питали сильную зависть к властвующей знати. Они происходили частью от древних *кондоттьери*, древних *подеста* или других лиц, игравших большую роль в республиках своих городов, предки которых после долгого сопротивления венецианцам оказались в конце концов жертвами политики Венеции. К зависти и к ненависти, которые им внушала форма государственной власти, примешивалось также старательно подогревавшееся старинное желание мести. Простой народ материковых владений был вообще всем недоволен; наиболее значительная часть его держала сторону своего дворянства. Но венецианская знать, владевшая поместьями и предприятиями почти во всех провинциях, имела поэтому там и своих приверженцев. Духовенство не пользовалось доверием и каким-либо влиянием в этой республике, которая давно уже освободилась, насколько это было возможно, от светского влияния папы.

II

В 1792 г. державы коалиции предлагали Венеции принять участие в войне. Повидимому, этот вопрос не вызвал серьезных дискуссий в сенате: единодушный вотум был за нейтралитет. Эта республика была настолько удалена от театра войны, что считала себя непричастной к французским делам. Когда граф де-Лилль искал убежища в Вероне, сенат дал позволение проживать ему там только с согласия Комитета общественного спасения, предпочитавшего видеть графа в Вероне, чем в каком-либо другом месте.

Когда французские войска в 1794 г. двинулись к Онелья, в Италии сочли, что ей угрожает нашествие, и ряд государств собрался на конгресс в Милане. Венеция отказалась принять в нем участие не потому, что она одобряла французские принципы, а потому что боялась отдаться на милость Австрии и не хотела отказываться от своей робкой и расслабленной политики, проводимой уже в течение нескольких поколений.

Когда Наполеон прибыл в Милан, а Болье в ужасе бежал за Минчио, заняв Пескиеру, где он поставил свой правый фланг в надежде оборонять эту линию, тогда в сенате возникли великие сомнения и тревожные предчувствия. Огромное пространство, до тех пор отделявшее Венецию от борьбы демократии с аристократией, было преодолено. Война принципов и война пушек проникла в самое сердце государства. Бурные разногласия воникли в советах, где обнаружились три точки зрения.

Молодые олигархи стремились к вооруженному нейтралитету. Им хотелось поставить сильные гарнизоны в Пескиеру, Брешиа, Порто-Леньяго и Верону, объявить эти крепости на осадном положении, довести армию до 60 000 человек, поспешно вооружить лагуны, прикрыть их канонерками, снарядить эскадру для обороны Адриатического моря и, создав себе такое твердое положение, объявить войну первому, кто нарушит их нейтралитет. Приверженцы этого мнения шли значительно дальше. Они говорили: «Если придет последний час, будет меньше позора погибнуть с оружием в руках. Защищая свою территорию, мы помешаем распространению французских идей в больших городах материка. Мы добьемся от обеих враждующих сторон тем большего уважения, чем сильнее мы будем сопротивляться. Если, наоборот, мы откроем сами свои ворота, война между двумя враждебными государствами станет вестись на территории республики, и с того же мгновения верховная власть ускользнет от дожа. Его первая обязанность — защищать своих подданных. Если их поля, их собственность сделаются добычей войны, народ в несчастье потеряет всякое уважение и всякое почтение к бросившей его на произвол судьбы власти. Уже существующие в зародыше недовольство и зависть разовьются с неудержимой силой: республика погибнет, не вызвав ни у кого сожаления».

Приверженцы старой политики утверждали, что не следует принимать никакого окончательного решения и что нужно лавировать, выигрывать время и ждать, что произойдет. Они признавали, что все опасности вполне реальны, что надо бояться одновременно как честолюбия Австрии, так и идей республиканской Франции, но что, к счастью, все это зло преходяще. Действуя осторожно, можно избежать неприятностей, так как с французами легко сговориться, особенно обходясь с ними предупредительно, и можно легко овладеть расположением их вождей. При теперешнем состоянии духа всякий вооруженный нейтралитет поведет к войне, чего следует избегать прежде всего; провидение поставило столицу в положение, обеспечивающее ее от всяких покушений, и всему грядущему нужно противодействовать терпением, умеренностью и временем.

Батталья говорил: «Республика действительно в опасности. С одной стороны, французские принципы противоречат нашей конституции, с другой — Австрия покушается на нашу независимость. Между этими двумя неизбежными несчастиями попытаемся выбрать среднее. Худшим,

в моих глазах, является австрийское рабство. Дополним Золотую книгу, впишем туда тех представителей материкового дворянства, которые этого заслуживают; этим мы успокоим наши народы, и среди нас исчезнет оппозиция. Вооружим крепости, снарядим флот, соберем войска и пойдем навстречу французскому главнокомандующему с предложением наступательного и оборонительного союза. Нам, может быть, придется ввести некоторые изменения в нашу конституцию, но зато мы спасем нашу независимость и свободу. Говорят о вооруженном нейтралитете: два года назад такое решение было бы наилучшим, оно было бы правильным, потому что его одинаково применяли бы к обеим воюющим сторонам, оно было возможным, потому что имелось время к нему подготовиться. Ныне вы не можете запретить французам то, что вы позволяли австрийцам или терпеливо сносили от них. Запретить — это значит объявить войну французской армии, когда она через восемь дней будет в Вероне, а вы даже не обеспечили себе помощь Австрии. В течение двух месяцев это государство не сможет ничего сделать для вас. Что произойдет с республикой за эти два месяца пред лицом такого предприимчивого и активного противника? Из всех решений это — наихудшее. Это значит бросаться в самую гущу опасности, вместо того чтобы от нее уклоняться.

Другое решение, предлагаемое вам, это — терпение и оттяжка времени,— так же плохо, как и первое. Политические обстоятельства ныне совсем не те, что раньше: времена изменились; кризис, в котором мы находимся, совсем не похож ни на один из тех, какие доставляли торжество старому, испытанному благоразумию наших предков. Французские принципы у всех на уме. Они проявляются во всевозможных формах. Это — вышедший из берегов поток, и тщетна будет попытка остановить его терпением, умеренностью и изворотливостью. Средство, которое я вам предлагаю, одно только и может вас спасти. Оно простое, благородное и смелое. Мы можем предложить французам контингент в 10 000 человек. У нас еще останется все, что необходимо для обороны наших крепостей. Они скоро возьмут Мантую и перенесут войну в Германию. Когда мы сделаем первый шаг, остальное пойдет легче, потому что в дальнейшем все партии, раздирающие государство, пойдут единодушно по единому пути. Наша независимость будет обеспечена, и мы спасем основы нашей конституции. Австрия не имеет никакого влияния на наши народы. У нее нет флота, тогда как с минуты на минуту на Лидо могут появиться тулонские корабли».

Это мнение привлекло на свою сторону всех порядочных людей, но аристократические предрассудки одержали верх над интересами родины. Такое решение было бы слишком благородным для вырождающихся, не способных к смелой мысли людей.

III

Проведитор Мочениго торжественно принял Наполеона в Брешиа. Он заверял в добрых чувствах сената к Франции. Блестящими празднествами установили связи между офицерами армии и главнейшими фамилиями. Каждый вельможа прилагал усилия сделаться личным другом какого-либо французского генерала.

В Вероне проведитор Фоскарини оказал такой же прием, но надменность его характера помешала притворству: он плохо скрывал свои тайные чувства. Это был один из сенаторов, наиболее враждебных новым идеям. Протестовать против входа французов в Пескиеру он не посмел, потому что они прибыли туда вслед за войсками Болье; но когда французы потребовали ключи от арсенала, чтобы поставить орудия на валы, и когда им пришлось вооружать галеры, он заявил протест против такого нарушения нейтралитета республики. По прибытии Наполеона в Пескиеру этот проведитор пытался отговорить его от движения на Верону; он дошел даже до угрозы запереть ее ворота и открыть канонаду. «Слишком поздно, — сказал ему главнокомандующий, — мои войска туда уже вошли. Я принужден установить оборону по Адидже на время осады Мантуи. Не с полутора же тысячами славонцев вы сможете помешать переправе австрийской армии? Нейтралитет состоит в том, чтобы для каждого была одинаковая мера и одинаковый вес. Если вы не враги, вы должны позволить мне сделать то, что разрешили или по крайней мере допускали делать моим противникам».

Подобные разногласия, сообщенные в сенат, побудили его отозвать Фоскарини и заменить его Баттальяя, с назначением последнего главным проведитором всех провинций по ту сторону Адидже, включая Верону. Это был человек сговорчивый, образованный, с мягкими манерами, искренно преданный своему отечеству, очень расположенный к Франции прежнего времени, но предпочитающий Австрии даже республиканскую Францию.

Мало-помалу театр войны распространился на все венецианские владения, но только австрийцы первыми занимали все новые и новые территории. Болье занял Пескиеру и Верону, Вурмзер бросился в Бассано и прошел через Виченцу и Падую. Альвинци и эрцгерцог Карл заняли Фриуль, Пальманова и все вплоть до самых восточных пределов республики.

IV

Большое возбуждение обнаружилось в материковых владениях. Недовольство распространялось быстро. Старая ненависть к олигархии соединилась с влечением к новым идеям. Италию считали потерянной для Австрии, а это должно было повлечь за собой свержение аристократии. Наполеон пытался все время умерять это движение, на которое действовали к тому же возбуждающе настроения армии. Когда он вернулся

из Толентино со вполне обдуманным намерением двинуться на Венецию, ему пришлось обратить свое внимание на это положение вещей, создававшее трудности. Возбуждение все разрасталось. Брешиа, Бергамо подняли восстание. Фенароли, Мартиненго, Леки и Алессандри стали во главе восставших; они входили в число самых богатых фамилий. Муниципальные власти обоих этих городов имели большое влияние; они распоряжались деньгами, устанавливали налоги и назначали на должности. Если там еще развевалось знамя Льва св. Марка, то это было скорее из уважения к главнокомандующему, чем признак подчинения Венеции. И в разговорах и в печати слышались постоянные и резкие нападки на венецианскую знать. С горечью, пользуясь всеми средствами, подчеркивали несправедливость ее власти. «Откуда право у Венеции, — говорили они, — господствовать над нашими городами? Разве мы менее храбры, менее развиты, менее богаты, менее благородны?» Сенаторы были сильно обижены в своей гордости, видя, что подданные, подчинявшиеся им столетиями, забыли об огромном расстоянии, отделявшем их, и сравнивали себя со своими господами. Все предвещало резкое столкновение. Батталья в своих депешах сенату скрывал, насколько мог, оскорбительные выходки жителей Брешиа, а в глазах этих последних уменьшал гнев и раздражение сената. Все время действуя примиренчески, он не переставал в своих многочисленных сношениях с главнокомандующим вызывать его интерес к делам республики.

V

Оставлять, таким образом, в тылу армии 3 миллиона людей в состоянии беспорядка и анархии было опасно. Наполеон не скрывал от себя, что его влияние на друзей Франции не больше, чем на самый сенат. Он мог сдерживать их действия, но не мог мешать им говорить, писать непосредственно, раздражать дожа всякими деталями управления, его не касавшимися. Отречься от патриотов Брешиа и Бергамо, объявить себя за сенат, осудить новаторов, заполнить ими казематы Венеции — это означало бы навсегда отвратить от себя народную партию, а аристократию все равно не удалось бы привлечь даже этими мерами. Если бы Наполеон стал придерживаться такой политики, она привела бы к неизбежному результату, как при Людовике XII, — к восстанию против нас всего населения.

Побудить сенат к союзу с Францией, изменить конституцию для удовлетворения материкового населения — было наилучшим и единственно приемлемым решением. Поэтому оно и было постоянной целью усилий Наполеона. С каждой новой победой он возобновлял предложение об этом, но всегда безрезультатно.

Третье решение представлялось в таком виде: двинуться на Венецию, занять эту столицу и произвести вооруженной силой политические изменения, которые, судя по обстоятельствам, будут необходимы, и вве-

рить правительственную власть приверженцам Франции. Но нельзя было двигаться на Венецию, когда эрцгерцог Карл мог каждую минуту показаться на Пиаве. Начинать надо было, следовательно, с разгрома австрийской армии и изгнания ее из Италии. Добившись этого результата, не следовало терять плоды победы и замедлять дальнейший переход через горы только для того, чтобы биться вокруг Венеции, и этим дать время эрцгерцогу Карлу опять притти в себя, усилиться и создать новые преграды. Только под стенами Вены мир должен был увенчать наконец победу. Впрочем, и Венеция представляла значительную силу. Она была под защитой лагун, крепостных сооружений и 10 000 славонцев. Господствуя в Адриатике, она могла получить новые войска. Наконец, все ее правящие фамилии вынуждены были бороться за свое политическое существование, и это придавало им моральный стимул для сопротивления. Кто мог рассчитать время, на которое французская армия задержится под этой крепостью? И как бы мало ни продолжалась эта борьба, какое впечатление произведет такое сильное сопротивление на остальную Италию?

Эта новая война вызвала бы противоречивые суждения в Париже. Сенат имел там очень энергичного посла. Законодательный корпус был в оппозиции к Директории, а Директория сама расходилась во мнениях. Если бы ее запросили о войне с Венецией, она не ответила бы или обошла вопрос молчанием. Если бы Наполеон, как он делал до сих пор, действовал самостоятельно, его бы упрекнули в случае отсутствия скорого успеха в нарушении всех принципов. Он имел право как главнокомандующий только отражать силой силу. Предпринимать же новую войну против вооруженного государства без согласия правительства — это значило быть обвиненным в присвоении прав верховной власти и сделаться тотчас же мишенью республиканской подозрительности.

Венецианский эпизод мог превратиться в главный вопрос. Наполеон решил поэтому принять в отношении венецианцев простые меры военной предосторожности. Он был спокоен за Брешиа, за Бергамо, за весь правый берег Адидже. В веронские замки, Сан-Феличе, Сан-Пьетро и старый дворец, он велел поставить гарнизоны и этим обеспечил за собой каменные мосты.

Войска, занятые в экспедиции против папы, двигались обратно, возвращаясь на Адидже. Они представляли силу достаточную, чтобы произвести впечатление на сенат. Были сделаны распоряжения, чтобы все выздоравливающие и все раненые, выходящие из госпиталей, собирались в маршевые батальоны и присоединялись к резерву. Но этой мерой ослаблялась соответственно и действующая армия.

VI

Наполеон решил, однако, сделать еще одну попытку. Он пожелал побеседовать с Пезаро, руководившим в то время всеми делами республики. Пезаро описал критическое состояние своего отечества, бурное

настроение народа, законные жалобы сената. Он говорил, что столь тяжелые обстоятельства требуют со стороны сената сильных мер и чрезвычайных вооружений, и это не должно возбуждать какого-либо недоверия у французов; что сенат вынужден был производить аресты в Венеции и на материке; что несправедливо признавать за излишнюю строгость к приверженцам Франции то, что было только справедливым наказанием бесчинствующих подданных, не желавших подчиняться законам своей страны. Наполеон согласился с тем, что положение Венеции критическое, но, не теряя времени на обсуждение причин этого, предложил вопрос: «Вы хотите, — сказал он, — арестовать тех, кого называете врагами, но это — те, кого я называю своими друзьями. Вы вручаете власть людям, известным своей ненавистью к Франции. Вы набираете новые войска. Что еще остается вам сделать для объявления войны? А между тем ваша гибель будет полная и немедленная. Напрасно вы надеетесь на поддержку эрцгерцога. Не пройдет и восьми дней, как я прогоню его армию из Италии. Есть одно средство вывести вашу республику из тягостного положения, в котором она находится: я предлагаю ей союз с Францией. Я гарантирую ей владения на материке и даже власть над Брешиа и Бергамо, но требую, чтобы она объявила войну Австрии и выставила для присоединения к моей армии контингент в 10 000 человек пехоты, 2 000 кавалерии и 24 орудия. Я полагаю, что было бы своевременно вписать в Золотую книгу главные фамилии материковых владений; однако я не ставлю это непременным условием. Возвратитесь в Венецию, обдумайте это в сенате и приходите для подписания договора, единственно могущего спасти ваше отечество». Пезаро согласился с разумностью этого проекта и уехал в Венецию, обещая вернуться не позже чем через две недели.

11 марта французская армия начала движение для переправы через Пиаве. Как только это известие достигло Венеции, тотчас же последовал приказ арестовать в Бергамо и предать суду десять знатнейших жителей этого города. Руководители патриотической партии, во-время предупрежденные одним преданным им венецианским канцелярским служителем, перехватили курьера, арестовали самого проведитора, подняли знамя мятежа и провозгласили свободу Бергамо. Депутаты, которые были ими посланы во французскую главную квартиру, застали ее на поле сражения у Тальяменто. Происшедшее в Бергамо событие вызвало неудовольство Наполеона, но оно было непоправимо. Бергамо уже вступил в переговоры о федерации с Миланом, столицей Ломбардской республики, и с Болоньей, столицей Транспаданской республики. Такая же революция произошла несколько дней спустя и в Брешиа. Две тысячи славонцев, находившихся там, были обезоружены; к проведитору Баттальи отнеслись с почтением, но выслали его в Верону. Венецианский главнокомандующий Фиоравенти выступил против восставших, занял Сало и угро-

жал Брешиа; миланский генерал Лагоц двинулся ему навстречу, разбил его и прогнал из Сало.

Пезаро вернулся, как и обещал, в главную квартиру, которую он догнал в Гёрце. Эрцгерцог был уже разбит на Тальяменто; Пальманова открыла свои ворота, и французские цвета развевались над Тарвисом, по ту сторону Изонцо и на вершине Юлийских Альп. «Сдержал ли я слово? — сказал ему Наполеон. — Венецианская территория занята моими войсками. Австрийцы бегут передо мной. Через несколько дней я буду в Германии. Чего хочет ваша республика? Я ей предлагаю союз с Францией, согласна ли она его принять?»

«Венеция, — отвечал Пезаро, — радуется вашим триумфам. Она сознает, что ей можно существовать только при помощи Франции, но, верная своей старой и благоразумной политике, она хочет оставаться нейтральной. При Людовике XII, при Франциске I ее армии еще могли что-либо значить на поле сражения. Ныне, когда все население сплошь становится под ружье, какую выгоду даст вам наша помощь?»

Наполеон сделал последнюю попытку: она потерпела неудачу. Прощаясь с Пезаро, он сказал ему: «Хорошо, раз ваша республика хочет оставаться нейтральной, я согласен; но пусть она прекратит свои вооружения. Я оставляю в Италии силы, достаточные, чтобы быть в ней хозяином, и двигаюсь на Вену. То, что я прощал Венеции, когда был в Италии, сочтется неизгладимым преступлением, когда я буду в Германии. Если на венецианской территории мои солдаты будут избиваться, обозы станут перехватываться и пути сообщения окажутся прерванными, то ваша республика перестанет существовать; она сама произнесет над собой приговор».

VII

Генерал Керпен взял пример с генерала Жубера, приступившего 20 марта к операциям. Он покинул Тироль и направился через Зальцбург и Роттенманн в долину Мура, где надеялся соединиться с эрцгерцогом, но, предупрежденный в Шейфлинге о быстроте марша французов, перешел обратно через горы и присоединился к армии только на венской равнине. Генералу Лаудону, оставленному им только с 2 000 человек регулярных войск для охраны Тироля, удалось реорганизовать 10 000 человек тирольского ополчения, разошедшегося было по домам и упавшего духом после стольких поражений. Такое подкрепление дало ему значительное численное превосходство над небольшим обсервационным отрядом, который был оставлен Жубером для прикрытия триентской дороги. У генерала Сервье было только около 1 200 человек. При приближении противника он эвакуировал оба берега Авичио и отступил на Монте-Бальдо.

Лаудон занял Триент. Овладев всем Тиролем, он наводнил Италию воззваниями. Им распространялись в Венеции, в Риме, в Турине, в Неа-

поле известия о поражениях французов: «Тироль стал могилою для войск Жубера. Наполеон разбит на Тальяменто. Императорские армии одержали блестящие победы на Рейне. Лаудон вышел из Триента в Италию с 60 000 человек, чтобы отрезать всякое отступление остаткам французской армии, которых преследует эрцгерцог». В итоге он призывал к оружию, к восстанию против французов Венецию и всю Италию.

При этих известиях венецианская олигархия перестала соблюдать всякую меру. Французский посланник делал тщетные усилия, чтобы доказать сенату, какую пропасть он роет под своими ногами. Он разоблачил ложные сведения о поражении Жубера в Тироле и также всю ложь о поражениях самбро-маасской и рейнской армий. Он доказал, что эти армии еще не начинали военных действий. Он дошел до того, что сообщил сенату план кампании, из которого вытекало, что оставление Тироля Жубером было заранее согласованной операцией, что он движется через Каринтию на Пустерталь и что он не только не погиб, а, наоборот, достиг своей цели. Пезаро не придавал никакой веры этим сообщениям, он слишком горячо желал поражения французов. Со своей стороны, венский двор не пренебрегал никакими средствами, чтобы разжечь страсти врагов Франции. Для него было очень важно организовать восстания в тылах армии.

Резервный корпус, оставленный в Пальманова, гарнизон Озоппо и благоразумие проведитора Мочениго удержали в спокойствии Фриуль. Возможно также, что и сами жители, находившиеся ближе к театру военных действий, были лучше осведомлены о положении вещей.

Сбор поголовного ополчения в Веронской провинции был подготовлен уже давно. Более 3 000 крестьян получили оружие и ждали только сигнала для начала резни; 30 000 человек венецианских и славонских войск были высланы в Верону, чтобы составить ее гарнизон. Проведитор Эмили, преданный сенату, договорился с Лаудоном. Он его известил о слабости французского гарнизона, и как только счел поддержку австрийских войск для себя обеспеченной, он дал сигнал к восстанию. 17 апреля, на второй день пасхи, после вечерни, ударил набат. Восстание разразилось одновременно в городе и в деревнях. Повсюду начались убийства французов. Неистовство народа дошло до того, что было убито 400 больных в госпиталях. Генерал Баллан с гарнизоном заперся в фортах. Артиллерийский огонь с фортов, направленный им против города, заставил веронские власти просить о переговорах, но народ в бешенстве воспротивился этому. Подкрепление в 2 000 славонцев, высланное проведитором Фоскарини из Виченцы, и приближение войск австрийского генерала Нейперга еще более возбудили народ. За ущерб, причиненный бомбардировкой города, он отомстил тем, что перебил гарнизон Киузы, уже раньше вынужденной капитулировать перед поголовным ополчением горцев.

Генерал Кильмэн, старший по чину в Ломбардии, при первых же сведениях, полученных им о восстании в Вероне, отдал распоряжение двинуться на освобождение генерала Баллана.

21 апреля первые его колонны показались под Вероной. Генералам Шабран, Лагоц и Шевалье после нескольких стычек удалось 22-го обложить Верону. 23-го восставшим стало известно о подписании предварительного мира с Австрией и в то же самое время о прибытии дивизии Виктора, спешно подходившей из Тревизо. Восставших охватила тревога. Упадок духа у них был столь же велик, как до того велико было их неистовство. Они просили о капитуляции, стоя на коленях, приняли условия, которые им предложил генерал Баллан, выдали заложников, и таким образом воцарился порядок.

Несмотря на то, что кровь предательски умерщвленных французов еще текла по улицам, всего только трое жителей были преданы суду; произвели общее разоружение и отослали крестьян в их деревни.

Олигархия, не менее ослепленная в Венеции, позволила вырезать на своих глазах экипаж французского судна, которое, преследуемое австрийским фрегатом, искало убежища под батареями Лидо. Французский посланник протестовал против такого нарушения международного права и потребовал осуждения убийц. Сенат насмехался и над его представлениями и над его угрозами. Он издал декрет, которым устанавливалось вознаграждение людям, принимавшим участие в растерзании капитана Ложье [1] и его матросов.

VIII

Как только Наполеон узнал о беспорядках и об убийствах, происходивших в тылах армий, он послал в Венецию своего адъютанта Жюно и поручил ему вручить сенату следующее письмо, помеченное Юденбург, 9 апреля 1797 г.: «Во всех материковых владениях подданные светлейшей республики призваны к оружию. Объединяющим их лозунгом является: *смерть французам.* Число солдат итальянской армии, ставших их жертвами, доходит уже до нескольких сотен. Вы напрасно делаете вид, что вам будто бы запрещены сборища, которые созываются вами самими. Неужели вы думаете, что, удалившись в глубь Германии, я не имею власти заставить уважать солдат первого народа в мире? Неужели вы думаете, что итальянские легионы могут оставить без наказания убийц, покрытых кровью наших братьев по оружию? Нет француза, у которого поручение выполнить эту месть не утроило бы его мужества и его сил... Не воображаете ли вы, что теперь все еще век Карла VIII? Настроение с той поры в Италии сильно изменилось!» У Жюно было приказание лично прочесть это письмо в сенате и выразить все негодование главнокомандующего.

---

[1] Командующего бригом «Освободитель Италии». — *Прим. франц. ред.*

Ужас охватил Венецию. Престиж власти исчез. Стало известно, что рейнские армии совсем не начинали военных действий, что Жубер со своим корпусом стоит в Виллахе, что Виктор подходит к Вероне, что французы уже двинулись к лагунам и, наконец, что Наполеон, победив во всех боях, только что заключил перемирие с эрцгерцогом и император прислал к нему просить мира.

Французский посланник Даллеман представил Жюно сенату. Жюно выполнил свою миссию со всей прямотой и резкостью солдата. Сенат смирился: он стал оправдываться. Друзья свободы подняли голову и предчувствовали момент своего торжества. Депутация из сенаторов была послана в Грац, к главнокомандующему, чтобы предложить ему все возмещения, какие он пожелает. Ей была дана особая инструкция подкупать всех тех, кто пользуется его доверием. Все оказалось бесполезным.

В то же время сенат отправлял курьера за курьером в Париж и предоставил значительные суммы в распоряжение своего посланника в надежде склонить на свою сторону руководителей Директории и побудить их к отдаче итальянскому главнокомандующему распоряжений, могущих спасти аристократию. Этот путь интриг удался в Париже. Венецианскому посланнику, раздавшему на 10 миллионов переводных векселей, удалось добиться отсылки приказаний, которые он просил. Но эти приказания были составлены без соблюдения всех установленных законом форм. Депеши, перехваченные в Милане, дали Наполеону возможность расстроить эту интригу. У него в руках оказался список тех, кому были розданы венецианские деньги в Париже. Он отменил все, своей властью.

3 мая Наполеон в Пальманова обнародовал объявление войны Венецианской республике. Его манифест был составлен в таких выражениях:

«Пока французская армия находилась в ущельях Штирии и оставила далеко в своем тылу Италию и свои основные учреждения, в которых осталось лишь небольшое число батальонов, в это время венецианское правительство воспользовалось неделей пасхи, чтобы вооружить 40 000 крестьян, присоединило к ним десять славонских полков и организовало из них отряды, расставило их на многих пунктах с целью прервать пути сообщения армии.

Из самой Венеции отправляются ружья, снаряжение всякого рода, пушки, чтобы завершить организацию различных частей армии.

В материковых владениях Венеции арестованы все, кто приветствовал нас при встрече. Вознаграждаются и пользуются полным доверием правительства те, кто известен как ярый ненавистник французского имени, а особенно четырнадцать веронских заговорщиков, которых провейдитор Приули арестовал три месяца назад как уличенных в заговоре против французов.

На площадях, в кафе и в других общественных местах Венеции оскорбляют французов, называя их якобинцами, цареубийцами, безбожниками; их изгнали наконец из города и запретили им доступ туда.

Призвано к оружию население Падуи, Виченцы, Вероны для усиления воинских частей и для устройства новых «сицилийских вечерен». «Нам суждено, — говорят венецианские офицеры, — проверить правильность поговорки, что *Италия — могила Франции*».

Духовенство с кафедр проповедует крестовый поход, а духовенство во владениях Венеции всегда говорит только то, что угодно правительству.

Памфлеты, коварные воззвания, анонимные письма печатаются по городам, и брожение начинает возникать везде. А ведь в государстве, где не разрешена свобода печати и где правительство внушает страх и в то же время ненавистно населению, типографии печатают, а авторы пишут только то, что хочет сенат.

Все как будто обещало успех коварному проекту правительства: течет всюду французская кровь; на всех дорогах перехватываются обозы, курьеры и все, что принадлежит армии.

В Падуе убиты один батальонный командир и еще два француза. В Кастильоне-де-Мори солдаты разоружены и перебиты. На больших дорогах из Мантуи в Леньяго, из Кассано в Верону убито больше 200 французов.

Два батальона, желая присоединиться к армии, встретили в Киари венецианскую дивизию, попытавшуюся помешать их движению. Завязался упорный бой, и наши храбрые солдаты прошли по трупам своих врагов.

В Валеджио произошел другой бой. В Дезенцано тоже пришлось драться. Французы повсюду были в меньшинстве, но они не считают своих противников.

На второй день пасхи в Вероне под звон набатного колокола происходит резня всех французов. Не щадят ни больных в госпиталях, ни выздоравливающих, ни прогуливающихся по улицам. Пронзенных кинжалами их сбрасывают в Адидже. Таким образом было убито больше 400 солдат.

В течение восьми дней венецианская армия осаждала три веронских замка. Пушки, выставленные ею на позиции, отнимаются у нее штыковым ударом. Город поджигается; обсервационный корпус, прибывший в этот момент, обращает в бегство этих подлецов и захватывает 3 000 пленных, в том числе несколько генералов.

Дом французского консула в Цанте сожжен. В Далмации венецианский военный корабль принял под свою защиту австрийский транспорт и произвел несколько выстрелов против корвета *«Ла-Брюн»*.

«Освободитель Италии», корабль республики, вооруженный только тремя или четырьмя небольшими пушками, был пущен ко дну в венецианском порту по приказанию сената. Молодой и многообещающий Ложье, лейтенант флота, командир этого корабля, заметив, что его обстреливают с форта и с адмиральской галеры, находящейся на расстоянии пистолетного выстрела, тотчас же приказал своему экипажу спу-

ститься в трюм; оставшись один, он взошел на палубный мостик среди града пуль и пытался речью образумить исступление своих убийц, но тут же упал замертво. Его экипаж бросился вплавь, и за ними погнались шесть шлюпок с войсками, состоящими на службе Венецианской республики. Они зарубили топорами матросов, пытавшихся спастись вплавь. Один боцман, раненный несколькими пулями, ослабевший, истекая кровью, добрался было благополучно до берега и ухватился за деревянный выступ в стене портового замка, но сам комендант отрубил ему кисть руки ударом топора.

Вследствие вышеизложенных претензий и на основании главы XII статьи 328 конституции республики [1] и вследствие срочной, неотложной необходимости принятия мер при данной обстановке главнокомандующий

— предписывает французскому посланнику при республике Венеции выехать из названного города;

— приказывает представителям Венецианской республики в Ломбардии и материковой Венеции выехать оттуда в 24 часа;

— приказывает всем дивизионным генералам поступать с войсками Венецианской республики, как с врагами, и распорядиться о сносе во всех материковых городах изображения льва св. Марка.

Завтра в приказе будут даны особые распоряжения о дальнейших боевых действиях».

После прочтения этого манифеста олигархи не думали больше защищаться. Большой совет аристократии сложил с себя обязанности и передал верховную власть народу. Муниципалитет явился временным исполнителем народной власти. Таким образом, эти гордые фамилии, так долго всем управлявшие, которым столь чистосердечно предлагался союз, пали, не оказав никакого сопротивления. Тщетно просили они помощи у Венского двора. Этот двор остался глух ко всем их представлениям: у него были свои виды на Венецию.

IX

16 мая Бараге-д'Илье вступил в Венецию, приглашенный жителями, которым угрожали славонцы. Он занял форты, батареи и водрузил трехцветное знамя на площади св. Марка. Либеральная партия тотчас же созвала общее народное собрание. Власть аристократии была навсегда низложена. Провозгласили вновь демократическую конституцию 1200 г.

Дандоло, человек энергичный, горячий энтузиаст свободы, очень честный, выдающийся адвокат, стал во главе всех дел города.

---

1 328 ст. конституции III года гласит: «В случае неизбежных или начавшихся враждебных действий, угрозы войны или ее подготовки против Французской республики Исполнительная Директория обязана употребить для защиты государства все средства, находящиеся в ее распоряжении, с тем чтобы немедленно предупредить об этом Законодательный корпус».

Лев св. Марка и Коринфские кони были перевезены в Париж. Венецианский флот состоял из двенадцати 64-пушечных кораблей и стольких же фрегатов и корветов; их снарядили и отправили в Тулон.

Корфу являлся одним из важнейших пунктов республики. Генерал Жантили, тот самый, который отвоевал Корсику, отправился в Корфу с четырьмя батальонами и несколькими артиллерийскими ротами на борту эскадры, составленной из венецианских кораблей. Он завладел этим пунктом, подлинным ключом Адриатики, так же как и остальными Ионическими островами: Занте, Черигo, Кефалония, Сент-Мор.

Пезаро возбудил всеобщее негодование. Он погубил свое отечество, а сам бежал в Вену. Батталья искренне сокрушался о гибели своего отечества. Осуждая путь, которому следовал сенат, он один заранее предвидел эту катастрофу. Он умер через некоторое время, оплакиваемый всеми честными людьми. Если бы его послушали, Венеция была бы спасена.

X

С получением приказа об объявлении войны Венеции все материковые владения восстали против столицы. Каждый город провозгласил свою независимость и установил свое собственное правительство. Бергамо, Брешиа, Падуя, Виченца, Бассано, Удине организовались в отдельные республики. Таким путем возникли республики Циспаданская и Транспаданская. Ими были приняты за основу принципы французской революции. Монастыри они упразднили, но не коснулись религии, сохранили собственность у белого духовенства, учредили национальные поместья и отменили феодальные привилегии. Лучшее дворянство и крупные собственники организовали гусарские и конно-егерские эскадроны, названные «Почетной гвардией». Из низших классов образовались батальоны национальной гвардии. Цвета этих новых республик были общеитальянские.

Несмотря на чрезвычайную бдительность Наполеона по отношению к злоупотреблениям и хищениям, их в данный момент происходило больше, чем в какую-либо другую пору этой войны. Страна была разделена на две партии, крайне враждебно настроенные одна против другой. Во время сдачи Вероны был разграблен ломбард этого города, содержавший ценностей примерно на сумму около 7—8 миллионов. Военный комиссар Буке и гусарский полковник Ландрие были обвинены как зачинщики этого грабежа, носившего характер тем более возмутительный, что ему предшествовали и за ним последовали другие преступления в целях его сокрытия. Все, что оказалось в домах подсудимых, было возвращено городу, ущерб которого тем не менее оставался очень значительным.

Генерал Бернадот был отправлен в Париж со знаменами, взятыми у венецианских войск, и с теми, которые были взяты под Риволи и в Германии у армии эрцгерцога Карла. Он вручил эти знамена Директории за несколько дней до 18-го фрюктидора.

ГЛАВА XVI

ПЕРЕГОВОРЫ в 1797 г.

I. Главная квартира в Момбелло. — II. Переговоры с Генуэзской республикой. — III. С сардинским королем. — IV. С папой. — V. С Неаполем. — VI. Республики Циспаданская и Транспаданская. Эти республики сливаются в Цизальпинскую республику. — VII. Переговоры с Граубюнденом и Вальтелиной.

I

Момбелло — замок, расположенный в нескольких лье от Милана, на холме, господствующем над всей равниной Ломбардии. Французская главная квартира находилась здесь в течение мая и июня. Знатнейшие дамы Милана являлись туда ежедневно на приемы Жозефины. Там находились австрийский посланник и папский представитель, а также посланники королей неаполитанского и сардинского, республик Генуэзской и Венецианской, герцога пармского, швейцарских кантонов и многих германских государей. Туда часто съезжались генералы, а также представители Цизальпинской республики и депутаты от городов. Ежечасно прибывали и отъезжали курьеры из Парижа, Рима, Неаполя, Вены, Флоренции, Турина, Генуи. Весь образ жизни этого огромного замка побудил итальянцев назвать главную квартиру *Момбелльским двором.* Действительно, это был блестящий двор. Переговоры о мире с императором, политические дела в Германии, судьба сардинского короля, Швейцарии, Венеции, Генуи решались в Момбелло. Момбелльский двор совершил несколько поездок на оз. Лаго-Маджиоре, на Борромейские острова, на оз. Комо. Он останавливался там в различных дачных домах, расположенных вокруг этих озер. Каждый город, каждый поселок хотел оказать уважение освободителю Италии. Дипломатический корпус был поражен всем, что видел.

Серюрье отвез Директории последние знамена, взятые у эрцгерцога Карла.

«Этот генерал, — писал Наполеон, — показал в двух последних кампаниях столь же много воинского таланта, сколь и гражданской доблести. Его дивизия одержала победу у Мондови, сильно способствовала победе при Кастильоне и взяла Мантую. Она отличилась при переправах

через Тальяменто и через Изонцо и особенно при взятии Градиска. Генерал Серюрье строг к самому себе и так же иногда строг к другим. Непреклонный ревнитель дисциплины, порядка и добродетелей, наиболее необходимых для поддержания общества, он презирает интриги. Это создает ему врагов среди людей, которые всегда обвиняют в отсутствии чувства гражданственности тех, кто хочет чтобы соблюдались законы. Я полагаю, что он очень пригоден для командования войсками Цизальпинской республики. Прошу возможно скорее вернуть его на свой пост».

Серюрье был отлично принят в Париже. Прямота его характера там вообще всем понравилась. Он совершил поездку в департамент Эн, на свою родину. Он был всегда очень умеренных взглядов, но по возвращении из Франции Серюрье высказывался горячо и подчеркнуто за республику и сильно негодовал на распущенные нравы, которые ему пришлось наблюдать в Париже.

В момент прибытия французской армии в Венецию из этого города скрылся граф д'Антрег. Он был задержан в Бренте войсками дивизии Бернадота и отослан в главную квартиру в Милан. Граф д'Антрег происходил из Виваре. Депутат от дворянства в Учредительном собрании, он был горячим патриотом в 1788 и 1789 гг., но с открытием Учредительного собрания он изменил своей партии, эмигрировал, был одним из главных деятелей эмигрантской партии и превратился в подлинного интригана. В Венеции он находился около двух лет под видом атташе английского посольства, но на самом деле был посланником контрреволюции и стоял во главе всех шпионских и мятежных заговоров против французской армии. Подозревали, что он был крупным соучастником веронской резни. Генералы Бертье и Кларк произвели проверку всего найденного у него в портфеле, составили об этом протокол, разобрали все документы и отослали все в Париж. В ответ французское правительство приказало, чтобы д'Антрет был предан суду военной комиссии для обвинения по законам республики. Но тем временем он заинтересовал Наполеона, который виделся с ним несколько раз. Сознавая всю опасность своего положения, он постарался понравиться тому, от кого зависела его судьба, говорил с ним без утайки, раскрыл все тогдашние интриги и выдал секреты своей партии. Понравиться ему удалось. Он добился разрешения проживать в городе на честное слово, без охраны. Через некоторое время ему дали бежать в Швейцарию. На него так мало обращали внимания, что лишь через шесть-семь дней после его побега заметили, что он нарушил свое слово. Вскоре появилось нечто вроде памфлета, который им распространялся по всей Германии и Италии против своего благодетеля. Он описывал в нем ужасную камеру, в которую он будто бы был заключен, пытки, которым он был подвергнут, отвагу, какую обнаружил, и опасности, каких избежал, освобождаясь из заточения. В Милане он возбудил всеобщее негодование; там видели его везде в обществе, на прогулках, на спектаклях, пользую-

щимся полной свободой. Несколько членов дипломатического корпуса разделили это негодование и опубликовали по этому поводу свои заявления.

II

Генуэзская республика в течение всех трех войн за испанское, пармское и австрийское наследство принимала участие на стороне воюющих государств. Ее маленькие армии шествовали рядом с армиями и французских и испанских королей в 1747 г. Генуэзцы прогнали от своего города австрийскую армию под командованием маркиза Ботта и затем выдержали долгую и упорную осаду армий Марии-Терезии. В продолжение всего XVIII столетия эта республика воевала с Корсикой. Озлобление жителей Ривьеры против пьемонтцев приводило к ежедневным стычкам между обоими народами. У населения Генуэзской республики — такой слабой как по количеству населения, так и по размеру своей территории—все это поддерживало запас энергии, который придавал ей совершенно иную закалку, чем Венецианской республике. Поэтому генуэзская аристократия устояла перед грозой; она оставалась свободной и независимой и не заискивала ни перед государствами коалиции, ни перед Францией, ни перед народной партией. Она сохраняла во всей чистоте конституцию, данную ей Андреа Дориа в XVI веке.

Но провозглашение независимости республик Транспаданской и Циспаданской, отречение от власти венецианской аристократии и установление народного правительства во всех венецианских владениях, энтузиазм, внушаемый победами французских солдат, настолько усилили преобладание народной партии, что изменение конституции стало неизбежным. Такое изменение было желательно для Франции, которая не могла иметь никакого доверия к аристократии. Франция хотела, чтобы эта революция в Генуе произошла без ее открытого вмешательства и лишь единственно внутренними силами. Политики были убеждены, что сопротивление аристократии не может продолжаться дольше июля или августа.

Но три государственных инквизитора, лидеры олигархии и яростные враги Франции, смотрели с горечью на такое положение вещей. Они сами были убеждены, что аристократия просуществует только несколько месяцев, но предоставляли события их естественному ходу. Они нашли среди духовенства помощников, сумевших возбудить низшие корпорации. Им нужно было привлечь на свою сторону угольщиков и носильщиков, и этого было бы достаточно, чтобы держать в страхе остальные слои населения. С этой целью прибегали к исповедям, к сорокачасовым молебствиям, чтобы умолить бога отдалить от республики угрожающие ей бедствия. Такое поведение лишь навлекало удар, которого хотели избежать.

У аптекаря Моранди несколько сот горячих людей, противников аристократии, создали клуб. Там вербовались сторонники революции,

произносились речи, печатались воззвания, народ призывался восстать против дворянства и духовенства и высказывалось негодование на инквизиторов, обрабатывавших чернь. Эти люди называли себя патриотами и считали, что не следует больше медлить.

21 мая депутация от этого клуба отправилась к дожу для представления петиции от имени генуэзского народа с требованием свержения власти аристократии и провозглашения свободы. Одновременно патриоты вооружались для предупреждения мероприятий аристократии. В 10 часов утра они овладели главными воротами и в частности воротами Сан-Пьер д'Арена и портом. Инквизиторы дали условный сигнал. Угольщики и носильщики под предводительством своих старост двинулись к складам оружия, объявили себя сторонниками аристократии, и в течение нескольких часов 25 000 человек оказались вооруженными и организованными для защиты дожа, призывая проклятия на якобинцев и французов. Французский посланник неосторожно унизил свое достоинство: отправился во дворец и пытался примирить эти непримиримые партии.

При виде приготовлений олигархии и такого большого числа людей, уже стоящих под ружьем, патриоты почувствовали свою слабость. Они рассчитывали на помощь буржуазии, которая могла склонить чашу весов на их сторону. Но буржуазия, знавшая о решении, принятом угольщиками, не посмела шевельнуться и заперлась в своих домах. Патриоты, обманувшиеся, таким образом, в своих надеждах, не нашли другого средства спасения, кроме как надеть на себя французские кокарды, надеясь, что это внушит уважение олигархии. Такая попытка опереться на Францию грозила навлечь несчастье на жившие в Генуе французские семьи.

Произошла схватка. Патриоты были разбиты и повсюду отброшены, однако в ночь с 23 на 24-е они удерживались еще в воротах Сан-Пьер д'Арена, которые были ими потеряны на рассвете 24-го. Торжествующая олигархия приказала, чтобы все надели генуэзскую кокарду, и смотрела сквозь пальцы на то, как издеваются над французами. Несколько французов погибло, многие были посажены в тюрьму. Если французскому посланнику Фепу не было нанесено оскорбление, то только потому, что по приказанию дожа у его ворот был выставлен караул в 200 человек. Морского комиссара Менара, человека сдержанного и совершенно непричастного к смутам этой республики, за волосы поволокли в форт Лантерн. Дом консула Лашеза был разграблен. Всем французам пришлось скрываться из-за ежедневных угроз и боязни кинжала инквизиторов. Растерявшаяся буржуазия хранила угрюмое молчание и не осмеливалась ничего предпринять из страха перед торжествующими инквизиторами.

Французский посланник Фепу счел себя обязанным пожаловаться на такое враждебное обращение и представил с 23 по 30 мая ряд нот и требований, отвергнутых дожем. При появлении в порту адмирала Брюи

с двумя кораблями и двумя фрегатами, возвращавшимися с Корсики, дож потребовал от французского посланника, чтобы эта эскадра не входила в порт, под предлогом, что он не в состоянии будет тогда удержать чернь от всякого рода эксцессов против французских семей. Фепу имел слабость согласиться на это требование и послал приказ Брюи следовать в Тулон. Когда умеренные люди доказывали в сенате, насколько подобное поведение неблагоразумно, олигархи ответили, что «французы, занятые переговорами с Австрией, не осмелятся двинуть войска на Генуэзскую, а господствующее в Париже настроение противоположно демократическим идеям. Известно, что даже сам Наполеон не одобряет принципов клуба Моранди и прежде подумает, чем подвергнется неодобрению правительства и партии Клиши, господствующей в руководящих кругах Парижа».

Но все эти ложные надежды олигархов рухнули, потому что, как только Наполеон узнал, что пролита французская кровь, что французские торговые дома охвачены унынием и притесняются, он отправил своего адъютанта Ла-Валетта к дожу и потребовал от него, чтобы «все французы, которых арестовали, были немедленно переданы в распоряжение французского посланника, угольщики и носильщики обезоружены, а три инквизитора, руководившие убийствами французов, арестованы». Наполеоном было заявлено, что «головы всех патрициев являются перед ним ответственными за головы французских купцов, так же как республика всеми своими складами и всем своим имуществом отвечает за склады и имущество французов, находящихся в Генуе». Одновременно он отправил приказ посланнику Фепу, чтобы в случае невыполнения этого ультиматума в течение 24 часов он покинул Геную и выехал в Тортону со всеми французами, пожелающими за ним следовать.

Ла-Валетт прибыл в Геную 29 мая, в 4 часа дня; в 6 часов он был введен в сенат, который, выслушав его речь и ознакомившись с письмом к дожу, обещал ответить в тот же вечер. Действительно, французы были выпущены на свободу и приведены в помещение посольства, среди большого скопления народа, выражавшего им свое сочувствие. Буржуазия и подлинный народ города, ободренные таким образом действий главнокомандующего и полагаясь на его покровительство, пришли в движение и громкими криками потребовали разоружения угольщиков и носильщиков. В тот же вечер было возвращено в арсенал более 4 000 ружей, полученных при разоружении этих корпораций, но в их руках оставалось еще 20 000 ружей. В сенате возникли страстные прения, но олигархия оказалась в меньшинстве. Дивизия французских войск находилась уже в Тортоне, и Генуя, осажденная с моря и суши, была бы быстро приведена к повиновению. Возможно даже, что было бы достаточно приближения нескольких французских войсковых частей, чтобы побудить массы третьего сословия сбросить иго олигархии и подавить чернь. Однако ответ сената был неудовлетворителен. Он был половин-

чат. Фепу решил выехать согласно инструкции. Адъютант Ла-Валетт должен был остаться в Генуе вместо него, чтобы обеспечить своим присутствием безопасность остающихся французов. Но когда поступило требование на выдачу паспортов для посланника, дож собрал коллегии, имевшие право их выдавать. Они приняли во внимание создавшееся положение и решили подчиниться требованиям главнокомандующего. Они постановили: 1) отправить в Момбелло депутацию в составе Камбиазо, Серра и Карбонари; 2) арестовать трех инквизиторов; 3) угольщиков и носильщиков немедленно разоружить. Подобное постановление побудило посланника Фепу остаться на своем посту. Это успокоило встревоженный народ. Угольщики, действовавшие лишь по приказанию и в действительности не имевшие никаких личных побуждений в этом деле, стали очень послушными тотчас же, как только дож искренно решил подчиниться.

Депутаты прибыли в Момбелло. Конвенция была подписана 5 июня. Она положила конец конституции Дориа и устанавливала демократический строй.

Народ отпраздновал победу с живостью, свойственной характеру и природе жителей юга. Он предался эксцессам: сжег Золотую книгу и разбил статую Дориа. Такое резкое надругательство над памятью великого человека оскорбило Наполеона. Он потребовал от временного правительства, чтобы эта статуя была восстановлена. Однако крайние одержали верх, и проект конституции это отражал. Духовенство было раздражено, дворянство ожесточено; они были отстранены от всех должностей. Конституция должна была поступить на утверждение народа 14 сентября 1797 г. Ее опубликовали во всех общинах. Многие из деревенских кантонов заявили, что она для них неприемлема; со всех сторон духовенство и дворянство подговаривали своих крестьян на восстание, и оно разразилось в долинах Польчевера и Бизаньо. Мятежники овладели фортом Еперон, Теналья и бастионом Лантерн, господствующим над портом. От генерала Дюфо, посланного в Геную для организации войск республики, численность которых возросла до 6 000 человек, временное правительство потребовало выступить на его защиту. Он прогнал мятежников и вновь овладел крепостной оградой и фортами. 7 сентября спокойствие было восстановлено в обеих долинах и крестьяне разоружены.

Эти известия вызвали недовольство у Наполеона. Он был тогда целиком занят переговорами с Австрией и не мог уделять особого внимания генуэзским делам, но советовал щадить дворянство и удовлетворить духовенство. Он отложил опубликование конституции, сделал в ней все изменения, которые просило духовенство и дворянство, и, очищенная таким образом от приданного ей было демагогического налета, конституция была введена в действие с общего одобрения. Наполеон любил Геную. Он хотел сам отправиться туда для умиротворения и для объеди-

нения партий, но события, столь быстро следовавшие одно за другим, помешали этому. После Кампо-Формио, в момент отъезда из Италии, он написал из Милана 11 ноября 1797 г. генуэзскому правительству следующее письмо:

«Спешу ответить, граждане, на заверения, какие вы мне сделали... Вам нужно сократить административные расходы, дабы не пришлось переобременять налогами население... Еще недостаточно ничего не делать против религии, нужно еще не затрагивать религиозных чувств у верующих людей и не предоставлять никакого оружия людям злонамеренным. Отстранение всех дворян от исполнения общественных должностей было бы возмутительной несправедливостью, вы совершили бы то же, что проделывали они... Вопрос порто-франко является яблоком раздора, брошенным в вашу среду... Город Генуя должен держать свой порт открытым в зависимости от воли Законодательного корпуса... Почему лигурийский народ так быстро изменился? Его первые порывы к братству и восторженность сменились опасениями и страхом. Духовенство — первое дерево свободы. Оно первое сказало, что мораль евангелия является демократической. Люди, подкупленные вашими врагами и непосредственные помощники тирании во всех революциях, воспользовались промахами, пусть даже преступлениями некоторых из духовных лиц, чтобы писать против религии, и духовенство удалилось! Удалили в изгнание всех огулом, а число ваших врагов возросло!.. Когда в государстве, особенно в небольшом государстве, усваивают привычку осуждать, не выслушивая оправданий, приветствовать речи рукоплесканиями, потому что они произнесены со страстью; когда называют добродетелью крайне злобные выходки и исступление, преступлениями — умеренность и справедливость, — тогда такое государство близко к гибели... Поверьте, что во всех местах, куда призовут меня долг и служба родине, для меня будут самыми дорогими те минуты, когда я смогу быть полезен вашей республике... Я с удовлетворением узнал, что генуэзский народ единодушен и счастлив».

В Париже, в Совете Пятисот, обсуждалось тогда предложение Сиейса об изгнании из Франции всех дворян с возмещением стоимости их владений товарами. Советы, данные Наполеоном Генуэзской республике, повидимому, пригодились и Французской республике, в известной степени ими воспользовавшейся, потому что проект Сиейса, крайне резкий и жестокий, повсюду внес бы тревогу и беспорядок. О нем больше не было и речи.

Ни один из французских батальонов не перешел за Тортону. Генуэзская революция восторжествовала благодаря выступлению третьего сословия.

Если бы клуб Моранди и инквизиторы не приняли в ней участия, она была бы проведена без нарушения порядка, без потрясений и без всякого, даже косвенного, вмешательства Франции.

III

Сардинский король находился в ложном положении. Болонский договор одновременно и существовал и не существовал. Директория не высказывалась ясно, но было очевидно, что она не хотела его ратифицировать. Наполеон считал, что эта ратификация неизбежна. В Италии и так уже было достаточно поводов для раздора. Он считал ратификацию этого договора нужной для того, чтобы оказать давление на Австрию и ускорить переговоры. В случае их неудачи и войны он придавал большую важность присоединению под свое командование прекрасной и надежной дивизии старых пьемонтских войск, цену которым он знал. Считая себя связанным статьями этого договора, он употреблял все средства, чтобы гарантировать внутреннее спокойствие во владениях короля. Но такое поведение подверглось сильной критике. Недовольных пьемонтцев с каждым днем становилось все больше и больше. Двору пришлось прибегнуть к оружию, и недовольные были разгромлены. Подобное крайне щекотливое положение вызывало ропот среди всех якобинцев Франции и Италии, и когда королевская партия восторжествовала, аресты и притеснения, к которым она прибегла, были постоянным материалом для жалоб.

Когда Директория в конце сентября подписала свой ультиматум по поводу переговоров в Кампо-Формио, она уведомила своего уполномоченного, что настаивает на своем решении не утверждать договора с Сардинией. Министр иностранных дел сообщил, что Наполеону не следует рассчитывать на помощь этих 10 000 человек сардинского контингента, но добавил, что ему было бы легко переманить этих солдат при помощи итальянских вербовщиков и таким образом получить поддержку этой дивизии без принятия обязательств перед туринским двором. Но кадры, составлявшие всю силу войск, нельзя было переманить, притом подобная операция потребовала бы не менее одного-двух лет, а речь шла о немедленном выступлении в поход. Подобное поведение французского правительства было одной из причин, побудивших Наполеона подписать мир в Кампо-Формио, не принимая во внимание ультиматума Директории.

Сардинский двор знал, как мало было искренности в дружбе французского правительства, и не забывал, из-за каких политических соображений был принят этот союз. Он предчувствовал свое будущее падение. Его народ был в окружении демократий французской, лигурийской, цизальпинской, и с этого времени двор стал посматривать на Сардинию как на место спасения.

IV

После Толентинского мира Римский двор продолжал вести неискреннюю политику. Он точно соблюдал условия мира, но подпал под влияние кардиналов Буска и Альбани, продолжал набирать армию и имел

неблагоразумие открыто бросить вызов Франции, призвав в главнокомандующие генерала Провера. В то же время он отказался признать Цизальпинскую республику. Угрозы французского посланника заставили его прекратить эти слабые попытки сопротивления. Провера прибыл в Рим, прожил там несколько дней и должен был возвратиться в Австрию. Цизальпинская республика, пользуясь счастливым случаем овладеть некоторыми римскими провинциями, снарядила армию и объявила войну Ватикану. При этой угрозе расслабленные и безрассудные старцы Римского двора пали на колени и дали цизальпинской директории все удовлетворения, какие только она ни потребовала. Эта политика была типична для Ватикана в течение последних столетий. Римское правительство обветшало. Светская власть папы не могла больше держаться; она кончилась так же, как закончился суверенитет князей церкви в Германской империи.

V

Неаполитанский двор был под руководством королевы, женщины умной, но понятия которой были столь же беспорядочны, сколь и страсти, владевшие ее сердцем. Договор, подписанный в Париже в октябре 1796 г., не изменил настроений этого правительства, не переставшего вооружаться и причинять беспокойство Франции в течение всего 1797 г. Когда Наполеон, направляясь в Рим, был в Маркии, князь Пиньятелли-Бельмонте, неаполитанский министр, передал ему при свидании с глазу на глаз письмо королевы с заявлением, что она готова двинуть 30 000 человек для прикрытия Рима. «Благодарю вас за это откровенное признание, — отвечал ему главнокомандующий, — и могу вам ответить подобной же откровенностью». Он позвонил своему секретарю, распорядился принести папку с делом Неаполя и вынул из нее депешу, которая была им послана Директории в ноябре 1796 г. Мантуя тогда еще не была взята. В депеше он говорил: «Затруднения, которые я испытываю с приближением Альвинци, не мешают высылке 6 000 ломбардцев и болонцев для наказания Римского двора; но необходимо предвидеть, что Неаполитанский двор сможет выдвинуть 30 000 человек для прикрытия этой столицы. Следовательно, я двинусь на Рим только тогда, когда Мантуя сдастся и прибудут подкрепления, которые вы мне обещали для того, чтобы, в случае если Неаполитанский двор нарушит Парижский договор, я мог иметь 25 000 человек для овладения Неаполем и изгнания оттуда двора». Спешный курьер, которого этот министр отправил в ту же ночь, без сомнения, имел назначение уведомить королеву, каким образом был встречен ее намек.

Со времени Парижского мира неаполитанские послы при иностранных дворах были более враждебны по отношению к французам, чем это бывает в случае войны. Нередко можно было услышать, как эти агенты заявляли, что мир будет непродолжителен, и т. д. Подобное

поведение не мешало неаполитанскому кабинету питать большие надежды. Внезапно во время совещаний в Момбелло, в Удине и в Пассериано сердцем королевы овладел порыв честолюбия: ей захотелось получить острова Корфу, Занте, Кефалонию, Сен-Мор, Маркию-ди-Мачерата, Феррару, Анкону и герцогство Урбино; она пожелала лишить владений папу и Венецианскую республику — и все эти приобретения она хотела сделать при покровительстве и вмешательстве Франции, а особенно многого она ждала от Наполеона. Эти претензии были только забавны. Они являлись доказательством безрассудства и развращенности лиц, управлявших самым капризным и самым непоследовательным в Европе кабинетом, так же как и неаполитанская армия была самая худшая из армий в Италии. Неаполитанский трон уцелел в эту итальянскую войну только по причине своего счастливого расположения вдали от театра военных действий.

VI

Пришлось уступить мольбам ломбардцев и установить для них республику под названием *Транспаданская.*

В нее входила вся Ломбардия, т. е. вся местность, расположенная на левом берегу По, от Минчио до Тичино.

Циспаданская республика включала в себя местности правого берега — от пармских областей вплоть до Адриатического моря. Ее конституция была установлена декретом конгресса депутатов, избранных народом, и передана на всенародное утверждение. Она собрала громадное большинство голосов и в конце апреля была введена в действие. Народ выбрал всех своих должностных лиц; но так как дворянство и духовенство оказались в предвыборное время очень деятельными, власть частью попала в их руки, и народ обвинял власти в отсутствии у них приверженности к демократии.

Как только Момбелльская конвенция, содержавшая основы окончательного мира и согласованная с маркизом Галло, была отвергнута венским кабинетом и стало очевидным, что переговоры затянутся надолго, Наполеон принял решение создать Цизальпинскую республику, положив в ее основу республики Циспаданскую и Транспаданскую. Это объединило бы 3 или 4 миллиона жителей и создало бы сильное государство, способное влиять на дальнейшие события. Переговоры с властями этих обеих республик, чтобы побудить их к добровольному объединению, и подробности устройства Цизальпин составляли часть его работ во время пребывания в Момбелло. Власти Циспаданской республики упорно отказывались от объединения, противоречащего их местным предубеждениям. Потребовалось несколько месяцев споров и уговоров для того, чтобы правительства Реджио, Модены, Болоньи и Феррары поняли необходимость объединения, во главе с единым правительством. Местные

интересы препятствовали объединению народов правого берега По с народами левого берега. Вероятно, это не удалось бы произвести с их полного согласия, не дав надежды, что скоро настанет день объединения всех народов полуострова под единым правительством. Внушив надежду, что все итальянцы войдут в состав единой великой нации, было легко заставить их понять, что на пути к этой цели они должны начать с объединения в одно государство всех тех итальянских народов, которые уже свободны. К этой общей причине присоединились еще два частных обстоятельства: Романья, уступленная папой по Толентинскому договору, была сделана независимой под названием Эмилия и не присоединилась еще к Циспаданской республике. Местный патриотизм, толкавший ее на изоляцию, вызывал в ней особенную антипатию к граничащей с ней Болонье. Однако народы Романьи восприняли с горячностью мысль об образовании единой республики и в многочисленных петициях просили об образовании Цизальпинской республики. В то же время Венеция и материковые области, обеспокоенные тайной переговоров о предварительном мире, голосовали в народных собраниях за образование итальянской республики. Этими обстоятельствами устранялись все препятствия; местный патриотизм склонялся перед всенародным желанием, и частные интересы стушевывались перед общими стремлениями. Общее соглашение об объединении было принято, и Милан объявлен столицей.

Новая республика была названа *Цизальпинской республикой*. Этим были недовольны в Париже, где хотели назвать ее *Трансальпинской*. В действительности же, вследствие того что итальянцы постоянно стремились к Риму и к объединению всего полуострова в одно государство, слово *цизальпинская* было таким, которое льстило этим стремлениям и которого итальянцы хотели держаться, не осмеливаясь еще принять наименование *итальянская республика*. По Кампо-Формийскому договору часть венецианских областей, расположенная на правом берегу Адидже, была присоединена к Цизальпинской республике, а после граубюнденского посредничества в это объединение вошла и Вальтелина, и таким образом Цизальпинская республика составилась из десяти департаментов с населением в 3 600 000 человек, самых богатых в Европе, образующих самую красивую местность в мире — от Швейцарских гор до Тосканских и Римских Апеннин и от Тичино до Адриатического моря. Наполеону хотелось дать этой новой республике конституцию, отличную от французской конституции. Он просил, чтобы в Милан прислали несколько французских публицистов, таких, как Сиейс, чтобы можно было опереться на их имена; но эта мысль не понравилась Директории, и конституция Цизальпинской республики была составлена по образцу конституции Франции 1795 г. Первоначальными директорами сделались Сербеллони, Парадизи, Москати, Алессандри, Фенароли. Это были вожди французской партии в Италии. Первый из них являлся самым знатным вельможей Ломбардии. Они были водворены в миланском дворце

30 июня. Тогда же были провозглашены независимость Цизальпинской республики и отказ от права завоевания.

Общее собрание национальной гвардии и представителей властей новой республики состоялось в миланском госпитале. 14 июля 30 000 национальных гвардейцев и депутатов от различных департаментов приняли присягу на верность братству и союзу, с тем чтобы приложить все усилия к возрождению свободы и итальянского отечества. Цизальпинская директория назначила министров и должностных лиц государства, установила размер вооруженных сил и управляла Цизальпинской республикой как независимым государством. Ключи от Милана и других крепостей были ей возвращены.

С этого момента нравы итальянцев начали изменяться; через несколько лет они превратились в совсем другую нацию. Ряса, бывшая у молодых людей модной, была заменена военным мундиром. Вместо препровождения своего времени у ног женщин молодые итальянцы стали посещать манежи, стрелковые тиры, учебные плацы. Дети не играли больше в богослужение, у них появились полки оловянных солдатиков, и они в своих играх подражали военным действиям. В прежних театральных комедиях и в уличных фарсах итальянца всегда представляли как труса, хотя и умного, а рядом с ним всегда был некий грузный бахвал, иногда француз, а всего чаще немец, очень смелый, очень грубый, заканчивающий сцену нанесением нескольких палочных ударов итальянцу под громкие рукоплескания зрителей. Народ больше не выносил подобных зрелищ; теперь авторы показывали на сцене, к радости зрителей, смелых итальянцев, которые, поддерживая свою честь и права, обращали в бегство иностранцев.

Национальное сознание сложилось. В Италии появились свои песни, одновременно и патриотические и воинственные. Женщины с презрением отвергали ухаживания мужчин, напускавших на себя, чтобы им понравиться, изнеженную томность.

VII

Вальтелина состоит из трех долин: собственно Вальтелина, Бормио и Киавенна. Ее население составляет 160 000 человек. Жители исповедуют римско-католическую религию и говорят по-итальянски. Географически она принадлежит к Италии. Она граничит с берегами Адды, до впадения ее в оз. Комо, и отделена от Германии высокими Альпами. Ее протяжение в длину 18 лье, в ширину 6 лье. Киавенна, ее главный город, расположена в 2 лье от оз. Комо и в 14 — от Койре, от которого Бормио находится в 17 лье. В древности она составляла часть Миланской области. Барнабе Висконти, архиепископ и герцог миланский, отдал в 1404 г. эти три долины коирской церкви. В 1512 г. граубюнденские общины получили от Сфорца верховную власть над Вальтелиной на основе договорных статей, гарантом которых должны были сделаться гер-

цоги миланские. Таким образом, вальтелинцы оказались подданными трех граубюнденских общин, в которых жители преимущественно говорят по-немецки, протестанты и отделяются от них высокой цепью Альп.

Нет состояния более ужасного, как состояние одного народа под властью другого. Подобным же образом Нижний Валлис был подданным Верхнего Валлиса и область Во была в подданстве Бернской области. Долгое время несчастные вальтелинцы жаловались на притеснения, которым они подвергались, и на унизительное иго, которому они подчинены. Граубюнденцы, бедные и невежественные, наживались на них, более богатых и более цивилизованных. Последний крестьянин граубюнденских общин считал, что между ним и самым богатым жителем Вальтелины такое же расстояние, как между государем и его подданным. И, конечно, если бывает положение, когда восстание становится законным и требуется изменить путем его положение, то это относится как раз к тому положению, в котором находилась Вальтелина.

В мае 1797 г. народы трех долин подняли восстание, взялись за оружие, изгнали своих мнимых властителей, водрузили трехцветное итальянское знамя, назначили временное правительство и обратились с воззванием ко всем державам, уведомляя их о своих обидах и о принятом ими решении завоевать права, которых ни один народ не может быть лишен. В Момбелло они послали депутатами Гюиччиарди, Планта и Парибелли, людей достойных, с требованием восстановления договорных статей, полностью нарушенных граубюнденцами. Наполеон не хотел вмешиваться в вопросы, касающиеся Швейцарии и с этой точки зрения способные приобрести общее значение. Однако, когда ему представили из миланских архивов документы, относящиеся к этому делу, он увидел, что миланскому правительству предоставлено право гаранта; так как со своей стороны граубюнденские общины просили его покровительства, чтобы призвать вальтелинцев, их подданных, к порядку и заставить их вновь подчиниться, — он принял на себя посредничество и вызвал обе стороны явиться к нему в июле на суд для защиты своих прав. В течение этого времени граубюнденские общины молили о вмешательстве и гельветский союз. Бартелеми, французский посланник в Берне, энергично поддерживал их ходатайство. Наконец, после многочисленных происков обеих сторон Наполеон, прежде чем принять окончательное решение, порекомендовал обеим сторонам сговориться полюбовно и предложил им как средство примирения, чтобы Вальтелина образовала четвертую граубюнденскую общину, во всем равную с тремя первоначальными. Это предложение глубоко оскорбило самолюбие граубюнденских крестьян. Как допустить, чтобы крестьянин, пьющий воду из Адды, был равен крестьянину, пьющему воду из Рейна? Они возмутились этим предложением еще потому, что крестьяне-католики, говорящие по-итальянски, богатые и образованные, сравнивались с ними, крестьянами-протестантами, говорящими по-немецки, бедными и невежественными. Вожаки граубюн-

денцев не разделяли этих предубеждений, но защищали свои интересы: Вальтелина была для них очень значительным источником взимания налога и получения других больших доходов, с которыми они никак не могли решиться расстаться. Они интриговали в Париже, в Вене, в Берне. Им надавали обещаний, советовали выиграть время. Их упрекали, что они накликали на себя и приняли посредничество. Они отклонили пути примирения и не выслали депутатов к назначенному времени для разбора перед посредником вопросов выполнения договорных статей и представления возражений депутатам Вальтелины.

Наполеон вынес заочно решение против граубюнденских общин. Как арбитр, избранный обеими сторонами, а равно как представитель миланского суверена, гаранта договорных статей Вальтелины, он вынес 19-го вандемьера VI года (10 октября 1797 г.) свое постановление в следующих выражениях:

«Народы Вальтелины, Киавенны и Бормио восстали против законов граубюнденских общин и объявили себя независимыми в минувшем прериале. Правительство Граубюндена, после применения всех средств для приведения к повиновению своих подданных, прибегло к посредничеству Французской республики, в лице генерала Бонапарта, и послало к нему Гауденцио Планта в качестве депутата.

Так как народы Вальтелины также со своей стороны просили посредничества, то главнокомандующий собрал депутации обеих сторон в Момбелло 4-го мессидора (22 июня) и после довольно продолжительного совещания принял, от имени Французской республики, просимое посредничество. Он написал Граубюндену и Вальтелине, чтобы они выслали к нему поскорее депутатов.

Народы Вальтелины, Киавенны и Бормио выслали требуемых депутатов.

Прошло несколько месяцев, а граубюнденское правительство все еще не прислало своих депутатов, несмотря на повторные настояния гражданина Комейраса, резидента республики в Койре.

6-го фрюктидора (23 августа) главнокомандующий, видя анархию, в которую оказалась погруженной Вальтелина, распорядился написать граубюнденскому правительству уведомление о присылке депутации к 24-му фрюктидора (10 сентября).

Наступило 19-е вандемьера (10 октября), но граубюнденские депутаты не прибыли.

Они не только не прибыли, но не остается никаких сомнений в том, что, вопреки принятому ими посредничеству Французской республики, граубюнденские общины предрешили вопрос и что отказ от посылки депутатов является следствием интриг.

Вследствие этого главнокомандующий от имени Французской республики, приняв во внимание:

1) что прямодушие, лояльное поведение и доверие народов Вальтелины, Киавенны и Бормио в отношении Французской республики должны вызвать в этой республике взаимные чувства и готовность им помочь;

2) что Французская республика вследствие просьбы, заявленной граубюнденцами, стала посредником — арбитром судьбы их народов;

3) что нарушение граубюнденцами договорных статей, которые они должны были соблюдать относительно народов Вальтелины, Киавенны и Бормио, не подвергается сомнению и что последние, следовательно, вернули себе естественные права, данные природой всем народам;

4) что народ не может быть подданным другого народа без нарушения общественного и естественного права;

5) что жители Вальтелины, Киавенны и Бормио ясно высказались за их присоединение к Цизальпинской республике;

6) что общность религии, языков, местных особенностей, путей сообщений и торговых интересов также допускает такое присоединение Вальтелины, Киавенны и Бормио к Цизальпинской республике, из состава которой к тому же эти три страны некогда были вырваны;

7) что после декрета общин, составляющих три кантона граубюнденского союза, решение, которое принял посредник об организации Вальтелины в четвертый кантон, оказывается отвергнутым, и вследствие этого у Вальтелины не остается другого средства избавиться от тирании, как присоединение к Цизальпинской республике;

8) в силу власти, возложенной на Французскую республику по просьбе Граубюндена и вальтелинцев, главнокомандующий постановил, что народы Вальтелины, Киавенны и Бормио имеют право присоединиться к Цизальпинской республике».

Вопрос оказался разрешенным. Радость и восторг охватили этих несчастных обитателей Вальтелины. Злоба и оскорбленное самолюбие привели в содрогание Граубюнден. Тотчас же после этого арбитражного решения Вальтелина и Цизальпинская республика вступили в переговоры и объединились. Граубюнденцы тогда поняли свою ошибку. Они написали Наполеону, что высылают депутатов для защиты своих прав перед ним, притворившись таким образом, будто они не знают того, что произошло. Он им ответил, что они опоздали, что 10 октября его решение было уже вынесено, Вальтелина уже объединилась с Цизальпинской республикой и этот вопрос разрешен раз навсегда.

Справедливость, оказанная этому маленькому народу, тронула и изумила все благородные сердца. Принципы, на которых было основано решение Наполеона, разгласились по Европе и нанесли смертельный удар захвату верховных прав швейцарскими кантонами, имевшими другие народы в качестве подданных. Казалось бы, что бернская аристократия должна была хорошенько разобраться в этом и почувствовать, что наступила минута для некоторых уступок влияниям времени, французскому

влиянию и справедливости. Но предрассудки и гордость никогда не прислушиваются к голосу рассудка, природы и религии. Олигархия уступает только силе. И поэтому лишь много лет спустя обитатели Верхнего Валлиса согласились смотреть на обитателей Нижнего Валлиса как на себе равных и крестьяне области Во и Аргови принудили бернскую олигархию признать их права и их независимость.

ГЛАВА XVII

ДЕНЬ 18-го ФРЮКТИДОРА

I. Об Исполнительной Директории. — II. Общественное мнение.— III. Духовные дела.— IV. Партии, на которые была разделена республика. — V. Заговор против республики, во главе которого оказывается Пишегрю. — VI. Наполеон расстраивает этот заговор. — VII. 18-е фрюктидора. — VIII. Закон 19-го фрюктидора.

I

Преимущества, связанные, казалось, с правительственной структурой, установленной конституцией 1795 г., сперва были одобрены общественным мнением; совет из пяти высших должностных лиц, располагавший ответственными министрами для исполнения отдаваемых им распоряжений, обладал бы должным досугом для обстоятельного обдумывания всех дел. Неизменные принципы передавались бы из поколения в поколение без перерывов. Нечего было бы больше опасаться временного регентства и междуцарствия влиятельного меньшинства. Но эти иллюзии вскоре рассеялись, сразу обнаружились все неудобства — неизбежный результат смешения пяти интересов, пяти страстей, пяти различных характеров. Почувствовалось все различие между индивидуумом, созданным природой, и существом искусственным, не имеющим ни сердца, ни души и не внушающим ни доверия, ни любви, ни иллюзий.

Пять директоров разделили между собой люксембургский дворец и поселились в нем со своими семьями. Получилось пять маленьких буржуазных дворцов, расположенных один рядом с другим, каждый со своими собственными причудами женщин, детей и прислуги. Достоинство высших правителей было опошлено; это одинаково коробило и людей 93-го года и высшие классы общества. Дух конституции был нарушен. Директор не был ни министром, ни префектом, ни генералом, он был только одной пятой частью целого. Он должен был бы появляться публично только тогда, когда Директория собиралась в полном составе; его жене, детям, слугам надлежало бы не знать, что он член правительства. Директору надлежало оставаться простым гражданином. Директория же должна была быть окружена всем почетом, этикетом и велико-

лепием, присущим верховной власти великой нации. Это великолепие должно было быть отблеском могущества государства, а не личного двора директора. Директор, отбыв срок своих обязанностей, в таком случае не находил бы в своей домашней обстановке никакого изменения, не испытывал бы никаких лишений. Именно с этой целью конституция ассигновала на содержание каждого директора всего лишь по 100 000 франков, а расходы по представительству Директории были включены в бюджет в размере пяти миллионов, под рубрикой «расходы двора». В то время содержание в 100 000 франков было достаточно; но оно должно было быть обеспечено директору пожизненно; это позволило бы вменить ему в обязанность, с окончанием срока его полномочий, не занимать больше никаких должностей и обеспечило бы тем его независимость.

II

Республика была разделена на партии. Одна партия доверяла конституции 1795 г.; другая партия хотела видеть во главе правительства президента; третья сожалела о конституции 1793 г.; наконец, эмигранты, остатки привилегированных классов, мечтали о контрреволюции; но эта последняя партия состояла только из отдельных личностей, — эмигранты умирали от нищеты за границей. Первые три партии охватывали все население Франции. Многие хотели, чтобы Директория состояла из лиц, не участвовавших в государственных делах с 10 августа.

Все пять директоров голосовали за смерть короля; ждали, что они раздадут должности своим коллегам из Конвента, которые не были переизбраны в Законодательные палаты; вышло иначе. Звание члена Конвента сперва явилось прямой причиной немилости, а вскоре и поводом для удаления в изгнание. По соображениям охраны безопасности, они были изгнаны из Парижа и вынуждены удалиться в места своего постоянного жительства. Деятели 93-го года сначала изъявили желание примкнуть к правительственной колеснице, состоявшей целиком из людей, бывших в свое время ярыми якобинцами; но темпы движения этой колесницы им не понравились; они не находили простоты обращения; они встревожились внешним сходством с придворной обстановкой; привыкшие ничего не щадить, не признавать никаких оттенков, они стали издеваться над этим. Директорию это раздражало, и она резко выступила против них. Доведенные до крайности, они составили заговор, чтобы освободиться от ига «пяти люксембургских вельмож». Они вспомнили тогда, что Рейбелль сажал якобинцев в тюрьму, Баррас выступал против них 9-го термидора, Ревельер-Лепо был одним из семидесяти трех. Один Карно оставался безупречным в их глазах.

Партия, желавшая правительства с президентом, была бы искренно на стороне Директории, если бы та выказала ей доверие; но Директория отнеслась к ней сначала, как к врагу. Эта партия отдалилась и если

не сделалась врагом республики, то во всяком случае врагом методов управления.

Директория силилась набрать сторонников среди привилегированных классов; это ей не удалось. Эти классы никак не уважали людей без рода и племени и лично ничем не отличившихся.

Таким образом, снова возникли две крайние партии: люди 93-го года, потому что их притесняли; привилегированные классы, потому что перед ними заискивали.

Армии присоединились к правительству, основанному на принципах, за которые они дрались уже в течение пяти лет, и обеспечивавшему им наибольшую устойчивость и внимание.

Вскоре Директория усвоила пагубную политику, известную под названием «равновесия»; эта политика основывалась на принципе одинакового подавления обеих партий; таким образом, когда одна из них в чем-либо себя компрометировала, к ней применялись все строгости, и в то же самое время тем же актом Директория ударяла и по противоположной партии даже в тех случаях, когда та могла бы содействовать ее намерениям. Чувство несправедливости, фальши и безнравственности такой системы довело всех до величайшей степени раздражения и отвращения, а между партиями образовалось даже нечто вроде сближения.

III

Законами провозглашалась свобода совести. Они также обеспечивали отправление службы всех культов. Но при революционном правительстве священники всех религий попадали в тюрьму, изгонялись из страны и отправлялись в ссылку. После 9-го термидора такое положение вещей было смягчено. Затем директор Ревелльер-Лепо сделался главой *теофилантропов*. Он создал для них храмы. Гонение на католических священников возобновилось снова, и под различными предлогами их притесняли в отправлении религиозных обрядов. Громадное количество граждан снова было потревожено и обижено.

Республиканский календарь делил год на 12 месяцев, каждый равно по 30 дней, и каждый месяц — на три декады. Воскресения не было, и десятые числа считались днями отдыха. Директория пошла дальше и запретила, под угрозой исправительных наказаний, работать в десятые числа и отдыхать по воскресеньям. Наблюдение за исполнением этих бессмысленных постановлений она возложила на полицейских комиссаров, жандармов и должностных лиц. Народ испытывал гнет и подвергался наказаниям и притеснениям за дела, не касающиеся общего порядка и общего интереса. Общенародный ропот напрасно взывал к *правам человека*, к статьям конституции, к законам, гарантировавшим свободу действий, и к праву делать все то, что не вредит ни государству, ни другим. С трудом можно представить себе то отвращение, какое вну-

шалось подобным поведением администрации, притеснявшей таким образом граждан во всех мелочах жизни во имя свободы и *прав человека*.

IV

Выборы в Законодательный корпус призвали к делам людей со взглядами, противоречащими взглядам Директории, — естественное следствие ее ошибочной политики и дурной административной деятельности. Генерал Пишегрю, депутат от Юры в Совете Пятисот, был единогласно избран в председатели этого совета. Тогда не знали про его связи с заграницей. Бартелеми был назначен в директоры вместо Летурнера. Эти два избранника были очень популярны. Пишегрю был в то время самым известным генералом республики: он завоевал Голландию. Бартелеми стоял во главе переговоров, закончившихся заключением мира с королями прусским и испанским.

Директория разделилась на две партии: Рейбелль, Баррас и Ревельер составляли большинство, Карно и Бартелеми — меньшинство.

Министерство было сменено. Бенезех, министр внутренних дел, и Кошон-Лапаран, министр полиции, оказались замешанными в разоблачениях Дюверн-де-Преля. Петье и Трюге принадлежали к умеренной партии. Они содействовали принятию в их партию большого числа эмигрантов, присутствие которых вызывало подозрение. Заслуги министра Петье в хозяйственно-административной части военного ведомства, созданное им себе имя первого министра со времени революции, который представил ясный и точный отчет о расходах своего министерства, не спасли его от немилости вожаков. Однако и тогда, как постоянно за свою долгую административную карьеру, он выделялся своей честностью. Он умер без средств, оставив в наследство своим детям только уважение, которого по справедливости заслуживал. Рамель и Мерлен были единственными министрами, оставшимися на своих местах.

В законодательных палатах образовались три партии: официальные республиканцы, идущие во всем с большинством Директории, за исключением некоторых особо излюбленных ими вопросов; приверженцы принцев и заграницы: Пишегрю, Вилло, Эмбер-Коломе, Ровер и двое-трое других принадлежали тайно к этой партии; члены клуба Клиши, имевшие в своих рядах людей достойных, желающих добра, но не умеющих его делать, недовольных, враждебных директорам, членам Конвента и революционному правительству. Члены клуба Клиши выдавали себя за благоразумных, умеренных и добрых французов. Но были ли они республиканцами? Нет. Были ли они роялистами? Хотели ли они конституции 1791 г.? Нет. Конституции 1793 г.? Еще менее. Конституции 1795 г.? И да, и нет. Чего же они хотели? Они сами об этом ничего не знали. Некоторых вещей они хотели с *если*, а некоторых с *но*. Их побуждали действовать рукоплескания в салонах, похвалы за их успешные выступления на трибуне. Они голосовали вместе с тайным комитетом

роялистов, не ведая об этом. Они были поражены, когда после своего крушения они убедились, что Пишегрю, Эмбер-Коломе, Вилло, Делаэ и т. д. были заговорщиками, что все трогательные речи, которые ими произносились, были заранее намечены заговорщиками, помогавшими политике Питта и принцев. Они не подозревали об этом и не осмелились бы на заговор. Карно и большое число членов клуба Клиши доказали затем своим поведением, что они были далеки от желания выступать против республики. Карно был ослеплен своей ненавистью к термидорианцам. Его сердце было разбито со дня 9-го термидора, когда Комитет общественного спасения обвинили за всю кровь, пролитую на эшафоте. Он любил общественное внимание и был на поводу у тех, кто господствовал на трибуне и в газетах.

Журналисты в громадном большинстве были против Директории, против Конвента, против революции. Некоторые из них пытались, таким образом, заставить забыть преступления, совершенные ими во время революционного правительства, агентами которого они были; некоторые из них были на содержании лондонского казначейства. Директория не сумела противопоставить газетам — газеты, печати — печать, перьям — перья, либо не сознавая все их значение, либо из нежелания пожертвовать на это необходимые деньги. Не хотели взять пример с английского правительства, которое не только оплачивает и обильно распространяет утренние, вечерние, еженедельные, месячные и ежегодные газеты и журналы, но еще дает им информации и выдержки из поступающих к правительству сведений, знакомство с которыми полезно для общественного осведомления. Сент-джемский кабинет морочит иностранцев, когда он с негодованием отказывается от журналистов или покрывает их презрением. Это негодование лишь притворство: фактически же он их оплачивает, ими руководит, и его архивы им открыты.

Трибуна Совета Пятисот, трибуна Совета старейшин, почти все уличные листки выступили против правительства и революции, против законов об эмиграции, против продажи национальных и церковных имуществ, против казнокрадства должностных лиц и против непомерных налогов. Прекратили продажу национальных имуществ. Покупатели их забеспокоились. Эмигранты стали возвращаться, и духовенство подняло голову. Генерал Пишегрю был душою этого плана контрреволюционного переворота. Директория среди этой бури вела себя неуверенно.

V

Пишегрю, уроженец Франш-Конте, поступил восемнадцати лет в Бриенскую военную школу в качестве надзирателя. Он намеревался поступить в духовную школу в Витри и пробыть там срок своего послушничества, но ему отсоветовали, и в 1789 г. он был зачислен в Метцский артиллерийский полк. Он был в нем сержантом, когда клуб якобинцев Безансона выбрал его командиром батальона волонтеров. В 1793 г. на-

родный представитель Сен-Жюст назначил его главнокомандующим. Он с успехом руководил кампанией 1794 г. и завоевал Голландию. В 1795 г. он командовал рейнской армией. С этого времени начинается его измена. Он имел преступные сношения с неприятельскими генералами и согласовал с ними свои операции. Армии самбро-маасская и рейнская получили приказ произвести совместные передвижения в целях сосредоточения к Майнцу. Он провалил эту операцию, оставив большинство своих сил на Верхнем Рейне. Несколько времени спустя контрвалационная линия, которую он занимал на левом берегу реки, перед Майнцем, была форсирована Клерфайтом, овладевшим всей его полевой артиллерией. Он отступил с остатками войск на виссембургские линии. Эти события и другие обстоятельства заставили усомниться в его надежности. Правительство было встревожено. В начале 1796 г. он был отозван из армии, и ему предложили посольство в Швеции. Пишегрю отказался и удалился во Франш-Конте, откуда продолжал свои сношения с неприятелем. Назначенный в Совет Пятисот избирательным собранием Юры, он счел, что наступила минута торжества для партии эмигрантов. Он предназначался партией на роль Монка Франции.

В течение апреля Дюверн-де-Прель и аббат Бротье были арестованы, отданы под суд и осуждены. Дюверн-де-Прель сделал важные признания: край завесы был приподнят. В это же время в Париж прибыл портфель д'Антрега. Все бумаги были перенумерованы и помечены инициалами Кларка и Бертье. Там оказались подробности, выясняющие шаг за шагом поведение Пишегрю. Фош-Борель, книгопродавец в Невшателе, был главным агентом этого заговора.

В продолжительных разговорах, которые Наполеон вел с графом д'Антрегом, он проник в тайну интриг, поддерживавших и возбуждавших беспокойство во Франции, питавших надежды иностранных государств и парализовавших все переговоры с Австрией.

VI

Сигнал был дан: все газеты были заполнены критикой, клеветой, жалобами на итальянского главнокомандующего. Они обесценивали его успехи, чернили его характер, клеветали на его управление, брали под подозрение его преданность республике, обвиняли его в честолюбии. С газет эта клевета перешла на трибуну. С трибуны его обвиняли за войну, которая была им объявлена Венеции, за его поведение в отношении Генуи, за арбитражное решение, вынесенное им в пользу Вальтелины против граубюнденских общин. Дошли до отрицания того, что произошла резня французов в венецианских владениях и в Вероне и до отрицания нарушений нейтралитета в отношении посыльного судна «*Освободитель Италии*», обстрелянного в водах Венеции с адмиральской галеры и с батарей форта Лидо.

Вскоре парижские газеты сделались предметом разговора в лагерях. Солдаты говорили: «Они выдают себя за наших представителей, а восхваляют наших врагов! Венецианцы пролили французскую кровь, и, вместо того чтобы отомстить за нее, нас же и обвиняют. Не тех, кто ее пролил, а тех, кто отомстил за нее! Значит, они не считаются с тем, что нас здесь сто тысяч штыков и столько же свидетелей этих событий? Эти враги республики не могут ни победить, ни подкупить нашего главнокомандующего. Они хотят прикончить его политически, но это им не удастся: чтобы его достать, нужно прежде всего пройти по нашим трупам!»

Итальянские художники выпустили гравюры, в которых депутаты Клиши были изображены действующими заодно со славонцами. Солдаты при чтении парижских газет содрогались от гнева.

На празднике 14 июля, прежде чем произвести смотр, главнокомандующий объявил армии в приказе:

«Солдаты, сегодня годовщина дня 14 июля! Вы помните имена наших товарищей по оружию, павших на поле чести за свободу отечества. Они служат вам примером. Вы все обязались стоять за республику; вы все обязались стоять за счастье тридцати миллионов французов; вы должны все до конца стоять за славу французского имени, которое получило новый блеск благодаря вашим победам.

Солдаты, я знаю, что вы глубоко опечалены несчастьями, угрожающими отечеству! Но отечество может избежать опасности. У него и теперь имеются еще те же люди, которые восторжествовали над европейской коалицией. Нас от Франции отделяют горы. Вы перелетите через них с быстротой орла, если это потребуется для поддержки конституции, защиты свободы и спасения правительства и республиканцев.

Солдаты, правительство бодрствует над хранилищем законов, вверенным ему! Роялисты, едва только появятся, будут уничтожены. Не тревожьтесь, а поклянемся прахом героев, павших в наших рядах за свободу, поклянемся перед нашими боевыми знаменами итти войной на врагов республики и конституции III года!»

Это оказалось искрой, воспламенившей пожар. Каждая кавалерийская и пехотная дивизия составила свое обращение к правительству. Офицеры, унтер-офицеры и солдаты их проголосовали и подписали. Эти обращения показывали их тревожное состояние духа. Генерал Бертье отослал их в Директорию и в законодательные палаты. Народ стал к ним присоединяться.

Армии самбро-маасская и рейнская разделяли те же самые чувства. В общественном мнении немедленно произошел полный переворот: большинство Директории было потеряно, республика была в опасности.

Гош двинул одну самбро-маасскую дивизию на Париж под предлогом экспедиции в Ирландию. Совет Пятисот вознегодовал на то, что

войска нарушают конституционный порядок. Гош покинул столицу и нашел прибежище только в своей главной квартире.

При этих критических обстоятельствах одна могущественная партия побуждала Наполеона свергнуть Директорию и захватить бразды правления. Энтузиазм, вызванный во Франции завоеванием Италии, и преданность армии, казалось, устранили бы все препятствия. Если бы честолюбие руководило его жизнью, он не поколебался бы. То, что он сделал 18-го брюмера, он сделал бы и 18-го фрюктидора; но теперь, как и всегда, независимость, могущество и счастье Франции — вот что было его первой мыслью. Аркольский и риволийский победитель считал, что он не имеет права в данную минуту осуществить это великое дело, как он не считал себя вправе на него впоследствии в Париже, после своих поражений, в тот момент, когда его покинули законодательные палаты. В 1797 г., как и в 1815 г., те же люди, которые свергли трон Людовика XVI, владели общественным мнением и считали себя предназначенными спасти революцию.

Наполеон решил поддержать Директорию и с этой целью послал в Париж генерала Ожеро. Если бы, против его ожидания, заговорщики одержали верх, — все было подготовлено для его вступления в Лион во главе 15 000 человек спустя пять дней после получения известий об их победе. Оттуда, двигаясь на Париж и собирая всех республиканцев, всех защитников революции, он, как Цезарь, перешел бы через Рубикон во главе народной партии.

VII

По своем прибытии в Париж Ожеро был назначен Директорией командующим 17-м военным округом. 18-го фрюктидора на рассвете полицейские офицеры отправились к директорам Бартелеми и Карно. Первого они схватили, но второй, предупрежденный, скрылся в Женеву. Одновременно Директория арестовала Пишегрю, Вилло, 50 депутатов Совета Пятисот и Совета старейшин и 150 других лиц, в большинстве журналистов. В тот же день она направила послание в законодательные палаты, в котором сообщала о заговоре, составлявшемся против республики, и приложила при этом бумаги, найденные в портфеле д'Антрега, и показания Дюверн-де-Преля. Законом 19-го фрюктидора были осуждены на изгнание два директора, 50 депутатов и 148 других лиц. Выборы во многих департаментах были кассированы, ряд законов был отменён, приведены в действие некоторые меры общественного порядка; избрание Карно и Бартелеми в Директорию было аннулировано; их заменили Мерлен и Франсуа-де-Невшато. Планы врагов республики, таким образом, оказались расстроенными.

Изумление населения было равно его недоверчивости. Предположили, будто показания Дюверна и бумаги д'Антрега были подложны, но все сомнения прекратились, когда ознакомились со следующим воззва-

нием генерала Моро к своей армии, помеченным: Главная квартира, Страсбург, 23-го фрюктидора (9 сентября 1797 г.):

«Солдаты, я только что получил воззвание Исполнительной Директории от 18-го сего месяца, извещающее Францию, что Пишегрю оказался недостойным доверия, которое так долго внушал всей республике, особенно войскам. Мне также сообщили, что многие военные, уверенные в патриотизме этого народного представителя, на основании заслуг, которые им оказаны, сомневались в этом утверждении.

Я обязан моим собратьям по оружию, моим согражданам сообщить всю истину.

Увы, слишком верно, что Пишегрю обманул доверие всей Франции. Я уведомил одного из членов Директории 17-го числа сего месяца, что в мои руки попала переписка с Конде и другими агентами претендента, не оставляющая никакого сомнения в этой измене. Директория вызывает меня немедленно в Париж и желает получить более подробные сведения об этой переписке.

Солдаты, будьте спокойны и не тревожьтесь о внутренних событиях. Верьте, что правительство, преследуя роялистов, заботится о поддержании республиканской конституции, которую вы поклялись защищать».

24-го фрюктидора Моро написал Директории:

«Лишь 22-го, очень поздно вечером, мною в 10 лье от Страсбурга получен ваш приказ отправиться в Париж. Мне нужно несколько часов, чтобы подготовиться к отъезду, обеспечить спокойствие в армии и арестовать несколько человек, скомпрометированных в одной важной переписке, которую я передам вам лично.

Прилагаю при сем выпущенное мной воззвание, целью которого было убедить многих людей, не поверивших в измену. Добавлю, что трудно поверить, как человек, имеющий такие заслуги перед своей страной и ничего не выгадывающий, изменяя ей, мог совершить такой позорный поступок.

Меня считали другом Пишегрю, между тем я его давно уже больше не уважаю. Вы увидите, что никто не скомпрометирован больше моего, так как все планы заговорщиков основывались на неудачах армии, которой командую я. Ее храбрость спасла республику».

Наконец, в письме к Бартелеми от 19-го фрюктидора Моро заявлял:

«Гражданин директор, вы, наверное, помните, как в мою последнюю поездку в Базель я вам сообщил, что при переправе через Рейн мы захватили повозку генерала Клинглина с перепиской, содержащей 200—300 писем. Туда входила частью и переписка Виттерсбаха, но она была нам менее важна. Много писем зашифровано, но мы нашли ключ. Приступили к расшифровке, на что требуется очень много времени. Никто в ней не назван своим настоящим именем, так что многих французов, переписывающихся с Клинглином, Конде, Викхемом, Энгиенским и дру-

гими, трудно установить. Однако мы имеем такие данные, что некоторые уже установлены.

Я решил не предавать никакой огласке эту переписку, потому что, раз мир предрешен, то для республики нет больше опасности. Доказательства же имеются только против нескольких лиц, так как фамилий не названо. Но, видя, что во главе партии, причиняющей ныне столько зла нашей стране, оказался человек, который, занимая пост, пользующийся самым высоким доверием, сильно скомпрометирован этой корреспонденцией и был предназначен играть крупную роль при возвращении претендента, что является целью переписки, я счел себя обязанным известить вас об этом для того, чтобы вы не дали себя обмануть его притворным республиканизмом и могли осветить его поступки и противодействовать гибельным ударам, какие он может нанести нашей стране, потому что целью его планов может быть только гражданская война.

Признаюсь, гражданин директор, мне бесконечно тяжело сообщать вам о такой измене, тем более, что тот, о котором я вам говорю, был моим другом и, наверное, оставался бы им еще, не будь он мною уличен: я говорю о народном представителе Пишегрю. Он был достаточно благоразумен, чтобы ничего не писать. Он поручал писать другим и назывался кличками, из которых одна была Баптист. Некий командир бригады, по фамилии *Бадувиль,* приставленный к нему, обозначается кличкой Коко. Он служил одним из курьеров, которыми пользовался Пишегрю так же, как и остальные его корреспонденты. Вы его должны были встречать довольно часто в Базеле. Их решительное выступление должно было произойти в начале кампании IV года. Они рассчитывали на неудачи по моем прибытии в армию, которая, досадуя, что ее разбили, должна была потребовать назад своего старого главнокомандующего; тогда он уже стал бы действовать по инструкциям, которые он получал.

Он, повидимому, получил 900 луидоров на поездку в Париж во время его смещения. Отсюда естественным становится его отказ от шведского посольства.

Я подозреваю, что семья Лажоле участвует в этой интриге.

Только большое доверие, которое я питаю к вашему патриотизму и к вашей рассудительности, заставило меня сделать вам это сообщение. Доказательства в нем ясны, как день, но я сомневаюсь, могут ли они служить судебными доказательствами.

Прошу вас, гражданин директор, соблаговолите сообщить мне свое мнение об этом столь щекотливом деле. Вы меня достаточно знаете, чтобы поверить, чего мне стоило это конфиденциальное предупреждение. Только лишь опасности, грозящие моей стране, заставили меня сделать вам это сообщение. Эта тайна известна только пяти лицам: генералам Дезе и Ренье, одному из моих адъютантов и офицеру, ведающему сек-

ретной частью армии, постоянно следящему за сведениями, поступающими из расшифрованных писем».

Несколько времени спустя были опубликованы бумаги, найденные в повозке Клинглина в апреле 1797 г., о которых знали только Моро, Дезе и Ренье. Вскоре доказательства об измене Пишегрю начали поступать со всех сторон.

Приговоренные к ссылке были посажены на суда в Рошфоре и отправлены в Гвиану.

VIII

Когда Наполеон узнал о законе 19-го фрюктидора, он был глубоко огорчен и громко заявил о своем недовольстве. Он упрекнул трех директоров в том, что они не сумели победить, соблюдая умеренность. Он одобрял, что Карно, Бартелеми и 50 депутатов были смещены, лишены мандатов и взяты под надзор в одном из внутренних городов республики, но хотел, чтобы только Пишегрю, Вилло, Эмбер-Коломе и двум-трем другим было предъявлено обвинение и чтобы они искупили на эшафоте свою вину за доказанную измену. Он желал, чтобы этим все и ограничилось. Ему было тяжело видеть, как люди больших талантов, подобные Порталису, Тронсону-дю-Кудрэ, Фонтану, патриоты, подобные Буасси-д'Англа, Дюмолару, Мюреру, высшие должностные лица, подобные Карно и Бартелеми, приговоренные без обвинительной процедуры, без суда, — обречены на гибель в болотах Синнамари. Можно ли наказывать ссылкой журналистов, заслуживающих только презрения и уголовного наказания! Это было возвращением к проскрипциям римских триумвиров. Это означало показать себя более жестоким, чем трибунал Фукье Тенвилля, потому что тот по крайней мере выслушивал обвиняемых и приговаривал их только к смерти! Все армии, весь народ были за республику. Только угроза общественной безопасности могла бы оправдать такую возмутительную несправедливость и такое нарушение прав и законов.

Заговорщики хотели уничтожить республику при помощи Законодательного корпуса, лишить Директорию популярности у народа, создать ее из людей или слабых, или преданных их партии и, наконец, произвести контрреволюционный переворот, рассматриваемый ими, как единственное средство против несчастий, раздирающих отечество.

Трое директоров, упоенных своей победой, в торжестве республики видели только свое торжество. Законодательные палаты назначили Мерлена и Франсуа-де-Невшато вместо Карно и Бартелеми, вместо того чтобы созвать избирательные собрания для пополнения состава Директории.

Трудно было понять, на что они надеялись, совершая подобное покушение против конституции, относясь с таким пренебрежением к общественному мнению. Три человека без заслуг претендовали сделаться ко-

ролями Франции, управлять самодержавно, не придерживаясь законов и без содействия Законодательного корпуса! Акты 22-го флореаля следующего года, акты 30-го прериаля 1799 г. были следствием такого незаконного и политически ошибочного поведения. В дни фрюктидора правительство посягнуло на законодательные учреждения; 22-го флореаля законодательные учреждения и правительство посягнули на верховенство народа, отказавшись принять в качестве членов законодательных палат депутатов, избранных в народных избирательных собраниях, признанных законными; наконец, 30-го прериаля законодательные палаты посягнули на права, преимущества и свободу правительства. Этими тремя днями был нанесен удар республиканским идеям и уничтожена конституция 1795 г.

С октября 1796 г. Сент-джемский кабинет, испугавшись денежных жертв, которые пришлось бы понести Англии для продолжения войны против Франции, решился на мир. Лорд Мальмсбери обменялся в Париже своими полномочиями на ведение переговоров с Шарлем Делакруа, министром иностранных дел. Но после нескольких совещаний переговоры были прерваны, так как английский уполномоченный предъявил ультиматум с требованием возвратить Бельгию императору. Лёобенский прелиминарный договор побудил Англию возобновить переговоры. Австрия сама отказалась от Бельгии. Вопрос об обладании этой провинцией не мог больше представить затруднений. Лорд Мальмсбери отправился в Лилль. Мир был тем более необходим Питту, что его финансовые планы только что провалились. Директория назначила своими уполномоченными Летурнера, Плевиль-ле-Пеллей и Маре, впоследствии герцога Бассано. Выбор этого последнего понравился Лондону. Питт знал его миролюбие. Он уважал его достоинства, потому что вел с ним переговоры в 1792 г. для спасения Людовика XVI и сохранения мира. Со своей стороны лорду Мальмсбери хотелось увенчать свою долгую политическую карьеру новым успехом. Уполномоченные той и другой стороны действовали с большой искренностью, и все заставляло надеяться на благоприятный исход. Эти переговоры, происходившие одновременно на севере Франции и в Италии, не могли вестись отдельно. Кларку было поручено вести переписку с Маре. Мир, заключенный с Англией, устранил бы много затруднений в Кампо-Формио, и его можно было бы подписать в Лилле на более выгодных условиях для Франции и ее союзников, чем впоследствии по Амьенскому договору. Но настало 18-е фрюктидора. Маре был отозван. Трейяр и Боннье, новые уполномоченные, потребовали от Мальмсбери, чтобы Англия согласилась на возвращение всех своих завоеваний во французских, испанских и голландских владениях. Лорд Мальмсбери, изумленный таким странным дополнительным требованием, ответил, что им получен приказ вести переговоры на базе взаимных компенсаций. Французские министры дали 24 часа на принятие их требования, и, на случай, если он будет настаивать на своем отказе объ-

ясниться по этому вопросу, они предложили ему отправиться самому в Лондон за новыми инструкциями и полномочиями, более широкими. Мальмсбери 17 сентября покинул Лилль. Французские уполномоченные дошли в своей иронии до того, что даже притворились, будто они верят в его возвращение в Лилль и дождутся его там. 5 октября лорд Мальмсбери уведомил их из Лондона, что Англия не вышлет больше во Францию своего представителя для переговоров, пока последний не получит гарантии, что ему будут обеспечены независимость суждений и уважение, присущее его сану. Насколько Директория была права в первых переговорах, настолько же она была неправа в Лилле как по существу, так и по форме. Было бы правильней, чтобы Франция сохранила часть своих завоеваний на континенте, а Англия удержала бы соответственно часть своих. Директория, не оказав должного уважения сану посланника, не уважала самое себя.

Во время 18-го фрюктидора адъютант Ла-Валетт находился в Париже в течение нескольких месяцев в качестве посредника между итальянским главнокомандующим и большинством и меньшинством Директории, а также различными партиями в палатах и столице. Через пятнадцать дней после 18-го фрюктидора он был обеспокоен правительством. Это был человек мягкого характера, умеренных убеждений. Он поспешил в Милан под покровительство своего генерала.

Одной из первых забот Наполеона по вступлении в консулат было аннулировать закон 19-го фрюктидора, вернув отечеству большое число лиц, уважаемых за их таланты и заслуги. Пишегрю, Вилло, Эмбер-Коломе и несколько других были единственным исключением. Карно, Порталис, Барбе-Марбуа, Бенезеш были потом его министрами. Бартелеми, Лаппаран, Пасторе, Буасси-д'Англа, Фонтан были сделаны сенаторами. Фонтан даже был выбран председателем Законодательного корпуса и ректором университета. Симеон, Мюрер, Го, Вилларе-Жуаез, Дюма, Ломон были назначены в государственный совет. Воблан, Дюплантье и другие были префектами.

Общественное мнение отходило от правительства все больше. Совет Пятисот, испуганный общим недовольством, увеличивал зло. Он видел спасение только в революционных мероприятиях. Он потерял голову до такой степени, что постановил выслать из Франции всех дворян. Число их все еще было очень значительно не только на гражданской службе, но и в армии. Для того отчасти, чтобы его советы нашли отклик и во Франции, Наполеон послал временному правительству Генуи свое знаменитое, произведшее такой эффект в Париже письмо от 11 ноября, в котором говорил: «Отстранение всех дворян от исполнения общественных должностей было бы возмутительной несправедливостью: вы сделали бы то же самое, что делали они».

ГЛАВА XVIII

МИР В КАМПО-ФОРМИО

I. Обмен ратификациями лёобенских предварительных условий мира (24 мая 1797 г.).—II. Конференция в Момбелло.—III. Конференции в Удине до 18-го фрюктидора.—IV. Конференция в Пассарьяно.—V. Французское правительство после 18-го фрюктидора не хочет больше мира.—VI. Участие в этом деле Наполеона и его политика.—VII. Чрезмерные притязания императорских уполномоченных; угрозы; передвижения армий.—VIII. Подписание Кампо-Формийского мирного договора 17 октября.—IX. Генералы Дезе и Гош.—X. Наполеон покидает Италию и отправляется в Париж через Раштадт.

I

Обмен ратификациями лёобенских предварительных условий мира произошел 24 мая в Момбелло между Наполеоном и маркизом Галло. Возник в первый раз вопрос этикета. Германские императоры имели право первенства перед французскими королями. Венский кабинет опасался, что республика не захочет признавать этого обычая и что, по ее примеру, другие державы Европы начнут также нарушать этот признак подчинения верховной власти, который установился в священной Римской империи со времен Карла Великого. В первый момент упоения, испытанного австрийским уполномоченным от подчинения Франции обычному этикету, он отказался от мысли о конгрессе в Берне, согласился на отдельные переговоры и на открытие для установления мира в империи конгресса в Раштадте лишь в июле следующего года.

Через несколько дней переговоры привели к соглашению об окончательном договоре на следующих основаниях: 1) граница по Рейну для Франции; 2) Венеция и граница по Адидже для императора; 3) Мантуя и граница по Адидже для Цизальпинской республики. Маркиз Галло заявил, что с последним прибывшим курьером он получил точные указания для подписания мира на этих основаниях. С 6 мая Наполеон и генерал Кларк были облечены необходимыми полномочиями. Эти условия являлись более благоприятными для Франции, чем смела надеяться Директория. Можно было, следовательно, считать мир обеспеченным.

Кларк был в момент революции капитаном Орлеанского драгунского полка. С 1789 г. он примкнул к орлеанской партии. В 1795 г. был призван в Комитет общественного спасения для руководства топографическим бюро. Особенно покровительствуемый Карно, он был избран Директорией в 1796 г. для предложения мира императору и отправился для этого в Милан. Действительной целью его назначения было отнюдь не открытие переговоров, а наблюдение за главнокомандующим, победы которого начали тревожить Директорию. Кларк отсылал в Париж характеристики главных начальствующих лиц армии. Это возбудило ропот и навлекло на него неприятности. Наполеон, понимавший, что правительство нуждается в осведомлении, предпочел, чтобы такое секретное поручение

было доверено человеку известному, чем всяким второстепенным агентам, собирающим по кабакам и передним самые нелепые сведения. Он взял Кларка под свое покровительство и даже использовал его для переговоров с Сардинией и итальянскими государями. После 18-го фрюктидора он горячо его защищал не только потому, что Кларк заслужил его уважение при выполнении им своей столь щекотливой миссии, но также и потому, что он считал обязанностью своего положения оказывать покровительство каждому человеку, имевшему с ним ежедневные сношения и на которого он не имел повода открыто жаловаться. У Кларка совсем не было военных способностей. Это был человек кабинетный, точный и надежный работник, большой враг всяких жуликов. Он происходил из одной из ирландских фамилий, сопровождавших Стюартов в изгнанье. Чрезмерно возгордившись своим происхождением, он навлек на себя насмешки в эпоху империи за свои генеалогические изыскания, совсем не вязавшиеся с убеждениями, им исповедуемыми, с карьерой, какой он следовал, и с духом времени. Это был его недостаток. Но он не помешал императору вверить ему портфель военного министра, как хорошему администратору, привязанному к Наполеону за то, что последний осыпал его благодеяниями.

В эпоху империи он оказал важные услуги, благодаря своей безукоризненной честности, и, вспоминая о нем, приходится пожалеть, что в конце своей карьеры он принимал участие в правительстве, которое Франция будет вечно упрекать за то, что оно распустило армию, покрывшую Францию славой в течение 25 лет, и сдало противникам наши крепости, остававшиеся еще непобедимыми.

Если бы в 1814 и 1815 гг. доверие короля не было бы отдано людям, дух которых разложился под влиянием грозных обстоятельств, ренегатам своего отечества, которые видели спасение и славу трона своего господина только в подчинении игу Священного Союза; если бы в управление государством вступили такие люди, как герцог Ришелье, стремлением которого было освободить свою родину от присутствия чужеземных штыков, или как Шатобриан, только что оказавший в Генте выдающиеся услуги, — Франция вышла бы из этих двух национальных кризисов могущественной и грозной. У Шатобриана был природный талант, об этом свидетельствуют его сочинения. Его стиль — это не стиль Расина, а стиль пророка. Он был единственным, который мог сказать безнаказанно с трибуны палаты пэров, что «серый сюртук и шляпа Наполеона, нахлобученные на шест на брестском побережье, заставят Европу стать в ружье». Если бы Шатобриан когда-либо пришел к власти, возможно, он тоже сбился бы с пути, как и многие другие, нашедшие здесь свою погибель; но верно одно: все великое и национальное созвучно его гению, и он с негодованием отверг бы постыдные поступки тогдашней администрации.

II

Граф Мервельдт, новый австрийский уполномоченный, прибыл в Момбелло 19 июня. Венский кабинет дезавуировал маркиза Галло и настоял на том, чтобы условия мира обсуждались только на Бернском конгрессе и в присутствии союзников Вены. Видимо, он изменил свое поведение. Вступил ли он в новую коалицию? Действовал ли он в расчете на русские войска? Было ли это последствием заговора Пишегрю? Не питал ли он надежды на то, что гражданская война, раздирающая восточные департаменты, распространится по всей Франции и власть попадет в руки заговорщиков?

Австрийские уполномоченные ничего не могли ответить, когда Наполеон им указывал, что Англия и Россия никогда не согласятся на то, чтобы император возместил свои потери за счет Венеции, что требование вести переговоры вместе с этими государствами значит вызвать еще раз войну. Министр Тугут прислал новые инструкции. Он отказывался от Бернского конгресса и соглашался на сепаратные переговоры. Совещания открылись в Удине 1 июля. Генерал Кларк со стороны Франции отправился туда один. Наполеон заявил, что он будет присутствовать там только тогда, когда постановят в протоколе, что австрийские представители искренно желают мира и имеют полномочие его подписать. Несколько дней спустя он покинул Момбелло и отправился в Милан. Там он пробыл июль и август. Австрийцы выжидали исхода кризиса, волновавшего Францию: эти два месяца прошли в бесплодных переговорах. День 18-го фрюктидора расстроил надежды Австрии. Граф Кобенцль спешно прибыл в Удине и предъявил полномочия императора, полным доверием которого он пользовался. Маркиз Галло, граф Мервельдт и барон Дегельманн принимали участие в совещаниях, но только лишь для проформы.

III

Наполеон отправился в Пассарьяно. Кларк был отозван, и Наполеон оказался единственным уполномоченным со стороны Франции. 27 сентября начались переговоры с графом Кобенцлем. Совещания происходили попеременно то в Удине, то в Пассарьяно. Четыре австрийских уполномоченных сидели по одной стороне прямоугольного стола. Сбоку находились секретари конференции, а по другой стороне стола расположился французский уполномоченный. Когда совещания происходили в Пассарьяно, — обедали у Наполеона. Когда они велись в Удине, — обедали у графа Кобенцля. Пассарьяно — прелестный дачный дом, расположенный на левом берегу Тальяменто, в 4 лье от Удине и в 3 лье от развалин Аквилеи.

На первом же совещании граф Кобенцль отказался от всего, о чем говорили его коллеги в течение четырех месяцев. Он выдвинул сумас-

бродные притязания. Приходилось начинать снова круг болтовни, которая велась уже с мая.

Граф Кобенцль был родом из Брюсселя, очень любезный в обществе, изысканно вежливый, но жесткий и тяжелый в делах. В его суждениях недоставало определенности и точности; он это чувствовал и думал восполнить это повышением голоса и повелительными жестами.

Маркиз Галло, неаполитанский посланник в Вене, пользовался одновременно вниманием неаполитанской королевы и императрицы. Он был вкрадчив, уступчив и правдив.

Граф Мервельдт, полковник уланского полка, был выдвинут министром Тугутом и пользовался его доверием.

Барон Дегельманн был прямодушный и благожелательный дипломат.

IV

Ход переговоров с прибытием графа Кобенцля не позволял больше сомневаться в действительных намерениях венского двора: он хотел мира. Он не заключал никаких новых соглашений ни с Россией, ни с Англией, и когда австрийские представители убедились бы, что они могут заключить договор на основаниях, установленных в Момбелло, мир был бы подписан, если бы Директория не изменила своей политики. Она переоценила свои силы после 18-го фрюктидора. Она считала возможным безнаказанно требовать от нации новых жертв. Она намекнула, чтобы Наполеон прервал переговоры и начал военные действия, а в то же время вела официальную переписку в духе инструкций 6 мая. Было ясно, что Директория хотела войны, но всю ответственность за разрыв хотела возложить на человека, ведущего переговоры. Когда она почувствовала, что этот ход не удается, и особенно когда сочла свою власть укрепившейся, ею был послан ультиматум в депеше от 29 сентября. Наполеон получил его 6 октября в Пассарьяно. Франция не хотела больше уступать императору ни Венеции, ни линии Адидже. Это было равносильно объявлению войны.

У Наполеона были установившиеся взгляды на степень повиновения, которое он должен был оказывать своему правительству в отношении военных действий. Он считал себя обязанным исполнять его приказания постольку, поскольку они признавались им разумными и насколько успех казался возможным. Он считал преступлением приводить в исполнение вредный план и в последнем случае считал себя обязанным подать в отставку.

Именно так он поступил в 1796 г., когда Директория захотела отправить часть его армии в Неаполитанское королевство. В качестве уполномоченного он еще не так твердо знал, до какой степени он должен был повиноваться. Мог ли он отказаться от своей миссии в самый разгар переговоров или обречь их исход на неудачу исполнением инструкций, с которыми он был несогласен и которые равнялись объявлению

войны? Но прежде всего он был в Пассарьяно главнокомандующим. Ему казалось нелепостью в качестве уполномоченного объявлять войну и в то же самое время в качестве главнокомандующего слагать обязанности по командованию армией, чтобы не начинать враждебных действий во исполнение плана кампании, противоречащего его взглядам.

Министр иностранных дел вывел его из затруднения. В одной из своих депеш он сообщил ему, что Директория, посылая свой ультиматум, считала, что главнокомандующий будет иметь возможность заставить его принять силой оружия. Он долго размышлял об этом сообщении. Оно подтверждало ему, что в его руках судьба Франции: от решения, которое он изберет, зависело, быть войне или миру. Он решил придерживаться инструкций от 6 мая и подписать мир на основах, выработанных в Момбелло, которые были одобрены правительством перед событиями 18-го фрюктидора.

V

Причинами, побудившими его к этому, были: 1) общий план кампании был порочен; 2) так как ультиматум был получен только 6 октября, то военные действия могли начаться только 15 ноября, а тогда французским войскам было бы трудно вступить в Германию, между тем как это время года благоприятно австрийцам для сбора значительных сил в равнинах Италии; 3) командование армией в Германии было вверено Ожеро, политические воззрения которого были неясны после событий 18-го фрюктидора; его штаб состоял большей частью из людей, придерживающихся взглядов 1793 г., и это мешало взаимному пониманию, необходимому при действиях двух армий; Наполеону хотелось, чтобы командование рейнской армией, за отсутствием Моро, было вверено Дезе; 4) он требовал подкреплений в 12 000 человек пехоты и 4 000 кавалерии, в которых ему отказали; у него же было только 50 000 бойцов, а он находился на 20 переходов ближе к Вене, чем рейнские армии, имея перед собой три четверти австрийских сил, прикрывающих Вену со стороны Италии, тогда как армиям самбро-маасской и рейнской противостоял только простой обсервационный корпус; 5) Директория заявила депешей от 29 сентября, что она отказывается ратифицировать договор от 5 апреля о наступательном и оборонительном союзе с сардинским королем. По этому договору король обязывался присоединить к итальянской армии контингент в 8 000 человек пехоты, 2 000 кавалерии и 40 пушек. Отказ Директории поверг Турин в отчаяние; двор понял теперь заднюю мысль французского правительства; ему нечего было больше ждать; выходило так, что итальянской армии придется самой себя ослабить на 10 000 человек для усиления гарнизонов Пьемонта и Ломбардии.

21 октября Директория сообщила, что по представлениям главнокомандующего итальянской армией она решила усилить его армию на

6 000 человек, взятых из германской армии, изменить план кампании, согласно его желанию, и ратифицировать договор о наступательном и оборонительном союзе с сардинским королем, сообщив об этом Законодательному корпусу в тот же день, 21 октября. Но Кампо-Формийский договор был подписан на три дня раньше подписания этой депеши, а прибыла она в Пассарьяно только через 12 дней после подписания мира.

Может быть, если бы Директория приняла это решение 29 сентября, в момент отсылки ею своего последнего ультиматума, Наполеон и решился бы на войну в надежде освободить всю Италию до Изонцо, чего он желал больше, чем кто бы то ни было.

VI

В интересах Наполеона было заключить мир. Республиканцы громко выражали свою зависть. «Столько славы,— говорили они,— несовместимо со свободой». Если бы он возобновил военные действия и французские армии заняли Вену, то Директория захотела бы произвести революцию в империи, а это, несомненно, привело бы к новой войне с Пруссией, с Россией и с Германским союзом. Между тем республика управлялась плохо. Администрация была развращена; она не внушала никакого доверия и не пользовалась никаким уважением. Если бы переговоры были прерваны, ответственность за будущее легла бы на Наполеона. Если бы он дал своей стране мир, к его славе победителя и миротворца присоединилась бы слава основателя двух больших республик, потому что Бельгия, Рейнская область, Савойя, графство Ницца законно переходили к Франции по мирному договору с императором, так же как и Цизальпинская республика только и могла существовать по этому договору. Покрытый лаврами, с оливковой ветвью мира в руках, он вернулся бы спокойно в частную жизнь, добившись славы, равной той, какая была у великих людей древнего мира. Первый акт его общественной жизни был бы завершен. Обстановка и интересы отечества направляли бы в дальнейшем его карьеру. Слава, любовь и уважение французского народа были средством для достижения всего. Франция хотела мира.

Борьба королей против республики была борьбой двух систем. Олигархи, господствовавшие в Лондоне, в Вене и в С.-Петербурге, боролись против парижских республиканцев. Наполеон решил изменить такое положение вещей, всегда оставлявшее Францию в одиночестве, и бросить яблоко раздора в среду коалиции, изменить постановку вопроса, создать другие побуждения и другие интересы.

Венецианская республика была целиком аристократической. Участь ее всегда беспокоила Сент-джемский и С.-петербургский кабинеты. Венецианский сенат вел себя очень плохо в отношении Франции, но очень хорошо в отношении Австрии. Какое мнение получат другие

страны о порядочности Венского кабинета, когда увидят, что он захватил без всякого повода владения своего союзника — самое древнее государство современной Европы, государство, принципы которого противоречат французским идеям! Какой урок для Баварии и второстепенных государств! Император был бы вынужден предоставить Франции крепость Майнц. Император захватил бы добычу у германских государей, покровителем которых он был и армии которых сражались в его рядах. Какое еще нужно было очевидное доказательство дряхлости европейских правительств, их вырождения и незаконности!

Австрия была бы довольна, уступив Бельгию и Ломбардию. Она получала за это эквивалент, если не по доходу и населенности, то по крайней мере в торговом и географическом отношении. Венеция граничила со Штирией, Каринтией и Венгрией. Союз европейской олигархии оказался бы расстроенным. Франция воспользовалась бы этим, чтобы схватиться с Англией один-на-один в Ирландии, в Канаде, в Индии.

Партии, раздиравшие Венецию, перестали бы бороться. Аристократия и демократия соединились бы против ига чужеземной нации. Можно было быть уверенным, что этот народ столь мягкого нрава никогда не будет иметь привязанности к немецкому правительству, и нечего было бояться, что большой торговый город, морская держава, гремевшая в течение многих веков, искренне сольется с монархией, не имеющей моря и колоний. Если же когда-либо создастся итальянская нация, то это не будет служить препятствием: годы, которые венецианцы проведут под игом австрийского дома, пробудят в них приверженность к национальному правительству, каково бы оно ни было. Венецианцы, ломбардцы, пьемонтцы, генуэзцы, пармезанцы, болонцы, бергамасцы, феррарцы, тосканцы, романцы, неаполитанцы, для того чтобы сделаться итальянцами, должны были предварительно разложиться на составные элементы. Им необходимо было переплавиться. В самом деле, 15 лет спустя, в 1812 г., австрийские владения в Италии, Сардинии, герцогства Пармское, Моденское и Тосканское, даже королевство Неаполитанское, генуэзская олигархия и Венеция исчезли. Светская власть папы, все время бывшая причиной расчленения Италии, перестала служить препятствием. «Мне нужно, — говорил Наполеон в 1805 г. на лионском совещании, — двадцать лет, чтобы создать итальянскую нацию». Оказалось достаточным пятнадцати. Все было готово. Ожидали только рождения сына, чтобы ввести его в Рим, короновать королем итальянцев, передать регентство принцу Евгению и провозгласить независимость полуострова от Альп до Ионического моря и от Средиземного до Адриатического.

VII

Венский двор, утомленный кровопролитной борьбой, которую он поддерживал в течение многих лет, не придавал никакого значения Бельгии, которую он не мог оборонять. Он был счастлив после стольких

поражений добиться возмещений за давно уже понесенные потери и установить по договору с Французской республикой гарантии, которые помогали ему уладить германские дела. Если, однако, и были согласованы основы договора, то далеко еще не было достигнуто соглашения о способах его осуществления. Граф Кобенцль хотел, по его словам, «границы по Адде или — ничего». Он опирался на статистические расчеты. «Вы хотите восстановить систему 1756 г.: нужно, следовательно, нам дать выгодный мир, независимо от событий войны. У обоих государств были дни славных побед. Наши обе армии достойны уважения. Мир, невыгодный для одного из государств, всегда бывает лишь перемирием. Мы должны получить полное безусловное возмещение. Что является основами государства? Население и доход. Что теряет император, мой повелитель? Бельгию и Ломбардию, две провинции, самые населенные, самые богатые в мире. Бельгия имеет для вас двойную ценность, потому что с ней к вам переходит и Голландия и вы вступаете в обладание местностью, которая дает вам возможность блокировать Англию от Балтийского моря до Гибралтарского пролива. Мы соглашаемся к тому же еще, чтобы вы присоединили к республике Майнц, четыре рейнских департамента, Савойю и графство Ницца. За такие обширные приобретения что вы нам предоставляете? Четыре миллиона итальянцев, плохих солдат, обитающих, правда, в плодородной стране. Отсюда следует, что мы имеем право требовать границы вдоль Адды».

Французский уполномоченный отвечал: «Австрийская монархия должна быть благодарна за то, что от нее отходит Бельгия. Она для нее является владением, с которым трудно управляться. Только Англия была заинтересована, чтобы Австрия обладала Бельгией. Эта провинция всегда обходилась в убыток вашей казне. Но, во всяком случае, она не представляет для вас никакой ценности, с тех пор как она прониклась идеями республиканской Франции. Ваше желание добиться на границах Штирии, Каринтии и Венгрии возмещения, равного по доходу и населенности оторванной от вас Бельгии, является чрезмерным притязанием. К тому же, переступив через Адидже, вы себя ослабляете, и ни у вас, ни у Цизальпинской республики не будет естественных границ».

Эти доказательства как будто убедили австрийских уполномоченных. Они, однако, ограничили свои притязания только линией Минчио. «Но,— сказал граф Кобенцль,— это наше последнее слово, потому что если император согласится передать вам ключи Майнца, самой сильной крепости в мире, он поступит неправильно, если не обменяет их на ключи от Мантуи». Так как все средства официальных переговоров были исчерпаны, не приведя к удовлетворительному результату, прибегли к доверительным секретным совещаниям. Но в конце концов ни та, ни другая сторона не уступили ни в чем. Пришлось двинуть армии.

Французские войска, стоявшие по квартирам в Вероне, Падуе и Тревизо, переправились через Пиаве и расположились на правом берегу

Изонцо. Австрийская армия стала на Драве и в Карниоле. Подъезжая из Удине в Пассарьяно, австрийские уполномоченные были вынуждены ехать через лагерь французских войск, оказывавших им все воинские почести. Граф Кобенцль оставался, однако, непреклонным и объявил о своем отъезде.

VIII

16 октября в Удине совещание состоялось у графа Кобенцля. Наполеон кратко перечислил действия своего правительства со дня подписания лёобенских предварительных условий и в то же время подтвердил свой ультиматум. Австрийский уполномоченный пространно возражал, доказывая, что возмещения, которые представляет Франция императору, не покрывают и четверти всего им потерянного; что австрийское государство будет значительно ослаблено, в то время как французское государство настолько увеличится, что независимость всей Европы окажется под ее угрозой; что, имея в своем обладании Мантую и линию Адидже, Франция фактически объединит свою страну со всей Италией; что император безоговорочно решил скорее предоставить все жребию войны и даже бежать из своей столицы, чем согласиться на такой невыгодный мир; что Россия предлагает ему свои войска и они готовы спешно двинуться к нему на помощь; что Наполеон явно подчиняет свой сан уполномоченного своим интересам главнокомандующего и не хочет мира. Он добавил, что уезжает ночью и вся кровь, которая прольется в этой новой борьбе, падет на французского уполномоченного. Французский уполномоченный, сохраняя хладнокровие, но сильно этим задетый, встал и схватил с круглого столика поднос с маленьким чайным фарфоровым прибором, который граф Кобенцль особенно любил, как подарок императрицы Екатерины. «Хорошо, — сказал Наполеон, — перемирие, следовательно, прекращается и объявляется война! Но попомните, что до конца осени я разобью вашу монархию так, как разбиваю этот фарфор!» Произнеся эти последние слова, он с размаху бросил прибор на пол. Осколки его покрыли паркет. Он поклонился собранию и вышел. Австрийские уполномоченные были этим озадачены. Несколько секунд спустя они узнали, что, садясь в карету, Наполеон отправил к эрцгерцогу Карлу офицера с предупреждением, что переговоры прерваны и военные действия начнутся через 24 часа.

Граф Кобенцль в испуге послал маркиза Галло в Пассарьяно с подписанным им заявлением, что он принимает ультиматум Франции.

На другой день, в 5 часов вечера, мир был подписан. Договор пометили как подписанный в Кампо-Формио, небольшой деревне между Пассарьяно и Удине, нейтрализованной для этой цели секретарями делегаций. Сочли бесполезным туда выезжать, так как там не было подходящих зданий для размещения уполномоченных.

По этому договору император признавал республику в ее естественных пределах: Рейн, Альпы, Средиземное море, Пиренейские горы, океан. Он соглашался, чтобы Цизальпинская республика была образована из Ломбардии, герцогств Реджио, Моденского, Мирандольского, из трех легатств — Болонского, Феррарского и Романского, из Вальтелины и части венецианских владений на правом берегу Адидже — Бергамо, Брешиа, Кремона и Полезина. Император уступал Брисгау. Этим его наследственные земли удалялись от французских границ. Он был согласен на то, чтобы Майнц был передан французским войскам по военной конвенции, долженствующей быть подписанной в Раштадте, где и назначили себе встречу французский уполномоченный и граф Кобенцль. Все государи, лишившиеся владений на левом берегу Рейна, должны были получить возмещения на правом берегу из земель, отбираемых у владетельных князей церкви. Договор о европейском мире должен был обсуждаться в Раштадте. Правительство Франции и венский кабинет будут действовать там заодно. Прусские владения на левом берегу остались нетронутыми, и император соглашался, что они будут уступлены республике по Раштадтскому договору, но с равноценным возмещением Австрии за счет Германии. Корфу, Занте, Кефалония, Сент-Мор, Чериго были уступлены Франции, которая, со своей стороны, согласилась на то, чтобы император получил венецианские области на левом берегу Адидже. Этим население его империи увеличивалось больше чем на 2 миллиона человек.

По одной из статей договора поместья, которыми владел в Бельгии эрцгерцог Карл как наследник эрцгерцогини Христины, были за ним сохранены. Именно в силу этой статьи впоследствии император Наполеон купил за один миллион Лекенский замок, расположенный близ Брюсселя и составлявший перед революцией часть поместий эрцгерцогини. Другие поместья эрцгерцога в Нидерландах были приобретены герцогом Саксен-Тешенским. Подобное постановление было свидетельством уважения, которое французский уполномоченный оказывал австрийскому главнокомандующему, с которым он только что сражался и с которым у него возникли отношения, почетные для обоих.

IX

Во время пассарьянских совещаний генерал Дезе прибыл из рейнской армии для осмотра полей сражения, которые были прославлены итальянской армией. Наполеон принял его в своей главной квартире и, рассчитывая поразить его, сообщил ему о том, какой свет портфель д'Антрега бросает на поведение Пишегрю. «Мы знали уже давно, — сказал, улыбаясь, Дезе, — что Пишегрю изменил. Моро нашел доказательство этому в бумагах Клинглина, так же как все подробности его подкупа и заранее условленные мотивы, направлявшие его боевые дей-

ствия. Моро, Ренье и я только и знали эту тайну. Я хотел, чтобы Моро немедленно донес об измене правительству, но он этого не пожелал. Пишегрю является, может быть, единственным примером генерала, — прибавил он, — умышленно допустившего себя разбить». Он намекал на маневр Пишегрю, нарочно направившего свои главные силы к Верхнему Рейну, чтобы провалить действия перед Майнцем. Дезе посетил все лагерные стоянки. На всех он был встречен с большим уважением. Именно с этой поры началась его дружба с Наполеоном. Дезе любил славу саму по себе, Францию же превыше всего. Он был прямодушен, энергичен, внушал доверие, вникал во все, имел обширные познания; никто лучше его не изучил театра войны на Верхнем Рейне, в Швабии и Баварии. Его смерть вызвала слезы у победителя Маренго.

Генерал Гош, командующий самбро-маасской армией, неожиданно скончался в это время в Майнце. Многие думали, что он был отравлен. Это мнение необоснованно. Этот молодой генерал отличился на виссембургских линиях в 1794 г. Он проявил талант в Вандее в 1795 и 1796 гг. и приобрел славу за мгновенное усмирение восстания. Человек пламенного патриотизма, пылкого характера, выдающейся храбрости, деятельного, ненасытного честолюбия, он неосторожно сам подставлял себя под удары. В день 18-го фрюктидора, двинув свои войска на Париж, он нарушил конституцию и едва не сделался жертвой своего дерзания. Законодательные палаты возбудили против него следствие. Он сделал попытку экспедиции в Ирландию. Никто более его не был способен выполнить ее удачно. При всяком случае он свидетельствовал свою привязанность к Наполеону. Его смерть и опала Моро оставили самбро-маасскую и рейнскую армии без командующего. Правительство свело обе эти армии в одну и отдало их под командование Ожеро.

X

Наполеон поочередно посылал своих главных генералов в Париж для отсылки знамен. Это одновременно давало возможность правительству познакомиться с ними и привязать их к себе наградами. Кампо-Формийский договор он поручил доставить Бертье и, желая проявить уважение и внимание к науке, присоединил к нему Монжа, члена научной и художественной комиссии в Италии. Монж принадлежал к членам старой Академии наук. Главнокомандующему во время одного очень содержательного разговора понравился этот великий геометр, перворазрядный физик и очень горячий патриот, искренний и правдивый. Любя Францию и народ, как свою семью, демократию и равенство, как выводы из геометрических построений, он имел страстный ум и, что бы ни говорили о нем его враги, был добродетельным человеком. Во время нашествия пруссаков в 1792 г. он предложил выдать обеих своих дочерей замуж за первых добровольцев, которые лишатся руки или ноги при обороне родной земли. Это предложение у него было искреннее. Он

последовал за Наполеоном в Египет. Впоследствии он был сенатором и всегда оставался верен Наполеону. Наука ему обязана превосходным трудом по геометрии.

Кампо-Формийский договор захватил врасплох Директорию, совсем его не ожидавшую. Он вызвал ее неудовольствие. Уверяют даже, что Директория думала некоторое время не ратифицировать его. Общественное мнение, однако, было за него, и выгоды, которые миром обеспечивались за Францией, были слишком очевидны.

Тотчас же после подписания договора Наполеон возвратился в Милан, чтобы дать последние указания по организации Цизальпинской республики и дополнительные административные распоряжения по армии. Ему предстояло отправиться в Раштадт, чтобы там закончить огромную работу по восстановлению мира на континенте. Он простился с итальянским народом в таких выражениях:

«Граждане, начиная с 1-го фримера ваша конституция вступает в действие. Ваша директория, законодательный корпус, кассационный трибунал, все остальные подчиненные им учреждения к тому времени тоже будут организованы.

Вы являетесь в истории первым примером народа, делающегося свободным без партийной борьбы, без переворотов, без междоусобицы. Мы вам дали свободу. Сумейте ее сохранить.

Вы после Франции являетесь самой многолюдной, самой богатой республикой. Ваше положение позволяет вам играть большую роль в делах Европы. Чтобы быть достойными своего предназначения, устанавливайте законы только разумные и умеренные. Приводите их в исполнение с силой и энергией. Покровительствуйте распространению просвещения и уважайте религию. Составляйте ваши воинские части из граждан, придерживающихся принципов республики и непосредственно связанных с ее процветанием.

Вы должны главным образом проникнуться чувством своей силы и достоинства, присущего свободному человеку. Отделенные друг от друга и подавляемые тиранией в течение веков, вы сами не завоевали бы себе свободы. Но через несколько лет, даже предоставленные самим себе, вы станете такими, что ни у одного государства в мире нехватит сил отнять ее у вас. А до тех пор великая нация будет вас обеспечивать от нападения соседей. Ее политическая система объединится с вашей.

Если бы римский народ последовал примеру французов, то римские орлы красовались бы еще на Капитолии и восемнадцать веков рабства и тирании не обесчестили бы человечество.

Я сделал это все только для укрепления свободы и с единственной целью вашего счастья.

Я назначил много людей на служебные должности. Я мог ошибиться и забыть честного человека, отдав предпочтение интригану. Вы можете это исправить.

Я вас покидаю через несколько дней. Приказы моего правительства и опасность, непосредственно угрожающая Цизальпинской республике, единственно только вернут меня к вам. Куда бы ни призвала меня служба моему отечеству, я всегда буду проявлять живую заботу о счастье и славе вашей республики.

Главная квартира. Милан. 22-е брюмера VI года (12 ноября 1797 г.)».

Приказ по войскам в день его отъезда гласил:

«Солдаты, я сегодня уезжаю и отправляюсь в Раштадт. Вдали от армии я буду думать о минуте, когда снова окажусь среди вас, отважно идущих к новым боям. К какому бы делу ни были призваны правительством итальянские солдаты, они всегда с достоинством будут поддерживать свободу и славу французского имени.

Солдаты, говоря о государях, которых вы победили, о народах, которых вы освободили, о битвах, которые вы выиграли в двух кампаниях, повторяйте себе: в двух следующих кампаниях мы сделаем еще больше!»

Наполеон поехал через Турин и остановился у французского посланника Женгене (17 ноября). Сардинский король пожелал его видеть и засвидетельствовать ему публично свою признательность. Обстоятельства однако были уже таковы, что он не счел возможным предаваться придворным празднествам и продолжал свой путь в Раштадт, перевалив через Мон-Сенис. В Женеве он был принят, как будто во французском городе, с энтузиазмом, свойственным женевцам. При его прибытии в область Во приветствовать его во главе жителей вышли три группы молодых и красивых девушек. Одна группа была одета в белое, другая — в красное, третья — в синее. Эти девушки поднесли ему венок, на котором была лента с надписью из знаменитого арбитражного решения, провозглашавшего свободу Вальтелины: «Ни один народ не может быть подданным другого народа».

Направляясь к Раштадту, он проехал через несколько швейцарских городов, в том числе через Берн, и переправился через Рейн в Базеле, направляясь в Раштадт.

Прибыв в Раштадт, он нашел приготовленными для себя обширные аппартаменты дворца. Трейяр и Боннье, которых Директория прикомандировала к нему для переговоров о мире с Германским союзом, прибыли на несколько дней раньше его. Старый граф Меттерних представлял на этом конгрессе императора как главу германской конфедерации. Граф Кобенцль представлял его же как главу австрийского дома. Образовалось, таким образом, два представительства, противоположных по своим интересам, как и по данным им инструкциям. Граф Лербах представлял на заседаниях австрийский круг интересов. Граф Меттерних ведал представительством. Кобенцль вершил дела.

После обмена ратификациями Кампо-Формийского договора уполномоченные подписали, во исполнение этого договора, конвенцию о пере-

даче Майнца: 1) австрийские войска выходят из Майнца, и там остаются только войска курфюрста; в тот же час в него входят французские войска и вступают в обладание им; 2) французы покидают Венецию и Пальманову, оставив там лишь венецианские войска, и австрийцы занимают эти города, так же как и всю страну.

Швеция присутствовала в Раштадте как посредница и как один из гарантов Вестфальского договора. Россия со времени Тешенского договора притязала на то же, но она находилась в данный момент в войне с Францией. Со времени Вестфальского мира положение Европы сильно изменилось: Швеция в то время оказывала большое влияние на Германию, она стояла во главе протестантской партии и находилась во всем блеске побед великого Густава; Россия еще не была европейской державой, а Пруссия едва существовала. Развитие этих двух последних держав низвело с тех пор Швецию в ряды третьестепенного государства; ее притязания, следовательно, были совсем ей не к лицу. Этот двор имел к тому же безрассудство сделать своим представителем в Раштадте барона Ферзена. Почет, которым он пользовался при версальском дворе, его интриги в отношении Учредительного собрания и ненависть, которую он не переставал выражать к Франции по всякому поводу, делали его настолько малопригодным для подобного назначения, что его выбор мог быть истолкован только как оскорбление для республики. Когда он по этикету пожаловал с визитом к французскому уполномоченному, то он представился как посол Швеции и посредник в конгрессе. Наполеон ему заявил, что он не признает никаких посредников и притом прежние воззрения Ферзена не позволяют ему быть посредником между республикой и императором Германии и что он не может его принять. Барон Ферзен был так этим смущен, и этот прием наделал столько шума, что на другой же день Ферзен оставил Раштадт.

Немедленно после передачи Майнца французским войскам Наполеон собрал на совещание Трейяра и Боннье и пояснил им, что инструкции Директории оказались недостаточными, заявил о своем нежелании оставаться далее на конгрессе и о своем отъезде. Дела в Раштадте оказались более сложными, чем в Кампо-Формиа. Следовало действовать решительно и напрямик, чтобы с ними покончить.

Директория не знала, что предпринять. Кроме Трейяра и Боннье, она назначила еще новых уполномоченных. Наполеон, давно уже недовольный мерами правительства, решил не вмешиваться больше в переговоры, которые неизбежно должны были плохо кончиться. Внутреннее состояние Франции предвещало ему к тому же близкое торжество демагогов, а мотивы, которые побудили его избегать встречи с сардинским двором, заставили его теперь избегать и встречи с германскими государями. Он счел полезным закончить первый акт своей политической жизни миром в Кампо-Формио, отправиться в Париж и жить там, как частный человек, до тех пор, пока обстоятельства это позволят.

Во время своего короткого пребывания в Раштадте он старался окружить французских уполномоченных, на которых до того времени никто не обращал почти никакого внимания, уважением и почетом. Представители великого народа имели на это право со стороны иностранных уполномоченных и толпы маленьких германских государей, осаждавших конгресс. Он добился от правительства отпуска значительных сумм в распоряжение уполномоченных, чтобы они были в состоянии поддерживать достоинство своего сана. Обычное содержание, им назначаемое, было недостаточно, и это вредило уважению, с каким надлежало относиться к республике.

ЗАМЕЧАНИЯ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ КАМПАНИЙ 1796 и 1797 гг. В ИТАЛИИ

I. О фельдмаршале Болье.—II. О действиях Наполеона против фельдмаршала Болье.—III. О фельдмаршале Вурмзере.—IV. О действиях Наполеона против фельдмаршала Вурмзера.—V. О фельдмаршале Альвинци.—VI. О действиях Наполеона против фельдмаршала Альвинци.— VII. О походе против армии папы.— VIII. Об эрцгерцоге Карле.— IX. О действиях Наполеона против эрцгерцога Карла.

I

Первое замечание. 1. Армия, расположенная на позиции по вершинам Приморских Альп, опираясь своим левым флангом на Аржентьерский перевал, правым флангом — на Тендский перевал, прикрывает все графство Ниццу. Она удалена на 15—18 лье от моря, то есть на три-четыре дневных перехода. Позади нее имеется большое число хороших позиций, где армия может собраться и задержать движение противника. Это даст время произвести отступление по желанию на Геную или на Вар. Театр военных действий здесь достаточно глубок для успешной его обороны.

Армия, расположенная на вершинах Апеннин, от Танарелло до Сен-Бернара (Танарского), прикрывает часть Западной Ривьеры. Она занимает позиции, удаленные от моря на два дневных перехода. Позади армии лежат Монте-Гранде, Сан-Бартоломео, Рокка-Барбона. Небольшая речка Арозия, протекающая через Пиеве и Альбенга, является хорошим рубежом для обороны. Эта армия, следовательно, может также защищать местность, прикрывать Онелья и отступать по желанию или на Геную или на Ниццу. Но армия, занимающая вершины Апеннин от Бардинетто до Бокетта, а именно: высоты Сан-Джиакомо, Кадибона, Монтеледжино, Стелла, Монте-Файоле, прикроет, очевидно, другую часть Западной Ривьеры, до Генуи; но, так как эта армия будет удалена от моря только от 2 до 5 лье, она может быть отрезана в течение одного дня. Этот район военных действий опасен, потому что не имеет достаточной глубины.

2. Если бы генерал Болье продумал эти топографические особенности местности, он не двинулся бы на Вольтри для прикрытия Генуи,

а направился бы на Акви и на Кайро. Оттуда он вышел бы одновременно тремя сильными колоннами по 15 000 человек: левой колонной через Монтенотте, Монтеледжино и Савону, центральной — на Кадибону и Вадо и правой — на Мадонна-делла-Неве, Сан-Джиакомо и Финале. У него еще сохранился бы резерв, готовый поддержать каждую из этих трех атакующих колонн. Французской армии пришлось бы вскоре отойти от Вольтри и Генуи для обороны этих трех важных позиций. Австрийский главнокомандующий вступил бы в борьбу на местности, в высшей степени для себя выгодной, потому что он мог с первого же дня отрезать французскую армию, прижать ее к морю и уничтожить.

3. После сражения у Монтенотте австрийцы собрались на дороге в Монферрато. Они не могли поступить иначе, потому что большинство их сил находилось у Вольтри и Сасселло и было еще разбросано на левом фланге. Но пьемонтская армия, под командованием генерала Колли, вместо того чтобы направиться на Миллезимо, должна была бы опереться на Дего и образовать левый фланг Болье. Мысль, что для прикрытия Турина следует находиться по обеим сторонам дороги, ведущей в этот город, была ошибочной: армии, сосредоточенные в Дего, прикрывали бы и Милан, потому что стали бы по обеим сторонам большой дороги на Монферрато. Они прикрывали бы и Турин, потому что он находился бы на фланге шоссе, ведущего в этот город. Если бы Болье имел в своем распоряжении пять или шесть дней для сосредоточения своего левого фланга, он должен был бы двинуться на Чева для присоединения к пьемонтской армии, потому что союзникам было более выгодно держаться ближе к операционной линии французской армии. Нечего было бояться, что французы войдут в Монферрато, поскольку армия противника находилась бы у Чева. Действуя сосредоточенными силами, обе армии союзников численно превосходили бы французскую армию. Разделившись, они были обречены на гибель.

4. Дего и Миллезимо были слишком близки от Монтенотте, для того чтобы обе армии, австрийская и пьемонтская, могли там безопасно собраться. Болье должен был собрать свою армию перед Акви, а Колли, поскольку они хотели разделиться,— на высотах Монтецемоло. Этим они избегли бы сражения у Миллезимо и боя у Дего. Дивизии той и другой союзнических армий успели бы прибыть к этим двум сборным пунктам прежде, чем французская армия могла бы их там атаковать.

Если вы отброшены от первоначальной позиции, следует собирать свои колонны в достаточном от нее расстоянии, для того чтобы противник не мог их предупредить. Самым опасным положением является то, когда колонны атакуются отдельно одна от другой, до их сосредоточения.

5. Генерал Болье, для обороны переправ через По, занял позицию на левом берегу этой реки, около Валеджио. Так обороняться нельзя при столкновении с маневренной, подвижной армией. Нужно было

стать по обоим берегам По, перебросив мосты на высоте Страделлы и прикрыв их сильными предмостными укреплениями. Этим можно было помешать французской армии спуститься вниз по правому берегу и заставить ее переправиться через По выше Страделлы. Это дало бы австрийскому главнокомандующему важное преимущество, так как обеспечило бы его оборону двумя большими преградами — По и Тичино.

6. Генерал Болье захотел оборонять Минчио кордоном. Такая система является наихудшей при обороне. Ему следовало занять Серральо всей своей армией. Он мог там пробыть 70 дней, не боясь эпидемий, так как стоял еще май. Он в Мантуе оставил гарнизон из 13 000 человек, на Минчио у него было 26 000 человек, следовательно он смог бы сосредоточить армию в 40 000 человек, то есть численно превосходившую французскую армию, на такой мощной позиции, как Серральо. Он сохранил бы свои сообщения с Моденой и Нижней Италией и мог бы ввезти большое количество припасов в Мантую. Если бы французскому главнокомандующему удалось форсировать этот укрепленный лагерь, ему было бы нелегко обложить армию, занявшую большими силами Сен-Жорж, Череа, Пиетоле и Праделла. Поступая таким образом, Болье не нарушил бы нейтралитета Венеции. Император потребовал и добился бы, чтобы венецианский сенат сохранил свой нейтралитет, и это дало бы Австрии большое преимущество.

7. Взамен принятия этого решения фельдмаршал Болье мог после переправы через Олио двинуться на высоты Гавардо и занять позицию Сант-Озетто, имея правый фланг на Киезе и левый на оз. Гарда. Французская армия была бы вынуждена занять позицию против него, впереди Брешиа. Ей не удалось бы пройти дальше линии Минчио в течение всего времени, пока австрийская армия занимала бы эту позицию или какую-либо другую между озерами Идро и Гарда.

8. Так как австрийский главнокомандующий не мог дать сражения при том плохом моральном состоянии, в котором находилась его армия, то не следовало возлагать надежд на слабое обеспечение, даваемое ему Минчио. Разбрасывая свою армию вдоль этой реки, он ослаблял себя. Он был бы сильнее, если бы занял прочную позицию на холмах между оз. Гарда и Адидже, перед Риволийским плато, и если бы прикрыл ее ретраншаментами. Болье мог потребовать тогда, чтобы венецианцы крупными силами заняли крепость Пескиеру и отказались пустить туда французскую армию, так же как они отказались впустить и австрийскую армию. Верона, крепость с гарнизоном из 3 000 славонцев, так же отказалась бы впустить французов, так как считалось бы, что она откажется впустить и австрийцев. Добившись таких преимуществ, австрийский главнокомандующий мог ими воспользоваться для усиления своего кордона на Минчио. Он сам нарушил нейтралитет Венеции, заняв Пескиеру.

II

Второе замечание. 1. Когда французская армия направилась на Чева для наступления на пьемонтскую армию, дивизия Лагарпа была оставлена для наблюдения за лагерем Акви, где Болье собирал всю австрийскую армию. Казалось бы, естественной позицией этой обсервационной части должны были быть берега Бормиды, перед Дего, чтобы прикрывать операционную линию на Савонну. Необходимо отметить, что если Наполеон предпочел позицию на Бельбо, перед Сан-Бенедетто, в двух переходах влево от Дего, оставив савонское шоссе открытым, то его целью было именно держать свою армию сосредоточенной, дабы Болье не мог расположиться между его дивизиями и их изолировать. Лагерь Сан-Бенедетто прикрывал армию, маневрировавшую на Чеву. Если бы Болье направился на Дего, корпус, расположенный в Сан-Бенедетто, атаковал бы его во фланг и в тыл. Сообщение с Гарессио и Ормеа, впрочем, было открыто. Выбор сан-бенедеттского лагеря для расположения на нем обсервационного корпуса заслуживает размышления.

2. Дивизии Серюрье и Массена пошли на Мондови. Сил у них было достаточно. Так как в это же время Болье выделил отряд из Акви на Ницца-делла-Палья, то дивизия Ожеро получила приказание направиться для поддержки сан-бенедеттского лагеря. После же сражения у Мондови она двинулась на Альба, выслав авангард на Ницца-делла-Палья.

3. Говорили, что Наполеон должен был переправиться через По не в Пьяченце, а в Кремоне; это неверно. Эта переправа и так была достаточно смелой, потому что, двигаясь вдоль По до Алессандрии, французы подставляли свой фланг под удары австрийской армии на протяжении 20 лье. Если бы это движение было продолжено еще на 7 лье, то угроза флангу соответственно увеличилась бы. Болье, прибыв в Фомбио, переправился бы через По в Пьяченце и обрушился бы на двигавшиеся колонны. К тому же Пьяченца расположена на правом берегу, и этот город обладал средствами для устройства переправы через реку. Кремона лежит на левом берегу, и небольших находившихся там австрийских частей оказалось бы достаточно, чтобы задержать переправу.

4. Говорят, что если бы французская армия после сражения у Лоди двинулась к Мантуе, она нашла бы эту крепость без продовольствия и без вооружения и могла бы ею овладеть. Подобное предположение очень рискованно. Армия в несколько дней завоевала всю Ломбардию. Ей пришлось задержаться в ней для устройства блокады цитаделей, для занятия важнейших пунктов и организации управления. То, что французы сделали при этих обстоятельствах, является максимумом быстроты и активности; хотеть чего-то сверх этого — значит требовать невозможного. В течение шести дней, проведенных французской армией в Ломбардии, она удвоила свои средства, увеличив материальную часть артиллерии, набрав свежих лошадей в кавалерию и подтянув с тыла отставших.

5. Сражение у Боргетто было дано 30 мая 1796 г.; атака Вурмзера произошла 1 августа. В этот шестидесятидневный промежуток армия переправилась через По, захватила легатства Феррарское и Болонское, форт Урбино, феррарскую цитадель, Ливорно и разоружила эти провинции. Войска возвратились на Адидже, прежде чем Вурмзер был в состоянии начать свою операцию. Время было использовано хорошо. Сила армии, как количество движения в механике, равняется массе, умноженной на скорость. Этот марш не только не ослабил армию, но увеличил ее материально и морально и умножил ее средства к победе.

6. Если бы Наполеон выполнил приказ правительства о движении на Рим и Неаполь с 20 000 человек и об оставлении другой части армии у Мантуи под начальством Келлермана, то Италия и армия были бы потеряны. Без сомнения, сделав это, он только бы подчинился приказу высшей власти, но тем не менее был бы виноват.

Главнокомандующий не может прикрываться приказанием министра или государя, удаленного от театра военных действий и мало знающего или не знающего совсем положения дел. 1) Каждый главнокомандующий, приступивший к выполнению плана, который он находит дурным и гибельным, является преступником. Он должен настаивать, чтоб план изменили, и в конце концов подать в отставку, но не стать причиной гибели своих войск. 2) Каждый главнокомандующий, который вследствие приказания свыше даст бой, будучи убежден, что он будет проигран, также является преступником. 3) Главнокомандующий является первым начальником в военной иерархии. Министр и государь дают инструкции, с духом и смыслом которых он должен сообразоваться, но эти инструкции совсем не являются боевыми приказами и не требуют пассивного повиновения. 4) Даже боевой приказ требует пассивного повиновения только тогда, когда он дан представителем высшей власти, который присутствует в данную минуту на месте, знает положение вещей, может выслушивать возражения и давать разъяснения тому, кто обязан исполнять приказ.

Турвиль с 40 кораблями атаковал 80 английских кораблей. Французский флот погиб. Приказом Людовика XIV тут нельзя было оправдываться. Приказ короля не был боевым приказом, требующим пассивного повиновения, — это была инструкция. Подразумевалась оговорка: если будут по меньшей мере равные шансы на успех. В этом случае ответственность адмирала была бы с него снята наличием приказа государя. Но выполнять приказ буква в букву, зная заранее, что предстоит поражение, означало только, что исполнители не поняли смысла приказа. Если бы, представ перед Людовиком XIV, адмирал сказал ему: «Государь, если бы я атаковал англичан, вся ваша эскадра погибла бы; поэтому я укрыл ее в такой-то порт», — король только поблагодарил бы его, как за правильное выполнение своего приказа.

Оправдывают поведение герцога Орлеанского перед Турином в 1706 г. Историки сняли с него всякую вину. Герцог Орлеанский, принц крови, был регентом, нрав имел обходительный, писатели к нему благоволили, тогда как Маршен, оставшийся мертвым на поле сражения, не мог себя защищать. Известно однакоже, что он протестовал, умирая, против принятого решения оставаться на линии. Но кто был главнокомандующим французской армии в Италии? Герцог Орлеанский. Маршен, Фельяд, Альберготти были его подчиненные. От него зависело принять или не принять мнение военного совета. Он на нем председательствовал. От него зависело согласиться или нет с постановлением военного совета. Герцогу не мешали командовать. Никто не отказывал ему в повиновении. 1) Если бы он отдал армии приказ выступить из своих линий; 2) если бы он приказал левому флангу переправиться через р. Дора для усиления правого фланга; 3) если бы он точно приказал Альберготти переправиться через По, а генералы отказались выполнить приказ под предлогом, что они не обязаны ему повиноваться, — герцог был бы оправдан. Но ведь, как говорят, Альберготти не исполнил приказания, которое он получил, о выделении отряда на правый берег По. Он позволил себе возражать. Это случается сплошь и рядом, и это не является актом неповиновения. Если бы герцог послал положительный приказ, — ему бы повиновались. После поражения армия должна была отступить на Асти, чтобы прикрыть Ломбардию и соединиться с армией Медави, одержавшей в тот же день победу у Кастильоне. Принц-главнокомандующий изменил решение и отступил на Пиньероль, потому что считал дорогу в Ломбардию отрезанной. Если циркулировавший тогда анекдот действительно верно передает, что герцог Орлеанский был главнокомандующим только по имени и у Маршена имелся тайный приказ короля на право командования, то герцог Орлеанский, согласившись на подобную роль в возрасте тридцати двух лет, совершил поступок, противоречащий чести, достойный презрения, позорный для самого последнего дворянина. Окажись французы победителями, кто заслужил бы славу? Граф Маршен был снабжен письмом короля к герцогу с советом, чтобы этот молодой принц слушался мнения Маршена, — вот и все. Герцог Орлеанский признавался главнокомандующим генералами, офицерами и солдатами. Никто не отказывался ему повиноваться, и он был ответственен за все, что произошло.

Генерал Журдан говорит в своих мемуарах, что правительство распорядилось намекнуть ему на желательность дать сражение у Штокаха. Он таким образом пытается оправдать печальный исход этого дела; но с таким оправданием нельзя согласиться, даже если бы он получил положительный и официальный приказ, как мы это доказали. Когда он решился дать сражение, он считал, что имеются шансы на выигрыш, но он ошибся.

Но не может ли случиться, что министр или государь выразит свое намерение достаточно ясно, что он скажет главнокомандующему: «Вступайте в сражение. Судя по численности и качеству войск противника, позиций, какие он занимает, вы будете разбиты, но безразлично,— такова моя воля». Следует ли пассивно исполнять подобный приказ? Нет. Если главнокомандующий признает полезность и одновременно моральную ценность такого странного приказа, он его должен исполнить; но если он этого за ним не признает, он не должен ему повиноваться.

Подобные вещи между тем часто случаются на войне: батальон оставляется на месте в трудном положении, чтобы спасти армию. Командир этого батальона получает точный приказ своего начальника, находящегося в данный момент на участке, относительно которого он дает приказ. Этот начальник разъясняет все возражения, если они разумно сделаны. Тут налицо боевой приказ, данный присутствующим на месте начальником, и такому приказу надлежит слепо повиноваться. Если министр или государь находятся при армии и если они принимают на себя командование, они становятся главнокомандующими. Главнокомандующий становится тогда подчиненным дивизионным генералом, не больше.

Из этого не следует, что главнокомандующий не должен подчиняться министру, приказывающему ему дать сражение; он должен, наоборот, исполнять такой приказ всякий раз, когда, по его мнению, имеется равенство шансов и равенство вероятностей за и против, потому что замечание, которое мы сделали, касается только случая, когда шансы окажутся совершенно против него.

III

Третье замечание. 1. План генерала Вурмзера в начале августа был неудачен: его три корпуса, — один под его непосредственным командованием, другой под командованием Квазданович, третий под командованием Давидовича,— были разделены между собой двумя большими реками — Адидже и Минчио, несколькими горными хребтами и оз. Гарда.

Вурмзеру следовало: выйти всеми силами между оз. Гарда и Адидже, овладеть Риволийским плато и соединиться в Инканале со своей артиллерией. 70 000—80 000 человек, таким образом расположенные, с примкнутыми флангами: правый — к оз. Гарда, левый — к Адидже, на фронте в 3 лье, внушили бы страх французской армии, которая, имея едва 30 000 бойцов, не могла бы против них держаться.

Он мог также выйти всей сосредоточенной армией по Киезе на Брешиа; артиллерия могла здесь пройти.

2. Он сделал ошибку, за которую заплатил очень дорого: это была потеря двух дней на движение к Мантуе. Он должен был, наоборот,

перебросить два моста через Минчио, на расстоянии пушечного выстрела от Пескиеры, быстро переправиться через эту реку, соединиться со своим правым флангом в Лонато, в Дезенцано, в Сало и быстро выправить таким образом недостатки своего плана.

3. Оперировать по направлениям, удаленным одно от другого и не имеющим между собой путей сообщения, является ошибкой, влекущей за собой обычно на практике еще другую. Отдельная колонна получает распоряжение только на первый день. Ее действия на второй день зависят от того, что произошло в главной колонне: она либо теряет время на ожидание приказаний, либо действует наугад. В данной обстановке Вурмзер должен был устранить это неудобство и дать приказание Кваждановичу пройти не только к Брешиа, но даже к Мантуе и двинуться быстро самому с главным корпусом к этой крепости. Кваждановичу, прибыв в Мантую, если бы не был задержан у Брешиа, заставил бы снять осаду, оказался бы под прикрытием валов этой крепости и жил бы за счет ее запасов. Соединение его с остальной армией произошло бы здесь в заранее назначенном и безопасном пункте. Будь Вурмзер разбит до прибытия в Мантую, Кваждановичснабдил бы гарнизон продовольствием. Он мог бы долго удерживать Серральо; образ его действий был бы ему в конце концов подсказан обстоятельствами.

Как правило, армия должна всегда держать свои колонны соединенными так, чтобы противник не мог вклиниться в них. Когда приходится отступать от этого правила, нужно, чтобы выделенные части армии были независимы в своих действиях и направлялись для присоединения в определенном пункте, к которому они должны итти, не колеблясь и не получая дальнейших приказаний, чтобы сократить опасность подвергнуться изолированной атаке.

4. В начале сентября Вурмзер перешел в наступление, двинувшись с 30 000 человек в Бассано и оставив Давидовича с 30 000 человек в Тироле. Он должен был ожидать выдвижения французского главнокомандующего в Тироль и предписать Давидовичу не принимать боя у Роверето, а отойти на Бассано, чтобы, сосредоточившись, дать сражение французской армии. Тирольского ополчения было достаточно для наблюдения за долиной Авичио. Он должен был поступить так, чтобы оказаться на поле сражения в Тироле, заставив Давидовича отступать на Калиано и по долине Авичио. Марко, Мори и Роверето являются хорошими позициями, но они не могут выдержать натиска стремительных войск. В столкновениях, происходящих в теснинах, разбитые колонны сталкиваются друг с другом и попадают в руки противника.

5. Было слишком поздно, когда Вурмзер составил план движения дивизии генерала Мессароша на Верону. Это движение французы предвидели. Там был Кильмэн с небольшим наблюдательным корпусом. Вурмзер сделал бы лучше, сохранив эту дивизию в Бассано для поддержки обеих остальных дивизий. Если он хотел вести операцию против Ман-

туи частью своих сил, ему следовало придать этой дивизии 2 000 человек кавалерии, 30 пушек, понтонный парк, направив ее не только на Верону, но и на Альбаредо, где она могла бы навести мост и двинуться быстро на Мантую. Эта крепость была бы освобождена, тылы французской армии были бы сильно потревожены, и даже Верону можно было бы взять с тыла. Усиленный таким образом гарнизон Мантуи мог бы долгое время сохранить за собой господствующее положение. Фельдмаршал должен был бы тогда отступить с обеими остальными дивизиями, парками и своим штабом из Бассано к Пиаве. Французская армия была бы вынуждена своим левым флангом держаться в долине Авичио — перед Триентом, своим центром — на Пиаве для противодействия главным силам австрийской армии и, наконец, поспешить по своим тылам к Мантуе для восстановления блокады. Это причинило бы много хлопот небольшой французской армии и могло бы в корне изменить положение.

6. Движение Вурмзера на Адидже с 16 000 человек, оставшимися у него от армии, было вынужденно. Его следовало окружить, сбросить в реку и заставить сложить оружие, потому что у него не было понтонного парка. Его два понтонных парка и запасные парки были захвачены в Бассано. Ему удалось достичь Мантуи лишь благодаря ошибке одного батальонного командира, эвакуировавшего Леньяго.

7. Фельдмаршал неправильно оставил 1 800 человек гарнизона и несколько батарей в Леньяго. Отступать на Адидже, где сосредоточилась вся французская армия, он уже не мог. Он должен был постараться достигнуть Мантуи. Если бы это оказалось невозможным, ему было бы, пожалуй, легче войти в Милан, чем вернуться в Леньяго. Он себя ослабил и напрасно пожертвовал людьми.

8. Вурмзер поступил неправильно, рискнув на сражение у Сен-Жоржа, так как ему было выгодней держаться в Серральо.

9. Фельдмаршал мог, владея Серральо, переправиться через По со своей кавалерией, несколькими гренадерскими батальонами и батареями, спуститься по правому берегу этой реки, переправиться через Нижний По, Нижний Адидже и достигнуть Падуи. Французский главнокомандующий узнал бы об этой операции слишком поздно для того, чтобы ей противодействовать. Вурмзер таким образом спас бы всю свою кавалерию, значительную часть артиллерии, штаб армии, всю главную квартиру и честь австрийского оружия.

IV

Четвертое замечание. 1. В Брешиа имелся госпиталь, французский склад запасов и только три роты гарнизона. Они попали в плен.

Если бы цитадель была обеспечена от атаки, что именно и следовало сделать, этого бы не произошло.

2. Дивизия Соре, бывшая в Сало, должна была держать авангард на оз. Идро, в Рокка-д'Анфо, чтобы наблюдать за шоссе от Киезы до Лодрона. Это помешало бы внезапному захвату Брешиа и Сало. Войска были бы предупреждены за 12 часов и успели бы подготовиться к обороне.

3. Так как между озерами Гарда и Идро имеется только одна доступная для артиллерии дорога, проходящая в Рокка-д'Анфо, а именно по этому дефиле нужно было проходить, следуя в Сало, не лучше ли было расположить дивизию Соре на позиции по оз. Идро, за ущельем Анфо, заняв редутами, окопами и двумя вооруженными барками выходы из ущелья у оз. Идро? Кваждановичу потребовалось бы 24 часа для того, чтобы овладеть этой позицией. Это дало бы возможность предупредить Брешиа, Сало, Верону и главную квартиру. Позиция, занимаемая дивизией Соре в Сало, не защищала и не прикрывала ничего. Нужно сознаться, что эта дивизия была плохо расположена и занимала не те позиции, которые ей следовало занять для выполнения своей цели: прикрывать местность от Киезы до оз. Гарда.

4. Говорили, что марши дивизии Массена по левому берегу Адидже и дивизии Вобуа по Киезе в сентябре были так же неудачны, как у Вурмзера и Кваждановича в августе, потому что в обоих случаях колонны одинаково разделялись реками Адидже, Минчио, оз. Гарда и горами. Это утверждение неточно. Эти два марша обратно противоположны по направлению. Вурмзер и Кваждановичразошлись у Роверето, где они были сосредоточены, и двинулись по двум расходящимся направлениям, образующим тупой угол, так что с каждым следующим днем они еще больше удалялись друг от друга. На третий день своего марша один оказался в Брешиа, другой — в Риволи. Именно в тот момент, когда им предстояло встретиться с противником и приступить к выполнению операций, они оказались уже разделенными двумя реками, озером и горами. Обе французские колонны, наоборот, перед началом движения находились одна на Адидже, а другая — в Брешиа. Они шли по одной стороне угла, следуя к его вершине, так что на третий день прибыли одна в Мори, а другая — в Марко. Они сошлись и были отделены только Адидже, через который ими было переброшено два моста — в Серравалле и Роверето. У этих колонн никогда не прекращалась связь между собой. И эта связь становилась бы все более короткой и легкой по мере того, как колонны приближались к противнику. В последний момент они могли голосом сообщаться одна с другой. Обе колонны Вурмзера выходили из гор, тогда как французские колонны покидали долину и вступали в ущелья, где численность была менее важна. Имея обе целью дойти до Триента, они помогали друг другу, поскольку вступали в узкий театр военных действий.

5. Если признано, что обе эти операции несравнимы, следует ли из этого, что марш французского главнокомандующего был проведен пра-

вильно? Нельзя говорить, что этот марш был безопасен, но опасность была невелика. Если бы Вобуа не смог пройти через Брешиа и Лодрон, ему пришлось бы вернуться в Поль и там переправиться через Адидже. Это повлекло бы за собой опоздание на пять дней. Дивизии Массена и Ожеро шли уже колоннами по одной дороге, в узких ущельях. Дивизия Вобуа явилась бы только лишней помехой. Наполеон ограничился подробными наставлениями не только генералу Вобуа, но и генералу Сент-Илеру, надежному офицеру, командовавшему авангардом. Он им посоветовал хорошо освещать местность впереди себя и не ввязываться в стычки, если противник непредвиденным и неожиданным движением встретит их на дороге с превосходными силами. В этих целях им надлежало держать далеко позади парки и обозы, чтобы можно было без затруднений отойти на один переход. Наконец, дивизия Вобуа все время была в связи с армией — сначала через Рива, а затем через мост Сарка. Она посылала и получала сообщения три раза в день.

6. Говорили, что если бы Наполеон занял Леньяго как крепость, назначил в нее коменданта, адъютантов, артиллерийских и инженерных офицеров, интендантского комиссара, собрал там склады запасов и поставил 4 000—5 000 человек гарнизона, то коменданту этой крепости не пришла бы мысль ее эвакуировать, а Вурмзер не смог бы ее форсировать, потому что это привело бы к его гибели. Наполеон это почувствовал и впоследствии распорядился укрепить Леньяго.

7. Если бы с самого начала в Сен-Жорже были возведены циркумваллационные линии, это сильно стеснило бы Вурмзера. В дальнейшем Наполеон распорядился об их сооружении. Они способствовали успеху сражения у Фаворита.

Французская армия, осаждающая Мантую, независимо от обсервационного корпуса на Адидже и Монте-Бальдо, должна была иметь аванпосты на берегах рек Молинелла и Тартаро. С помощью небольших работ все шоссе из Леньяго в Мантую и всю местность от По до Роверbелла можно было сделать непроходимыми, затопив водой.

8. Раздавались голоса о том, что при марше французской армии через Тироль и ее движении вправо по ущельям Бренты на Бассано создавалось для нее опасное положение; что если бы Вурмзер двинулся на Верону, он отрезал бы ей отступление и окружил бы ее в ущельях Тироля; что эта операция была больше, чем отважная, — была безрассудная и нарушала правила ведения войны.

Сражение у Роверето произошло 4 сентября 1796 г., а сражение у Бассано — 8 сентября. 4 сентября вечером французы захватили 9 000 пленных и вывели из строя половину австрийской армии. 5-го главная квартира Вурмзера была еще в Борго-ди-Валь-Сугана с двумя дивизиями на марше к Бассано, а одна дивизия в этот вечер пришла на ночевку в Бассано. В таком положении фельдмаршал не мог предпринять ничего в отношении Адидже. Действительно, французская ар-

мия прибыла 8-го на рассвете в Бассано, а главная квартира Вурмзера прибыла туда лишь накануне поздно вечером. Операция такого рода может быть обдумана заранее и предначертана вся целиком, но ее выполнение должно происходить частями, шаг за шагом, сообразно с событиями, меняющимися каждый день. Предположите, наконец, что Вурмзер прибыл в Верону и переправился через Адидже, — все равно у французской армии оставалось бы обеспеченное отступление на Киезу и на Бреншиа, на три перехода дальше. Эта операция, следовательно, была проведена по всем правилам войны, — она была, правда, отважна, но хорошо продумана.

V

Пятое замечание. 1. Венский двор не испугался плохого исхода второго плана, который был им предписан Вурмзеру. В ноябре Альвинци выступил двумя отдельными армейскими корпусами: одним корпусом через Тироль, под командованием Давидовича, другим — через провинцию Виченца, под его непосредственным командованием. Нет ничего более ошибочного, чем этот план. Чтобы его исправить, он должен был тотчас же, как только сам овладеет Бассано, а Давидович Триентом, приказать Давидовичу направиться по ущельям Бренты на Бассано, оставив у Триента тирольское ополчение, и выйти на Адидже со всей своей сосредоточенной армией.

2. Заняв позицию у Кальдиеро, он должен был выставить сторожевое охранение на аркольских болотах и напротив Ронко. Он неудачно решил, что эти болота непроходимы, и это решение позволило французам построить там мост и вывести армию по левому берегу на его тылы так, что он об этом не узнал.

3. Сообщения между корпусом Альвинци и корпусом Давидовича были настолько затруднены, что хотя от Кальдиеро до Риволи они были отделены друг от друга только на 10—12 лье, они не могли сообщаться друг с другом больше восьми дней. Участок к северу от Вероны очень пересечен. Там нет никаких путей сообщения.

4. У Альвинци на риволийском поле сражения имелось 44 батальона, 24 эскадрона и 130 орудий, всего 50 000 человек. Но его 20 батальонов и вся артиллерия — 25 000 человек — с обозом и парками шли через долину Адидже, а именно: одна колонна двигалась по левому берегу под командой Вукассовича, силой в шесть батальонов, направляясь на Киузу, где она была задержана сотней людей, оставленных в этом форту, — она оказалась бесполезной; другая колонна, двигавшаяся по правому берегу Адидже, прибыла туда, переправившись через эту реку по мосту Дольче. На протяжении одного лье она шла вдоль подножия Монте-Маньоне, между этой горой и течением реки. Во многих местах ширина прохода равнялась ширине дороги. Восточный скат Монте-Маньоне почти отвесно спускается к Адидже, здесь не имеется ни одного вы-

хода из ущелья до самого подножия часовни Сан-Марко. С одной стороны расположено Риволийское плато, с другой — шоссе из Триента в Пескиеру, которое, дойдя до подножия Риволийского плато, проходит затем через Остерия-делла-Догана и маленькую деревушку Инканале. Над этой дорогой и возвышается часовня Сан-Марко с северной стороны, а обратный скат Риволийского плато с южной стороны.

С 24 остальными батальонами, без кавалерии и без артиллерии, т. е. менее чем с 25 000 человек, Альвинци захватил высоты Монте-Бальдо и занял всю местность между Монте-Маньоне и оз. Гарда. Такое расположение противоречило принципу, требующему, чтобы армия в любой день и в любой час была в состоянии принять бой. Альвинци между тем не был в состоянии драться ни по своем прибытии на эти горы, ни в течение того времени, которое ему требовалось для подхода к Риволийскому плато, так как, для того чтобы армия была в состоянии сражаться, она должна быть сосредоточена, а 20 батальонов, двигавшихся вдоль долины Адидже, были отделены от остальных сил и могли к ним присоединиться только после овладения Риволийским плато. Для боя армии необходимы кавалерия и артиллерия, а кавалерия и артиллерия, бывшие под командованием Квайдановича, могли присоединиться к армии только через Риволийское плато. Альвинци предполагал, что ему не придется вступать в бой на пространстве от Короны до Риволи, а это зависело не от него. Он подставил 24 батальона без кавалерии и без артиллерии под удар всей французской армии, силой в 20 000 человек пехоты, 2 000 кавалерии и 60 орудий. Это была неравная борьба.

Но Альвинци ошибся, он считал, что имеет дело только с дивизией Жубера в 9 000 человек, которая, имея назначением охранять всю местность между Короной и Риволи и от оз. Гарда до Адидже, должна была оставить по меньшей мере 3 000 человек в Риволи, чтобы оборонять плато и мешать Квайдановичу выйти по долине Адидже. Альвинци имел бы таким образом 25 000 человек против 5 000—6 000 человек. Поэтому он выделил дивизию Люзиньяна, которую направил между Монте-Бальдо и оз. Гарда, на Монте-Пиполо, для обхода с тыла Риволийского плато. После этого у него оставалось не больше 18 000 человек против Жубера, могущего иметь на Монте-Бальдо и Монте-Маньоне только 9 000 человек. Эта комбинация была бы очень хороша, если бы люди, наподобие гор, оставались неподвижными, но Альвинци забыл пословицу: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется». Австрийские тактики всегда ошибались. Придворный совет, составляя план Вурмзера, предполагал, что французская армия неподвижна и привязана к крепости Мантуя. Такое необоснованное предположение привело к гибели лучшей австрийской армии. Лауер, руководивший операциями Альвинци, вообразил, что дивизия Массена будет сдержана дивизией, выходившей через Кальдиеро, и останется неподвижной, прикованной к укреплениям Вероны, и, наконец, что французский глав-

нокомандующий не поймет всей важности встретить австрийскую армию на Риволийском плато.

5. Что должен был делать Альвинци? Двигаться таким образом, чтобы каждый день, каждый час быть в состоянии вести бой. С этой целью он должен был: 1) держать свои 44 батальона на горах между Монте-Маньоне и оз. Гарда таким образом, чтобы они были сосредоточены, имели между собой связь и составляли единую массу; 2) сосредоточить там свои 30 эскадронов кавалерии, так как мнение, будто кавалерия не может пройти повсюду, где проходит пехота, является предрассудком; наконец, в каждой колонне иметь пушки на лафетах с полозьями; 3) распоряжения для атаки дивизии Жубера отдать лишь в самое утро атаки, после разведки ее расположения, удостоверившись в положении дел сопоставлением разведочных данных, показаний перебежчиков, пленных и шпионов.

Правила ведения войны требуют не выделять части из армии накануне дня атаки, потому что за ночь положение вещей может измениться или вследствие отступления противника, или вследствие прибытия к нему значительных подкреплений, которые дадут ему возможность предпринять наступление и использовать преждевременные распоряжения.

На войне часто ошибаются в отношении сил противника, с которым предстоит драться. Пленные солдаты знают только свои части, офицеры дают показания очень ненадежные. Это заставляет принять следующую, предусматривающую все аксиому.

Армия должна каждый день, каждую ночь и каждый час быть готовой к оказанию всего сопротивления, на какое она способна. Это требует, чтобы солдаты постоянно имели при себе оружие и боевое снаряжение; чтобы пехота не отделялась от артиллерии, кавалерии и от своих генералов; чтобы различные дивизии армии были всегда в состоянии поддерживать друг друга, опираться друг на друга и обеспечивать друг друга; чтобы в лагерях, на привалах и в походе войска все время находились в самом выгодном положении, требуемом свойствами любого поля сражения, то есть чтобы: 1) фланги были примкнуты; 2) артиллерия могла действовать с наиболее выгодных позиций. Для обеспечения этих условий на марше нужно выдвигать авангарды и боковые отряды для освещения местности впереди, справа и слева на такое расстояние, чтобы главные силы имели время развернуться и занять позицию.

Австрийские тактики постоянно отходили от этих принципов, составляя планы, основанные на сомнительных донесениях, которые, будь даже они достоверными в момент, когда по ним составлялся план, теряли эту достоверность на завтра и на послезавтра, то есть когда планы нужно было выполнять.

Полководец должен каждый день спрашивать себя: если неприятельская армия покажется у меня с фронта, справа или слева, что я

должен буду делать? Если он окажется в затруднительном положении или на плохой позиции, если он допустил ошибку, — он должен ее выправить. Задай себе Альвинци такой вопрос: «Что случится, если французская армия выступит мне навстречу до моего прибытия в Риволи, когда я буду в состоянии ей противопоставить только половину моей пехоты, без кавалерии и без артиллерии?» — он ответил бы себе: «Я буду разбит силами, меньшими, чем мои». Каким образом то, что произошло в Лоди, в Кастильоне, на Бренте и в Арколе, не сделало его более осторожным?

6. Альвинци вышел из гор в январе 1797 г. Мантуя была в отчаянном положении. Он действовал двумя корпусами: один двинулся на Монте-Бальдо, он им командовал сам; другой — на Нижний Адидже, под командованием Провера. Успех Провера оказался бы безрезультатным, если бы Альвинци был разбит. Ошибки плана кампании усугублялись еще тем, что эти две атаки были связаны с центральной атакой на Верону — атакой, не имевшей никакой цели, ослаблявшей обе главные атаки и не устанавливавшей связи между ними потому, что местность делала это невозможным. Правда, имелись приказы Вены, что если Альвинци будет разбит, а Провера удастся освободить Мантую, то Вурмзеру надлежит переправиться через По с гарнизоном Мантуи и отступать на Рим. Но поскольку не были обеспечены совместные действия с неаполитанским королем, то все это было бы безрезультатным.

7. Провера после неожиданного захвата им переправы через Адидже в Анджияри должен был бы переправиться на правый берег со всем своим корпусом, включая дивизию Баялича, снять мост и направиться на Мантую — свое единственное убежище. Он туда прибыл бы с 20 000 человек. Вместо этого он туда прибыл только с 8 000 человек, потому что оставил дивизию Баялича на правом фланге и 12 000 человек для охраны своего моста, попавших затем в плен, а его авангард вследствие того, что потерял время, понес потери. Прибыв утром в Сен-Жорж, он должен был войти в крепость до полудня либо через цитадель, где не имелось циркумвалационной линии, либо через Пиетоле, переправившись через озеро. Для этого на пристанях Мантуи имелось более 100 лодок. Он потерял весь день и всю ночь. Начиная с 5 часов пополудни, когда Наполеон прибыл в Фаворита с частью армии из-под Риволи, все изменилось. Провера принужден был капитулировать на следующий день утром. Австрийцы вообще не знали цены времени.

8. Генерал Провера был взят в плен в Коссерия, на следующий день после сражения у Миллезимо. Он проявил себя мало талантливым. Это было действительной причиной, побудившей Наполеона им восторгаться с целью восстановить к нему доверие австрийского двора. Это удалось. Провера был восстановлен в должности и допустил захватить себя в плен второй раз в Фаворита. Отсюда следует, что нужно с подозре-

нием относиться к похвалам своего противника, хотя бы они были высказаны и после прекращения военных действий.

VI

Шестое замечание. 1. Высказывалось мнение, что мост через Адидже следовало поставить в Альбаредо, а не у Ронко. Это мнение ошибочно. У Кильмэна в Вероне было только 1 500 человек. После переправы через мост у Ронко, перед тем как двинуться на Арколе к Порчиле, была выслана разведка, которая и овладела этой деревней. Туда двинулся Массена, оказавшийся таким образом на 2 лье в тылу у Альвинци. Если бы фельдмаршал двинулся в тот же день на Верону, французская армия пошла бы за ним следом, и Альвинци был бы прижат к Вероне. Будь мост поставлен напротив Альбаредо, на левом берегу Альпоне, эта река или аркольские болота прикрывали бы марш Альвинци и дали бы ему время форсировать Верону. Обстановка была очень щекотлива! Операция с выходом в тылы Альвинци, в Ронко, была смела, но не трудна. Операция переправы через Адидже в Альбаредо была рискованна; она поставила бы в тяжелое положение Верону и армию.

2. Почему в первый же и во второй день оставили Арколе? Для того чтобы успеть снять мост у Ронко к полуночи, если известия из Риволи этого потребуют, двинуться затем на Ровербелла и прибыть туда раньше Давидовича. Прибудь Давидович к Мантуе раньше французской армии, все было бы потеряно; прибудь туда французская армия раньше Давидовича, все было бы выиграно. Соединившись с Вобуа, главнокомандующий разбил бы Давидовича, отбросил бы его в Тироль и возвратился бы на Адидже прежде, чем Альвинци смог бы переправиться через эту реку.

3. Следовало, говорили еще, перебросить в первый же день мост через Альпоне и выйти на равнину; по меньшей мере это следовало сделать на второй день. Нет. Именно в третий день лучше всего было дать это сражение, когда неприятельская армия оказалась достаточно ослабленной и деморализованной, так что можно было надеяться разбить ее в развернутой линии. И это было сделано вопреки мнению генералов, находивших подобный маневр слишком смелым. После некоторого колебания Наполеон отдал приказ об этом на третий день. Нужно помнить, что французская армия была ослаблена сражением на Бренте и сражением у Кальдиеро. В ней насчитывалось не больше 13 000 человек, а сражения первого и второго дней под Арколе еще уменьшили ее. Нельзя понять маневрирования во время этого сражения, не зная хорошо топографических особенностей Риволи, Вероны, Кастельнуово, Мантуи, Ронко, Кальдиеро, Вилланова и Виченцы.

4. Капитуляция Вурмзера беспримерна. Наполеон решился на нее из чувства великодушия в отношении этого старого фельдмаршала, могущего быть ему дедушкой, из желания прослыть милосердным к побе-

жденному и, наконец, чтобы выказать все свое негодование в отношении приказа, присланного ему Директорией, чтобы с этим почтенным фельдмаршалом обошлись, как с эмигрантом, захваченным с оружием в руках, так как он был уроженцем Эльзаса.

5. Наполеону следовало бы укрепить Риволийское плато, Корону, часовню Сан-Марко и Рокка-д'Анфо надежными фортификационными сооружениями из бревен и даже из камня. Адидже был полон плотами с лесом, которые торговцами сплавлялись из Тироля в Феррару и Венецию. Известь и камень здесь имеются в большом изобилии. В Вероне и Брешиа находятся всякого рода подсобные средства. В шесть недель можно было соорудить на Риволийском плато, у часовни Сан-Марко, у Короны, в Рокка-д'Анфо четыре форта, вооруженные полутора десятками пушек и 400—500 человек гарнизона; эти форты обеспечили бы эти четыре теснины от всякой неожиданности. Это дало бы армии больше, чем подкрепление в 15 000 человек. Говорят, что после августовской операции Вурмзера Наполеон отдал приказ занять Рокка-д'Анфо, но у инженеров появились слишком широкие планы. Потребовался бы год работы для их выполнения. Но очевидно инженеры ошибались: на войне только главнокомандующий может своей волей и своей дальновидностью победить и преодолеть все трудности.

6. Мантуя пала после восьми месяцев осады. Итальянские инженеры предлагали отвести воды Минчио и этим способом высушить озера Мантуи; тогда крепость Мантуя лишилась бы своей главной защиты. Этот способ применялся Висконти в их войнах против герцогов Мантуи, но Висконти не владели Пескиерой, а миланские инженеры ошибались: они думали преградить Минчио плотинами, снесенными в конце концов рекой. Известно, что не следует противодействовать течению реки. Голландцы подчинили себе океан, подчиняясь всем его капризам. Лишь отведя воды в Тартаро и в Молинеллу, можно было успешно закончить эту работу.

7. Чтобы укоротить линию Адидже, рекомендовался неоднократно прорыв дамбы правого берега этой реки около Леньяго. Отведенные воды смешались бы с водами Тартаро и Молинеллы и заболотили бы всю местность между Адидже от Леньяго до По включительно. Но результаты подобных работ были бы гибельны для этой провинции. Во время второго наступления Альвинци и Провера, в январе, такой проект был представлен Наполеону, который счел, что нет налицо обстоятельств, могущих оправдать подобное опустошение местности. Англичане в Египте действовали не с такой осмотрительностью. Чтобы добиться незначительной выгоды, они прорвали плотину оз. Мадейх и впустили воды Средиземного моря в оз. Мариут; это едва не повлекло за собой гибели Александрии.

VII

Седьмое замечание. Французская армия, двинувшаяся на Рим, состояла только из 4 000 французов. В ней, правда, насчитывалось 9 000 человек, включая сюда батальоны нового набора, миланские и болонские, которых нельзя было еще выставлять в боевую линию против регулярных войск. Римский двор делал довольно значительные усилия по набору войск, но они привели к небольшим результатам. Когда нация не имеет кадров и принципов военной организации, ей очень трудно организовать армию. Если Франция в 1790 г. так быстро выставила надежные армии, то лишь потому, что для этого у ней имелась хорошая основа. Эмиграция скорее улучшила эту основу, чем ее испортила. Романья и Апеннинские горы были наэлектризованы; влияние священников и монахов было очень сильно, пророчества, проповеди и чудеса оказывали свое действие. Горцы Апеннин от природы храбры, и у них находят некоторое сходство с характером древних римлян. Однако они не смогли оказать никакого сопротивления небольшому количеству войск, хорошо дисциплинированных и хорошо управляемых. Кардинал Буска всегда ссылался на Вандею. Вандея находилась в особых условиях. Население в ней было настроено воинственно и имело большое количество офицеров и унтер-офицеров, служивших ранее в армии, тогда как войска, посылаемые против нее, были набраны на парижских улицах и ими командовали люди невоенные, делавшие только глупости. Это закалило вандейцев. Наконец, чрезвычайные меры, принятые Комитетом общественного́ спасения и якобинцами, не оставляли этим людям другого выхода, как умереть, стараясь дороже продать свою жизнь. Очень хорошо понимали, что если бы в войне против папы понесли сначала поражения и прибегли бы к чрезвычайным, жестоким мерам, в Апеннинах могла бы возникнуть Вандея. Строгости, кровь, смерть создают энтузиастов, мучеников, вызывают на смелые, отчаянные решения.

VIII

Восьмое замечание. 1. Эрцгерцог Карл в кампанию 1797 г., желая прикрыть Вену и Триест, должен был сосредоточить все свои силы в Тироле, где он нашел бы опору в условиях местности и в настроении жителей. Он был бы в состоянии быстро получать подкрепления из рейнской армии. Покуда он держался бы в Тироле, ему нечего было бояться, что французская армия двинется на Изонцо. При первом же движении, которое она произвела бы на Пиаве, он вернул бы ее обратно переправой через Авичио и овладением Триентской областью. Это вынудило бы французского главнокомандующего перебросить всю свою армию и войну в Тироль — операция очень трудная и очень рискованная. Будь главная квартира эрцгерцога Карла вместо Конельяно в Боцене и находись на Авичио те 40 000 человек, которые у него были

на Пиаве и Тальяменто, — Вена и Триест были бы прекрасно прикрыты. Ничто, между прочим, не мешало ему вооружить и занять крепость Пальманова и сделать из нее опорный пункт для дивизии в 5 000—6 000 человек всех родов оружия, с целью наблюдать за Пиаве и Тальяменто.

2. Намерения Наполеона в сражении у Тальяменто не оставляли места сомнениям: он хотел овладеть Тарвисским перевалом. Не в Кодроипо, следовательно, должен был эрцгерцог перенести свою главную квартиру, а на высоты Сан-Даниеле, чтобы в случае нужды можно было произвести отступление на Понтебба и на высоты Тарвиса.

3. После сражения у Тальяменто ему не следовало отступать по ущельям Чивидале и Изонцо на Тарвис, поскольку ими уже овладел Массена. Такое отступление влекло к потере всех войск, брошенных по этому направлению, и губило его армию.

4. После переправы через Изонцо крепость Градиска не могла защищаться. Батальоны, введенные в эту крепость, приносились, следовательно, в жертву напрасно. Они не замедлили марша французской армии ни на одну минуту.

5. Так как эрцгерцог в апреле очень нуждался в выигрыше трех или четырех дней, чтобы дать время Керпену и Спорку присоединиться к себе, когда он был уже в Мурау, в одном переходе от Шейфлинга, ему следовало воспользоваться для выигрыша времени средством, какое ему предлагал французский главнокомандующий, — переговорами о мире. Он должен был ответить искренним своим согласием, обещанием употребить для этого свое влияние и предложением перемирия, чтобы отправиться в Вену для личного доклада императору. Перемирие было бы заключено. Но он дал ответ двусмысленный, холодный и на 24 часа позже. Он колебался, а время больше не терпело. Цель эрцгерцога была слишком ясна.

IX

Девятое замечание. 1. «Не нарушало ли движение в Германию по двум операционным линиям — из Тироля и через Понтебба — принципа, что армия должна иметь только одну операционную линию? Соединение этих обоих армейских корпусов армии в Каринтии, так далеко от исходной точки, не противоречило ли принципу, что никогда не следует сосредоточивать свои колонны перед противником и вблизи от него? Не было ли лучше оставить 7 000 или 8 000 человек у Триента для его обороны и сосредоточить на Пиаве на 10 000 или на 12 000 человек больше? Этим избегали перенесения войны в Тироль, в местность, трудную для военных действий, не подвергались неблагоприятным случайностям и с самого начала операций все силы сохранялись в сосредоточенном виде».

Ни тот, ни другой из указанных выше принципов не были нарушены. Если бы Жуберу на Авичио было оставлено только 8 000 человек, он был бы атакован, и корпус Давидовича прибыл бы к Вероне раньше, чем французская армия достигла бы Виллаха. Для того чтобы Жубер мог удержаться на Авичио, нужно было по меньшей мере 14 000 человек. Казалось бы, лучше было не отбирать у него ничего и, воспользовавшись превосходством сил, какое у него было над армией Давидовича, дать последнему бой, ослабить и оттеснить его за Бреннер. Тироль — трудный театр для действий, но он гибелен для побежденного. Французские войска приобрели большое превосходство над германскими войсками.

В Германию вступили не по двум операционным линиям, поскольку Пустерталь лежит по сю сторону Альп, и как только Жубер перешел Линц, операционной линией его становилась та же, которая шла на Виллах и на Понтебба. Соединение обоих корпусов было произведено не перед противником, потому что, когда Жубер покинул Брикссен, чтобы двинуться вправо на Шпиталь через Пустерталь или по долине Дравы, главные силы армии прибыли в Клагенфурт и доходили патрулями до Линца. Эрцгерцогу, следовательно, нельзя было придумать какого-либо маневра, чтобы помешать этому соединению. Жубер до сражения у Тальяменто оставался в оборонительном положении. После этого сражения он атаковал, разбил и уничтожил большую часть корпуса Давидовича и оттеснил его за Бреннер. Это не связывалось с какими-либо неудобствами, потому что, будучи разбит, Жубер попросту отступал бы с позиции на позицию до самой Италии. Когда он узнал, что армия перешла через Юлийские Альпы и Драву, он начал свой марш через Пустерталь, что также не вызывало неудобств. Эта операция, выполненная в три приема, была в согласии со всеми правилами. Она должна была иметь и в действительности имела за собой все преимущества.

2. Спрашивали, почему дивизия Серюрье и главная квартира не поддержали дивизию Гиё, направившись с Тальяменто на Чивидале и Капоретто, утверждая, что одной дивизии Бернадота было достаточно для следования за левым флангом армии противника на Пальманова и Гёрц.

От Чивидале до Тарвиса, проходя через Капоретто, дорога представляет собой дефиле. Дивизии Гиё, насчитывавшей 8 000 бойцов и состоявшей из очень хороших войск, было более чем достаточно для оттеснения корпуса Баялича к Капоретто. Но так как направление, которое дал эрцгерцог этому корпусу, было неправильное, оно повело бы к его гибели, если бы Баялич упорствовал по прибытии в Капоретто в движении на Тарвис; предполагают, что эрцгерцог одумался и послал ему приказание в Капоретто спуститься к Градиска и возвратиться на Карниолу. Это побудило Наполеона направиться на Пальманова и Гра-

диска с дивизиями Серюрье и Бернадота. Из Гёрца он выслал дивизию Бернадота в Карниолу, вслед за левым флангом эрцгерцога Карла, а с дивизией Серюрье двинулся на Капоретто. Если бы корпус Баялича, вместо того чтобы подняться вверх по Изонцо, спустился бы вниз, ища своего спасения через Гёрц, он был бы атакован в голову, а одновременно Гиё теснил бы его арьергард: этот корпус был бы в результате взят в плен. Если бы, наоборот, не стесняясь положением Массена, занимавшим Тарвис, Баялич двинулся туда, — что и произошло на самом деле, — то дивизия Серюрье оказалась бы во второй линии позади Гиё. Таким образом, Наполеон предусмотрел все случайности.

3. Дивизия Бернадота двинулась на Лайбах, потому что нужно было подчинить себе Карниолу, захватить Триест и идрийские рудники, изгнать из Карниолы и оттеснить за Драву левый фланг эрцгерцога Карла. Когда эти цели были достигнуты, дивизия Бернадота двинулась влево на присоединение к армии. Французский главнокомандующий хорошо сделал, что не направил ее, — как это сделали бы многие генералы, — через Цилли и Грац на Земмеринг, потому что тогда эта дивизия не была бы в состоянии поддержать армию во всех боях, какие произошли или могли произойти в Юденбурге, в Бруке и т. д. Движение дивизии Бернадота на Грац, даже если бы оно не вызвало неудобств, было бы против правил. Движение же, которое выполнила дивизия, было согласно с принципами сосредоточения, являющимися истинными принципами войны.

4. Наполеон решился заключить Лёобенский договор и остановиться на Земмеринге потому, что Директория уведомила его в своем письме, что он не должен рассчитывать на совместные действия с рейнскими армиями. Если бы вместо этого правительство ему сообщило, что такие совместные действия будут иметь место, хотя бы только в июне, он подождал бы и не заключил бы мира, потому что его положение было хорошее. У него в Каринтии находилось под рукой около 60 000 человек, а на Адидже имелись резервы, более чем достаточные для разгона венецианских мятежников и сдерживания тирольских ополчений. Поэтому он стремился вступить в Вену.

5. Приказ, данный Жуберу после сражения у Тальяменто, вступить в Тироль и двинуться к Виллаху в Каринтию через Пустерталь, был сообщен Даллеману, французскому посланнику при Венецианской республике, чтобы предупредить волнения. Как только олигархи узнали бы, что Тироль эвакуирован, они сочли бы, что французы разбиты, и прибегли бы к неприязненным мерам. У Даллемана было по этому вопросу совещание со старейшинами, делегированными к нему сенатом. Он показал им копию инструкций, данных Жуберу. Это произвело некоторое впечатление, но сообщение было слишком запоздалым: сенат тайно принял решение уже 36 часов до этого, уверенный в разгроме

корпуса Жубера. Это было главной причиной гибели Венецианской республики. Вот на чем держится судьба государств!

6. Иностранные военные, плохо осведомленные о фактах, осуждают Наполеона за то, что он оставил дивизии Виктора и Кильмэна в Маркии и в Романье для наблюдения за армией папы и за Неаполем. «Это, — говорили они, — было бесцельно, потому что с этими государствами был восстановлен мир».

Генерал Кильмэн командовал войсками на Адидже; его главная квартира была в Вероне, когда мятеж в этом городе и прибытие генерала Фиоравенти вынудили его приказать комендантам фортов запереть ворота. Он покинул Адидже и отступил, чтобы избежать окружения, на Минчио с 6 000—7 000 человек кавалерии, артиллерии и пехоты, желая защитить Брешиа и сохранить свои сообщения с Мантуей и Пескиерой. В дивизии генерала Виктора было 8 000 человек, из которых 3 000 миланцев под начальством генерала Лагоца. Она имела приказ двинуться на Адидже для образования обсервационного корпуса и для того, чтобы сдерживать венецианцев. Виктор распорядился выслать вперед генерала Лагоца и замедлил свой марш с французской бригадой на 15 дней либо потому, что не ощутил необходимости ускорить свое движение, либо потому, что ему было необходимо время для выполнения статей Толентинского договора, либо по какой-либо другой причине. Факт тот, что эти 15 дней запоздания явились причиной веронской резни. Может быть, Пезаро и его партия были бы более осмотрительны, если бы увидели дивизию этого генерала, расположенную на Адидже, как должно было быть. Это было бы счастьем для сената и спасло бы его от гибели. Папа распустил свою армию. Она была на мирном положении и не причиняла никакого беспокойства. Болонских войск было более чем достаточно для занятия Романьи и удержания врагов на правом берегу По. Никогда, следовательно, не было мысли оставлять хотя бы одного человека на Рубиконе для службы наблюдения. Впрочем, о датах не спорят. Мир в Толентино был заключен 19 февраля 1797 г., сражение на Тальяменто произошло 16 марта. Лёобенские предварительные условия мира были подписаны 18 апреля.

ЗАМЕТКИ
НА КНИГУ ГЕНЕРАЛА ЖОМИНИ
«РАЗБОР КРУПНЫХ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ»

I. Сражение у Монтенотте. — II. Сражение у Лоди. — III. Сражение у Кастильоне. — IV. Сражение у Бассано. — V. Сражение у Арколе. — VI. Сражение у Риволи. — VII. Германская кампания 1797 г.

Этот труд — один из самых выдающихся среди появившихся по данному вопросу. Различные замечания о кампаниях 1796 и 1797 гг., интересные для военных, собраны нами здесь, как высказанные лично самим Наполеоном.

I

1. Австрийская армия в апреле 1796 г. была силой в 42 батальона и 44 эскадрона. Некоторые из этих батальонов имели по 1 500 человек. Пьемонтская армия, включая артиллерию и кавалерию, составляла 30 000 человек. Дивизия неаполитанской кавалерии имела 2 000 человек. Обе эти объединенные армии состояли из 80 000 человек с 200 орудий. Во французской армии имелось 28 000 пехотинцев, 3 000 человек кавалерии и 30 орудий, в общем 31 000 человек.

2. Полубригады итальянской армии приняли номера, которые они носили до 1805 г., только с июня 1796 г.: до этого времени они носили старые номера, ныне забытые.

3. В сражении при Монтенотте генерал Аржанто, командующий у Болье центром, имел 18 000 человек, из коих 5 000 пьемонтцев.

4. В сражении при Миллезимо у австрийцев было 21 000 человек. У Дего они потеряли 10 000 человек, из которых 8 000 пленными, 30 пушек и 15 знамен. Начальник штаба армии, отмечая количество пленных, забыл про 2 000 человек, уже эвакуированных в Ниццу, и ведомость о них не была исправлена ведущим этот учет старшим адъютантом.

5. В воззвании главнокомандующего к армии Кераско имеется опечатка: вместо 1 500 нужно читать 15 000 пленных.

6. Кавалерия провела зиму на берегах Роны, но она была в самом жалком состоянии и двигалась в хвосте колонн. Однако ею пользовались для преследования противника по ущельям, после того как он бывал разбит, и именно ей обязаны громадным количеством пленных, взятых в начале кампании. Но в ту пору она не могла драться против австрийской кавалерии. Только на Минчио она в первый раз успешно проявила себя, маневрировала на равнине, производила удачные атаки и соревновалась с пехотой.

II

1. Вместо переправы через По в Пьяченце не следовало ли итальянской армии переправиться через реку в Кремоне? Во время своего похода из Тортоны в Пьяченцу, спускаясь вниз по правому берегу По, она подставляла на протяжении 18 лье фланг противнику, занимавшему позицию на левом берегу По и снабженному понтонным парком. Продолжение марша еще на 7 лье создало бы ряд неудобств. Да и какая цель была бы в этом? Пьяченца лежит на правом берегу и предоставляет все средства большого города для облегчения наводки мостов. Кремона на противоположном берегу оставалась бы во власти противника до тех пор, пока не совершится переправа. Сверх того, Пьяченца является пунктом, наиболее близким к Милану, от которого Кремона значительно более удалена и отделена Аддой.

Если бы Болье стал вдоль правого берега Адды и навел мост напротив Пьяченцы, французская армия оказалась бы отрезанной на обоих берегах. В подобных переходах нельзя подставлять фланг противнику, а когда это невозможно, то следует делать переходы наиболее короткими и совершать их быстро.

2. Будь во французской армии понтонный парк, она прибыла бы в Милан раньше австрийской армии. Она потеряла 60 часов на сбор судов и сооружение моста: это дало время неприятельскому главнокомандующему переправиться через Адду.

3. Корпус Колли, направившийся на мост у Кассано, отстал. Наполеон надеялся отрезать его от Минчио. Это и заставило его ускорить и форсировать переправу через мост у Лоди. На самом же деле в тот момент, когда он форсировал мост, Колли переправился у Кассано и смог повести свое отступление, никем не тревожимый. Имей армия понтонный парк, она переправилась бы через Адду в самый день боя у Фомбио с наступлением ночи. Наполеон лично подходил на расстояние ружейного выстрела к Пиццигетоне. Он приказал пройти и вниз и вверх по реке для сбора судов, и если бы он смог достать их восемь или десять, он переправился бы в течение той же ночи и стал бы по обоим берегам Адды.

4. Болье в ночь, последовавшую за боем у Фомбио, совсем не пытался захватить Кодоньо. Он не знал еще, что произошло после полу-

дня, и считал, что он все еще владеет Фомбио; он просто расположился в Казаль-Пустерленго, чтобы там провести ночь. Один из его кавалерийских полков, пожелавший расположиться в Кодоньо, наткнулся на биваки генерала Лагарпа, был встречен оживленным ружейным огнем и поспешно отошел назад. Генерал Лагарп выехал из своей стоянки с несколькими офицерами штаба для сбора сведений в ближайших загородных домах о силах только что показавшейся части. В час пополуночи, возвращаясь в свою главную квартиру по другой дороге, а не по той, по которой он выехал из лагеря, он наткнулся на беглый огонь и пал, пронзенный пулями своих собственных солдат, любивших его и потрясенных своей ошибкой.

5. Генерал Колли, командовавший пьемонтцами, был офицером австрийской армии, поэтому он и не бросал службы у сардинского короля после Керасского перемирия.

6. Дивизия Ожеро на самом деле переправилась через Минчио по мосту у Боргетто. Демонстрации около Пескиеры были ложной атакой, для того чтобы привлечь внимание Липтая, в то время как Ожеро маневрировал, чтобы отрезать его от дороги на Верону.

7. В форту Урбано имелось не 200 солдат, а 800. Этот факт сам по себе маловажный; мы его приводим из уважения к истине.

Мы не знаем, кто сказал, что армии не следовало останавливаться на Адидже, что ей нужно было перейти за Юлийские Альпы и двинуться на Вену; это абсурд.

После сражения у Лоди Наполеоном было получено постановление Директории, предписывавшее двинуться на Рим и Неаполь с 20 000 человек и оставить свою армию Келлерману, который прибудет для руководства блокадой Мантуи. Наполеон сделал энергичное представление против этого проекта и подал в отставку, не желая быть орудием гибели своей армии. Правительство взяло назад свое постановление; оно увлеклось желанием видеть французский флаг развевающимся на Капитолии и стремлением наказать неаполитанский двор за его многочисленные оскорбления.

Взаимоотношения с сардинским королем были продиктованы политикой, но эти взаимоотношения плохо понимались в то время. Не без труда Наполеону удалось внушить сознание важности поддержания спокойствия в Пьемонте. Революционные вспышки всегда производят беспорядок, а на тылах армии, наоборот, следовало устанавливать покой и безопасность.

III

1. Слишком большое значение придается донесениям придворного военного совета австрийцев. После поражения он пытался исказить положение дел. В эту пору у Вурмзера было не меньше 100 000 человек, в том числе 15 000 человек в Мантуе. Французская армия насчитывала

40 000 человек, из них 10 000 человек были заняты блокадой Мантуи, 30 000 человек составляли обсервационную армию, которая должна была отражать армию больше чем в 80 000 человек. С 29 июля по 8 августа Вурмзер потерял 40 000 человек, 70 пушек, много зарядных ящиков и повозок, 15 знамен. Он сменил гарнизон Мантуи, усилил его на 5 000 человек и ушел обратно в Тироль меньше чем с 40 000 человек.

2. 31 июля Ожеро вновь переправился через Минчио в Боргетто лишь с одной своей дивизией. Серюрье снял осаду Мантуи, собрал свою дивизию и двинулся на Маркарию. В ночь с 31 июля на 1 августа Наполеон направился на Брешиа с дивизией Ожеро, следовавшей по проселочным дорогам, по местности, поросшей вереском. Массена не оставался в Понте-Сан-Марко, а пошел параллельно по шоссе из Понте-Сан-Марко в Брешиа. Соре остался на позиции на высотах между Лонато и Сало. Генерал Пижон, командующий арьергардом Массена на этом марше, занял позицию на Нижнем Минчио с 15 000 человек, обстреливая противоположный берег. Арьергард Ожеро, под командой генерала Ла-Валетта, занял позицию по правому берегу Минчио, на уровне Боргетто, и вел перестрелку с другим берегом. 2 августа на рассвете дивизии Массена и Ожеро сделали полоборота направо. Прогнав Квазданович а из Брешиа и всей равнины, Массена двинулся на Понте-Сан-Марко и застал там свой арьергард, сделавшийся вследствие этого поворота авангардом, уже прижатым к Лонато. Там он дал себя без всяких оснований оттеснить в течение дня. Таково было положение вещей накануне сражения у Лонато.

3. В этом сражении у австрийцев было 30 000 человек. В Кастильоне у них имелось 18 000 человек. Липтай образовывал авангард. Поэтому генералу Ожеро и пришлось напрячь всю мощь своей превосходной дивизии, подкрепленной резервной кавалерией, чтобы остаться победителем, овладеть Кастильоне и разбить противника. 12 000 человек противника были против генерала Массена; они взяли сначала Лонато и разбили авангард генерала Пижона, но их прорвали в центре, оттеснили и прогнали с поля сражения. 5 августа произошло сражение у Кастильоне. Генерал Фиорелла, командовавший дивизией генерала Серюрье, смог продвинуться на тылы Вурмзера только с 4 000 человек. В этой дивизии имелось 3 000 слабосильных, изнуренных болотной лихорадкой, которых невозможно было с собой вести, и их пришлось оставить в Маркарии вместе с саперами, рабочими, зарядными ящиками и повозками, принадлежащими к осадному парку. У Вурмзера оставалось еще около 30 000 человек и очень хорошая кавалерия; наша по качеству в ту пору ей еще уступала. Во французской армии имелось 22 000—23 000 человек, но это были те же самые войска, которые дрались у Короны, Лонато и в сражении 3 августа. Довольно много офицеров было убито, много вышло из строя. В этом бою сделали таким образом все, что только можно было сделать.

4. Вурмзер был старый солдат, и у него имелись хорошие офицеры. Он знал, что его план слишком обширен, но считал его исполнение обеспеченным вследствие своего огромного численного превосходства. Имей он силы равные или численно превосходящие только на одну треть, он так не растянулся бы. Если бы он потерял в Лонато и Кастильоне так мало людей, как этому, повидимому, верят, он не покинул бы Минчио. Он держался бы там, опираясь левым флангом на Мантую, правым на оз. Гарда, и, осадив Пескиеру, спас бы честь своего оружия. Но потери, которые он нес, были таковы, что вынудили его вернуться обратно в Тироль и покинуть Италию.

IV

1. В августе Вурмзер получил 15 000 человек подкрепления; от прежней армии у него оставалось 40 000 человек. Он присоединил к себе 10 000 тирольцев. Следовательно, в начале сентября у него было 70 000 человек. Из них 30 000 человек, включая тирольцев, были предназначены для охраны Тироля, под командованием Давидовича; 40 000 человек предназначались для маневрирования на равнинах Бассано и Виченцы, в направлении к Мантуе. В том числе было 30 000 человек пехоты, остальные — кавалерия и артиллерия. Давидович потерял 11 000 человек в сражении у Роверето, из которых 9 000 пленными. До этого он понес потери еще в бою у Сарка и затем в Лависском сражении.

2. В бою у Примолано взяты были пленные девяти различных батальонов. Там находились, кроме трех кроатских, шесть линейных батальонов. Число пленных было 4 000, а не 1 800.

3. Сражение у Бассано было более важно, чем автор это представляет. Потери, понесенные противником, были значительнее.

4. Дивизия Мессароша прибыла к Вероне, атаковала этот город и была отражена. Местность успели подготовить, потому что наступательное движение Вурмзера было заранее предугадано: впереди виченцских ворот соорудили равелин, а крепостная ограда была вооружена большим числом артиллерийских орудий. Кильмэн, которому было поручено наблюдать за Адидже, получил от главнокомандующего — в тот момент, когда он двинулся на Триент, — очень подробную инструкцию, которая его сильно изумила. Она очень любопытна и должна находиться в его бумагах. Все, что произошло на Адидже, было предусмотрено. Когда Наполеон почувствовал опасность, он вызвал к себе гарнизон Леньяго и приказал генералу Саюгэ, командовавшему блокадой Мантуи, поставить туда другой. Тогда Мессарош потребовал подкреплений от Вурмзера и особенно понтонный парк. Вместо этого он получил приказ поспешно вернуться к Бассано. В Виченце он встретился с самим Вурмзером, только что отброшенным от Бассано.

5. Преследуемый дивизией Массена, двинувшейся прямо из Бассано на Виченцу, и дивизией Ожеро, прибывшей в Падую, Вурмзер ока-

зался, таким образом, прижатым к Адидже. У него не было понтонного парка; он его потерял в Бассано. Из 70-тысячной армии у него оставалось только 16 000 человек, сильно деморализованных, если не считать хорошей кавалерии в 6 000 человек, не испытавшей потерь и совершенно свежей. Его положение казалось безнадежным; но тут вдруг тремя кавалерийскими эскадронами был захвачен альбаредский паром. Они переправились на правый берег Адидже и отрезали пути сообщения Леньяго с мантуанским блокадным корпусом. Они изрубили несколько отбившихся от своих частей солдат, поднявших тревогу в Леньяго. По обычаю австрийцев, этот кавалерийский патруль повсюду распространял самые панические слухи, а именно, будто Наполеон со всей своей армией погиб в ущельях Бренты, а Вурмзер со своей победоносной армией подходил к Мантуе. Комендантом Леньяго был командир легкого батальона, находившийся там с 500 человек. Он потерял голову, придал веру этим ложным сведениям, счел за лучшее эвакуировать крепость, спасти свой батальон и присоединиться к Саюгэ у Мантуи. Начальник австрийской кавалерии тотчас же об этом узнал и овладел городом и мостом (мост, хотя и деревянный, был оставлен невредимым). Такое счастливое событие изменило положение старого фельдмаршала, уже больше не подвергавшегося опасности сложить оружие. Он быстро направился к Леньяго, переправился через реку, но имел неосторожность потерять один день. Наполеон прибыл в Арколе, напротив Ронко, в ту самую минуту, когда Вурмзер входил в Леньяго. Он овладел паромом. Немедленно дивизия Массена была переправлена, чтобы воспользоваться беспечностью Вурмзера. Наполеон надеялся предупредить его на р. Молинелла, двинулся на Сангвинетто, а в то же время Ожеро из Падуи — на Леньяго. Если бы авангард Массена не направился слишком влево, на Череа, то вся дивизия Массена прибыла бы к Сангвинетто раньше противника и Вурмзер был бы опять-таки вынужден сложить оружие. Но так как в Череа дорога была перегреждена лишь авангардом силою в 500 коней и 1 200 легких пехотинцев, не поддержанных главными силами дивизии, бывшими на сангвинеттской дороге, то Вурмзер прорвал его и прибыл на Молинелла, где стояли Кильмэн и Саюгэ в готовности к бою. Ими был разрушен мост у Кастелларо, но мост у Виллимпента они не тронули. Вурмзер направился туда. Дорога на Мантую была открыта, и ему удалось спастись.

При первом пушечном выстреле в авангарде у Череа Наполеон, бывший верхом и двигавшийся несколько правей, в направлении на Сангвинетто, понял, что происходит. Он понесся туда галопом, чтобы исправить дело, но когда он туда прибыл, 4-я легкая полубригада в беспорядке уже отступала и несколько тысяч кавалеристов наводнили равнину. Одна старуха доставила утешение Вурмзеру, рассказав, что 10 минут назад там находился французский главнокомандующий. Он едва успел, — прибавила она, — дать шпоры коню. Старый фельдмаршал

надеялся, не без некоторого основания, что его противник попадет в его руки. Как передают, он требовал привести его к себе живым.

Повидимому, автор не знал о Веронском бое и о событиях у Леньяго.

Потери австрийской армии с 4 по 12 сентября равнялись 30 000 человек убитыми и ранеными, и 14 000 человек были заперты в Мантуе, среди которых фельдмаршал, весь штаб, административно-хозяйственная часть и т. д.

V

1. В битве 6 ноября на р. Бренте [1] генералы Квазданович и Гогендоллерн были оттеснены дивизией Ожеро к Бассано. Было необходимо сделать усилие, чтобы вынудить их вновь перейти через мост и принять бой. Наполеон отдал приказ выслать вперед бригаду из резерва, но кроатский батальон, который Кваждановичем, когда он двигался вперед, был выслан направо на фланг, оказавшись отрезанным, бросился в деревню и забаррикадировался там на шоссе из Виченцы в Бассано. Бригада резерва, встреченная при входе в это селение ружейным огнем, не смогла пройти. Пришлось приступить к маневру и подвезти пушки. Это селение было взято штурмом, врукопашную, но бригада потеряла 2 часа, и наступила уже ночь, когда она прибыла к Бассано.

2. У генерала Кильмэна, занимавшего Верону во время сражения у Арколе, был под командованием отряд только в 1 500 человек пехоты, кавалерии и артиллерии.

3. Мост через Адидже был переброшен против Ронко, на правом берегу Альпоне, между устьем этой реки и Вероной, а не против Альбаредо, ниже устья Альпоне, во-первых, потому, что австрийские гусары занимали селение Альбаредо, и если бы мы там навели мосты, они об этом дали бы знать Альвинци. На внезапность же особенно рассчитывали, так как противник упустил занять болото против Ронко, удовольствовавшись разведкой его гусарскими разъездами, объезжавшими дамбы два раза в день. Во-вторых, во французской армии было только 13 000 человек; у нее не было никакой надежды в данных условиях разбить 40 000 человек на открытой равнине, где можно было полностью развернуться, тогда как на дамбах, окруженных болотами, драться могли только головы колонн. Численность тут не оказала бы влияния. В-третьих, Альвинци готовился к штурму Вероны. Его главная квартира находилась в 3 лье от нее. В момент наступления французской армии на Ронко он мог направиться для форсирования Вероны. Армии пришлось поэтому переправиться через Адидже выше устья Альпоне,

---

[1] Битва на Бренте, обозначенная здесь битвой 6 ноября, была разыграна 5 ноября 1796 г. (15-го брюмера V года).

чтобы не иметь никакой естественной преграды при движении вслед за Альвинци на Верону.

Если бы французская армия переправилась напротив Альбаредо, было бы достаточно нескольких батальонов, закрепившихся на правом берегу Альпоне, чтобы обеспечить марш Альвинци к Вероне. Если бы этот город был взят, Альвинци завладел бы всем. Французская армия тогда была бы вынуждена отступить и соединиться с Вобуа у Мантуи.

4. Почему селение Арколе было брошено французской армией в конце первого дня? Почему она вернулась туда в конце второго дня? Потому, что преимущества, достигнутые в первый день, хотя и довольно значительные, были недостаточны для выхода на равнину и восстановления сообщений с Вероной. Между тем явилось опасение, что во время самого боя у Арколе Давидович направится из Риволи в Кастельнуово, и, значит, нельзя было больше терять времени. Французской армии надлежало двигаться всю ночь для соединения на следующий день с Вобуа у Кастельнуово и Виллафранка, чтобы разбить Давидовича и спасти блокаду Мантуи, а затем, если бы это удалось, возвратиться назад, прежде чем Альвинци переправится через Адидже. Наполеон получил в 4 часа утра сообщение, что Давидович накануне не трогался с места. Гогда он вновь перешел через мост и взял Арколе. В конце второго дня он рассуждал таким же образом: он добился существенных преимуществ, но недостаточно решительных, чтобы иметь возможность выйти на равнину; он мог все еще ожидать, что Давидович пойдет на Вобуа; нужно было двинуться на помощь и к Вобуа и для прикрытия блокады Мантуи. Такое очень тонкое соображение основывалось на расчете в один-два часа, и нужно было хорошо знать местность между Вероной, Вилланова, Ронко, Мантуей, Кастельнуово и Риволи, чтобы оно пришло в голову.

5. Спрашивается: почему французская армия не перебросила моста в первый же день у устья Альпоне для выхода на равнину, почему она его не навела хотя бы во второй день? Потому, что она терпела неудачи в течение восьми дней, что в ней насчитывалось только 13 000 бойцов; наконец, потому, что именно в третий день, вследствие последовательно нараставших успехов, немного восстановилось равновесие между обеими армиями. Положение было таково, что если бы до отдачи приказаний об операциях на четвертый день Наполеон созвал на совет генералов для обсуждения вопроса о том, следует ли продвигаться на Вилланова и Виченцу для восстановления сообщений с Вероной по левому берегу или двинуться на помощь к Вобуа по правому берегу, все мнения были бы за движение по правому берегу. Когда за два часа до рассвета его дивизионные генералы получили приказ двинуться вперед к Вероне, они нашли это движение слишком смелым. Однако оно оправдало себя, и генералы вскоре увидели, что противник отступает.

VI

1. Кларк действительно имел поручение войти в сношения с венским двором. Он также имел поручение вести переговоры с Наполеоном от имени меньшинства Директории. Было бы громадной ошибкой предполагать, что у него была мысль заменить Наполеона. Правительство разделилось надвое, но обе партии были одинаково довольны ходом итальянских дел. Сверх того, Кларк не имел никакого опыта в командовании войсками. По складу своего ума он был скорее наблюдателем. Он занимался в главной квартире наблюдением за отдельными офицерами. Это у многих вызвало неудовольствие и навлекло на него нарекания. Он был человек трудолюбивый и неподкупной честности.

2. 59-я полубригада никогда не входила в состав итальянской армии. Входили в ее состав лишь 57 и 58-я полубригады.

3. Когда Наполеон выехал из Риволи и направился к Мантуе, он оставил там генералов Массена и Жубера. В эту кампанию план придворного военного совета заключался в том, чтобы операции Альвинци через Монте-Бальдо и операции Провера через Нижний Адидже велись независимо одна от другой. Вурмзеру было дано приказание маневрировать для соединения с Провера, если Альвинци будет действовать успешно, и развивать победу, насколько позволят обстоятельства. Если Альвинци был бы разбит, а Провера стал бы действовать удачно, то Вурмзеру надлежало воспользоваться двумя или тремя днями, когда в его власти окажется течение По, чтобы переправить через эту реку весь свой штаб, все артиллерийские, пехотные и кавалерийские кадры и двинуться на Рим для присоединения к армии папы, для увеличения и обучения папских ополчений, и этим вынудить французского главнокомандующего к разделению своей армии на две части. Что касается Мантуи, Вурмзеру следовало снабдить ее продовольствием на два месяца, и для этого надлежало удерживаться некоторое время в Серралио; если же, наоборот, он не смог бы этого сделать, ему надлежало покинуть эту важную крепость и увезти с собой во владения папы всю артиллерию с боевыми припасами, какие только возможно эвакуировать.

4. Армии Альвинци и Провера были более сильны, чем их считают. Потери в них достигали 30 000 убитых, раненых и пленных. Число пленных было не меньше 19 000.

VII

1. Начать кампанию было необходимо с наступлением весны, чтобы не дать времени австрийским инженерам покрыть полевыми укреплениями выходы из Норических Альп и привести в оборонительное состояние Пальманова, а также чтобы разбить эрцгерцога прежде, чем подойдут к нему дивизии с Рейна.

Чтобы помешать переправе французской армии через Тальяменто, придворному военному совету следовало сосредоточить свою армию в Тироле 1 марта, оставив только 6 000 человек для наблюдения на

Тальяменто. Если бы и тогда французский главнокомандующий решил переправиться через эту реку, у эрцгерцога нашлись бы средства его остановить. Переправившись через Авичио, двинувшись на Триент и угрожая Бассано и Вероне, он принудил бы его к отступлению. Если бы эрцгерцог остался на Верхней Бренте, французской армии было бы невозможно растягивать свой правый фланг и она была бы вынуждена ввязаться в войну в Тироле. Это дало бы ему три преимущества: 1) преимущество сосредоточения своей армии на 20 дней раньше: Иннсбрук лежит около Рейна, Конельяно же и Сачиле от него значительно удалены; 2) поле сражения предоставляло бы ту выгоду, что находилось в стране, где население ему было всецело предано; 3) создавалась возможность вести свои операции концентрированно, получая новые подкрепления из рейнской армии. Именно эта ошибка придворного военного совета — сосредоточение армии во Фриуле вместо Тироля — подставила тогда под удары столицу и решила исход кампании.

2. Расположение эрцгерцога позади Тальяменто, перед Кодроипо было неудачным. Он пренебрег Сан-Даниеле. Его отступление по ущельям Чивидале в направлении на Нижнее Изонцо, в то время как Массена был в такой близости от Тарвиса, сделалось для него гибельным, как это доказали события.

3. Дивизия Гиё двигалась не на Торре, а на Удине, Чивидале и Капоретто. Главная квартира наступала на Пальманова и Градиска с дивизиями Бернадота и Серюрье. Дивизия Массена находилась в Тарвисе. Спрашивается, почему же дивизии Бернадота и Серюрье не двигались на Чивидале для поддержки дивизии Гиё? Потому что эрцгерцог двинул две дивизии с их парками по ущельям Чивидале, и дивизии Гиё было достаточно, чтобы оттеснить его арьергард. По прибытии в Капоретто этот корпус продолжал бы двигаться на Тарвис, место своего первоначального назначения, и тогда он погиб бы и вынужден был бы сложить оружие, как это в действительности и случилось. Или же, узнав, что Массена был в Тарвисе, он спустился бы вниз вдоль Изонцо и двинулся бы на Гёрц, чтобы достичь Карниоля; в этом случае нужно было иметь достаточно силы, чтобы двинуться к нему навстречу, отбросить его на Капоретто, куда уже прибыл бы Гиё, и вынудить сложить оружие в ущельях Капоретто.

Вся эта глава требует пояснений: операции описаны в ней неточно.

4. В инструкциях генералу Жуберу предписывалось, отбросив генерала Керпена за Бреннер, сделать поворот направо, спуститься в долину Дравы и присоединиться к армии в Виллахе. Такое движение было правильным, потому что Жубер начал действия лишь тогда, когда армия одержала победу на Тальяменто, и его правый фланг двинулся на Драву лишь тогда, когда главная квартира была уже в Клагенфурте. Наполеон высылал к нему навстречу в Линц и в Шпиталь своего адъютанта Ла-Валетта и генерала Зайончека с несколькими драгунскими эскадронами.

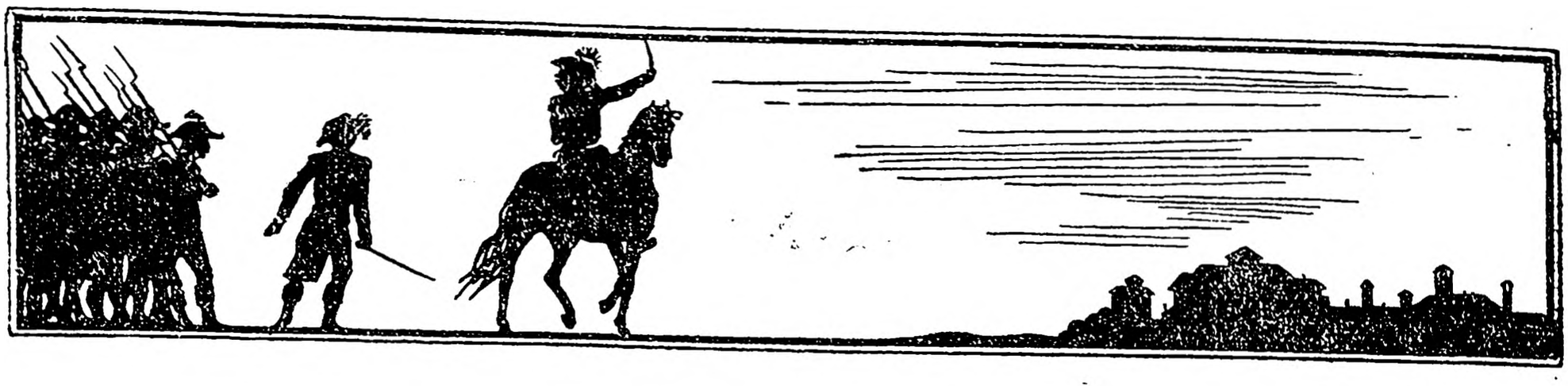
5. Дивизия Виктора никогда не предназначалась оставаться в Романье. Она была послана в экспедицию на Рим; требовалось время на ее возвращение оттуда. Она должна была занять позицию на Адидже, чтобы образовать ядро обсервационного корпуса против венецианцев. Запоздание ее на несколько дней повело к веронской резне. Оно явилось результатом ошибки в расчетах дивизионного генерала. Нужно было быть сумасшедшим, чтобы оставлять войска в Нижней Италии.

6. После переправы через Тальяменто Наполеон писал Директории, что 15 апреля он будет в Германии, в главном городе Каринтии. Необходимо было, чтобы самбро-маасская и рейнская армии, насчитывавшие 150 000 бойцов, без замедления выступили в поход и заняли позицию на Энсе. По прибытии же на эту реку он направит все три армии на Вену. Директория ответила Наполеону, что рейнским армиям приказано начать военные действия и что в ту минуту, когда к нему прибудет курьер, военные действия уже будут начаты. Но 1 апреля он получил в Клагенфурте уведомление, что не следует рассчитывать на совместные действия с рейнскими армиями.

Это сообщение возбудило в нем ряд подозрений. Он заключил с сардинским королем наступательный и оборонительный договор, гарантировав ему его владения и добившись от него выставления контингента в 10 000 человек пехоты, 2 000 кавалерии и 24 орудия. Эта дивизия, которую он повел бы в Германию, обеспечивала бы ему тылы. Каждый пьемонтский солдат являлся бы для него заложником. Директория, не порицая этого договора, затянула его ратификацию, и кампания открылась прежде, чем армия могла усилиться этой дивизией хороших войск. Это было тем более досадно, что эти же 12 000 человек, оставаясь незанятыми, становились опасными.

Наполеон был также недоволен влиянием, которое оказывал посланник Квирини. Оно служило помехой для венецианских дел. Он проникся убеждением в необходимости заключить мир и отправил свое известное письмо к эрцгерцогу. Вся парижская почта, прибывавшая до 18 апреля, укрепляла его в мысли, что германские армии совсем не двинулись. Он узнал об их переправе через Рейн только после подписания предварительных леобенских условий, которые им были бы подписаны только в Вене, если бы он знал, что рейнские армии получили приказ начать кампанию.

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ
за 1798 г.[1]

I. Вторая коалиция Австрии, Англии, России и Неаполя против Франции.— II. Римская война (ноябрь-декабрь 1798 г.). — III. Неаполитанская война (январь 1799 г.).— IV. Замечания.

I

На запрос правительства в 1798 г. о событии, происшедшем с французским посланником в Риме, Наполеон ответил, что существование Римской республики несовместимо с существованием неаполитанского короля и невозможно, чтобы города Рим и Неаполь, так близко расположенные друг от друга, оставались на продолжительное время под противоположными влияниями. Сардинский король, окруженный четырьмя республиками, дрожал в своей столице. На Раштадтском конгрессе Франция отказалась от политической системы, принятой в Кампо-Формио, и это оттолкнуло от нее Австрию. Екатерина умерла. Унаследовавший ей Павел питал явное отвращение к принципам французской революции. Он выражал свое расположение к Мальтийскому ордену, к королям сардинскому и неаполитанскому и к швейцарским олигархам. Кабинеты сент-джемский и венский, столько раз обманутые коварной Екатериной, поверили в рыцарский характер ее сына. Все предвещало войну.

Известие об уничтожении в Абукире французской эскадры распространилось по Европе в сентябре. Это было искрой, зажегшей пожар, охвативший вскоре весь континент. Неаполитанский король принял Нельсона с триумфом. Порта объявила республике войну. Англия, Австрия, Россия и Неаполь образовали вторую коалицию. В ноябре 1798 г. одна австрийская дивизия овладела Рейнталем под предлогом покровительства граубюнденской лиге. Мак, австрийский генерал, принял командо-

---

[1] Этот очерк напечатан по подлинной рукописи. — *Прим. франц. ред.*

вание над неаполитанской армией, приведенной на военное положение и приступившей к лагерным занятиям.

Французское правительство видело надвигающуюся бурю и готовилось ей противостоять. В сентябре правительство издало декрет о призыве в войска. Немного спустя оно распорядилось о наборе 200 000 новобранцев. Директория снова провозгласила независимость республик Цизальпинской и Лигурийской, пытаясь расположить к французам итальянцев. Бельгия восстала. Ее усмирили и обезоружили. Генерал Журдан покинул в октябре Совет Пятисот и принял в Майнце командование над рейнской армией. Генерал Жубер отправился в Милан, генерал Шампионэ — в Рим. Всюду в Европе возобновилось бряцание оружием. Все же возлагали некоторую надежду на успешный исход зимних переговоров.

В конце ноября неаполитанский король стал во главе своей армии. Без объявления войны, без всякого согласования своих действий с союзными армиями он перешел границу, атаковал римскую армию французов и совершил торжественное вступление в эту столицу. После своих поражений он упрекал венский кабинет в оставлении его без помощи. Последний в свою очередь обвинял его в опрометчивости: ему следовало скрывать свои намерения и ждать прибытия русских войск. Но, на самом деле, Австрия, опасаясь, что этот государь станет опять поступать, как в 1796 г., когда он поспешил заключить сепаратный мир, была готова его скомпрометировать, чтобы у него не оставалось надежды на это. С своей стороны, англичане, боясь колебаний венского двора и желая предупредить зимние переговоры, стремились всякое соглашение сделать невозможным.

Как только Директория узнала о вторжении неаполитанского короля, она тотчас же дала приказ генералу Жуберу обеспечить власть над Пьемонтом. Перехваченные письма ярко раскрывали намерения этого кабинета. Жубер вошел в Турин 28 ноября. Король отрекся от престола и удалился со своей семьей и казной на о. Сардинию. Савойский дом был мало любим. Пьемонтцы хотели присоединиться к Франции. Их армия перешла на сторону республики и служила хорошо.

Занятие Ливорно неаполитанской дивизией, которую высадил там Нельсон, вызвало подозрения в отношении намерений великого герцога тосканского. Он был лишен своих владений и удалился в Вену со всем, что ему принадлежало.

II

Неаполитанский король выставил армию в 100 000 человек, в числе которых было 10 000 человек кавалерии; 70 000 человек были готовы выступить. Он выделил из них 3 000 человек в Порто-Лонгоне, в Президах и к горе Арджентаро; 7 000 человек погрузил на суда эскадры Нельсона, высадившего их в Ливорно. На территорию Римской респуб-

лики он вступил с 60 000 человек, из которых десятая часть была кавалерия.

Из Рима в Верхнюю Италию вели три шоссе. Одно шло вдоль моря, пересекало Чивита-Веккию (15 лье), Орбетелло (15) и Ливорно (34) — в общем 64 лье. Другое проходило через Рончильоне (11 лье), через Витербо (4), Сиенну (30), Флоренцию (12) — в общем 57 лье. Третье пересекало Тибр по Боргеттскому мосту, проходило в 2 лье от Чивита-Кастеллана (14 лье), достигало Терни (7), где разделялось на две дороги: одна, левая, шла на Ареццо (25), Флоренцию (15) — в общем 61 лье; правая пересекала Апеннины, герцогство Урбино и оканчивалась в Фано на Адриатическом море (34) — в общем 55 лье. Шоссе, отделяющееся от Терни вправо, пересекает Апеннины в Фолиньо (10 лье), проходит через Толентино (12), через Лорето (9) и оканчивается в Анконе (11) — в общем 63 лье.

Левая оконечность пограничной линии Неаполитанского королевства проходила через Террачина на Средиземном море, в 20 лье от Рима. Центр этой линии, между Чивита-Дукале и Риети, находился в 5 лье от Терни. В один день пути можно пройти от Риети в Терни. Там проходит флорентийское шоссе, и этот пункт находится в четырех переходах от Рима. Правая оконечность границы проходила в Асколи, на р. Тронто, в двух переходах от Мачерата, города, расположенного на анконском шоссе, и в десяти переходах от Рима.

Французская армия под командованием генерала Шампионэ состояла из 25 000—26 000 человек, из которых 8 000 поляков, цизальпинцев и романцев. Она была разделена на три дивизии. Правая, силой в 12 000 человек, под командованием генерала Макдональда, занимала Террачину, Рим и Тиволи. Центральная, силою в 6 000 человек, под командованием генерала Лемуана, занимала Терни. Левая, силою в 8 000 человек, под командованием генерала Казабианка, находилась между р. Тронто, Фолиньо и Анконой и примыкала к Адриатическому морю.

Неаполитанский король пренебрег объявлением войны. В то время как его посол был в Париже, а французский посол в Неаполе, он начал военные действия. Вступив в Рим, он обнародовал воззвание, датированное 14 ноября, в котором заявлял, что с Французской республикой начата война, потому что она захватила о. Мальту, сюзереном которого был король, и угрожает существованию его трона созданием Римской республики. Генерал Мак предложил генералу Шампионэ эвакуировать владения папы и все его крепости, потому что неаполитанский король желает занять их и не признает Римской республики. Шампионэ получил это предложение 24 ноября. Он приказал сделать сигнальные пушечные выстрелы с замка Св. Ангела, возвещавшие тревогу, снабдил этот форт запасами, поставил там надежный гарнизон, создал корпус из римских волонтеров, удвоил число городской гвардии и вверил им оборону города.

Между тем неаполитанская армия начала кампанию, действуя сразу по трем направлениям: вдоль Адриатического моря, в центре и вдоль Средиземного моря. Генерал-лейтенант Мишеру с 15 000 неаполитанцев и 24 пушками двинулся на Асколи, переправился через Тронто и прибыл в Фермо. Генерал Казабианка отошел на Мачерата, но, соединившись с бригадами генералов Рюска и Моннье и собрав 7 000 человек, перешел в наступление, встретил у Фермо неаполитанцев и 30 ноября разбил их, захватив 600 пленных и всю их артиллерию. Генерал Филиппи с 9 000 человек и восемью пушками двинулся из Акви и Чивита-Дукале на Терни, где атаковал дивизию Лемуана, имевшую только 3 000 французов. Храбрость восполнила численность, и неаполитанцы были отражены, оставили 400 пленных, шесть пушек, знамена и в беспорядке отступили на Чивита-Дукале. Король с 36 000 человек двинулся на Рим. Он прибыл туда 27 ноября, окружил замок Св. Ангела и 29-го совершил свое торжественное вступление в Рим.

Шампионэ разумно рассудил, что так как противник находился в окрестностях Терни, позицию у Рима удерживать не следует. Он ее очистил, оставив 800—900 человек в замке Св. Ангела, и расположил свою главную квартиру в Терни, прикрываясь на правом фланге дивизией Макдональда, расположенной в Чивита-Кастеллана, и на левом фланге дивизией Лемуана, расположенной в Риети.

После четырех-пяти дней, проведенных в Риме, Мак двинулся вперед по обоим берегам Тибра, имея главные силы на правом берегу, потому что он хотел отрезать французскую армию, лишить ее всяких путей сообщения, окружить и взять в плен. Правый корпус должен был пересечь шоссе, ведущее из Анконы в Мачерата; центральному корпусу надлежало, расположившись в Терни, пересечь дорогу, ведущую из Ареццо в Фано; сам Мак, двигаясь между Тибром и морем через Сиенну, должен был пересечь оба шоссе на Чивита-Веккию и флорентинское. 7 000 неаполитанцев, высадившихся в Ливорно, должны были двинуться к нему навстречу. Во исполнение этого плана 2 декабря он перенес свою главную квартиру в Баккано, где расположил свой резервный корпус в 15 000 человек, и приказал кавалеру де-Сакс, командовавшему дивизией в 9 000 человек, отбросить французские авангарды с правого берега Тибра и перехватить сиенскую дорогу. Генерал Метш должен был двинуться с 7 000 человек по левому берегу Тибра на Монте-Ротондо, следуя по дороге из Рима в Терни, и прервать сообщения из Чивита-Кастеллана в Терни. В Чивита-Кастеллана находился Макдональд с резервом в 3 000 человек. Он выставил три авангарда на трех дорогах, выходивших к Риму, а именно: генерала Княжевича с 2 000 человек — на сиенском шоссе, около Рончильоне и на позиции у Фаллари; генерала Келлермана с 1 800 человек — на центральном шоссе, у небольшого городка Непи; полковника Лахюра с 900 человек — на шоссе, идущем вдоль Тибра. Кавалер де-Сакс атаковал одновременно эти три

авангарда. Отовсюду он был отражен и отступил, потеряв треть своих людей. В продолжение этого времени генерал Метш двигался по левому берегу на Канталупо, Кальви и Отриколи, где проходит дорога из Чивита-Кастеллана в Терни, которую он перерезал. Это вызвало беспокойство в главной квартире в Терни. Мак, собрав дивизию кавалера де-Сакс, мог принять одно из двух решений: или возобновить атаку на Чивита-Кастеллана своими резервами, или переправиться через Тибр для поддержки дивизии Метша. Он остановился на втором решении. Он приказал навести мост через Тибр и расположился в Канталупо. Макдональд и генерал Княжевич выступили, чтобы восстановить свои сообщения с главной квартирой. Они переправились на левый берег Тибра по Боргеттскому мосту, вновь захватили Отриколи 9 декабря, отбросили неаполитанскую дивизию на Кальви, окружили ее и принудили сложить оружие. Она вся целиком сдалась в плен, хотя в ней оставалось еще 4 500 человек. У нее было восемь пушек и 15 знамен. Со своей стороны, генерал Лемуан двинулся из Терни на Риети, Чивита-Дукале, Аквила и оттуда на Монте-Ротондо, вызвав тревогу в Риме.

Из 32 000 человек, с которыми Мак выступил из этой столицы, у него оставалось не больше 20 000, а именно: 14 000 человек в его лагерной стоянке в Канталупо и 6 000 человек под командованием кавалера де-Сакс на позиции по правому берегу Тибра. Корпуса, оперировавшие вдоль Адриатического моря и на центральном участке, также понесли большие потери. Армия была деморализована. Дивизия Лемуана обошла ее правый фланг, и к французам ежедневно прибывали подкрепления. Армии на Адидже совершенно не двигались. Генерал Мак решил отступать и 12 декабря снял свой лагерь. Макдональд начал его преследовать.

11 декабря в Риме узнали о поражении неаполитанцев. 12-го король отступил в Альба; 13-го неаполитанский гарнизон очистил столицу; 14-го французский гарнизон вышел из замка Св. Ангела и вступил в город; 15-го авангард Шампионэ вступил в Рим. Этот авангард встретился с колоннами кавалера де-Сакс, намеревавшимся при своем отступлении пройти по Римскому мосту. Они были атакованы, разбиты и отброшены в равнину Сторта. Их рассеяли, захватили у них пушки и 1 200 пленных. Граф Роже-де-Дама, генерал неаполитанской службы, собрал беглецов и двинулся на Витербо, где вспыхнуло восстание. Келлерман бросился за ним вслед, догнал в Монтальто и разбил. Остатки этой дивизии собрались в Орбетелло и отступили морем в Неаполь. Келлерман блокировал Витербо, который сдался лишь несколько дней спустя. В боях у Терни, Фермо, Чивита-Кастеллана, Отриколи, Кальви, Канталупо, Сторта неаполитанцы потеряли 25 000 человек, из которых 10 000 пленными, 15 000 убитыми, ранеными и разбежавшимися, 80 пушек и много знамен. Мак мог собрать свою армию только за р. Вольтурно. Ему удалось в последних числах декабря сосредоточить 20 000 че-

ловек из 45 000, составлявших его центр и левый фланг. С присоединением подкреплений из Неаполя он занял позицию, опираясь левым флангом на крепость Капую и правым на Казерте. Французская армия, хотя и захваченная врасплох и наполовину меньшая по численности, потеряла мало людей. Несколько человек служащих римских правительственных учреждений, хотевших бежать во Флоренцию, были задержаны в Витербо восставшими и избиты.

III

Освободив таким образом римские области от неаполитанской армии, Шампионэ продолжал развивать свою победу и двинулся в Неаполь. Из римских областей в Неаполитанское королевство ведут четыре шоссе. Первое, правое, пересекает понтийские болота, подходит в Террачине к границе Неаполитанского королевства (22 лье), в Гаэта (8 лье), проходит через р. Гарильяно около Трайето (12 лье) и через р. Вольтурно по мостам города Капуя (9 лье) достигает Неаполя (7 лье); общая длина его 58 лье. Второе шоссе выходит также из Рима, пересекает Фраскати, подходит к Изола, на р. Гарильяно, к границе Неаполитанского королевства (22 лье), оттуда через Сан-Джермано и Кальви идет в Капую (22 лье), из Капуи в Неаполь (7 лье); общая длина его 51 лье. Третье шоссе выходит из Терни, проходит через Чивита-Дукале (8 лье), через Аквила (11 лье), Пополи (12 лье), Сольмона (4 лье), переходит через главную цепь Апеннин, пересекает Венарро (18 лье) и достигает Капуи и Неаполя (16 лье); общая длина его 69 лье. Четвертое шоссе следует вдоль Адриатического моря до Пескары (14 лье), где соединяется с третьим шоссе; общая длина его 62 лье.

Французская армия в составе четырех дивизий наступала по четырем шоссе: генерал Рей — по шоссе Террачине — Фонди, главнокомандующий с дивизией Макдональда — по изольскому шоссе, где переправился через р. Гарильяно по Чепранскому [1] мосту. При его приближении окопы, которые Мак возвел для обороны этой реки, были брошены вместе с 80 пушками. Не встретив никакого сопротивления, Шампионэ прибыл в Сан-Джермано 1 января 1799 г. Генерал Лемуан шел по третьему шоссе и продвигался постепенно в Аквила, Пополи, Сольмона. Генерал Дюгем, командующий четвертой дивизией, направился на Пескару, овладел этой крепостью, взял в ней 3 000 пленных и оттуда двинулся на Пополи вслед за дивизией Лемуана.

Из своей стоянки в Казерте, где он прикрывал столицу, Мак 31 декабря выслал своего адъютанта Пиньятелли с просьбой о перемирии. В этом ему было отказано.

---

[1] Чепрано находился на р. Лира, которая, соединяясь немного ниже с р. Сакко, образует р. Гарильяно. — *Прим. франц. ред.*

3 января 1799 г. Шампионэ перенес свою главную квартиру в Кальво. Бригадный генерал Матье неосторожно ввязался в дело у Капуи, с потерями был оттеснен и сам был опасно ранен. Шампионэ, получив сведения о том, что противник занимает прочную позицию, и не имея никаких известий о дивизиях Рея, Лемуана и Дюгема, отошел назад на несколько лье, чтобы улучшить свое положение и выждать присоединения этих дивизий. Едва этот отход был закончен, как Шампионэ узнал, что генерал Рей, усиленный бригадой, приведенной Келлерманом из-под Витербо, овладел крепостью Гаэта, взял там 4 000 пленных и, переправившись через Гарильяно, повернул вправо, обходя Нижнее Вольтурно, генерал Лемуан подошел к этой реке у Венафро, Дюгем также вышел из Пескары и что таким образом вся армия оказывалась в сборе. Эти дивизии повсюду имели успех.

Между тем набатный звон во всех селениях призывал крестьян к оружию. Поднялось все население гарильянской долины и Апеннин. Восставшие овладели Гарильянским мостом, сожгли парк дивизии Рея, перерезали огромное число французских отставших солдат и расположили в Сесса свою главную квартиру. Высланные на их усмирение два батальона были и потрепаны и оттеснены. Сама главная квартира французской армии, осажденная этими крестьянами, едва не была захвачена и спаслась только благодаря доблести двух батальонов 97-й полубригады. Все пути сообщения между различными частями армии были перехвачены. Восстание разрасталось с каждым днем благодаря удачным для восставших стычкам. Тем временем Мак снова предложил перемирие. Оно было принято и подписано 10 января 1799 г. Капуя передавалась французам, занявшим все королевство, кроме Неаполя и его окрестностей. Король обязался немедленно уплатить 10 миллионов на содержание армии и закрыть свои порты для англичан и русских. Этого известия и наступления нескольких батальонов было достаточно, чтобы рассеять мятежников и вернуть их в свои общины.

Король покинул Неаполь 23 декабря и удалился в Сицилию, оставив управление королевством в руках князя Пиньятелли. 12 января до населения этого города дошло известие о перемирии и об уступке Капуи; 14-го при виде нескольких французских офицеров, показавшихся на неаполитанских бульварах, народ бросился к оружию, разразилось восстание. Во время этих событий прибыл транспорт с неаполитанской дивизией, занимавшей Ливорно. С этими солдатами обошлись, как с трусами, и разоружили их. Склады оружия были разграблены: 30 000—35 000 лаццарони [1] разобрали оружие, чтобы защищать столицу. 16 января они выбрали князя Молинтерно своим главным начальником и овладели фортом Сент-Эльм. Все действия сопровождались криками: «Да здравствует св. Януарий, да здравствует Иисус Христос, да здрав-

---

[1] Нищие.

ствует король Фердинанд!» Французов и неаполитанских патриотов избивали на улицах. Много их домов было разграблено. Дворянство и богатая буржуазия, которым открыто угрожали за приверженность к французам, присоединились к патриотам, давно уже втайне переписывавшимся с Шампионэ. 21 и 22-го армия приблизилась к городу. 23-го патриоты, во главе которых стал князь Молинтерно, изменивший восставшим, овладели фортом Сент-Эльм. Французы вошли в Неаполь. Многочисленная партия республиканцев подняла голову. Настроение у лаццарони изменилось. 24 января главнокомандующим было составлено временное правительство из 21 патриота. Немного спустя была провозглашена Партенопейская республика, и неаполитанская революция закончилась.

Директория не утвердила соглашения от 10 января. Это, а также административные соображения побудили ее отозвать Шампионэ и вверить командование неаполитанской армией генералу Макдональду. Мак, которого неаполитанцы возненавидели, был взят в плен и отправлен в Париж.

IV

Первое замечание. 1. В 1798 г. армия во всей Италии была на мирном положении. Крепости не были снабжены запасами, артиллерия не имела запряжек, штабные офицеры разъехались со своих постов, и многие офицеры были в долгосрочном отпуску. Главнокомандующий прибыл к армии лишь за восемь дней до начала военных действий. Хотя и задолго предвещенное, вторжение неаполитанского короля вышло тем не менее неожиданным.

2. Шампионэ эвакуировал Рим слишком поздно. Он должен был это сделать 48 часами раньше. Позиция, которую он занял в Чивита-Кастеллана, перед Боргеттским мостом, была надежна. Он с нее в любое время мог переправиться в несколько часов на левый берег Тибра и сосредоточиться у Терни. Но он должен был сделать это только тогда, когда наступит необходимость. Бой у Терни, проведенный генералом Лемуаном, является самым замечательным событием этой кампании.

Второе замечание. Было бы, без сомнения, предпочтительнее не вступать в Неаполитанское королевство и, воспользовавшись растерянностью противника, принудить его к подписанию мира и немедленному выходу из коалиции. Но, двинувшись на Неаполь, это следовало сделать быстро. 30 000 человек едва для этого хватало. Поэтому нельзя было итти по четырем удаленным одно от другого направлениям с рядом препятствий между ними: горами, реками, с неблагонадежным населением. Корпус в 30 000 человек должен всегда быть в сборе. Вместо четырех операционных линий следовало иметь только одну — от Рима к Изола и Капуе. Дивизия Дюгема должна была бы пересечь главную цепь Апеннин на внутреннем участке римских владений и выйти на ее

западные склоны. Дивизии Лемуана и Рея должны были находиться около авангарда в таком положении, чтобы им не отрываться от него. Двигаясь таким способом, Шампионэ 6 или 7 января был бы в Неаполе. Владея этой столицей, он легко овладел бы Гаэтой, Пескарой и т. д., а для разоружения населения выслал бы подвижные колонны. Единая операционная линия требует лишь небольших сил для обеспечения важнейших пунктов. Он прибыл бы к Неаполю с 26 000 человек. Наоборот, следуя по четырем линиям, пришлось половину армии оставить в качестве гарнизонов в крепостях Гаэта, Пескара, в замках Аквила и других, расположенных на этом пути, и для охраны госпиталей. Кроме того, он потерял время на ожидание своих дивизий. Дивизия Дюгема, которой предстояло пройти более длинный путь, перед лицом противника, вступившего в борьбу за местность, покрытую горными потоками, реками и ущельями, не могла двигаться с такой же быстротой, как главная квартира, которая прошла только 50 лье. Это именно и было причиной неудачи около Капуи, ободрившей восставших и приведшей к многочисленным стычкам. Из-за нее сочли перемирие 10 января за счастливое событие. Директория, не знавшая подробностей этих ошибок, возмущалась при виде 30 000 человек, задерживающихся перед неукрепленной столицей, обороняемой обломками армии. Она была права. Было бы лучше не уводить армию от Рима, но было явно несообразно оставлять ее у ворот Неаполя, подвергая ее риску.

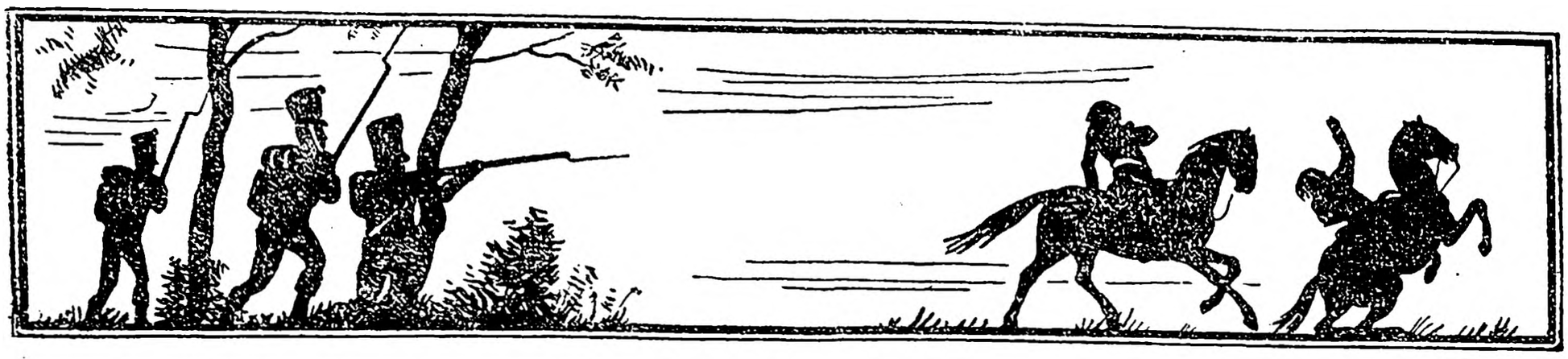
Третье замечание. С австрийскими войсками действия генерала Мака были бы хороши. Располагая тройным численным перевесом, он должен был повести своих солдат в рукопашный бой с французскими солдатами. Однако неаполитанцы не были стойкими, обученными солдатами. Ему никогда не следовало применять их для атак, а надлежало вести позиционную войну, которая всю инициативу атаки возлагала бы на французов. Среди военных царят сильнейшие разногласия относительно того, что выгоднее: производить ли атаку, или отражать ее. Этот вопрос не вызывает никаких сомнений, когда с одной стороны имеются закаленные, маневроспособные войска, располагающие малочисленной артиллерией, а с другой — армия, хоть и значительно более многочисленная и богато снабженная артиллерией, но офицеры и солдаты которой недостаточно закалены.

Если в самый день начала военных действий Мак оказался бы в Чивита-Дукале с 40-тысячным войском, вечером прибыл бы в Терни, на следующее утро повел бы наступление на Рим, заняв мост у Боргетто и выгодную позицию, — разве смогли бы французы, располагавшие только 9 000 человек и 12 орудиями, опрокинуть армию, в пять раз более многочисленную, с 60 орудиями и вдобавок прикрытую ретраншаментами? Между тем они были бы вынуждены сделать эту попытку для того, чтобы открыть себе путь к отступлению!

Четвертое замечание. Отступление генерала Мака по левому берегу Тибра было слишком поспешным; он спокойно мог бы отсрочить его на один день. Благодаря такой поспешности он пожертвовал целой дивизией, оставленной им на правом берегу. В Неаполитанском королевстве он защищал бы линию р. Гарильяно; он должен был бы.....[1] Но Мак никогда не имел солдат. Неаполитанская армия, даже во время своего похода на Рим, не могла рассматриваться иначе, как милиционная армия. После же своих поражений она превратилась лишь в недовольную, взбунтовавшуюся толпу, не являющуюся больше объектом военных суждений.

[1] Тут в рукописи имеется пробел. — *Прим. франц. ред.*

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ, ПРОИСШЕДШИХ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1799 г.[1]

I. Состояние воюющих армий. — II. Действия гельветской армии в марте и апреле до ее соединения с дунайской армией. — III. Действия дунайской армии. — IV. Действия гельветской армии в мае, июне и июле после ее соединения с дунайской армией. — V. Действия итальянской армии в марте и апреле под командованием Шерера. — VI. Действия итальянской армии в мае, июне и июле под командованием Моро. — VII. Действия неаполитанской армии. — VIII. Замечания о планах кампаний в Германии и в Италии.

I

В марте 1799 г. Франция выставила 440 000 человек, а именно: 40 000 ветеранов, жандармов, береговой охраны, 40 000 человек в Египте, Корфу, на Мальте, в колониях, 180 000 в Голландии на побережье, в гарнизонах крепостей, в депо и госпиталях и 180 000 действующих войск, составлявших: 1) гельветскую армию в количестве 40 000 человек; 2) дунайскую армию в количестве 40 000 человек; эти 80 000 были все налицо; их депо и госпитали находились во Франции; 3) итальянскую армию в количестве 70 000 человек; 4) неаполитанскую армию в количестве 30 000 человек; эти 100 000 человек были налицо, но под ружьем были не все, потому что их депо и госпитали находились в Италии. Они поставляли гарнизоны во все крепости полуострова. Пьемонт, республики Лигурийская, Цизальпинская и Римская выставляли 40 000 итальянцев, поляков или швейцарцев. Обсервационный корпус Нижнего Рейна, главная квартира которого была в Майнце, существовал в марте лишь на бумаге. Генерал Журдан командовал дунайской армией, Массена — гельветской армией, Шерер — итальянской армией, Макдональд — неаполитанской армией. Гельветская армия занимала Швейцарию, кроме Рейнской долины; итальянская армия расположилась в республиках Цизальпинской и Лигурий-

[1] Этот очерк напечатан с подлинной рукописи. — *Прим. франц. ред.*

ской, в Пьемонте и Тоскане; неаполитанская армия — в республиках Римской и Партенопейской.

Австрия предприняла большие усилия и довела состав своих вооруженных сил до предела. У нее было в строю 180 000 человек. Обсервационный корпус на левом берегу Дуная под командованием генерала Старая имел 25 000 человек; швабская армия под командованием эрцгерцога Карла — 60 000 человек; тирольский корпус под командованием фельдмаршала Бельгарда — 25 000 человек и 70 000 человек в Италии. Эрцгерцог был главнокомандующим над первыми тремя корпусами. Фельдмаршал Край командовал итальянской армией. Россия обязалась выставить 70 000 человек. Фельдмаршал Суворов с 36 000 человек прибыл на Дунай весною. Кутузов во главе 25 000 человек должен был прибыть туда в июне. Обе стороны решили начать войну. Не оставалось больше никакой надежды на мир, но для Австрии был расчет продолжать перемирие, чтобы дать время прибыть русским.

II

В течение зимы сдались Эренбрейтенштейн (24 января) и Мангейм (8 марта). В них были поставлены французские гарнизоны. Дунайская армия после этого немедленно сосредоточилась на Верхнем Рейне. Она переправилась через эту реку 1 марта по Кельскому и Базельскому мостам, пересекла горы Шварцвальда и 10 марта заняла позицию, упираясь левым флангом в Дунай, правым — в Рейн, примыкая к Констанцскому озеру, и центром — в Мосскирхе. Генералу Журдану принадлежало высшее руководство армиями — дунайской, гельветской и нижнерейнской.

Швейцария является огромным укрепленным лагерем, откуда можно легко двинуться во Францию, в Германию и в Италию. Ущелья у входа в Тироль менее проходимы, чем другие. Армия, желающая из Швейцарии перенести войну в Германию, не должна выбирать операционную линию, пересекая Рейн и Форарльберг и огибая Констанцское озеро. Она встретила бы меньше препятствий и имела бы большие выгоды, переправившись через Рейн в Шаффгаузене и в Штейне под прикрытием Констанцского озера. Она оказалась бы сразу на Дунае, в местности открытой и легко доступной. Сен-Готардский перевал, ведущий в долину р. Тичино, воды которой текут перпендикулярно к По, является лучшим выходом в Италию. Преодолев этот перевал, все время приходится спускаться вниз. Сплюгенский перевал не имеет таких же выгод. Долина Верхней Адды, в которую он выводит, следует параллельно Альпам до оз. Комо, поэтому армия, прошедшая через этот перевал, должна преодолевать новые преграды, и ей пришлось бы пересечь горы в провинциях Бергамо и Брешиа, чтобы выйти в итальянскую равнину.

В Швейцарии существуют четыре основные линии для прикрытия французской границы: 1) линия Рейна, включая его долину, оз. Кон-

станцское и Рейн до Базеля на протяжении 70 лье; 2) линия р. Линта, берущей начало с массива Сен-Готарда и впадающей в Цюрихское озеро, откуда эта линия следует по левому берегу Лиммата и Аара до Рейна, наконец, по левому берегу этой реки до Базеля, — ее протяжение 50 лье; 3) линия р. Рейссы, также берущей начало у Сен-Готарда, пересекающей Фирвальдштедтское озеро и впадающей в р. Аар, где эта линия входит в предыдущую, — ее протяжение до Базеля 45 лье; 4) линия р. Аар, берущей начало с горы Гримзель, пересекающей озера Бриенцское и Тунское, проходящей через г. Берн и впадающей, напротив Вальдсгута, в Рейн, по течению которого эта линия затем следует до Базеля, — ее протяжение 65 лье.

5 марта Массена предложил австрийскому генералу Ауффенбергу, занимавшему с ноября долину Рейна, очистить эту страну, так как Швейцария находится в союзе с Францией. Получив отрицательный ответ, он переправился через Верхний Рейн, атаковал и взял форт Люцienштейг. 6-го вечером он переправился через Ландкварт, 7-го отбросил дивизию Ауффенберга к Койре, в то время как заместитель главнокомандующего Демон переправился по мосту в Рейхенау и появился у нее на тылах. Генерал Ауффенберг, окруженный таким образом, сложил оружие и сдался с 6 000 человек, многими знаменами и артиллерийским парком. Генерал Готце, командовавший в Фельдкирхе левым флангом швабской армии, двинулся 7-го на поддержку Люцienштейга, но, атакованный сначала бригадой Удино, поддержанной затем дивизией Лоржа, был отражен и отошел в свой укрепленный лагерь, который был атакован Массена 11, 12, 15, 16, 21 и 23 марта. Эти шесть атак не удались. Французская армия понесла большие потери.

13 марта Лекурб, командовавший правым флангом армии, перешел через Сплюгенский перевал, сосредоточил в Вальтелина дивизию Дессоля, выделенную из итальянской армии, и разбил в Энгадине генерала Лаудона, командующего дивизией корпуса Бельгарда. Он занял Цернетц, Шульс и Мартинсбрук. Первоначальные его атаки на наудерскую и фюнстермюнцскую позиции были отражены. 27 марта он с успехом возобновил атаки, а в то же время Дессоль перешел через перевал Сент-Мари и овладел укреплениями перед Глурнсом. 5 000 пленных и 25 пушек были трофеями этого боя. 31 марта Дессоль, атакованный превосходными силами, был вынужден отступить сначала на Мюнстер, затем на Цернетц, откуда снова ушел в Италию. Лекурб тогда выделил дивизию Луазона к выходам из Вальтелина.

III

Эрцгерцог стоял лагерем во Фридберге, когда узнал, что Журдан переходит через Шварцвальд. Он переправился через Лех и двинулся в Швабию, выслав вперед генерала Керпена, овладевшего важным городом Ульмом. Обе армии сблизились на расстояние одного перехода

друг от друга. Дозоры обеих сторон перекрещивались во всех направлениях, но военные действия не начинались, и еще 20 марта здесь соблюдалось перемирие, хотя в Швейцарии ожесточенные бои шли уже 15 дней. 20 марта Журдан запросил князя Шварценберга, командовавшего австрийским авангардом, получил ли он ответ императора на требования французского правительства. По получении отрицательного ответа он заявил ему о прекращении перемирия. На следующий день, 21-го, он атаковал его и отбросил к корпусам Готце и Керпена. Дивизия Лефевра, составлявшая французский авангард, заняла позицию в Острахе. 22-го на рассвете эрцгерцог выступил из Зульгау, атаковал этот авангард и оттеснил его на высоты Пфуллендорфа. Журдан отступил на Штоках и Энген. 24-го эрцгерцог занял позицию перед Штокахом, правым флангом в Мальшпюрене, левым — в Цолльбрюке. В целях сосредоточения на поле сражения всех сил, которыми он мог располагать, он вызвал Готце из Фельдкирха и заменил его корпус половиною войск Бельгарда, которого он мог безнаказанно ослабить в Тироле. 25-го Журдан решил дать сражение. Он двинулся тремя колоннами. Его армия состояла из четырех пехотных дивизий, под командованием Ферино, Лефевра, Сугама и Сен-Сира, и одной кавалерийской дивизии, под командованием д'Опуля, всего 30 000 человек пехоты, 7 000 кавалерии и 4 000 артиллерии, инженерных войск и обоза. Две с половиной тысячи человек бригады Рюби, которых он вызвал из гельветской армии, возместили потери, какие он понес с начала кампании. У противника имелось 68 000 человек. Французская армия дралась с большой отвагой. Она удерживала поле сражения весь день. 26-го она отступила на Шаффгаузен и Штейн, 27-го — на Виллинген, опираясь на Горнберг. Главнокомандующий, заболев, сдал временно командование генералу Эрнуфу. Этот генерал, атакованный 3 апреля, очистил свои позиции, ушел в беспорядке через горы Шварцвальда и немного спустя переправился через Рейн. 13 апреля эрцгерцог овладел Шаффгаузеном и Штейном на правом берегу Рейна и расположил свою главную квартиру в Штокахе, где пробыл весь апрель. После сражения у Штокаха он ослабил себя на 25 000 человек, которые выделил в Италию.

21 апреля дунайская армия была присоединена к гельветской армии под командованием Массена.

IV

Вскоре почувствовались благие результаты от объединения обеих армий. Массена перенес свою главную квартиру в Цюрих и расположил армию правым флангом, под командованием Лекурба, за Сплюгеном — в Энгадине; Менар с центром стал на Рейне, имея главную квартиру в Койре; Ксентрайль с левым флангом расположился от Констанца до Базеля. У этого города он соорудил сильный укрепленный лагерь. Австрийская армия имела свой левый фланг в Тироле, под командова-

нием Бельгарда, центр, под командованием Готце, — в Фельдкирхе и правый фланг, под командованием Науендорфа, — между Рейном и горами Шварцвальда. В начале мая обе армии были почти равны. В каждой насчитывалось по 60 000 человек, не считая союзных частей, которые состояли, с одной стороны, из 9 000—10 000 человек, набранных для Франции гельветским правительством, а с другой стороны, из нескольких пехотных батальонов, оплачиваемых Англией, которые были сформированы старым швейцарским сановником Штейгером, и из ополчений небольших кантонов, сформированных тайным образом.

Австрийская армия в Италии в это время переправилась через Адду и овладела Миланом. 23 апреля Бельгард атаковал Лекурба в Энгадине, имея 15 000 человек. Он добился сначала некоторого успеха, но затем был остановлен и разбит 30 апреля в Цернетце, где потерял пять батальонов. Готце с центром атаковал Люцienштейг. Одна из его колонн, силой в 2 000 человек, была окружена левым французским флангом и вынуждена сложить оружие. Готце, потерпев неудачу, отошел обратно в свой фельдкирхенский лагерь.

Малые кантоны и Верхний Граубюнден объявили поголовное ополчение. Пять тысяч восставших двинулись в Рейхенау, чтобы отрезать генерала Менара. Пять тысяч человек заняли позицию на предгорьях Сен-Готарда, Сплюгена и в Альтдорфе, чтобы отрезать отступление генералу Лекурбу. Менар после победы у Люцienштейга вошел 5 мая в Дисентис, главный город восставших, перебил несколько тысяч из них, разоружил остальных и возвратился в Койре. 8-го генерал Сульт двинулся на Альтдорф, расстрелял часть этих несчастных крестьян, а большинству их объявил помилование. Французская армия вышла победительницей и удержалась на всех своих позициях.

Эрцгерцог не пал духом; он значительно усилил свой левый фланг. Бельгард перешел в наступление 5 мая, пользуясь моментом, когда Лекурб с целью произвести диверсию для облегчения положения итальянской армии выделил одну дивизию в Вальтелину. Бельгарду удалось после ряда боев овладеть Энгадином. Он вынудил Лекурба отойти для сосредоточения в долину Верхнего Тичино в направлении к Италии и занял Ленцский перевал. В то же время Готце двинулся снова на Люцienштейг, овладел им 14 мая после очень жаркого боя и взял в плен 14-ю французскую полубригаду, стоявшую там в качестве гарнизона. Бельгард затем спустился к Койре, 16-го вошел в него, заставил капитулировать гарнизон, состоявший из четырех пехотных рот, и, поднимаясь вверх по Рейну, двинулся вслед за правым крылом французской армии, отступавшим для занятия линии р. Линта. Лекурб, опасаясь, что его отрежут, быстро перешел обратно через Сен-Готард.

Эрцгерцог решил, что наступила наконец пора овладеть Швейцарией. Он переправился в Шаффгаузене через Рейн со своим правым флангом, дабы присоединиться к центру, и двинулся на Цюрих. 27 мая

Массена двинулся ему навстречу, разбил его правый фланг и центр и овладел мостами андельфингенским и фрауенфельдским. Но 28-го эрцгерцог, усиленный резервом, опять перешел в атаку. Упорный бой продолжался целый день. В ночь французская армия начала отступать и переправилась обратно через р. Глатт, служившую ей рубежом. Попытки противника обойти эту позицию наводкой моста в Цурцахе были безуспешны. В это время Бельгард овладел Сен-Готардом, истоками Рейссы и Линта, занял Гларис и Швиц. Лекурб, вынужденный уступить численному превосходству, сделал это, однако, только после упорных боев. Он перенес свою главную квартиру в Люцерн, сосредоточил войска между Цугом, Фирвальдштедтским озером, Унтервальденом и Оберландом, занял озера канонерками и вел войну, пользуясь средствами малых кантонов. Гельветское правительство покинуло Люцерн и переехало в Берн. В конце мая дела эрцгерцога были в настолько хорошем состоянии, что он снова выделил отряды Бельгарда и Гаддика в Италию, но в размере, не мешавшем наступлению на укрепленный цюрихский лагерь. Бои 3 и 4 июня были упорны. Эрцгерцог потерял здесь много людей, но вынудил Массена очистить Цюрих в ночь с 4 на 5-е. Массена занял позицию у горы Альбис, примкнув свой правый фланг к Цугскому озеру, левый — к Рейну, позади Аара, с главной квартирой в Бремгартене, прикрывая таким образом линию р. Рейссы. 7-го главная австрийская квартира расположилась в Цюрихе.

Известие о вступлении эрцгерцога в этот город произвело в Европе огромное впечатление. Считали, что Швейцария потеряна для Франции, как ею уже была потеряна Италия. Коалиция надеялась, что осенью театр военных действий будет перенесен на территорию республики. Положение австрийской армии было лучше, чем французской.

V

Шерер прибыл в Милан в последних числах февраля. Весь март он провел в подготовке. В конце этого месяца им были выделены две дивизии в составе 7 000 человек, под командованием генералов Миоллис и Готье, для овладения Тосканой, а одна дивизия такой же силы, под командованием генерала Дессоля, для продвижения в Вальтелину. Остальную армию он разделил на шесть пехотных дивизий и корпус резервной кавалерии, а именно: дивизии Серюрье, Дельмаса, Атри, Гренье, Виктора, Монришара.

Австрийская армия, под командованием генерала Края, имела свой левый фланг в Леньяго, центр — в Вероне, правый — на правом берегу Адидже, занимая сильно укрепленные высоты у селений Поль и Пастренго и владея двумя мостами через Адидже напротив этих селений.

Во французской армии было 60 000 человек; 14 000 в Вальтелине и Тоскане, 24 000 — частью французских войск, частью пьемонтских и

цизальпинских — в крепостях цизальпинских, лигурийских и пьемонтских. Австрийская армия имела 54 000 человек; 16 000 стояли гарнизонами в Венеции, Леньяго и Пальманова.

Генерал Моро, инспектор армии, принял командование над центром и двинулся к Вероне с дивизиями Виктора и Атри. Дивизия Монришара, образуя правый фланг, направилась на Леньяго. Главнокомандующий с тремя другими дивизиями, составлявшими левый фланг, двинулся на укрепленные позиции противника по правому берегу Адидже. Боевая линия армии таким образом составляла 12 лье. Серюрье, продвигаясь вдоль оз. Гарда, шел на Монте-Бальдо и Риволи, Дельмас — на Пастренго, Гренье — на Поль. Серюрье, обогнув все позиции противника, не встретил никого и занял указанные ему позиции. Дельмас и Гренье вскоре были энергично атакованы. После четырех часов упорного боя они овладели всеми укрепленными позициями противника, отбросили его на левый берег Адидже, перешли в преследование с чисто французской стремительностью и захватили два понтонных моста. Моро перед Вероной, в селениях Санта-Лючия и Сан-Массимо, встретил значительные силы. Бой был очень горячий; селение Санта-Лючия семь раз переходило из рук в руки и осталось за противником. Селением Сан-Массимо овладели французы. Монришар дошел до гласисов Леньяго, был здесь атакован превосходными силами, вышедшими из крепости, и оттеснен на Молинелла. 27-го Шерер приказал обеим дивизиям Моро отойти и уступил веронское поле сражения противнику.

Армии оставались в бездействии 28, 29 и 30-го. Главнокомандующий вздумал приказать Серюрье переправиться через Адидже по мосту у Поль, двинуться вдоль левого берега и овладеть веронскими высотами. Противник, считая, что это движение будет поддержано всей французской армией, сначала был озадачен, но вскоре заметил, что имеет дело только с одной дивизией. Он ее атаковал, отбросил в беспорядке к мосту и, так как мост был разрушен, взял в плен несколько сот человек, оставленных на левом берегу.

Шерер тогда двинулся на Нижний Адидже, чтобы переправиться через него около Леньяго. Он отправил свой понтонный парк на Кастелларо, поставил гарнизон в Пескиере и перенес свою главную квартиру в Изола-делла-Скала, расположив Моро с двумя дивизиями в центре, в селении Буттапьетра, в 2 лье от Вероны, на дороге из Изола-делла-Скала; две другие дивизии вдоль Адидже, напротив Альбаредо, составили его правый фланг; Серюрье, около Виллафранка, был на левом фланге; Дельмас около Изола-делла-Скала образовал резерв. Генерал Край, выступив из Вероны, двинулся на Пескиеру и занял с боем высоты Кастельнуово и селения Сона, Сомма-Кампанья и Виллафранка. Его армия таким образом примкнула справа к Минчио, слева — к Адидже; она была вся в сборе и занимала местность здоровую и сухую. Французская армия, наоборот, была разбросана по загрязненным участкам, среди

болот и рисовых полей. Сражение было неизбежно. Оба главнокомандующих, как бы согласившись, приняли подготовительные меры и отдали приказания для боя в ночь с 4 на 5-е.

Моро должен был двинуться из Буттапьетра на Сона, которое, как предполагали, занимал противник. Серюрье, образовав левый фланг, получил приказ двигаться на Виллафранка. Две дивизии, бывшие у Альбаредо, получили приказ подниматься вверх по Адидже и двигаться на Верону, составляя правый фланг армии. Дельмас должен был двигаться в резерве на Буттапьетра и, смотря по обстоятельствам, направляться для поддержки правого фланга, центра или левого фланга. Моро вышел с рассветом и вскоре встретился с левым флангом противника. Он узнал, что Край приступил к действиям, сняв свой лагерь в 4 часа утра, и двигается на Буттапьетра, чтобы его атаковать. Не зная точно, что ему следовало делать, не имея никаких известий ни о соседних дивизиях, ни об остальной армии, он атаковал, очертя голову, все, что оказалось перед ним. Фланкеры подались к Вероне, он их преследовал по пятам до стен этого города. Серюрье подошел к Виллафранка и овладел ею. Неприятель сосредоточил все свои силы для атаки центра. Обеими французскими дивизиями правого фланга приказы были получены очень поздно. Они не смогли продвинуться вдоль Адидже ввиду скверных дорог этой болотистой местности и были вынуждены принять немного влево, где и встретились с армией Края. Они стали маневрировать независимо одна от другой, каждая по распоряжению своего командира. Они дрались доблестно, овладели селением Сан-Джиакомо, но, обойденные на своем левом фланге, бросили это селение и начали отходить. Дельмас только в полдень подошел к Буттапьетра, из которого Моро ушел в 10 часов. Тотчас же по прибытии эта дивизия резерва была атакована и вся целиком вступила в дело. Она с трудом удерживалась, однако, на своей позиции. Серюрье был выбит из Виллафранка, вновь его отобрал и остался в селении. Ночь положила конец бою. Моро и Серюрье были победителями. Дельмас не был ни победителем, ни побежденным. Правый фланг, состоявший из двух дивизий Монришара и Гренье, был оттеснен на несколько лье. Шерер счел себя побежденным и приказал Моро отступать. 7 апреля он перенес свою главную квартиру в Ровербелла. 8-го он переправился через Минчио в Гоито и выслал 6 500 человек для усиления гарнизона Мантуи. Австрийская армия узнала о своей победе по отступлению французской армии, которую побоялась преследовать. С осторожностью австрийцы приблизились к Минчио, блокировали Пескиеру и Мантую и продвинули свои легкие войска только лишь до Олио. 16-го французская армия переправилась через Адду. Главная квартира расположилась в Лоди. Арьергард остался в Кремоне, где был атакован 20-го и отошел 21-го на правый берег Адды.

Первые русские войска прибыли в Верону 17 апреля. Командование над армией принял Суворов. Он поручил своему предшественнику,

фельдмаршалу Краю, осаждать Мантую и Пескиеру с 25 000 человек. Генерала Кленау с 9 000 человек он выделил для блокады феррарской цитадели и наблюдения за легатствами, а лично сам с 60 000 человек двинулся на Брешиа. Этот город сопротивлялся ему всего 24 часа. Он взял в нем 1 200 пленных французского гарнизона. Бергамо, имевший такой же гарнизон, сдался 23-го. 25 апреля главная австро-русская квартира прибыла в Тревильо, на левом берегу Адды, в полутора лье от Кассано, на шоссе из Милана в Брешиа.

Шерер оставил командование французской армией и отправился в Париж. Его заместил генерал Моро.

VI

Моро, приняв командование над армией, застал ее за р. Аддой и расположил следующим образом: главную квартиру поставил в Инцаго, по дороге из Кассано в Милан; Серюрье с главными силами двух дивизий — на своем левом фланге для обороны участка Адды между Лекко и Треццо протяжением 7 лье; Гренье и Виктора — в центре для обороны Риторто и моста в Кассано; Дельмаса — на правом фланге на протяжении от Лоди до По. Эти три корпуса состояли из 35 000 человек. Дивизия из Вальтелина, дивизия из Тосканы и различные отряды, отправленные на подкрепление из Пьемонта, должны были довести эту армию до 50 000 человек. Моро надеялся, что успеет собрать эти силы на Адде. Кроме того, 20 000 человек находились в качестве гарнизонов в Мантуе, Пескиере, Ферраре, форте Урбино и Пиццигетоне, подвергнутые блокаде. Туринская цитадель, Кони, Алессандрия, Тортона, Гави, Генуя получили новые войска из Франции.

Главные силы армии, которыми командовал Суворов, состояли из четырех корпусов: правофланговый, в составе дивизий Розенберга и Вукассовича, овладел Лекко; второй, в составе дивизий Отта и Цопфа, двигался на Треццо и Ваприо; Мелас с двумя дивизиями двигался на Кассано и Лоди; дивизии Гогенцоллерна и Кайма, образуя левое крыло, двигались на Нижнюю Адду, к Пиццигетоне. 26 апреля авангард дивизии Розенберга овладел небольшим городком Лекко, расположенным по левому берегу Адды, а также и предмостным укреплением. В следующую ночь он внезапно овладел переправой через реку и исправил здесь мост. Шателер, генерал-квартирмейстер армии, двигавшийся с корпусом Отта, прибыл в Треццо, неожиданно захватив переправу, и распорядился о наводке понтонного моста. 28-го на рассвете он атаковал посты дивизии Серюрье, отбросил их на Поццо, которым затем овладел. Дивизия Гренье и одна бригада Виктора поспешили на поддержку Серюрье и встретили противника перед Поццо. Бой был очень жаркий. Австрийская дивизия была оттеснена, и Поццо взято обратно. Этой дивизии грозило поражение, но прибывшая на помощь дивизия Цопфа снова захватила Поццо и принудила французов к отступлению, между тем как Розен-

берг перешел через мост в Бривио, стремительно атаковал Серюрье и отбросил его на Ваприо. Этот старый генерал все время поддерживал бой, но, окруженный дивизиями, переправившимися по мосту в Треццо, был вынужден капитулировать и сложил оружие. Мелас встретил перед Кассано лишь слабое сопротивление. Он внезапно овладел деревянным мостом и перенес свою главную квартиру в тот же вечер в Горгонцола. Результатом сражения у Кассано была потеря французской армией 6 000—7 000 человек, из них 5 000 пленными, около 100 орудий и большого количества обозов.

В ночь с 27 на 28 апреля Моро отступил тремя колоннами: правой— на Пьяченцу, где она переправилась через По; центром — на Павию; левой — на Новару, куда главная квартира прибыла 2 мая. Все власти Цизальпинской республики, служащие и толпа преданных граждан последовали за армией.

28 апреля Суворов вступил в Милан. 4 мая он перенес свою главную квартиру в Павию. Из Новары Моро продолжал свое отступление на Турин. Оттуда он спустился вниз по левому берегу По и прибыл в Алессандрию на Танаро, рассчитывая достичь Нови и прикрыть Геную. Но противник его предупредил: 9 мая Суворов перенес свою главную квартиру в Вогеру, приказал блокировать цитадель Тортоны, расположился 10-го лагерем на равнине Маренго и выделил к Нови и Гави русскую дивизию Карачая. Дивизию Чубарова он переправил на правый берег По, к устью Танаро, откуда она двинулась на Алессандрию. Гренье и Виктор атаковали ее и сбросили в реку после упорного боя. Две трети этой дивизии и ее командир погибли. Две тысячи человек положили оружие. В течение этого времени Розенберг маневрировал на левом берегу По. Но 16 мая Суворов снял свой лагерь и переправился через По, желая перенести войну на левый берег, освободить Турин и обеспечить свое расположение. Моро выступил из Алессандрии, оттеснил аванпосты на маренгской равнине, атаковал Люзиньяна и Багратиона у Гароффолийской башни, причинил им некоторые потери и вечером возвратился в свой лагерь. 22 мая он прибыл в Кони. Суворов вошел 27-го в Турин и обложил цитадель, которой командовал генерал Фиорелла.

Моро несколько дней отдыхал в Кони. Он был отрезан от Генуи и от неаполитанской армии. Заметив ненадежность своего положения, Моро покинул Италию, перевалив через главную цепь Альп по Тендскому перевалу и направив свои обозы и большую часть артиллерии по шоссе из Соспелло на Ниццу, и достиг Генуи по береговой дороге, через горы. Его сильно задерживали дурные дороги. Это ошибочное движение имело самые печальные последствия: оно является истинной причиной несчастных событий на Треббии.

Обычная здесь летняя жара и переутомление причинили сильные потери союзной армии, разбросанной, кроме того, на большом протяжении, так как приходилось блокировать Мантую, Феррару, Милан, Тор-

тону, Алессандрию и т. д. Но 6 июня Бельгард и Гаддик с двумя сильными дивизиями спустились с Сен-Готарда, прошли через Милан и двинулись на Тортону. Это подкрепление возместило потери в итальянских армиях обеих империй. Их положение еще более улучшилось падением Пиццигетоне, а также Милана и Феррары, капитулировавших 24 мая. Это позволило русскому главнокомандующему переправить дивизию Отта и Гогенцоллерна на правый берег По и на апеннинские склоны для наблюдения за неаполитанской армией. Край, начавший уже стягивать свой осадный парк к Мантуе, распорядился эвакуировать его на Леньяго, оставив Сен-Жюльена с 9 000 человек перед Мантуей, и двинул остальную часть корпуса к Боргофорте. Неаполитанская армия прибыла на Апеннины и угрожала поддержать Мантую.

VII

Макдональд с неаполитанской армией вышел 2 мая из Казерта. 24-го он прибыл во Флоренцию и в Сарцана соединился с итальянской армией. Он принял под свое командование болонскую дивизию генерала Монришара и тосканскую дивизию генерала Готье. Он с нетерпением ждал приказаний от генерала Моро, которому принадлежало высшее командование над обеими армиями, но тот дал себя отрезать от Генуи и был тогда прижат к Кони, в 50 лье от Макдональда, в противоположном направлении. Поэтому Макдональд получил от него приказания только 6 июня. 8-го Макдональд покинул свой лагерь в Сан-Пеллегрино, перешел через Апеннины и вступил в долину По с целью двинуться к Тортоне, которую Моро назначил сборным пунктом обеих армий и куда сам должен был прибыть с итальянской армией через Бокеттский перевал. Дивизии Монришара и Рюска образовывали правый фланг Макдональда, дивизии Оливье и Сальма — центр, дивизии Домбровского и Виктора — левый фланг. Он атаковал 12 июня дивизии Гогенцоллерна и Кленау в Модене, прорвал их и причинил им большие потери. Его войска произвели беспорядки в этом городе. Остатки обеих австрийских дивизий отступили к Мантуе и к Ферраре. 14-го Виктор прибыл в Парму и 15-го в Пьяченцу. Дивизия Отта отходила перед ним. Он окружил цитадель, отдохнул 15 и 16-го, а затем 17-го выслал свой авангард к Кастель-Сан-Джиовани, где авангард встретил генерала Отта, усиленного корпусом Меласа. Авангард был энергично отброшен и вынужден переправиться обратно за р. Тидоне. Армия поспешила на поддержку своего авангарда. Бой продолжался до ночи. В это время Суворов спокойно находился в Турине. Его дивизии были разбросаны по различным альпийским долинам. Встревоженный поражением у Модены и представлениями генерала Края, опасавшегося, как бы Мантуя не получила помощи, он 14-го выступил с тремя русскими дивизиями и 17-го прибыл в Кастель-Сан-Джиовани одновременно с генералом Меласом.

Эти силы в соединении с войсками Отта составляли корпус в 50 000 человек. 18-го, в 5 часов пополудни, Суворов атаковал четырьмя колоннами неаполитанскую армию. Французы были отражены и сосредоточились на правом берегу Треббии. 19-го Макдональд переправился через реку тремя колоннами, имел сначала успех, который остался неразвитым, и — проиграл сражение. Ночью он отступил к Пьяченце. Оставив там 4 000 раненых, он перед рассветом продолжал свое отступление в Тоскану. Суворов следовал за ним в течение четырех дней. 23-го, находясь в Фиренцуоэле, встревоженный передвижениями армии Моро на р. Скривия, он возложил на Отта заботу преследования разбитой армии, а сам двинулся на поддержку генерала Бельгарда. Моро прибыл в Тортону 20-го с 30 000 человек, снял осаду этой крепости и оттеснил корпус Бельгарда к Алессандрии. Дивизия Лапоипа была выделена им по долине Треббии на Боббио. Контрмарш Суворова и дурной исход сражения на Треббии заставили его, однако, вновь уйти за Бокеттский перевал, не добившись сколько-нибудь выдающегося успеха. Генералы Виктор и Лапоип заняли позиции по склонам Апеннин. Макдональд возвратился на свои пистойскую и луккскую позиции, по шоссе Гарфаньяна, а немного спустя очистил Тоскану и двинулся на Геную по корнишской дороге, погрузив на суда материальную часть артиллерии. 2 августа он прибыл в Геную, ослабленный до 7 000—8 000 человек боями и форсированными переходами, после сражения на Треббии.

VIII

Замечания к планам кампаний в Германии и в Италии. — 1. Французское правительство приказало своим армиям перейти в наступление как в Германии, так и в Италии. В Германии следовало бы оставаться в оборонительном положении, поскольку там нельзя было собрать больших сил, чем у противника. Во всяком случае, из трех армий — дунайской, гельветской и нижнерейнской — следовало образовать только одну. Нижнерейнская армия состояла лишь из третьих батальонов. Это значило обманывать самих себя, потому что третьи батальоны не были отмобилизованы и были к тому же необходимы для охраны крепостей и подготовки пополнений в батальоны театра военных действий. Внутри страны имелось большое количество старых полков. Часть их нужно было использовать с самого начала. Сорок тысяч человек, составлявших дунайскую армию, соединенные с гельветской армией, были бы достаточны для обеспечения обладания Швейцарией и занятия лагерных стоянок по правому берегу Рейна в направлении Шаффгаузена и Штейна в обход Шварцвальда.

2. В Италии надо было предпринять наступление, потому что французские силы на полуострове были гораздо более значительны, чем у противника, и представлялось необходимым отбросить австрийцев

с позиций на Адидже до прихода русских. Но это наступление следовало вести всеми соединенными силами. Шерер атаковал с 60 000 человек. За несколько дней перед тем он ослабил себя на 14 000 человек, которые им были выделены в Вальтелину и Тоскану. Исход сражения, которое должно было произойти на Адидже, повлиял бы и на участь Вальтелины и Тосканы, тогда как дела в этих провинциях не могли оказать никакого влияния на успех сражения. Также следовало отозвать 30 000 человек неаполитанской армии. Французская армия, имея значительный численный перевес, разбила бы тогда австрийскую армию, оттеснила бы ее за Пиаве, причинила бы ей большой ущерб и овладела бы Леньяго. Это привело бы к гибели корпуса Суворова — событие тем более важное, что оно вызвало бы царя на размышления. Все, что является прихотью и не основано на подлинной целесообразности, не выдерживает перед неудачей. Судьба Партенопейской республики имела второстепенное значение, потому что для ее существования французская армия должна была победить на Адидже. К тому же в неаполитанской армии насчитывалось уже 12 000—15 000 человек. Можно было оставить ей несколько цизальпинских и римских батальонов, с которыми она могла поддерживать господство в неаполитанских областях, по крайней мере в фортах и крепостях, все то время, пока французы владели бы Верхней Италией. Кардинал Руффо мог собрать свою крестьянскую армию и появиться перед Неаполем только через три месяца после поражения Шерера на Адидже, и ему потребовалось бы еще много месяцев, чтобы подчинить себе крепости. Если бы был принят такой план, вторая коалиция быстро развалилась бы.

Первое замечание. *Массена.* 1. Первая атака Массена на Фельдкирх была правильной; пять остальных атак были бесполезны. Эта позиция не являлась необходимой для обеспечения обороны Швейцарии, еще менее для соединения обеих армий — гельветской и дунайской. Это соединение уже было осуществлено через Штейн и Шаффгаузен. Начиная с 14 марта Массена следовало со своим центром и левым флангом переправиться через Рейн и двинуться совместно с армией Журдана против эрцгерцога. Лекурба с правым флангом было достаточно для обороны Швейцарии. Если бы французы имели в Штокахе 70 000 человек вместо 40 000, они оказались бы победителями.

2. Переход через Сплюген генерала Лекурба и все операции, имевшие место в Энгадине и Вальтелине, были бесцельны. Правый фланг армии не мог бы найти лучшей позиции, чем сен-готардская и сплюгенская. Разве предполагалось завоевать Тироль? Но эту операцию нельзя было совершить с 15 000 человек, одной дивизией армии, когда остальные дивизии оставались в 30 лье позади, отделенные громадными горами. Если бы Лекурб имел несчастье дойти до Иннсбрука, он был бы там окружен. Подобное завоевание Энгадина было задумано в Париже людьми без опыта, имевшими лишь самые неясные и превратные поня-

тия о военном искусстве. Высокогорные страны зависят от равнин, от которых они получают продовольствие. Границы, прикрывающие государства, состоят из равнин, холмистых и горных областей. Если армия желает их перейти и обладает превосходством в кавалерии, ей будет лучше образовать свою операционную линию на равнинах. Если она уступает противнику в этом роде оружия, для нее предпочтительнее холмистые участки. Но в отношении высокогорных стран она, во всяком случае, довольствуется наблюдением за ними во время их обхода. И действительно, операционную линию совсем нет смысла проводить по высокогорной стране: 1) потому что в такой стране трудно добывать продовольствие; 2) потому что там встречаются на каждом шагу теснины, которые необходимо занять крепостями; 3) переход через нее трудный и медленный; 4) колонны могут быть здесь остановлены, разбиты и уничтожены даже крестьянами, взятыми от сохи; 5) потому что во время горной войны никогда не следует вести атак: нужно создать широкую возможность маневрирования против занятой позиции, чтобы для войск, на которых возложена оборонительная задача, не оставалось другого выхода, кроме как атаковать самим или отступить; 6) наконец, операционная линия должна быть и путем отступления, а как можно отступать через ущелья, теснины, пропасти? Случается, что большие армии, когда им нельзя поступать иначе, пересекают высокогорные страны, чтобы проникнуть в равнины и богатые области. Так, например, нужно пересечь Альпы, чтобы войти в Италию. Но делать сверхъестественные усилия, чтобы пересечь неприступные горы, и оказаться затем все еще среди пропастей, теснин, скал, не имея другой перспективы, как преодоление в течение долгого времени таких же преград и обречение себя на такие же трудности; тревожиться с каждым новым переходом, зная, что на тылах остается столько теснин; опасаться ежедневно умереть от голода, — так воевать нельзя, когда имеются другие возможности! Это значит — искать развлечения в трудностях и бороться против гигантов, то есть действовать вопреки здравому смыслу и одновременно вопреки военному искусству. У врага имеются большие города, богатые провинции, столицы, нуждающиеся в защите, — направляйтесь к ним по равнинам. Военное искусство просто и выполнимо; в нем все основано на здравом смысле, и оно не допускает ничего неопределенного.

Второе замечание. *Журдан.* 1. Журдану принадлежало верховное командование над дунайской, гельветской и нижнерейнской армиями, но эти армии имели своих главнокомандующих, переписывающихся с министром. Журдан не был фактически главнокомандующим. На всей этой границе следовало иметь только одну армию из 5—6 корпусов по 15 000—18 000 человек в каждом.

2. Журдан дал сражение у Штокаха бесцельно. Он уверяет, что ему его внушили. Главнокомандующий должен решаться на сражение только тогда, когда у него есть надежда на победу, а какую надежду мог он

питать, выставляя на бой 40 000 человек против 65 000? Если бы он оказался победителем, какие плоды мог он извлечь из победы? С такой слабой армией мог ли он двинуться на р. Иллер, переправиться через Лех, войти в Баварию? А сделай он это, разве он не погиб бы? Во время сражения он держал свои дивизии слишком далеко одну от другой. Его поле сражения было в три раза бо́льшим, чем следовало.

3. Он отступил на Рейн. Ему следовало отступать в Швейцарию. Слабейший по численности, разбитый в бою, он не имел никаких сил на левой стороне Дуная, потому что нижнерейнская армия существовала только на бумаге. У него не было поэтому никакой надежды удержаться у выходов из гор Шварцвальда.

Третье замечание. *Эрцгерцог Карл.* Эрцгерцог, атакуя швейцарский фронт и втягиваясь в горную войну, лишал себя выгод, которых добился в различных боях. Швейцария на каждом шагу представляет оборонительные позиции и линии. Эрцгерцог Карл должен был обходить, а не пересекать высокогорные страны.

Если бы после сражения у Штокаха он двинулся на Нижний Рейн, угрожая внутренним областям республики, а особенно прежним австрийским провинциям, он заставил бы Массена бросить Швейцарию, чтобы преградить ему дорогу. Он действовал бы тогда согласно правилам и был бы за это вознагражден успехом. Его маневрирование, когда он к сражению у Штокаха успел соединиться с Готце, а последнего заместил Бельгард, отвечает истинным принципам военного искусства.

Четвертое замечание. *Шерер.* 1. Итальянская армия должна была начать военные действия в тот же самый день, как и гельветская,— 5 марта. Она не должна была ослаблять себя на 14 000 человек, выделенных в Тоскану и Вальтелину. Участь Флоренции, Ливорно, Киавенны, Бормио зависела от сражения, предстоявшего на Адидже, но положение в данных городах не имело никакого влияния на исход этого сражения. Шерер, поскольку он командовал неаполитанской армией, должен был отозвать эту армию для того, чтобы атаковать противника силами свыше 100 000 человек. Участь Неаполя должна была решиться на Адидже, и оккупация Неаполя не могла иметь никакого влияния на сражение, которое должно было произойти на берегах Адидже.

2. Шерер с 60 000 французов атаковал 26 марта 54 000 австрийцев. Моральное состояние его войск было настолько высоким, что он должен был с ними разбить 80 000 австрийцев.

3. 1) Дивизия Монришара, двинувшись на Леньяго, могла только подставить себя под расстрел с крепостных валов. Ей следовало быть под Вероной, рядом с двумя другими дивизиями генерала Моро. 2) Дивизии Серюрье нечего было делать в Риволи и на Монте-Бальдо, поскольку противник, укрепившись у Поль и Пастренго, имел в своем распоряжении мосты через Адидже, и это показывало, что его операционная линия шла на Верону и что он сообщался с Тиролем по левому

берегу Адидже, где проходило шоссе, а не по правому берегу, где имеются только тропинки. Серюрье поэтому должен был бы находиться напротив Вероны и составлять четвертую дивизию Моро. 3) Генералы Гренье и Дельмас форсировали укрепленный лагерь противника на правом берегу Адидже в 10 часов утра. В 5 часов пополудни они должны были подойти к Вероне вместе с четырьмя остальными дивизиями. Для Риволи, Поль и Пастренго было достаточно нескольких эскадронов и батальонов. 4) Собрав армию перед Вероной, следовало, в то время как противник был разбросан и повсюду находился под угрозой, навести три моста ниже Вероны в излучине реки, обеспечить их оборону орудиями, а на рассвете 28 марта вся французская армия, не выделяя никуда ни одной бригады, должна была атаковать и разбить противника у Сен-Мартино, преследовать его 30-го за Кальдиеро и отбросить по ту сторону Пиаве. 5) 30-го следовало блокировать Леньяго, 2 апреля — атаковать укрепления и на правом и на левом берегах. 15 апреля следовало бы занять эту крепость.

4. Переправа дивизии Серюрье 31 мая на левый берег Адидже выше Вероны могла иметь результат только тогда, когда бы ее поддержали всей армией. Предоставленная самой себе, эта дивизия была обречена на гибель, так как не было дороги, ведущей с берегов Верхнего Адидже на веронские высоты, а были только тропинки, по которым невозможно пройти артиллерии. Не было ни одного солдата из несших гарнизонную службу в Вероне в 1796 и 1797 гг., который этого бы не знал, но почему же главнокомандующему об этом не было известно.

5. Все марши и контрмарши армии на Нижнем Адидже среди рек, болот и грязи были способны только окончательно привести ее к разложению. Если французский главнокомандующий хотел переправиться через Адидже, он должен был собрать свои войска в одном пункте в сухой местности, например в Виллафранка, неожиданно захватить переправу и спешно двинуться на мост. В сражении у Маньяно у Шерера не было плана. Если бы он отбросил противника на левый берег Адидже, он не сумел бы этим воспользоваться. Его мосты были в двух переходах позади. Так как успех сражения у Маньяно был у обеих сторон, он не должен был покидать линию Минчио, а должен был укрепиться на ней и ожидать своих подкреплений.

6. Желая покинуть Минчио, он должен был отступить в Серральо, имея предмостные укрепления на реке По и на Фосса-Маэстра. В течение марта, апреля, мая и части июня климат в Серральо неплох, и только в конце июня начинаются лихорадки. Находясь в этом обширном укрепленном лагере, он получил бы подкрепления до 20 апреля в количестве 25 000 человек, направленных из Болоньи, Тосканы, Анконы и Пьемонта. Другие 25 000 он получил бы в первых числах мая вследствие соединения с неаполитанской армией. Если бы 25 апреля, в день прибытия русской армии на Адидже, он счел, что нельзя больше держаться

в Серральо, ему надлежало бы переправиться через По, двинуться навстречу неаполитанской армии и, соединившись с ней, повернуть на противника.

7. Отступая, Шерер не должен был оставлять 2 500 человек в Брешиа и Бергамо. Крепости этих городов давно уже развалились. На их обломках возвели укрепления, могущие сопротивляться самое большее лишь кавалерии и народной толпе.

У Шерера не было недостатка ни в уме, ни в храбрости, но ему недоставало характера. Он рассуждал о войне смело, но неопределенно и не был к ней пригоден. Военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума. Люди, имеющие много ума и мало характера, меньше всего пригодны к этой профессии. Лучше иметь больше характера и меньше ума. Люди, имеющие посредственный ум, но достаточно наделенные характером, часто могут иметь успех в этом искусстве. Полководцы, обладавшие большим умом и соответствующим ему характером, — это Цезарь, Ганнибал, Тюренн, принц Евгений и Фридрих.

Пятое замечание. *Моро*. Генерал Моро, с успехом маневрировавший под командованием Шерера во главе одной и двух дивизий, действовал не так успешно, когда сделался главнокомандующим. 1) Он дал сражение у Кассано и проиграл его. Позволил окружить две дивизии Серюрье, которые были вынуждены капитулировать. 2) Отступил за Тичино, в то время как должен был отступать к Пьяченце, по правому берегу По, чтобы остаться в связи с неаполитанской армией, потому что, соединившись с этой армией, он мог еще отвоевать Италию. Всегда необходимо отступать навстречу своим подкреплениям. 3) От Тичино он двинулся на Турин, и вследствие этого Суворову предоставлялась полная возможность направиться на Бокетта и отрезать его от неаполитанской армии. 4) Нерешительность Суворова дала ему время вернуться обратно. Он вновь спустился вниз по правому берегу По от Турина к Алессандрии; но несколько дней спустя, вместо того чтобы прикрыть Геную и соединиться с неаполитанской армией, бывшей уже в Тоскане, он пошел на Кони. Когда он туда прибыл 24 мая, неаполитанская армия вошла во Флоренцию и в Сарцану и установила связь с Генуей. С этого времени и можно было бы считать соединение с ней совершившимся, если бы Моро не был удален на 40 лье вследствие своего ошибочного движения на Кони. Результаты этого последнего движения оказались гибельны. 5) От Кони он перешел через главную цепь Альп по Тендскому перевалу и двигался по плохим дорогам на Геную без артиллерии, которую он отправил в Ниццу и по шоссе в Соспелло. Он послал приказ Макдональду перейти через Апеннины и выйти в долину По к Тортоне, где назначил общий сборный пункт. 6) Пока неаполитанская армия совершала этот столь опасный марш, противоречащий правилам военного искусства, он сам перешел через Бокеттский перевал с 30 000 человек, но слишком поздно: сражение на Треббии уже решило судьбу неаполи-

танской армии. Моро должен был бы выйти через Боббио и соединиться с Макдональдом перед сражением. Эти две французские армии состояли из 75 000 человек. Они могли снова завоевать Италию, если бы ими командовал способный генерал.

Шестое замечание. *Макдональд*. 1. Макдональд должен был выступить из Неаполя 15 апреля, на другой день после получения им приказания от Шерера. Он мог прибыть в долину По во-время, чтобы, выступив из Неаполя 15 апреля, на другой день после получения им приказа, прикрыть Адду. Он выступил из Казерте только 2 мая и потерял 15 дней. Прибыв 24 мая во Флоренцию, он должен был двинуться на Специю с артиллерией и повозками для присоединения к Моро за Апеннинами. Специя лежит только в 20 лье от Генуи. Соединившись в первых числах июня, обе армии в количестве 75 000 человек перешли бы через Бокетта, освободили бы Тортону, Алессандрию и Турин и перенесли бы войну к стенам Мантуи. Принципы военного искусства не допускают никакого другого плана и осуждают всякое другое решение. Говорят, что дорога из Специи в Геную будто бы непроходима для артиллерии. Артиллерия неаполитанской армии состояла из 40 орудий, среди которых было только восемь 12-фунтовых. Гаубицы и 4-фунтовые пушки можно было переправить сухим путем, либо в древесных стволах, выдолбленных наподобие саней, либо при помощи рычагов. Боеприпасы можно было везти вьюками или на упряжных лошадях, либо на реквизированных мулах. Лигурийские горы изобилуют вьючными мулами. Во Флоренции, Ливорно, Сарцане, Специи не было недостатка во вьючных приспособлениях. Местность от Специи до Генуи пролегает вдоль моря и пересекается лишь холмами. Здесь не встречается никаких гор, и артиллерия может легко проходить. В 1800 г. она перешла через Большой Сен-Бернар, а в 1794 и 1795 гг. она прошла из Ниццы в Савону. Наконец, можно было артиллерию перевезти на судах, как это и сделали после сражения на Треббии; требовалось лишь несколько небольших судов, чтобы переправить ее в два дня к Генуе, каботажным порядком. В Ливорно, в Специи и т. д. таких судов были сотни. Английской эскадры в этих местах не было, а если бы она и была, то не могла помешать каботажному плаванию. Если бы Макдональд и потерял свои позиционные орудия, это было бы не так важно, потому что, сохранив лошадей и упряжь, можно в 24 часа восстановить свой парк в крепости, подобной Генуе, где, кроме генуэзской артиллерии, имелась и французская, вывезенная при эвакуации из Италии. Кроме того, арсеналы Ниццы, Антиба и Тулона были снабжены всем.

2. Двигаться с армией в 40 000 человек на протяжении 40 лье по долине По, от Болоньи до Нови, подставляя правый фланг под удары со стороны По, вдоль которого противник стоял на всем левом берегу, двигаться, не имея возможности сохранить за собою тылы, подставляя себя таким образом под удары противника, могущего действовать

с фронта, с тыла и с фланга, — это сумасбродная операция. Но если уж решились ее предпринять, следовало ее вести быстро, усиленными переходами, торопясь быть 28 мая в Модене и 4 июня подойти к Нови. Суворов тогда не сумел бы собрать свою армию. Вместо этого командующий неаполитанской армией простоял 14 дней во Флоренции, и это позволило австрийским генералам получить сведения о подготовлявшейся угрозе. Прибыв 15 июня в Пьяченцу, Макдональд напрасно пробыл там два дня: это дало время Суворову прибыть из Турина.

Есть военные, считающие, что Макдональду нужно было переправиться через По и направиться в Серральо. Они не знают, что в течение июля Серральо необитаемо. Армия теряла бы ежедневно по 50 человек. Стоило только переправиться на левый берег По, как в Олио, Адда и Тичино встретились бы громадные преграды.

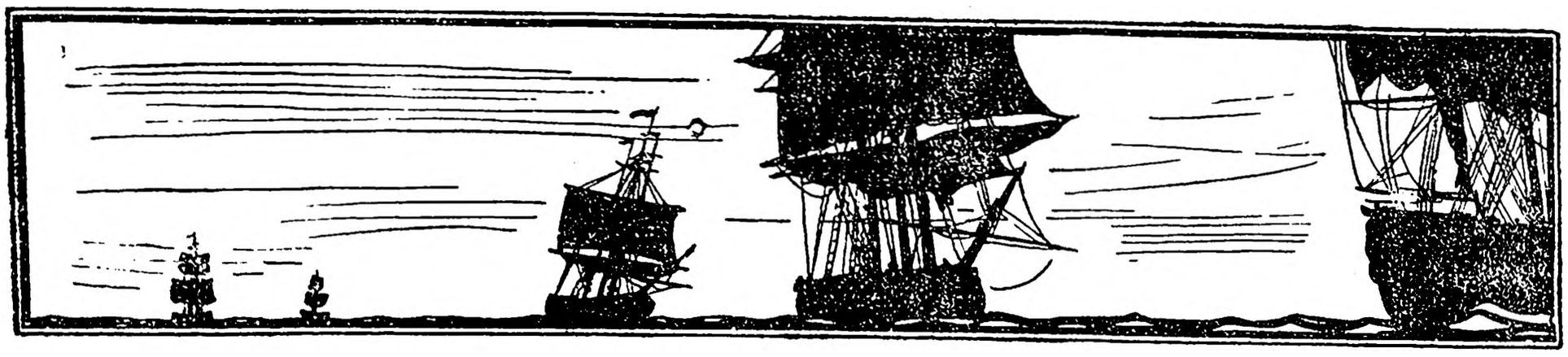
3. Французские войска проявили на Треббии мужество и беззаветную отвагу. Но выбор местности был неудачен, действия плохо направляемы, а Макдональд проявил одну лишь неустрашимость. Французская армия во время этого сражения имела справа реку По, слева — горы; тылы ее примыкали к Пьяченце, цитадель которой была занята противником. У Суворова, наоборот, справа были горы, слева По; его тылы отходили к Тортоне, где находился корпус Бельгарда. Путь отступления таким образом был у него обеспечен как в его тылу, так и на правом берегу По, которым он владел.

Полководец, решившийся дать сражение до соединения обеих армий, появился бы на поле сражения у Треббии на правом берегу Тидоне, маскируя кавалерией свою истинную операционную линию, но давая повод думать, что он направляется через Пьяченцу. В действительности эта линия шла бы на Боббио и Геную. Левый фланг боевой линии был бы тогда в сторону Тортоны, правый — в сторону Пьяченцы и параллельно шоссе, ведущему из Пьяченцы в Сан-Джиовани, по обеим сторонам дороги, идущей из Пьяченцы в Геную через Боббио. Все усилия, какие делались бы противником вдоль По с целью достигнуть шоссе в Пьяченцу, усилия, которые он считал бы решающими для победы, сводились бы для него лишь к тому, что он подставлял бы свой правый фланг под удары французской армии и сам стремился бы навстречу своей гибели.

Отступление армии должно было вестись на Боббио. Здесь дорога хороша для артиллерии на протяжении 14 лье, до Понте-Ровеньо. Прибыв к истокам Треббии, армия оказалась бы в 3 лье от Бокетта. С этой минуты ее соединение с итальянской армией было бы обеспечено, так как устанавливалось бы сообщение через главную цепь Апеннин. С поля сражения на Треббии армия в четыре перехода прибыла бы в Геную. Ей ни на один час не пришлось бы задержаться из-за трудностей перехода через Апеннины.

4. Отступление Макдональда в Парму, Модену и Тоскану влекло его к гибели. Идя по этому пути, он снова подставлял себя под удары на протяжении 40 лье с опасностью попасть уже на своих тылах в кольцо к Гогенцоллерну, Краю и Кленау, в то время как Суворов отрезывал ему пути отступления на Геную и Тоскану. Это отбросило бы его на Рим и делало невозможным возвращение во Францию. Он прибыл в Геную только 30 дней спустя и меньше чем с 8 000 человек, подвергшись многим опасностям. В четыре перехода он мог быть на Апеннинах и стать справа от Моро.

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ, ПРОИСШЕДШИХ В ТЕЧЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1799 г.[1]

Схемы 12 и 13

I. План осенней кампании. — II. Действия гельветской и нижнерейнской армий; Цюрихское сражение (24 сентября 1799 г.). — III. Англо-русская экспедиция в Голландию; сражение у Бергена (19 сентября); сражение у Эгмонда (2 октября); сражение у Кастрикума (8 октября); капитуляция англо-русской армии (18 октября). — IV. Действия итальянской и альпийской армий; сражение у Нови (15 августа); сражение у Женолы (4 ноября).— V. Замечания.

I

Успехи Суворова вызвали еще большее озлобление императора Павла против республики. Он выставил несколько корпусов: 30 000 человек под командованием генерала Корсакова отправились в Швейцарию; 18 000 человек под командованием генерала Гартмана погрузились в Ревеле на английскую эскадру; 11 000 человек были отправлены в Италию на пополнение к Суворову; это доводило до 90 000 человек силы русских, участвовавшие в этой кампании. Ломбардская жара была непереносима для русских. Смешение различных наций в одной и той же армии вызывало одни только неудобства. Австрийские генералы были мало удовлетворены тактикой генерала Суворова, замашки которого их раздражали. Коалиционные кабинеты пришли к соглашению о том, чтобы одновременно действовали четыре армии: одна в Италии, составленная из австрийцев, под командованием Меласа; одна в Швейцарии, составленная из русских, французских эмигрантов и швейцарцев, под командованием Суворова; одна на Нижнем Рейне, составленная из австрийцев и войск империи, под командованием эрцгерцога; наконец, одна в Голландии, составленная из англичан, русских и оранжистов, под командованием герцога Иоркского. Эта последняя армия, после взятия Амстердама и восстановления вла-

---

[1] Этот очерк напечатан с подлинной рукописи. — *Прим. франц. ред.*

сти штатгальтера, должна была вступить в Бельгию и соединиться с нижнерейнской армией.

Французское правительство, со своей стороны, не падая духом от поражений, усердно начало пополнять свои армии. Гельветская армия была самой сильной. Массена посылались приказ за приказом, чтобы он предупредил прибытие русских и овладел Цюрихом. Нижнерейнской армии придали подвижные войска и вверили ее генералу Мюллеру. Командующим итальянской армией назначили генерала Жубера, которого считали способным возродить прекрасные дни 1796 г. Наконец, была создана новая армия на границе Дофине, и ее отдали под командование генералу Шампионэ, который прославился победами в Риме и Неаполе.

II

Массена воспользовался нетерпением Парижа, чтобы добиться получения для себя новых войск. 12 августа он двинул вперед свой правый фланг — 25 000 человек, под командованием Лекурба; левый фланг австрийской армии, ему противостоявший, имел только 20 000. Лекурб скоро отбросил его из Швица, Гларис, Сен-Готарда к рейнтальским теснинам, захватив несколько тысяч пленных, знамена и пушки. Эти упорные бои привлекли к Лекурбу взоры всей Европы. Массена со своим центром двинулся на Цюрих, который и атаковал 14-го, но был остановлен у валов этого города. 17-го эрцгерцог, в свою очередь, безуспешно попытался навести мост через р. Аар, с целью обойти левый фланг французской армии и вытеснить ее с сильной позиции, которую она занимала, и горы Альбис. Тем временем авангард русской армии Корсакова 19-го прибыл в Цюрих.

В то же самое время французская армия Нижнего Рейна перешла в наступление. Генерал Мюллер покинул свою мангеймскую главную квартиру и направился 25 августа в Гейдельберг с 20 000 человек, обложил 2 сентября Филиппсбург, бомбардировал его в течение пяти суток днем и ночью и разрушил в нем все дома. Эрцгерцог, видя, что восьми батальонов, которые он выделил в Шаффгаузен для подкрепления генерала Старая, недостаточно для прикрытия Германии и что, согласно с принятым кабинетами планом, союзники уже отплыли в Голландию, покинул гельветскую армию и отправился на Нижний Рейн. 4 сентября он прибыл в Донауэшинген, 12-го — к Филиппсбургу. Это вынудило генерала Мюллера снять осаду и переправиться обратно через Рейн, оставив генерала Лароша в Мангейме с 6 000 человек. Эрцгерцог 17-го атаковал эту крепость, овладел ею и взял несколько тысяч пленных.

Со своей стороны, Суворов покинул командование итальянской армией. 14 сентября он прибыл в Беллинцону с 20 000 русских, уцелевшими у него из 51 000 человек, последовательно прибывших в Италию: 31 000 человек были убиты, попали в плен и лежали в госпиталях. В Бел-

линцоне он принял командование над гельветской армией. У подножия Альп им было потеряно десять дней, и только 24 сентября он занял Сен-Готард, вступил в Швейцарию и соединился с корпусами Розенберга и Ауффенберга, после чего у него на данном участке стало 35 000 человек. С австрийским корпусом генерала Готце, силою в 25 000 человек, и русским корпусом Корсакова из 30 000 человек общие силы его армии достигали 90 000 человек, не считая эмигрантов и швейцарских повстанцев.

Массена почувствовал наконец, что наступил решительный момент и ему больше нельзя терять ни одного дня, так как, если он даст время Суворову прибыть в Цюрих, его положение сделается опасным. Его главная квартира была в Ленцбурге. Генерал Менар командовал левым флангом, от устья Аара до Бадена; генерал Лорж стоял в Диетиконе, на берегу Лиммата; генерал Мортье в Адлишвиль, на р. Зиль, наблюдал за Цюрихом; генерал Клейн с резервом — в Бремгартене, на р. Рейсса; генерал Сульт — в Гларисе, занимая своей дивизией левый берег Линта, до ее истока, с частью левого берега Цюрихского озера и находясь в связи с Мортье. Генерал Лекурб с тремя дивизиями занимал на крайнем правом фланге Вазен и Сен-Готард. Генерал Шабран командовал базельским лагерем. Общая численность достигала 90 000 человек. Обе армии были таким образом равны, но главные силы Суворова находились еще далеко от своего центра. Главная квартира Корсакова расположилась в Цюрихе; его правый фланг, состоявший из одной австрийской дивизии, примыкал к Рейну, у устья Аара. Русские дивизии занимали берега Лиммата, от Клингнау до Цюриха, и правый берег озера до Раппершвиля. Генерал Готце с остальными частями австрийской армии занимал правый берег Линта, Уцнах, Шэннис и Везен. Его главная квартира была в Кальтенбруннене. Река Линта, Цюрихское озеро, р. Лиммат и от устья этой реки р. Аар, наконец, Рейн до Базеля отделяли армии одна от другой.

Французы могли воспользоваться удалением эрцгерцога Карла и Суворова и овладеть Цюрихом, только перенеся войну на правый берег озера и р. Лиммат. Эта река была значительным препятствием. Участок в 5 лье от Цюриха до ее впадения в Аар охранялся всей русской армией. У селения Диетикон, в 2 лье ниже Цюриха, Лиммат протекает среди равнины и образует удобную излучину, которая делает невозможным для армии, расположенной на правом берегу, оборонять переправу. В ночь с 23 на 24 сентября Массена выставил батарею из 20 пушек на обеих оконечностях этой излучины, около Диетикона. В ту же самую минуту подошли повозки с понтонным парком, и через несколько часов был наведен мост. Русская пехота открыла сильную ружейную стрельбу, но огнем с батарей была принуждена отойти. Генерал Газан переправился через реку, генералы Удино и Клейн переправились вслед за ним. Днем 25-го они атаковали высоты Хенг и Цюрихберг. Генерал Мортье шел по левому берегу озера, направляясь к селению Воллисгофен, и всту-

пил в бой с русской дивизией, стоявшей на позиции около цюрихского моста вниз по течению от ворот этого города. Русские, атакованные на обоих берегах, отважно выдерживали натиск со всех сторон. Они удерживали город Цюрих часть ночи с 25 на 26-е, но наконец французы выломали ворота. Корсаков на правом берегу Рейна собрал только половину своего корпуса. В сражении им было потеряно 15 000 человек, госпитали, склады и обозы.

Сульт на рассвете 25-го переправился через Линта, наведя мост в селении Шэннис, овладел Гринау и атаковал австрийский корпус Готце. Одной из первых пуль французских стрелков генерал Готце был убит. По происхождению швейцарец, он пользовался полным доверием австрийской армии. Потеря его в такую минуту была для нее печальным событием. Русская бригада, находившаяся в селении Раппершвиль, образуя левый фланг корсаковского корпуса, двинулась на поддержку австрийцев. Ее опрокинули и разбили. Австрийцы были вынуждены переправиться обратно через р. Тур. Их преследовали до селения Лихтенштейн, и они оказались отрезанными и отброшенными далеко от поля сражения.

В тот же самый день, 25 сентября, Суворов прошел через Сен-Готардский перевал, громко заявляя о своем намерении не только охватить правый фланг линий рек Линта и Рейсса, но и двинуться прямо на Люцерн и Берн и отбросить в течение нескольких дней французскую армию к Юре. Он прошел через Альторф, Бруннен, Швиц [1] и, наконец, вступил 29 сентября в Гларис. Лекурб, не имея сколько-нибудь достаточных сил, чтобы его задержать, уклонился от боя. Прибыв в Гларис, Суворов узнал о поражении у Цюриха и о движении, которое предпринял Массена с 18 000 человек для поддержки своего правого фланга. Это заставило его подчиниться необходимости и очистить Швейцарию, бросив своих отсталых, больных, раненых и оставив много пленных в руках победителя. 8 октября он прибыл в Койре с остатками своей армии, подавленный подобным концом кампании, начатой при таких счастливых предзнаменованиях.

Корсаков, соединившись с австрийским корпусом, переправился обратно на левый берег Рейна и продвинулся вперед к р. Тур, делая вид, что идет на Цюрих выручать Суворова. Массена направился против него, разбил и отбросил его на правый берег Рейна и 7 октября взял Констанц. Корпус Конде, находившийся тут, понес большие потери.

Генерал Лекурб, выказавший предприимчивость и отвагу в этой кампании, был назначен правительством командовать нижнерейнской армией и 10 октября прибыл в Страсбург, горя желанием доказать и оправдать выказанное ему доверие. Он поспешно собрал 20 000 человек, из которых сформировал четыре дивизии, под командованием гене-

---

[1] Суворов, не доходя до Швица, из Муттена повернул на Гларис.

ралов Лаборда, Нея, Леграна и Бараге-д'Илье, и перенес свою главную квартиру в Вислох. Он атаковал и разбил генерала Гёргера, заместившего князя Шварценберга в командовании австрийским обсервационным корпусом между Майном и Неккаром. Этот генерал после прибытия кавалерийских подкреплений расположился в Рейлингене, в одном переходе от Филиппсбурга, на полпути между Рейном и Неккаром, поддерживая через Гейльбронн и Штутгарт сношения с главной квартирой эрцгерцога в Донауэшингене на Дунае. Он был вынужден оставить свои позиции. Французская армия обложила Филиппсбург. Дивизии Лаборда было приказано блокировать его. Три остальные дивизии заняли всю страну между Неккаром и Рейном. Австрийский генерал Мервельдт с одной дивизией главной армии наблюдал за кельским выходом и охранял выходы из гор Шварцвальда. Цюрихское поражение вынудило эрцгерцога покинуть Нижний Рейн и двинуться со своей армией на Верхний Дунай.

Лекурб этим воспользовался и направился к Гейльбронну, чтобы атаковать центр корпуса Старая, но был отражен и принужден переправиться обратно за Неккар. 7 ноября он снял блокаду с Филиппсбурга и занял позицию перед Гейдельбергом, имея справа Рейн, слева Неккар и прикрывая Мангейм, где имелся мост. Немного спустя, получив кое-какие подкрепления из рейнских крепостей и пополнив свою армию до 30 000 человек, он снова двинулся вперед. Генерал Лаборд, командуя правым флангом, обложил в третий раз Филиппсбург. Бараге-д'Илье с левым флангом маневрировал по правому берегу Неккара. Ней и Декан шли в центре через Зинсгейм к Эппингену. Лекурб у Брухзаль разбил принца Лотарингского, пытавшегося помешать его движению, и отбросил его на р. Энц. Эрцгерцог послал генерала Старая с кавалерией и пехотой принять командование над этим обсервационным корпусом и положить предел наступлениям, которые беспокоили Германию. 22 ноября Старай атаковал центр французской армии и овладел Эппингеном и Штеттеном. 2 декабря бой возобновился у Зинсгейма и у Вейлера. Лекурб был снова вынужден отступить; он снял блокаду Филиппсбурга, перенес свою главную квартиру сначала в Вислох, затем в Швецинген, примкнул правым флангом к Рейну, выше Мангейма, а левым — к Неккару, выше Зеккенгейма, заняв, таким образом, опасную позицию, угрожавшую его отступлению. 5 декабря он заключил с генералом Стараем перемирие, по которому устанавливалось, что французы останутся зимовать на правом берегу Рейна. Была сделана особая оговорка об утверждении перемирия эрцгерцогом, который 11 декабря отказался его утвердить. Однако Лекурб отчасти достиг своей цели: он воспользовался шестью днями перемирия, чтобы спокойно эвакуировать правый берег Рейна, и занял зимние квартиры между Майнцем и Ландау на левом берегу.

III

Англия вела подготовку к значительной экспедиции. В Ревеле собиралась русская армия. Сент-джемский кабинет не скрывал своих намерений относительно Голландии или потому, что хотел отвлечь внимание французского правительства от Италии и Швейцарии, или потому, что хотел предупредить оранжистов. Английская эскадра, силою в 55 военных кораблей, под начальством адмирала Дункана, и транспортный флот из 180 парусных судов с погруженной на них дивизией Аберкромби в 12 000 человек отплыли из Англии. 19 августа их увидели с берегов Голландии. 21-го батавская директория дала знать генералу Брюну, главнокомандующему галло-батавской армией, что английский адмирал предложил голландскому флоту, стоявшему на якоре в Текселе, и губернатору Гельдера поднять оранжистские флаги.

У Брюна было 30 000 человек, а именно: 20 000 голландцев и 10 000 французов. 20 000 голландцев составляли две дивизии. Первая, под командованием генерала Дэндельса, стояла по квартирам от Гааги до Текселя; вторая, под командованием генерала Дюмонсо, находилась во Фризландии, с главной квартирой в Гронингене. 10 000 французов были разделены на три дивизии: одной было поручено оборонять Зеландию; две другие были расположены вдоль Рейна и Мааса от Нимвегена.

Главнокомандующий, не знавший о намерениях противника, не решился снимать войска с какого-либо пункта границы. Его могли, говорил он, атаковать на Шельде, Маасе, во Фризландии и в Гельдере. Он ограничился тем, что приказал генералу Дэндельсу сосредоточить свою дивизию у Гельдера, самого важного пункта его участка. Такой образ действий сначала, повидимому, оправдывался обстоятельствами. Неприятельская эскадра ушла на несколько дней от Гельдера, но это было вызвано дурной погодой. 26 августа она снова вернулась и стала близ берега, в 2 лье к югу от Тексельского пролива, поставив на шпринг несколько фрегатов. 27 августа на рассвете она высадила дивизию Аберкромби против дюн, нагроможденных на месте старой дамбы под названием Зейпе-Дайк. Эти дюны, высотою 9—10 туазов, образовывали гласис протяжением в 100 туазов вдоль затопляемого приливом взморья. Генерал Дэндельс не счел нужным занять их вершины. Он сделал распоряжение об атаке противника во фланг тотчас же, как только тот высадится.

Английские войска, поддерживаемые несколькими гренадерскими батальонами, сошли на сушу под прикрытием стоявших на шпринге кораблей. У них хватило времени построиться, прежде чем они были атакованы. Атакованные вяло и небольшими силами с левого фланга, они подверглись сильной и упорной атаке на правом фланге, где был сам Дэндельс. Однако атака ими была отражена, и после нескольких часов боя они заставили Дэндельса отступить с потерею 1 000 человек. Их

потери достигли около 500 человек. Поскольку высадка уже совершилась, Дэндельс счел невозможным удерживаться на линиях Гельдера. Ночью он очистил эту позицию и стал на Зейпе. Противником на следующий день был занят Гельдер, и там был водружен оранжистский флаг. 30-го голландская эскадра, состоявшая из девяти боевых кораблей, сдалась английскому адмиралу и подняла оранжистский флаг. Дело в том, что взбунтовались экипажи, арестовавшие адмирала Стори и всех своих офицеров. Эта измена дала сигнал к национальному движению в Амстердаме. Население этого большого города выказало сильнейшее негодование против столь бесчестного поступка. В провинциях стали формироваться и стягиваться к Гаарлему гренадерские и егерские батальоны. Батавская директория открыто заявила о воле нации защищать свою территорию до последней крайности, даже до потери столицы, если это вызовется необходимостью.

1 сентября Дэндельс, обеспокоенный тем, что к нему не подходит помощь и он находится под угрозой атаки, хотел в целях обороны открыть шлюзы и затопить местность. Он отступил своим левым флангом на Алькмаар и правым на Пёрмерэнд, прикрывая Амстердам. Но Брюн, проникший наконец в намерения противника, разослал приказы выступать для сосредоточения всей армии. Он перенес свою главную квартиру в Алькмаар, бригаду генерала Гувиона расположил на дюнах — правым флангом у канала Алькмаар, левым у затопляемого взморья. Французские батальоны, прибывавшие из Бельгии, постепенно подходили туда: из них образовалась дивизия Вандама. Дивизия Дэндельса составила центр: она опиралась правым флангом на Авенгорн. Дивизия Дюмонсо покинула Фризландию, 6 сентября прошла через Амстердам и 8-го прибыла на позиции. У генерала Брюна тогда оказалось под ружьем 25 000 человек. Он занял линию протяжением в 3 лье и выдвинул фланкеров до Гоорна, на Зюйдерзее. Вандам образовал его левый фланг и занимал фронт протяжением в полтора лье, до Алькмаарского канала. Дюмонсо, в центре, стоял у моста через канал Шоорльдам. Правый фланг, под командованием Дэндельса, был на удкарспельской позиции. Обе эти дивизии растянулись, таким образом, на 4 000 туазов. Главная квартира и резервный парк находились в Алькмааре.

Английский главнокомандующий занял позицию за Зейпе, имея правый фланг у моря, позади Петтена, прикрываемый фланговым огнем с фрегатов и канонерок; центр—на уровне селения Краббендам, которое им было укреплено; левый фланг — против селений Эснигенбург и Сен-Маартен. Зейпе служила позицией для его артиллерии. Эта позиция была в 3 лье длиною. Зейпе является огромной дамбой, тянущейся на протяжении 1¼ лье вверх по правому берегу Алькмаарского канала, от его устья до селения Краббендам. Там она делает поворот параллельно морю в направлении к Текселю на протяжении 4 лье и оканчивается у Зюйдерзее. В первые дни после высадки положение англий-

ского генерала было критическое, но с присоединением бригады в 5 000 человек у него оказалось 18 000 человек, включая флотский отряд. Таким образом, его армия была в течение нескольких дней на половину меньше, чем французская армия, и все еще оставалась на одну треть слабее французской армии после прибытия второго транспорта. Это побудило генерала Брюна перейти в наступление.

10 сентября на рассвете он начал наступать шестью колоннами: две правые, под командованием Дэндельса, — на Сен-Маартен и Эсингенбург; две центральные, под командованием Вандама, направились: правая из них по дамбе левого берега Алькмаарского канала, левая — по дюнам, возвышавшимся над затопляемым взморьем. По прибытии на фронт атаки армия растянулась на 3 лье. Вандам был задержан Алькмаарским каналом, идущим вдоль дамбы. По нему открыли одновременно огонь с кораблей и с батарей, стоявших на Зейпе. У него не было ни понтонного парка, ни резервной батареи, он был вынужден отойти после промера глубины канала, в котором несколько солдат утонуло. Дюмонсо и Дэндельс овладели селениями, но были отражены при атаке дамбы и принуждены к отступлению. Армия вернулась обратно на свою позицию. Потери ее ранеными и убитыми достигали 1 200 человек, у англичан — 500 человек.

Главнокомандующий после этой неудачи отказался от попытки форсировать неприятельскую позицию. Он с жаром принялся за работы по возведению укреплений и стал ждать подкреплений, которые ему были обещаны. 14, 15, 16 и 17 сентября высадился герцог Иоркский со второй английской дивизией и с русским корпусом под командованием генерала Германа. Он принял командование над англо-русской армией, достигшей тогда численности в 40 000 человек. Галло-батавская армия, со своей стороны, получила с 10 по 19 сентября 6 000 человек из Франции и 3 000 человек из Голландии; это возместило потери, которые она понесла в боях 27 августа и 10 сентября, и довело ее численность до 28 000 человек, из них 14 000 французов. Следовательно, все указывало герцогу Иоркскому, что времени терять нельзя.

Действительно, 18-го вечером он перешел в наступление. Генерал Аберкромби с 12 000 человек направился к Гоорну, чтобы обойти правый фланг французской армии. Он вошел туда 19-го утром и взял в плен 250 батавских фланкеров, находившихся там для наблюдения. В тот же самый день герцог Иоркский перешел в наступление с остальной армией шестью колоннами. Обе правых, под командованием генерала Германа, были составлены из 12 русских и четырех английских батальонов. Они направились между морем и Алькмаарским каналом. Две центральные колонны, под командованием генерала Дундаса, были сформированы каждая из восьми английских и из трех русских батальонов. Они вышли через селение Краббендам и двинулись на дивизию Дюмонсо. Обе левые колонны, под командованием генерала Пультенея, дви-

нулись на генерала Дэндельса и на удкарспельскую позицию. Полковник штаба Ростоллан, командовавший авангардом французской дивизии, сдерживая генерала Германа в течение нескольких часов на уровне Шоорльдамского моста, отошел в полном порядке на бригаду Гувиона, занимавшую Берген. Генерал Герман атаковал эту деревню и овладел ею штыковым натиском. Генерал Дундас, форсировавший позиции Дюмонсо у селения Варменгюйзен, был задержан редутами, построенными у Шоорльдамского моста. Он оказался далеко позади русской колонны. Вандам воспользовался этим, чтобы окружить Берген. Он ударил на русских в штыки, захватил у них артиллерию, знамена и взял в плен генерала Германа. Несколько других русских генералов было убито и ранено. Генерал Дэндельс, который отражал до сих пор все атаки против своих укреплений, одушевленный победными криками, которые доносились до него из центра и с левого фланга, вышел из своих редутов и двинулся на генерала Пультенея. Он был отражен, однако, со значительным уроном, потерял свою укрепленную позицию и был вынужден отступать через Лангедейкское дефиле. Герцог Иоркский, удрученный тем, что дивизия Германа была разбита, отступил в свой лагерь позади Зейпе. В этот день боя он потерял одну пятую часть своей армии, семь знамен и 26 пушек. Потери галло-батавской армии составляли 3 200 человек убитых и раненых. Генерал Аберкромби тотчас же по получении известия о поражении очистил Гоорн и вернулся в свой лагерь. Эта победа подняла дух и возбудила надежды голландцев. Амстердам, угрожаемый со стороны Зюйдерзее, оборонялся национальной гвардией и 60 французскими канонерками, прибывшими в это самое время из Дюнкирхена. Генерал Брюн, несмотря на свою победу, продолжал укрепляться на своей позиции.

Русская резервная бригада силой в 3 000 человек подкрепила союзную армию, которая была настолько ослаблена от потерь в Бергенском бою и от болезней, производивших громадные опустошения, что в первых числах октября насчитывала только 30 000 человек. Галло-батавская армия получила 7 000 французов и 3 000 голландцев через несколько дней после своей победы. В ней было 30 000 человек, но она ожидала еще подкреплений. Герцогу Иоркскому поэтому приходилось или отказаться от своего предприятия, или снова рискнуть на сражение. 2 октября он выступил четырьмя колоннами: правая под командованием генерала Аберкромби, центральная под командованием генерала Эссена, левая под командованием генерала Дундаса, четвертая под командованием генерала Пультенея. Они были равны по силе, каждая из 12 батальонов; но обе первые состояли из войск, не бывших еще в деле или по крайней мере не понесших чувствительных потерь. Аберкромби и Эссен маневрировали между Алькмаарским каналом и морем. Дундас двинулся на Шоорльдамский мост. Намерением герцога Иоркского было овладеть Эгмондом и обойти Алькмаар по дороге в Кокиль. Это ему не удалось.

Все его атаки на Берген были отражены генералом Гувион. Русской колонне опять был причинен большой урон. Успех этого дня, названного сражением у Алькмаара, был неопределенный; обе армии заночевали на поле сражения. Однако 3-го на рассвете Брюн приказал отступать; отступление произошло в порядке, на глазах у союзников, которые занимали Берген, Эгмонд и Алькмаар, по мере того как Брюн их очищал. Вечером 3-го галло-батавская армия стала на позицию у Бевервейка, лучшую из всех. Там она была усилена шестью французскими батальонами, прибывшими из Франции.

4 и 5-го обе армии оставались без движения одна против другой. Каждый день бездействия шел на пользу французам, получавшим непрерывно новые подкрепления. Герцог Иоркский решился атаковать. У генерала Гувиона левый фланг был примкнут к берегу моря близ Вейк-аан-Зее. Дивизия Буде находилась в центре. Дивизия Дюмонсо составляла правый фланг. Дэндельс был выдвинут вперед за Пермеренд для прикрытия Амстердама. Целый день шел горячий бой. Позиции Баккум, Лиммен и Кастрикум несколько раз переходили из рук в руки. Победа клонилась то на ту, то на другую сторону до тех пор, пока генерал Брюн не повернул ее в свою пользу кавалерийской атакой, чем внес расстройство в ряды противника, который смог собраться только около Эгмонда, оставил большое число пленных, шесть пушек и бросил все свои позиции. Тем временем дивизия Пультенея затеяла переговоры с генералом Дэндельсом, поддавшимся на удочку и не принявшим никакого участия в бою. Исход этого дня, названного сражением у Кастрикума, побудил 7 октября герцога Иоркского отступить на позицию Зейпе. Его армия уменьшилась до 24 000 бойцов; французская армия, более сильная, с каждым днем увеличивалась еще больше; экспедиция не удалась.

15 октября Брюн двинулся вперед. Он занял позицию левым флангом у Кампа на берегу моря, а правым перед Винкелем, на Зюйдерзее, тесно обложив укрепленный лагерь Зейпе, который намеревался атаковать. Но герцог Иоркский предложил капитулировать и выслал с этой целью в главную квартиру генерала Нокса, подписавшего 18 октября алькмаарскую капитуляцию, по которой герцог обязывался в самый короткий срок эвакуировать Голландию, оставить батареи на Гельдере в полном вооружении и освободить 8 000 французских пленных.

Голландия обоснованно потребовала возвращения своей эскадры, но этого не добилась.

Условия конвенции были выполнены со строжайшей точностью. 19 ноября последний эшелон англо-русской армии покинул Голландию. Эта армия из 45 000 человек прекрасных войск потерпела неудачу перед армией, слабейшей по числу и по качеству.

В течение месяца между обеими армиями произошли один бой и три сражения: 1) атака Зейпе, где галло-батавцы были сильнее числен-

но, но англичане располагали укреплениями; это была, собственно говоря, рекогносцировка, где все выгоды были на стороне англичан; 2) Бергенское сражение, решившее участь Голландии: англо-русская армия превосходила численностью на поле сражения, хотя и была ослаблена выделением Аберкромби; 3) Алькмаарское сражение, где обе армии были равны в силах; 4) Кастрикумское сражение, где галло-батавская армия, хотя и сильнейшая на самом театре военных действий, была численно лишь равной противнику, потому что Дэндельс был выделен для прикрытия Амстердама. Англичане и русские — очень хорошие солдаты. Голландцы посредственны, многие из них дезертируют, но в такой стране, как Голландия, где на каждом шагу находятся выгодные и даже непреодолимые позиции, потому что повсюду местность перерезана непроходимыми вброд каналами и болотами, оборона может успешно поддерживаться войсками, уступающими по качеству.

IV

После сражения на р. Треббии австро-русская армия разделилась. Дивизия Фрелиха была послана в Рим. Дивизия Кленау заняла Тоскану и Специю, выдвинув авангард к Сестри, чтобы угрожать Генуе с востока. Две дивизии блокировали и осадили Алессандрию и Тортону. Одна дивизия обложила Кони. Четыре дивизии были выделены в итальянские округа у подножия Сен-Готарда и Симплона, в долину Аосты у подножия Сен-Бернара, в долину Суза у подножия Мон-Сенис. Шесть дивизий стояли в обсервационном лагере Поццоло-Формигаро и у Нови, прикрывая осаду Тортоны и Алессандрии.

9 июля капитулировал форт Урбано. 22-го Алессандрия барабанным боем подала сигнал о сдаче. Гарнизон в 2 700 человек сдался в плен. Эта цитадель была сильная. Осада едва начиналась, но так как эскарп одного из бастионов обрушился от попадания нескольких снарядов, то совет обороны заключил, что проделана брешь, и счел себя вправе капитулировать. Эта крепость могла продержаться еще несколько недель. 30 июля Мантуя также открыла свои ворота всего лишь через семь дней после заложения траншей. Это позволило войскам Края выступить в лагерь Поццоло-Формигаро. Во Франции поднялось всеобщее негодование при известии о сдаче Мантуи. После того как капитуляция была подписана, осаждающая армия, гарнизон и жители объединенными усилиями стали восстанавливать размытые водой дамбы, обеспечивающие оборону крепости.

Эти три неожиданных события улучшили положение австро-русской армии.

Соединение неаполитанской армии с итальянской и прибытие подкреплений из Франции довели численность армии Жубера до 60 000 человек. Генерал Шампионэ в то же самое время принял в Гренобле коман-

дование над альпийской армией силой в 30 000 человек. Эти обе армии вместе могли выставить 70 000—80 000 человек.

13 августа Жубер перенес свою главную квартиру из Кампо-Мароне в долину Бормиды. Его армия состояла из четырех дивизий, по три бригады в каждой. Он ее разделил на два корпуса: дивизии Ватрена и Лабуасьера, под командованием Сен-Сира, выступили из корнильянского лагеря, перевалили через Бокетта и построились в боевой порядок правее Нови на апеннинских отрогах, господствующих над всей равниной. Дивизии Лемуана и Груши, под командованием генерала Периньона, образовали левое крыло; они вышли к Акви, повели сильную атаку на корпус Бельгарда и оттеснили его. 14-го ими была занята позиция, примыкавшая левым флангом к селению Пастурана, правым — в направлении к Нови. Главная квартира оставалась в Капри. Главнокомандующий вечером отправился в Нови, где собрал военный совет. Суворов, предупрежденный движением Периньона, успел собрать свою армию, которую расположил левым флангом у р. Скривия, правым — в Боско, с главной квартирой в Поццоло-Формигаро. Жубер узнал о взятии Мантуи и о прибытии Края. Сражение ему и всем генералам казалось бесцельным. В армии недоставало кавалерии, чтобы спуститься в равнину и использовать успехи, каких могла добиться пехота. Он отложил окончательное решение до следующего дня, но противник его предупредил и атаковал.

Правый фланг Суворова под командованием Края и левый фланг под командованием Меласа состояли из австрийцев, центр — из русских. Эта армия была на одну пятую сильнее пехотой, чем французская армия, и в три раза превосходила ее кавалерией. 15 августа на рассвете Край атаковал левый французский фланг у Пастурана. Жубер спешно направился туда. Его армия была расположена неудобно для принятия сражения: она вытянулась в одну линию на расстоянии больше чем 6 000 туазов, от селения Пастурана до р. Скривия. Он стал во главе одной бригады на левом фланге и двинулся на противника с целью остановить его успешное продвижение вперед. Одна из первых пуль поразила, однако, Жубера в сердце. Он упал мертвым. Моро, находившийся еще при армии, принял командование над ней и в течение всего дня отражал натиск Суворова. Три раза русские наступали на Нови, чтобы овладеть этим городком, и три раза они были отражены. При третьей атаке генерал Ватрен сошел со своей позиции, спустился в равнину, охватил их левый фланг, опрокинул его и преследовал на протяжении трех четвертей лье. Мелас воспользовался движением вперед дивизии Ватрена и спешно двинулся на позиции, с которых тот сошел. Генерал Люзиньян с авангардом выдвинулся вперед на шоссе из Нови в Геную и перехватил его у французской армии. Сен-Сир тотчас же бросился туда, атаковал и разбил Люзиньяна, захватив его самого в плен. Мелас, однако, не пал духом. Ватрен не смог вновь отнять свои

позиции. Было 5 часов вечера. Моро распорядился начать отступление и повел его, удлинив боевую линию влево и по дороге из Пастурана в Гави. Генерал Периньон с дивизией Груши прикрывал отступление. Он ночью был еще перед Пастурана, сдерживая натиск противника, но наконец, окруженный со всех сторон и раненый, был взят в плен; так же как Груши и Колли. Половина обозов и зарядных ящиков попала в руки победителя. Армия собралась у Гави и заняла свои прежние позиции. Потери австро-русских армий были очень велики. До момента отступления они вдвое превосходили потери французов.

Шампионэ начал свое движение 13 августа. Дивизия Кампана перевалила через Малый Сен-Бернар, овладела после штурма тюильским лагерем и заняла долину Аосты. Другая дивизия спустилась с Мон-Сениса и стала на позиции выше Суза. Третья дивизия спустилась в долину Аосты; четвертая прошла через Аржентерский перевал и овладела Баррикадами. Но эти движения запоздали. Когда Суворов об этом узнал, сражение у Нови уже решило судьбу кампании. 16 августа Суворов перенес свою главную квартиру в Асти. Край остался командующим войсками лагеря Поццоло. Мелас направился на Бра, наблюдая за блокадой Кони. После этого русская армия двинулась в Швейцарию, согласно общему плану войны, принятому коалицией.

Из всех крепостей, которыми французы владели в Италии, у них остались только Тортона и Кони. Все остальные сдались. Тортона согласилась сдаться 1 сентября. Сошлись на том, что она откроет свои ворота 11-го, если до этого числа не прибудет выручка. Моро, временно командовавший итальянской армией, решил спасти эту крепость: 9 сентября с 30 000 человек он направился к Серравале и Нови. Край его тотчас же атаковал обсервационной армией и оттеснил. Моро, потерпев неудачу, занял свои прежние позиции, и 11 сентября Тортона открыла свои ворота. Ключи были вручены Суворову, который непосредственно за тем отправился на почтовых для присоединения к своей армии, уже подошедшей к подножиям Сен-Готарда. Мелас принял командование армией.

Шампионэ перешел в наступление своими четырьмя дивизиями, чтобы помочь операциям Моро. Дюгем из Аосты направился на Шатильон. Он был остановлен фортом Барда. Только легкие войска прошли через перевал и приблизились к Иврее. Сузская дивизия подошла на несколько лье к Турину, но там была задержана. Шампионэ перенес свою главную квартиру в Пиньероль, вступил на равнину и с 8 000 — 9 000 человек прошел вперед к Фоссано на р. Стура. Это заставило Меласа снять блокаду Кони. Край, разбив Моро, тотчас же поспешил на помощь Меласу. Соединившись, они двинулись на Фоссано, 18 сентября разбили Шампионэ и отбросили его за Альпы. После этого Край возвратился в Поццоло, а Мелас — в свою главную квартиру в Тринита, в 3 лье от Кони, причем он снова обложил эту крепость. Командование

было вверено Шампионэ, прибывшему в Геную 20 сентября. Он разделил свои войска на три корпуса: Сен-Сир командовал правым флангом, силой в 15 000—16 000 человек, и ему было поручено оборонять Бокетта, Геную и ущелья Бормиды; Дюгем с левым флангом, составленным из частей, входивших в альпийскую армию, оставшихся свободными, то есть с 12 000—15 000 человек, расположился в Бриансоне; с центром, образованным из дивизий Лемуана, Виктора, Мюллера и Гренье, силой около 25 000 человек, Шампионэ двинулся вперед к Кони, чтобы помешать Меласу вести осаду этой крепости — единственной оставшейся у французов в Италии; сохранение этой крепости для них было очень важно. Намерением Шампионэ было также зазимовать в равнинах Пьемонта, чтобы можно было с началом весны предпринять наступление, не переходя Альпы. Мелас упорно продолжал осаду Кони, но ему пришлось в этом раскаяться: его линии между Стура и Пезио были форсированы. Он был разбит у Вилланова, у Мондови и у Карру, был вынужден очистить весь правый берег Стуры и покинуть свою главную квартиру в Тринита. Свою армию он собрал на левом берегу Стуры.

Со своей стороны, Дюгем спустился с горы Женевр, овладел Пиньеролем и Салуццо. Шампионэ для облегчения соединения с ним выступил из Кони, двинулся 3 ноября на Савильяно с дивизиями Гренье и Мюллера, оставив дивизию Лемуана в Карру на правом берегу Стуры, и приказал Виктору, шедшему на Мондови, двинуться на Фоссано, чтобы переправиться там через Стуру и присоединиться к армии. Фоссано было обеспечено от захвата врасплох. Мелас собрал все свои силы между этим городом и Маренном. 4 ноября на рассвете он двинулся тремя колоннами на Савильяно. Дивизия Гренье, атакованная дивизиями Отта и Митровского, не могла сопротивляться. Она была отброшена на Кони. Виктор по прибытии к Фоссано был атакован дивизиями Эльсница и Готтесгейма. Дюгем прибыл к Савильяно только через четыре часа после того, как был отброшен Гренье. Он оказался в тылу у противника. После двух часов колебаний он отступил сначала на Салуццо. Атакованный на этой позиции генералом Каймом, он продолжал свое отступление к Пиньероль и перевалил обратно через гору Женевр. Шампионэ собрал дивизию Гренье в Труччи, дивизию Виктора — в Мороццо. Дивизия же Лемуана оказалась отрезанной от Кони. Некоторые из ее полков были вынуждены сложить оружие. 6 ноября Эльсниц взял лагерь Мадона-дель-Ольмо у подножия Тендского перевала. Гренье укрылся в лимонском лагере, где был атакован. 12-го он очистил Ормеа и Понте-ди-Нава. 16-го генерал Соммарива взял Аржентерский перевал. 15-го Провера вошел в графство Ницца. Несчастный день 4-го, названный сражением у Женола, обошелся французам в 8 000—9 000 убитыми и ранеными и всех привел в уныние. Армия, отброшенная за Альпы и Апеннины, оказалась разделенной на три части. Шампионэ последовательно переносил свою главную квартиру в Пьетра и в Соспело. Мелас

осадил Кони, держа обсервационные корпуса на Тендском перевале и у Мондови, и расположил свою главную квартиру в Борго-Сан-Далмаццо. 5 декабря Кони открыла свои ворота. Гарнизон, силой в 2 600 человек, сдался в плен.

В направлении Генуи передвижения Сен-Сира были приостановлены Краем, а все атаки, какие Кленау, выйдя из Специи, пытался вести против Генуи, были отражены Сен-Сиром. 15 октября Кленау двинулся на Рекко, в 4 лье от Генуи, связывая свою операцию с Нельсоном, имевшим на своих судах десантные войска. Генерал Миоллис овладел позициями у Рекко, разбил Кленау и отбросил противника за р. Магру, захватив у него несколько тысяч человек в плен. Освободившись таким образом от Кленау, Сен-Сир перешел через Бокеттский перевал, двинулся на Нови и отбросил от Ривальта дивизию Карачая, но 2 ноября спешно прибыл Край и двинулся на Акви, чтобы помочь действиям Меласа. 3, 4 и 5 ноября он отбросил Сен-Сира от Ривальта и вытеснил его из Нови, которая им была занята. 6-го Кленау двинулся снова вперед. Он был отброшен за Магру генералом Арно. В декабре Край возымел надежду изгнать французов из Генуи, но, остановленный бокеттской заставой, он приказал Кленау двинуться вперед и атаковать правый фланг этой позиции. 21 декабря этот генерал атаковал и оттеснил Арно и овладел Торрильей. Положение Сен-Сира сделалось критическим. 14-го он сам атаковал противника, отогнал его за Магру и взял несколько тысяч пленных. В это время им были получены значительные подкрепления: часть войск, разбитых у Женолы, и тех, что принадлежали к альпийской армии. Мелас тогда же понял, что ему нельзя выполнить свое намерение, не начав новой кампании. Он решил перейти на зимние квартиры и дать отдых войскам, предполагая открыть действия в первых числах февраля. Обе армии расположились на зиму. Французы на генуэзской Ривьере занимали Ла-Бокетта, Апеннинский хребет до Альп и Альпийский хребет до Большого Сен-Бернара; австрийцы занимали Пьемонт, долину Аосты, Суза, Пиньероль и т. д. и позиции со стороны Италии ниже главного хребта. Французам пришлось плохо на генуэзской Ривьере из-за недостатка перевозочных средств и фуража. В госпиталях началась эпидемия; наступил чрезвычайный упадок духа. Полки бросали свои позиции и уходили за р. Вар. Единственно воззвания первого консула, его имя, помощь, которую он выслал, смогли приостановить разложение. Армия стала реорганизовываться. Вместо того чтобы открыть кампанию в феврале, Мелас начал ее только в апреле, как это будет видно при изложении кампании 1800 г., настолько же славной для Франции, насколько кампания 1799 г. оказалась пагубной.

Шампионэ умер от горя и тревог в начале февраля. Уроженец Валанса в Дофине, он отличился в самбро-маасской армии, где его дивизия была одной из выдающихся. Он был храбр, исполнен ревностного

усердия, предприимчив, предан родине. Он был хорошим дивизионным генералом, но посредственным главнокомандующим.

10 февраля Массена прибыл в Геную для того, чтобы принять там командование армией.

V

Первое замечание. *Планы кампании.* 1. План действовать четырьмя армиями в Италии, в Швейцарии, на Рейне и в Голландии, объединяя по возможности в каждой армии войска одной и той же национальности, был сам по себе хорошим. Но к его исполнению следовало приступить либо в начале, либо в конце кампании. Во время пребывания на зимних квартирах передвижения производятся без затруднений, и у штабов есть время изучить местность, знать которую очень важно.

2. Русских следовало послать на Нижний Рейн, поручив австрийцам Швейцарию и Италию. Русские не приспособлены для действий в Италии.

3. Вторжение в Голландию с 45 000 человек удалось бы, если бы войска действовали объединенно и без замедления двинулись бы на Амстердам в самый день высадки. Герцог Иоркский вошел бы в эту столицу в ту же неделю. Но так как 15 000 человек армии высадились на 21 день раньше, чем 30 000 других, то не было возможности надеяться на что-либо хорошее от такой комбинации, и этого одного было почти достаточно, чтобы экспедиция не удалась. Сент-джемскому кабинету не повезло тем, что он принял такую комбинацию.

4. Движение эрцгерцога к Нижнему Рейну было преждевременным. И не опасности, которым могли подвергнуться Филиппсбург и Германия, повлияли на его решение, а желание не опоздать и во-время поддержать действия армии герцога Иоркского. Потеря Швейцарии и поражение Корсакова были следствием ошибочного движения эрцгерцога. Это должно быть отнесено на счет англичан. Таким образом, в 1799 г., как и в 1800 г., вмешательство их армии погубило коалицию.

5. Альпийскую и итальянскую армии надлежало бы объединить под командованием одного и того же начальника. Отсутствие согласованности между этими двумя армиями оказалось гибельным. Планы, принимаемые в Париже, противоречили всем правилам военного искусства. Так как война является искусством исполнения, то все сложные комбинации в ней должны быть отброшены. Простота есть первое условие хорошего маневра. Лучше сделать тремя или четырьмя переходами больше и собрать свои колонны позади и дальше от противника, чем производить их сосредоточение у него на глазах.

Второе замечание. *Массена*; *Лекурб*. 1. После ухода Бельгарда в Италию гельветская армия французов стала более сильной, чем австрийская. Массена должен был воспользоваться громадными успе-

хами, которые его правый фланг одержал 14, 15 и 16 августа. Успех Массена был бы обеспечен, если бы он приказал Лекурбу маневрировать на правом берегу Линта и Цюрихского озера, остальную же свою армию сосредоточил на Лиммате и переправился с нею через эту реку. Он разбил себе нос о цюрихские укрепления; очевидно, что для разгрома австрийцев до прихода русских следовало бы переправиться через Лиммат.

2. В нижнерейнской армии Лекурб перешел за Рейн с 20 000 человек. Он обложил Филиппсбург. Хотел ли он взять Филиппсбург? Но, во-первых, у него не было осадного парка; во-вторых, эта осада продолжалась бы 30—40 дней, а наступила уже поздняя осень; в-третьих, он не мог надеяться на захват такой важной крепости со столь недостаточными силами в четырех переходах от всей армии эрцгерцога. Следовало предварительно отогнать его не только до Донауэшингена, но даже от Ульма и отбросить за Лех. Для того чтобы взять эту крепость, нужно было прикрыться контрвалационными линиями. Этого он не сделал. Эрцгерцог мог быть отброшен за Лех только комбинированным движением с гельветской армией, и в этом случае было бы лучше, чтобы нижнерейнская армия вместо операций на крайнем правом фланге эрцгерцога Карла, за 50 лье от гельветской армии, действовала, не отрываясь от главной армии.

3. С 10 октября по 15 ноября, в течение 35 дней, Массена бездействовал, а тем временем Лекурб, хотя и потерпевший неудачу, вынудившую его снять осаду Филиппсбурга, начал действовать во-всю и притом против двойного превосходства. Он легкомысленно рисковал быть сброшенным в Рейн или в Неккар. Все ему подсказывало оставаться спокойно на левом берегу Рейна, чтобы увеличить свою армию, сколотить и дисциплинировать ее. Если ему хотелось во что бы то ни стало произвести диверсию, для этого не нужно было блокировать Филиппсбург или вторгаться в Германию с малыми силами. Он добился бы своего, основательно укрепившись на одном из пунктов правого берега, перед Келем или перед Мангеймом, соорудив здесь укрепленный лагерь сначала на 20 000, а затем на 30 000—40 000 человек. Это обеспокоило бы эрцгерцога Карла, облегчило бы операции гельветской армии и держало бы всю Германию в тревоге. Подобный род диверсии сходен с методом ведения войны Массена, который после Цюрихского сражения перешел к обороне. Когда главные силы неподвижны, отдельный и второстепенный отряд не должен производить диверсию активным или наступательным выдвижением. Он должен согласовать свой образ действий с главными силами и оказывать воздействие на театр военных действий оборонительным поведением, заняв позицию, которая сама по себе была бы угрожающей. Хорошо организованная армия может нарыть в течение трех дней столько земли, накопать таких хороших рвов, окружить себя столькими палисадами, кольями, рогатками и т. д.,

столько свести в батареи артиллерийских орудий, что сделает неприступной свою оборону. Армия в 20 000 человек может без помощи местных жителей в три дня вырыть 30 000—40 000 кубических туазов земли. Около Рейна генерал Лекурб мог бы с успехом использовать воду и лесной материал.

Третье замечание. *Голландия*; *герцог Иоркский*. 1. Генерал Аберкромби занимал около 20 дней позицию Зейпе, сначала 12 000 человек, затем 17 000. Его целью было: 1) прикрыть проход тексельского рейда, где должны были высаживаться остальные дивизии армии; 2) обеспечить английским эскадрам и флотилиям вход в Зюйдерзее и посеять панику до самого Амстердама. Но для выполнения этой цели ему не было необходимости выдвигаться на Зейпе. 10 сентября он был атакован галло-батавской армией силою в 25 000 человек. Если бы он был разбит и с трудом добрался бы до Гельдера, все планы Лондонского и С.-петербургского кабинетов были бы опрокинуты. Этот генерал своим образом действий еще больше усугубил недостатки плана кампании. Тотчас же после своей высадки он должен был занять позицию на линиях Гельдера, построить редуты на дюнах Морлана и заводнить местность. Тогда его нельзя было бы одолеть. На этой позиции, под защитой огня своей эскадры, он держал бы в своей власти вход в Зюйдерзее. Под его прикрытием смог бы высадиться герцог Иоркский. Только тогда, собрав свою 40-тысячную армию, ему следовало двигаться вперед.

2. Англо-батавской армии 10 сентября не удались атаки на Зейпе. Если и случается иногда, что 17 000 человек разбивают 25 000, то это не оправдывает безрассудства тех, кто без оснований вступает в такой бой. Когда армия ожидает подкреплений, утраивающих ее силы, она не должна ничем рисковать, чтобы не сорвать успеха, вполне вероятного после сосредоточения всех ее дивизий. Однако, если бы генерал Брюн атаковал Зейпе, он одержал бы успех. Всякая отступающая армия может быть атакована только тогда, когда ее положение хорошо разведано. Галло-батавская армия, следовательно, должна была 10 сентября занять позицию на расстоянии пушечного выстрела от Зейпе. Это движение закончилось бы к полудню. Ее главнокомандующий должен был употребить остаток дня и следующий день на разведку, на обдумывание, на разработку своего плана атаки, на инструктирование генералов и командиров колонн, на заготовление фашин, настилочных досок, мостов, снастей. Тогда выяснилось бы, что правый фланг противника, между морем и селением Краббендам, на протяжении более 3 000 туазов является самой сильной частью позиции, так как у подножия дамбы Зейпе протекает широкий и глубокий канал Алькмаара; что этот город обстреливается с фрегатов и канонерок фланговым огнем, а от селения Краббендам до селения Сен-Маартен 1½ лье и, наконец, от Сен-Маартена до больших заводняемых полей Зюйдерзее 2 лье.

Угрожая правому флангу, нужно было атаковать на самом деле только около Сен-Маартена тремя линиями, в 200—300 туазах одна от другой. Противник, захваченный врасплох таким сосредоточением сил на рассвете, не мог бы оказать никакого серьезного сопротивления. Видя, что его крайний левый фланг прорван, обойден, угрожаем с тыла, противник со всей поспешностью отступил бы на Гельдер, вынужденный во время этого передвижения вести бой. Начальник артиллерии галло-батавской армии должен был выставить для этой операции восемь или десять 12-фунтовых и гаубичных батарей, помимо обычного артиллерийского вооружения армии, чтобы атаке предшествовала сильная канонада и были приведены к молчанию полевые орудия противника. Начальник инженерной части должен был доставить: 1) значительное число судов и других средств для наводки через каналы в течение нескольких часов ряда мостов; 2) инструменты и земляные мешки, необходимые для быстрого устройства ложементов и для всяких других работ, какие потребуются в зависимости от обстоятельств. Если бы генерал Аберкромби занял позиции на Гельдере, он избежал бы тех трудностей, с которыми ему пришлось встретиться.

3. Герцог Иоркский проиграл Бергенское сражение, которое он должен был выиграть, потому что накануне, с целью обхода галло-батавской армии, он выделил Аберкромби к Гоорну с 15 000 человек, то есть третью часть своей армии. 19-го во время сражения Аберкромби находился в 7 лье от линии огня, мирно расположившись у Гоорна. Все правила войны осуждают подобные выделения, особенно в таких странах, как Голландия, где одна разрушенная дамба представляет непреодолимую преграду между выделенным отрядом и армией. В результате получилось, что, имея 40 000 человек, герцог Иоркский дал сражение только с 25 000 человек, то есть силами, равными или даже меньшими, чем силы, которыми располагала галло-батавская армия. Если бы он поставил Аберкромби на правом, а не на левом фланге, во второй линии позади Германа, он ночевал бы через несколько дней в Амстердаме и водрузил бы там оранжистский флаг.

4. Во время сражения три атакующие колонны — Германа, Дундаса и Пультенея — были отделены одна от другой естественными преградами, и по мере того как русский генерал Герман двигался вперед, его положение становилось все более тяжелым, так как Алькмаарский канал, отделявший его от остальной армии, отходил постепенно от моря. В конце концов у этого генерала оба фланга оказались открытыми, и он не мог 16 батальонами прикрыть 3 лье пространства между морем и Алькмааром. Центр и левая колонна армии не могли выдвинуться вровень с ним вследствие наличия каналов и других местных препятствий, благоприятствовавших сопротивлению галло-батавцев. Вместо этого ошибочного расположения герцогу Иоркскому следовало маневрировать тремя дивизиями уступами, а именно: Герман впереди, упираясь в море;

Дундас в центре, позади; Пультеней еще более сзади, примыкая левым флангом к каналу. С подходом Германа на уровень Бергена левый эшелон прибыл бы на уровень селения Шоорльдам. К 9 часам утра Герман вошел бы в Алькмаар, захватив главную квартиру французской армии, ее парки и пути сообщения. Ужас и беспорядок распространились бы в центре и на левом фланге, где командовали Дюмонсо и Дэндельс, которые поспешно бросились бы отступать по пересеченным участкам местности, тогда как ружейный и пушечный огонь Германа велся бы уже в 2 лье на их тылах.

5. Эгмондское и Кастрикумское сражения были бесполезны: Бергенским сражением решилась участь кампании. Французская армия получила много подкреплений; большое число батальонов находилось в пути. Массена разбил у Цюриха 24 сентября крупную армию союзников, и это вынудило эрцгерцога покинуть Нижний Рейн и отступить на Дунай без австрийской армии на Нижнем Рейне. Между тем англо-русская армия не могла бы удержаться в Амстердаме; она была обречена на поражение. В Эгмондском сражении герцог Иоркский принял лучшее расположение, но было уже слишком поздно.

Четвертое замечание. *Голландия*; *Брюн*. 1. Генерал Брюн потерял десять последних дней августа в досадных колебаниях. Чтобы принять решение, он выжидал более надежных сведений о намерениях противника. Он считал, что лучше действовать медленно, чем действовать наобум. Такая осмотрительность была тут неуместна: не могло быть никакого сомнения о месте атаки англичан. Им хотелось захватить Голландию; они могли это сделать, лишь овладев Зюйдерзее, а для этого им нужен был Гельдер.

В самом деле, Голландия — открытая равнина, имеющая форму ромба, в углах которого лежат Флиссинген, Тексель, Дельфзейль и Нимвеген. Сторона Тексель — Флиссинген — 45 лье; Флиссинген — Нимвеген — 35; это дает 1 575 кв. лье пространства, из которого 400—500 кв. лье приходится на внутреннее море Зюйдерзее. Голландия лежит при слиянии Шельды, Мааса и Рейна. Воды этих трех больших рек переплетаются широкими рукавами, и сообщение между ними ведется по большому числу каналов. Пресные воды отделяются от океана системой тщательно устроенных дамб, которые во время отлива позволяют этим водам стекать в море, а во время приливов задерживают морские волны и препятствуют им затоплять страну. Голландия вообще в значительной части находится ниже уровня морских приливов, и если бы она не была обеспечена дамбами и шлюзами, она покрывалась бы морской водой два раза в сутки. Батавия составляла часть Галлии; географически она является частью Франции. Шельда отделяет ее от Нидерландов, Эмс — от Германии. Это естественное складочное место на пути с севера на юг Европы по большим артериям: Рейну, Маасу, Шельде и Эмсу через порты Флиссинген, Роттердам и Амстердам. Этот последний город

долгое время был столицей торгового мира. Бельгийское зерно и уголь, лесные плоты с Рейна и его притоков были главными источниками богатства Голландии и образовали естественные и составляющие ее особенность отрасли торговли. Маас и Рейн, ее границы с Францией, инженерным искусством превращены в грозные преграды. Наиболее удобной военной дорогой для входа в Голландию французских армий является дорога на Нимвеген и Утрехт.

Со стороны моря Голландия может быть атакована по Шельде (Эско), Маасу и Зюйдерзее. Армия, высаживающаяся на Шельде, задерживается сначала Флиссингеном, фортом Бат и Бероп-Зоом. При этом нужно преодолевать рукава Восточной Шельды и Мааса. Если высадка произойдет по Маасу, то армия будет остановлена крепостями Гельветслюисом, Бриеллем и несколькими рукавами Мааса. От Мааса до Гельдера берег низкий, окаймленный дюнами, без всяких признаков рейда, бухты или порта. Для овладения Голландией нужно овладеть Амстердамом, и всякая армия, имеющая подобное намерение и прибывающая морем, должна отправиться на Гельдер. Овладев этим пунктом, она овладеет Тексельским проходом и всем Зюйдерзее.

Зюйдерзее составляет внутреннее море с многочисленными портами, в которые выходят каналы, сообщающиеся со всеми пунктами Голландии. Зюйдерзее омывает стены Амстердама. Суда, сидящие глубже 16 футов, плавают на нем с трудом. Это обстоятельство побудило голландских инженеров-конструкторов придавать своим кораблям и фрегатам круглую форму с осадкой только на 16—18 футов. Это огромное неудобство; оно отнимает у них быстроходность. Корабли голландской конструкции неспособны бороться против кораблей французской и английской постройки. Амстердамские верфи, где строятся боевые корабли, вынуждены переправлять остовы судов в порты Медемблик или Ниве-Дип и только в этих последних портах доканчивать их вооружение. В то время, когда Голландия входила в империю, на амстердамских верфях закладывались 74- и 80-пушечные корабли французского образца, сидящие в воде на 23—24 фута. Их также переправляли в Ниве-Дип и Гельдер на понтонах. Ниве-Дип рассматривался императором как ключ к Голландии, который надо обеспечить прочной крепостью, прикрывая ею арсенал и верфи и защищая от кораблей неприятеля Тексельский пролив, вход в Зюйдерзее и рейд. По другим проливам малые суда свободно проходили в Зюйдерзее, но фрегаты и 74-пушечные корабли могли туда проникнуть только по Гельдерскому проливу, идя вдоль суши. Со времени завоевания Голландии в 1793 г. было осознано значение Гельдера, но французские и голландские инженеры последовали ошибочной системе. Они возвели на этом пункте укрепления такого огромного протяжения, что для их обороны потребовалась бы целая армия. Эта же армия, расположенная, таким образом, против неприятеля, владеющего морем, произведшего высадку и захватившего Тексель,

оказалась бы окруженной и вынужденной к капитуляции в короткое время. В 1811 г. император распорядился соорудить небольшой шестиугольный форт Ласалль, прикрытый рвами, наполненными водой; он обошелся в 1—2 миллиона. Он защищал многочисленные береговые батареи, расположенные на крайней оконечности Гельдера для защиты пролива, рейда и эскадры. В 1814 г. выдающийся адмирал Верхюель с 7 000—8 000 французов заперся в этом форту и продержался там несколько месяцев, владея проливом и рейдом, хотя внутренние восстания привели к падению Амстердама и остальной Голландии. Будь этот форт возведен на 20 лет раньше, две голландские эскадры, взятые англичанами и сдавшиеся им, были бы спасены.

В 1799 г. этого форта, однако, не существовало. Линии Гельдера не значили ничего в случае высадки с юга. Следовательно, именно около Гельдера должна была высаживаться английская армия, чтобы овладеть линиями и батареями, защищающими проливы, так как она вследствие этого оказывалась с первых же минут господствующей над Текселем и стоящей на Зюйдерзее голландской эскадрой. Голландский адмирал не имел возможности укрыться в амстердамском порту, потому что для этого ему пришлось бы разоружить свои корабли и поставить их на понтоны. Следовательно, галло-батавский главнокомандующий, как только голландская директория прислала ему извещение, что английский флот с десантными войсками показался у Гельдера, должен был немедленно перенести свою главную квартиру к Гельдеру и быстро направить туда дивизии Дэндельса, Дюмонсо и Вандама. Они могли прибыть туда 27-го и сбросить в море авангард Аберкромби в момент его высадки. Таким образом были бы спасены Гельдер и эскадра, а экспедиция свелась бы на-нет.

2. Генерал Дэндельс прибыл 25-го в Гельдер со своей дивизией, силой в 10 000 человек. У него имелось 48 часов для подготовки атаки на местность, где хотел произвести высадку английский адмирал. Он мог со своими 10 000 человек произвести земляные работы и выставить 40—50 орудий. Он должен был, во-первых, занять верхний гребень дюн восемью или десятью редутами, поставив на каждый четыре-пять орудий и придав 2 500 человек для их обороны; во-вторых, разделить остальную часть своей дивизии на три бригады по 2 500 человек: одну резервную, для поддержки редутов; две другие, каждая с девятью пушками, для движения на противника справа и слева, лишь только он вступит на сушу и суда будут вынуждены прекратить свой огонь. Можно думать, что подобный способ действий увенчался бы успехом. Эти 50 орудий можно было взять в Гельдере, где их было большое количество. Отряды голландской эскадры могли помочь расстановке орудий и даже обслуживанию их (батарея в двадцать 24-фунтовых и 36-фунтовых орудий и десяток больших мортир могла с большим успе-

хом действовать против линии стоящих на якоре канонерок), а картечь 68 пушек уничтожила бы высаживающиеся на берег войска.

3. В Бергенском сражении генерал Брюн должен был на своем левом фланге, между морем и каналом, расположить не только дивизию Вандама, но также и дивизию Дюмонсо. Дивизии Дэндельса было бы достаточно для обороны участка, расположенного на правой стороне Алькмаарского канала.

4. Восемь дней, с 11 по 19-е февраля, галло-батавская армия напряженно трудилась над возведением укреплений, но укрепления возводились бессистемно. Инженерные офицеры дивизий построили редуты на дамбах и забаррикадировали селение. Начальник инженерной части армии и главнокомандующий не озаботились о создании какой-либо центральной системы укреплений и опорного пункта, где вся армия могла бы собраться и внушить уважение своей позицией и готовностью сражаться. Английская армия являлась значительно более сильной, чем галло-батавская, и нельзя было серьезно рассчитывать помешать ее продвижению между каналом и морем на протяжении 2—3 лье, потому что любой редут, возводимый на песке, хуже, чем всякие другие и без того слабые полевые сооружения. Не то было на правом берегу канала, где можно повсюду прикрыться рвами, наполненными водой, и иметь возможность заводнить местность, а это представляет несравненно лучшую защиту. Там можно было быть почти обеспеченным от всякой открытой атаки. Следовало соорудить по обеим сторонам канала достаточно большой укрепленный лагерь, чтобы вместить армию. Следовало заводнить местность около него и укрепить его всеми средствами инженерного искусства. Три моста на этом канале позволили бы маневрировать на обоих берегах и двигаться на тылы или на фланги противника, если они у него не обеспечены. После борьбы за каждый проход на том и другом берегу войска, сосредоточившись в этом лагере, держали бы под угрозой удара всю неприятельскую армию.

5. На следующий день после Эгмондского сражения генерал Брюн поступил сообразно с правилами войны, очистив свою позицию и заняв Бевервейкскую позицию.

6. После Бергенского, Эгмондского и Кастрикумского сражений, с подходом новых подкреплений, которые должны были быть получены батавской армией и которые еще находились на марше, наконец, после цюрихской победы Алькмаарская конвенция должна рассматриваться как ошибка. Стояла половина октября. Море в этих местах было уже очень бурное. Герцог Иоркский насчитывал только 25 000 солдат; 16 000 человек было выведено из строя в сражениях и от болезней. Зейпе — хорошая позиция, но она не такова, чтобы обеспечить разбитую и уступающую по силе армию от хорошо продуманных, напряженных и поддержанных многочисленной артиллерией атак. Брюн имел в своем распоряжении в гельдерском арсенале 300—400 12-фунтовых пушек,

гаубиц и мортир Кегорна. В Амстердаме и посредством реквизиции можно было достать запряжки; впрочем, для подвоза боевого снаряжения хватало бы и каналов. Имелось 40 голландских канонирских рот в крепостях и 100—150 орудий трех калибров, кроме полевого артиллерийского вооружения армии. При всех этих средствах Зейпе представлялся для англо-русской армии слабым обеспечением. Она была бы с него сбита и в беспорядке отброшена на Гельдер. Когда среди войск начинает распространяться замешательство, то последствия его бывают неисчислимы — и для английской армии еще больше, чем для всякой другой. Брюн предпочел последовать поговорке: «Стройте противнику золотой мост».

Он провел кампанию умно. Его армия постоянно была слабейшей и по числу и по качеству, кроме сражения у Кастрикума. У англичан и русских были отборные войска. Голландские войска, наоборот, были в большинстве плохие. Много немцев дезертировало.

Пятое замечание. *Италия*; *Жубер*. 1. Генерал Жубер увеличил недочет плана кампании, перейдя в наступление итальянской армией на шесть-семь дней раньше, чем Шампионэ начал свои действия и произвел диверсию, вынудившую Суворова выделить против него отряд из своего лагеря в Поццоло.

2. Желая дать сражение перед Нови, Жубер должен был предварительно вновь захватить небольшой форт Серравале, сдавшийся 7 августа. Заняв его, неприятель пересек бы одну из дорог от Нови до Генуи, выдвинул бы сторожевую заставу на тылы французов и получил бы опорную точку на своем правом фланге, который не был обеспечен.

3. Левый фланг французской армии не должен был выходить через Бормиду и соединяться со своим правым флангом у Нови, на равнине, перед лицом противника. Он должен был бы сделать это за Ла-Бокетта, а соединившись с правым флангом, выйти к Нови. Это основывается на принципе, не допускающем исключений, что всякое соединение главных сил армии должно производиться позади и вдали от противника. Правый и левый фланги могли быть атакованы и разбиты поодиночке, когда они находились еще далеко один от другого. Было важно скрыть от противника наступательное движение армии. Если бы левый фланг вышел через Ла-Бокетта, он прибыл бы 14-го вечером к Нови. Атакованный 15-го, Суворов был бы застигнут врасплох, и у него нехватило бы времени сосредоточить свои силы. Французская армия заняла бы позицию, имея Нови в центре и став перпендикулярно своему пути отступления из Нови в Геную. Фронт в 1 лье был бы для нее достаточен, а именно: 1 200 туазов между Нови и Скривией для ее правого фланга и 1 200 туазов для левого фланга. Тогда ее боевой порядок расположился бы в три линии. По своим силам армия могла занять пространство в 5 000 туазов; значит, первая линия могла быть 2 200 туазов, вторая — 1 800 туазов и третья — 1 000 туазов.

4. Таким образом построенная армия была бы в состоянии вести наступление и оборону, и ее главнокомандующий ни в каком случае не оказался бы вынужден принимать сражение на такой сильной позиции. Движение влево через Акви вынудило его защищать в качестве операционной линии шоссе из Каприата в Пастурана и оставить 3 000 человек на различных пунктах для обеспечения этой линии. Между тем занятие селения Пастурана, удаленного на 4 500 туазов от Нови, слишком растягивало его линию, которая оказывалась растянувшейся на 5 700—6 000 туазов, то есть почти вдвое больше, чем следовало, судя по числу выделенных войск на крайнем левом фланге. Шоссе из Нови в Геную оказалось под ударом, так как 1 200 туазов от Нови до Скривии оборонялись только дивизией Ватрена, могущей прикрывать лишь 1 000 туазов.

5. Движение Ватрена, когда он бросил свою позицию, чтобы, спустившись в равнину, ударить во фланг русских, атакующих Нови, было бы очень хорошо, если бы он произвел его с первой линией и оставил вторую линию с резервом на позиции. Оно было неблагоразумно при данном растяжении боевого порядка армии.

6. Выдвижение Меласа между Скривией и Нови не должно было вынудить к отступлению. Было всего 5 часов вечера, и французский главнокомандующий мог атаковать Меласа. Впрочем, вино было откупорено, следовало его выпить; нужно было выждать ночи. Отступление армии на Пастурана получилось гибельным, — оно и не могло быть иным. Следовательно, нужно было оставаться у Нови и здесь драться. Было совершено самое худшее, что только могло быть сделано. Будь Жубер жив, он не отдал бы приказа об отступлении, и поле сражения осталось бы за французами. На войне никогда не нужно делать добровольно того, что является худшим из могущего произойти.

Шестое замечание. *Альпийская армия; Шампионэ.* 1. Чтобы произвести диверсию, Шампионэ разделил свои 25 000 человек на четыре дивизии: первая вступила в долину Аосты, вторая перешла через Мон-Сенис и прибыла в Суза, третья перевалила через гору Женевр, четвертая двинулась по Аржентерскому перевалу и овладела Баррикадами. Столь слабыми атаками нельзя было испугать и обмануть противника. Но если бы эти четыре дивизии были собраны на Мон-Сенисе, комбинированными движениями позади гор, затем спустились в Новалезе, направляясь на Турин, — их 25 000 человек легко сошли бы за 40 000, и в этой столице поднялась бы сильная тревога. Шампионэ должен был тогда стать на позицию у Риволи, опираясь на предгорья, и заняться тотчас же укреплением своего расположения, объединив две другие позиции между Риволи и Суза, более узкие и более сильные. Спустившись с Мон-Сениса 8 августа, он прибыл бы к Риволи 10-го. Австрийская дивизия, назначенная для обороны Турина, внесла бы тревогу в главную квартиру Суворова, который в ночь с 11 на 12-е, самое позднее 13-го отдал бы распоряжение остановить продвижение столь угрожающей армии. Можно

пренебречь операциями 5 000—6 000 человек, но нельзя оставаться безразличным к действиям 30 000—40 000 человек, появившихся на ваших тылах. 14-го вечером, во время выхода Жубера к Нови, отряд Суворова, посланный к Турину, был бы уже на походе.

2. Шампионэ должен был расположиться со всеми своими силами на позиции в 1 200—1 500 туазов протяжения, с флангами, опирающимися на фортификационные сооружения, хорошо приспособленные к местности и прикрытые палисадами, а по фронту редутами. Производя в равнине фуражировки, он таким образом повсюду внес бы тревогу. В подобном положении ему нечего было бояться. Потребовалась бы вся армия Суворова, чтобы его вытеснить, и тогда-то именно у него хватило бы времени подготовиться к бою с противником, развернуться и построить свою армию в боевой порядок. Если бы Жубер оказался победителем, у Шампионэ была бы возможность присоединиться к нему в два перехода. Если бы Жубер был побежден, у него было бы время спокойно перейти обратно за горы, не подставляя себя под удары и не дожидаясь сосредоточения всей армии противника. Такой способ производства диверсии — единственный, от которого можно ожидать хороших последствий. Без сомнения, было бы лучше, чтобы эти 25 000 человек подоспели к Нови комбинированными маршами позади гор. Словом, это был единственный способ исправить недостатки плана, принятого правительством.

3. Марш на Ла-Бокетта для снятия осады с Тортоны достоин порицания. Многочисленная армия Края состояла из старых солдат, окрыленных победой. Будь Моро победителем, он, без сомнения, дошел бы до Тортоны, но он не мог продержаться в ней больше 48 часов, потому что Мелас подоспел бы из Кони на поддержку к Краю. Это вынудило бы французскую армию вновь уйти в горы и предоставить Тортону ее собственной судьбе. Продовольственные припасы, которые можно было ввезти туда в течение 48 часов, пополнили бы ее склады только на несколько дней. Город все равно сдался бы. Это было приобретением противника в результате сражения у Нови: отнять у него эту добычу было нельзя.

4. Шампионэ для содействия движению итальянской армии к Тортоне повторил то, что он сделал в августе. Дивизия, находившаяся в Аоста, двинулась к форту Бар, находившаяся в Сузе — к Турину, сам он лично — к Пиньероль. Все эти движения без плана, без цели привели его к неудаче.

Вместо того чтобы начать эти движения на три дня раньше выступления Моро, он их произвел на несколько дней позже, так что Край, отбросив 9 сентября итальянскую армию за Ла-Бокетта и 11-го заняв позицию у Тортоны, успел двинуться на Кераско и Фоссано. Комбинируя свои движения с Меласом, он соединился с ним для окружения альпийской армии и нанес ей чувствительные потери, сбросив ее в долины

у подножья гор. Те же самые батальоны, которые оттеснили Моро 9 сентября в его атаке на Серравале и Нови, разбили Шампионэ 18-го у Фоссано.

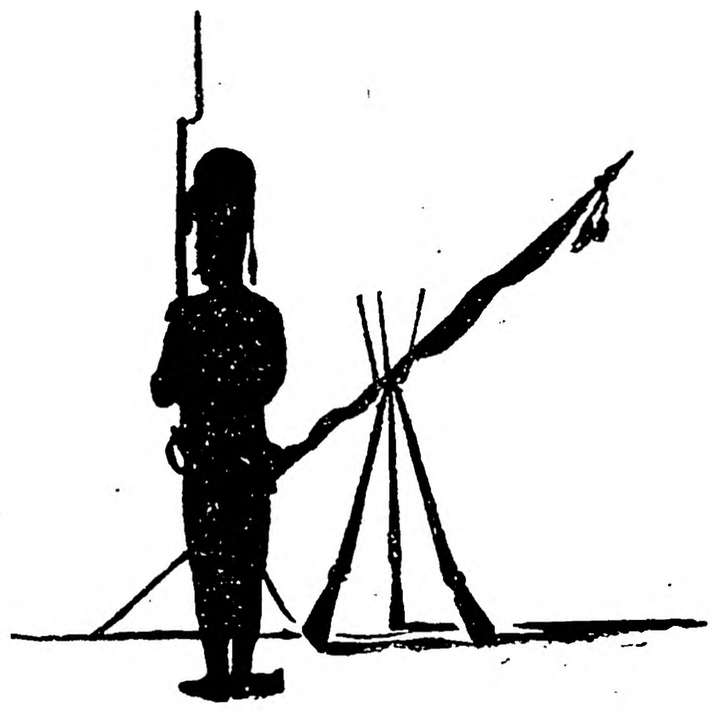
Если бы его армия была сконцентрирована в руках более искусного генерала, она могла бы нанести очень сильные удары. Бои, осенние болезни, отъезд Суворова значительно ослабили австрийцев. Один Мелас не мог бы бороться с армией Шампионэ, а ей надлежало, улучив благоприятный момент, помешать Краю, занятому действиями против Моро, оказывать помощь Меласу. Оба эти генерала могли собрать только 30 000 человек. Шампионэ, сосредоточив свои дивизии, имел бы равные силы, но по своей неспособности он в Фоссано противопоставил им только 7 000—8 000 человек.

Седьмое замечание. *Альпийская и итальянская армии*; *Шампионэ*. 1. В октябре Мелас не имел иной цели, как взять Кони, чтоб завладеть всей Италией и вынудить французов к зимовке за Альпами. Шампионэ, наоборот, хотелось сохранить этот ключ Италии, чтобы занять зимние квартиры в плодородных равнинах Пьемонта. Он правильно рассуждал, что наиболее действительным способом обречения на неудачу планов противника являлось бы перенесение главной квартиры французов к Кони и сосредоточение целой армии в лагере впереди этой крепости. Но после того как таким движением он вынудил Меласа снять блокаду с Кони и оттянуть свою армию на левый берег Стуры, оставив ему весь правый берег; после того как была снята блокада с Кони и восстановлено его свободное сообщение с Савоной, Кару и Мондови, Аржентерским и Тендским перевалами, ему следовало упорно укреплять свой лагерь, увеличивать свою армию, вернуть Дюгема и его 15 000 человек. Австрийский генерал был бы вынужден или отказаться от своего намерения или атаковать лагерь французов, чтобы заставить их бросить Кони, а этого он не мог предпринять, будучи уверен заранее в своем поражении. Но Шампионэ, далекий от таких мыслей, наоборот, вышел из лагеря до своего соединения с Дюгемом. Он маневрировал по обоим берегам Стуры. Из своих четырех дивизий он расположил три на правом берегу между Мондови и Кони, оставив четвертую на растерзание Меласу. Эта ошибка имела весьма гибельные последствия. Роковое сражение при Женола причинило французам потери в 8 000 человек, вызвало падение Кони и повело к раздроблению армии, которая, отброшенная с равнины, гибла от невзгод на биваках в горах генуэзской Ривьеры.

2. Если, наконец, Шампионэ во что бы то ни стало хотел дать сражение, он должен был двинуться по одному из берегов Стуры и держать свои 25 000 человек постоянно у себя под рукой. Присоединение же Дюгема к лагерю у Кони надо было произвести с тыла, а не перед лицом противника.

В течение трех месяцев своего командования альпийской армией Шампионэ маневрированиями, построенными на ошибочных принципах,

три раза губил свою армию, даже не принимая в расчет военное счастье. Между тем у него были силы бо́льшие, чем у противника, не на поле сражения, где он ухитрялся всегда быть не иначе, как один против трех, а на театре военных действий в целом. Его маневрирования и его движения должны рассматриваться как сплошной ряд ошибок. Он не совершил ни одного движения, которое не противоречило бы искусству ведения войны. Когда армия подверглась поражению, то сбор отделившихся от нее частей и переход в наступление являются самой трудной военной операцией, больше всего требующей со стороны главнокомандующего глубочайшего знания принципов военного искусства. Именно в таких случаях их нарушение влечет за собой поражение и приводит к катастрофе.

Уступы Тирольских гор

Гавардо

Сало

Брешиа

Карцаго

оз. Гарда

Маццоне

Вирле

Понте дель Пиетолело

Дезенцано в Сало

Сан Паоло

Реццато

Беттоле

Бедицолло

Джеверге

Гротте-ди-Катулли

Сан Джиакомо

Пифионе

Сермионе

Сан Фермо

Ле Беттоле

Сан-Вита

Борго-Сатолло

Понте Сан Марко

Дезенцано

Кастенедоло

Кальчинателле

Лонато

Порта дель-Гро

Кастельнуово

Санта Тринита

Сан Стефано

Арига

Сермона

Каппуччине

Пескиера

Сант Агостино

Компаньоле

Колемато

Сан Лоренцо

Монтироне

Массони

Кавальказелле

Фенилаццо

Вигццоло

Форначе

Малокко

Брога

Перинчи

Парадизо

Фениль Нова

Кавалли

Керини

Кампаньоле

Понти

Монтеньяго

Аббация

Сабнце

Геди

Бешетти Сопра

Санта Мария

Поццоленго

Сан Джустина

Каца

Цили

Манцабано

Сан Руо

КАСТИЛЬОНЕ

Москаларо

Навекккола

Гандина

Тревиллини

Сольферино

Виадано

Ольсино

Маценате

Кастелларо

Лакорте

Раделло

Гвардола

Петтончи

Борзелло

Карпенедоло

Левадедло

Лено

Сан Кассиано

Компаньоле

Валеджио

Монте-Медедано

Гавриана

Петорари

Ванцинелли

Гальвизано

Приме Ламе

Компаньоле

Кассина

Медоле

Досси

Перосссо

Сан Джиакомо

Гвидисоло

Вольта

Визано

Тибальдо

Поццоло

Черета

Понтевики

Аква Фредда

Кастель Гоффредо

Фекри

Кастель Гримальдо

Гамбелла

Бирбизи

Фабони

Газаль Пой

Гамбаредоло

Черлонго

Дорога в

Боккера

Кортедель Васто

Мантую

Газаль Моро

Черезара

Роверберлла

Гоито

ПЛАН

СРАЖЕНИЙ

У ЛОНАТО И КАСТИЛЬОНЕ

Схема 5. План сражений у Лонато и Кастильоне.

Роверето
Рива
СанМарко
Серравалле
Пиева
Ала
Авио
Азиаго
Бассано
Маростика
Скио
Осенигo
Марана
Валданьо
Ла Корона
Сало
Вело
Дольче
Гарда
Риволи
Форт Кюза
Адидже
Фонтанина
Оспитале ди Брента
Читадел
Арциньян
Армеола
Криколи
Лициера
Монтеккио
Маджиоре
Виченца
Монтекио
Триньяно
Тавернелла
Цермогэде
Сант-Агостино
Маззо
Санта Лючия
Таросса
Гамбелара
Монтебелло
Комизано
Лацизе
Сермионе
Пастренго
Саорио
Ванчимальо
Дезенцано
Пескантина
Иллази
Монте форте
Дорога в Падую
Буссоленго
Пароно
Колоньоло
Соаве
Брендола
Палаццуоло
Сан-Рокко
Квинциано
Бертикино
Авеза
Анью
Касстельнуово
Киево
Сан-Леопардо
Меледо Альто
Пескиера
Кавальказелло
Касди Карпи
Верона
Сан-Мартино
Сан-Ветторе
Вилланова
Меледо
Соука
Кроче-Бианка
Сан-Массимо
Сан-Микеле
Кальдиеро
Сан Бонифачио
Понти
Санта-Лючия
Томба
Барбарано
Кастильоне
Салионцо
Костора
Монцамбано
Доссобуоно
Лониго
Настелларо
Сольферино
Боргетто
Валеджио
Виллафранка
Теоло
Кавриана
Ронко
Ла-Гуа
Гвидиццоло
Ла-Вольта
Альбаредо
Орджиан
Форесто
Изоль Альта
Поццоло
Колонья
Черлунго
Изоль Поркарицца
Черезара
Кортине
Изола делла Скала
Гоито
Ровербелла
Лоренцо
Маренго
Эсте
Бевилаква
Пиубега
Монтаньяна
Мормироло
Гацольдо
Сангвинетто
Порто Леньяго
Ривальта
Цитадель
Сан-Джиорджио
Настелларо
Черко
Тон ди Ногара
МАНТУЯ
Кастельнеккио
Виллимпента
Ронкоферрато
Марнария
Адидже
Кумано
Говерноло
Ландинара
Остилья
Меллара
Олио
Боргофорте
Сан-Бенедетто
Реверс
Суццара
Гонцага
Куасталла
Реджиоло
Гвалли
Нови
Конкордия
Форт
Рондено
КАРТА
Местности, расположенной между озером Гарда, реками Минчио, По, Брента, включая течение Адидже от Роверето до Кумано
Масштаб
0 1 2 3 4 Бльe

Схема 6. Карта местности между оз. Гарда, реками Минчио, По, Брента.

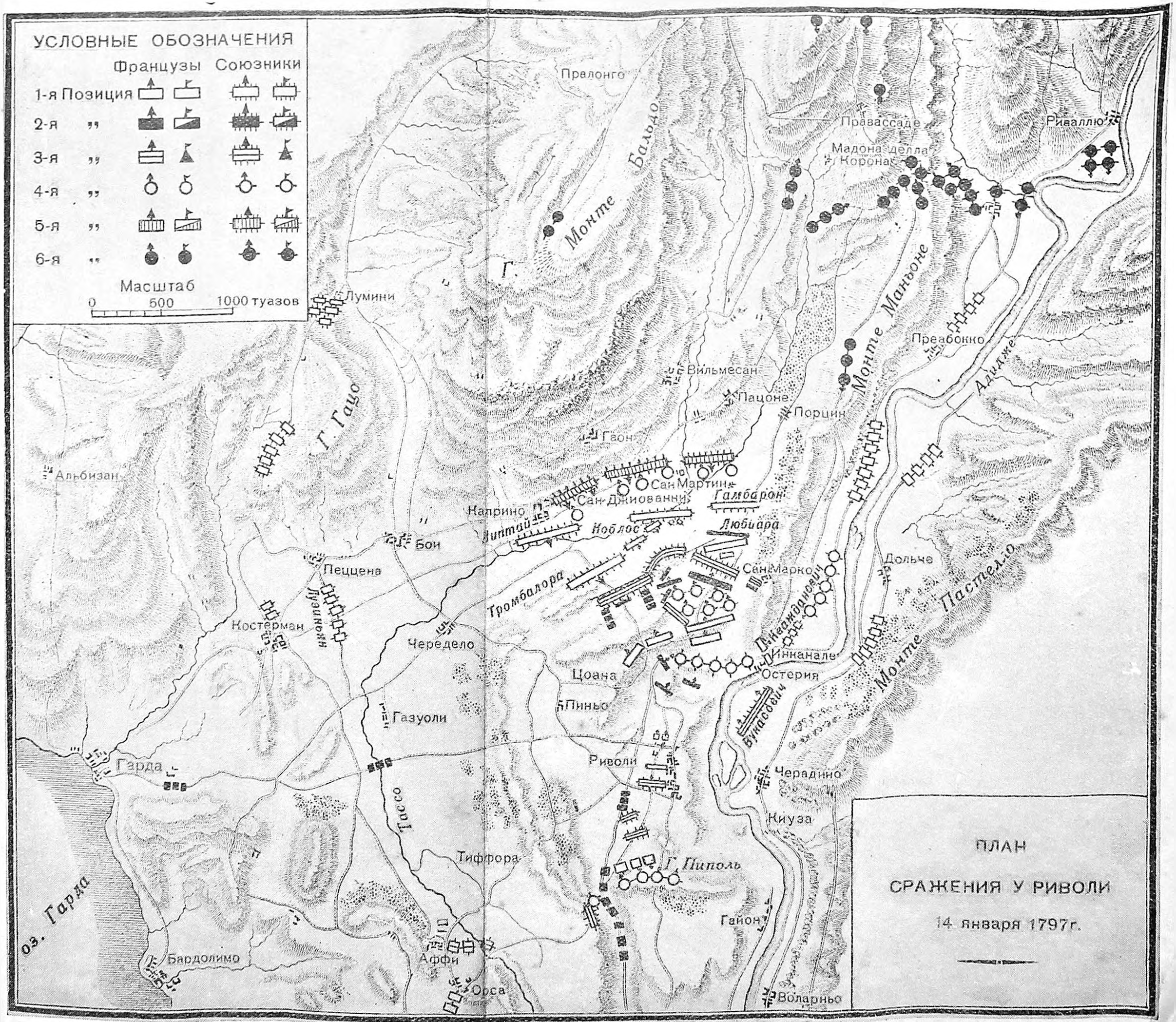
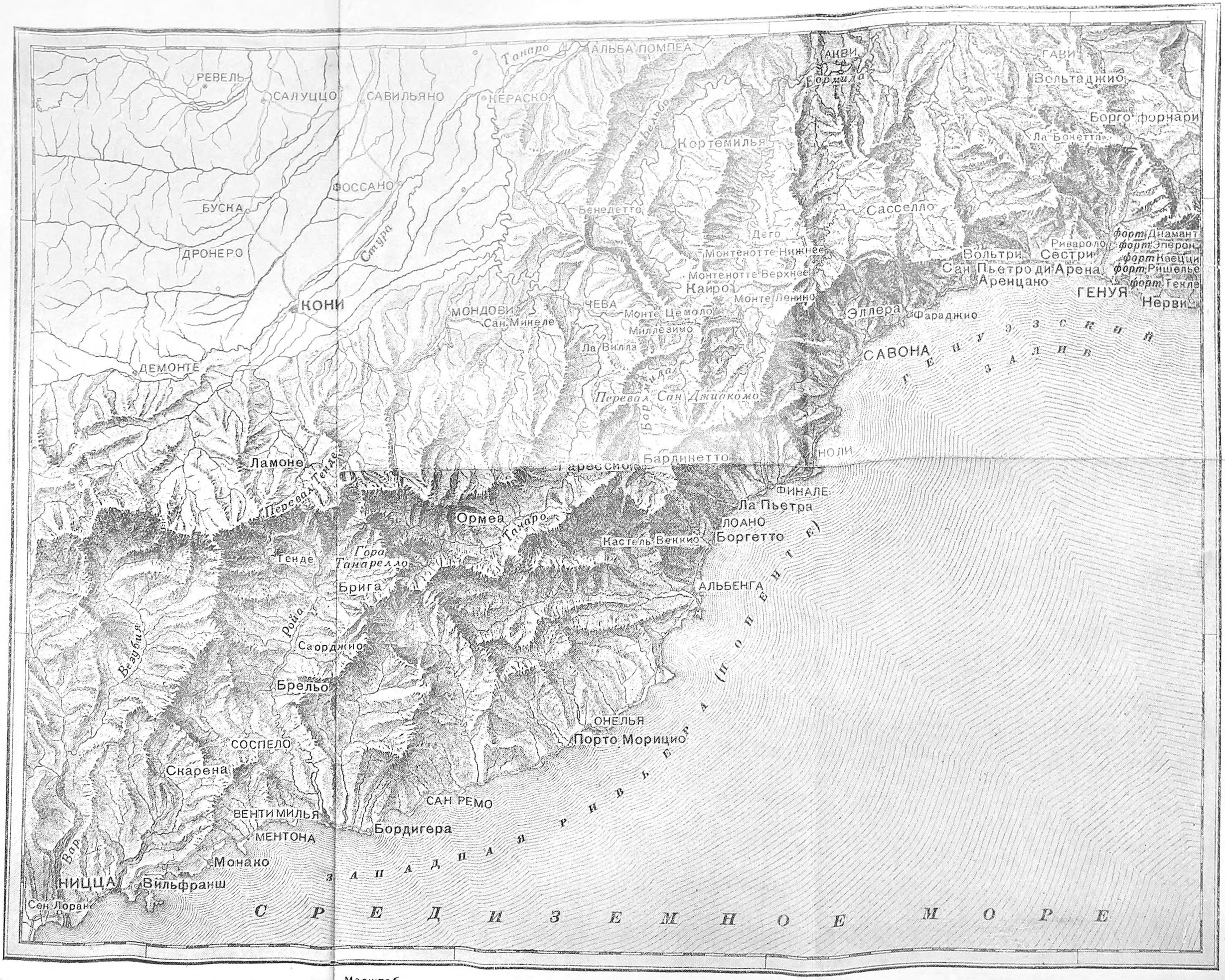

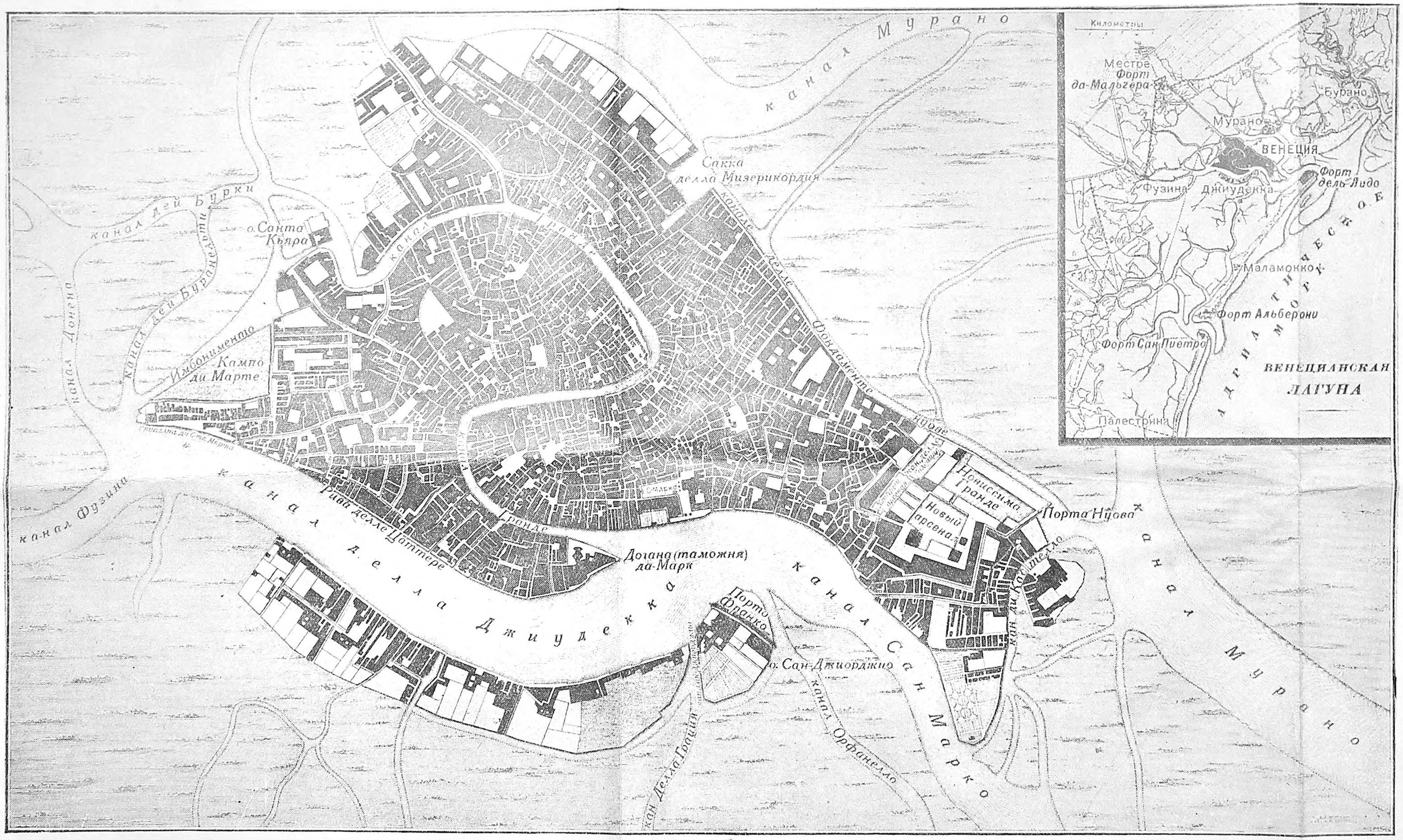
Схема 10. План сражения у Риволи 14 января 1797 г.

Масштаб

10 0 10 20 км

Схема 2. Западная Ривьера и Приморские Альпы.

Километры
Местре
Форт
да-Мальгера
Бурано
Мурано
ВЕНЕЦИЯ
Форт
дель Лидо
Фузина
Джиудекка
Маламокко
Форт Альберони
Форт Сан Пьетро
ВЕНЕЦИАНСКАЯ
ЛАГУНА
Палестрина
АДРИАТИЧЕСКОЕ
Канал Мурано
Сакка
делла Мизерикордия
Канал
Канал
Канал

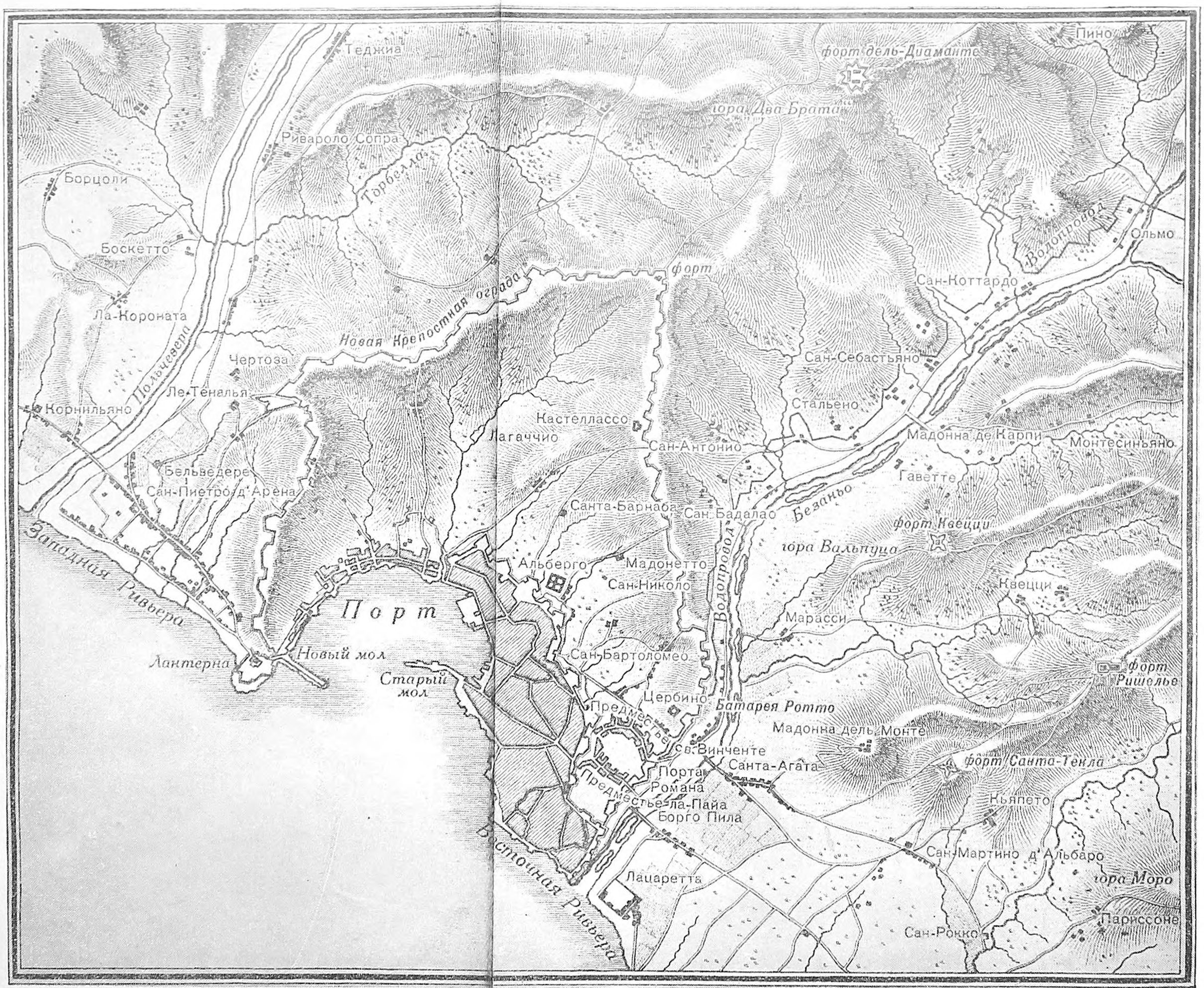

Схема 9. План укреплений Генуи.

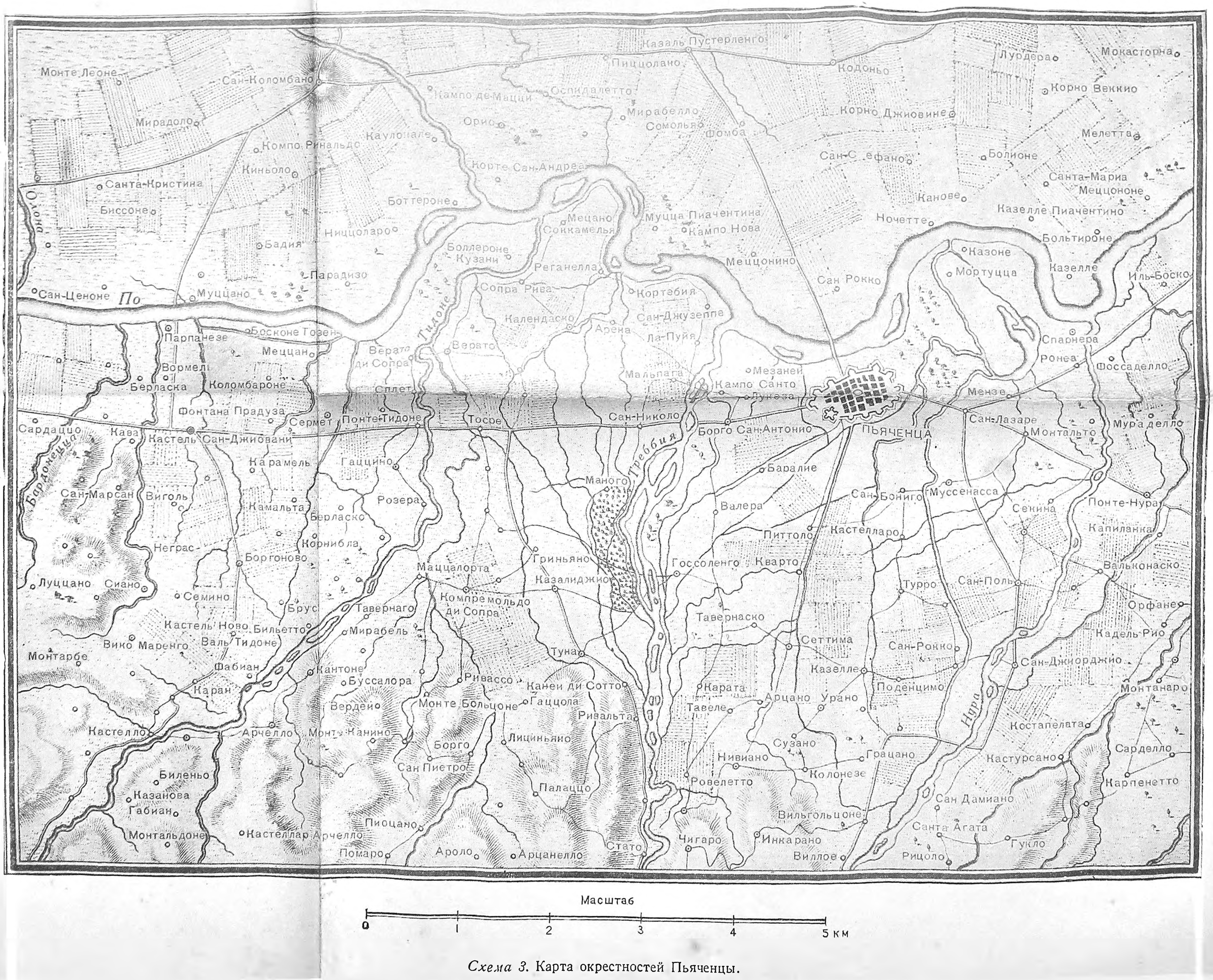

Схема 3. Карта окрестностей Пьяченцы.

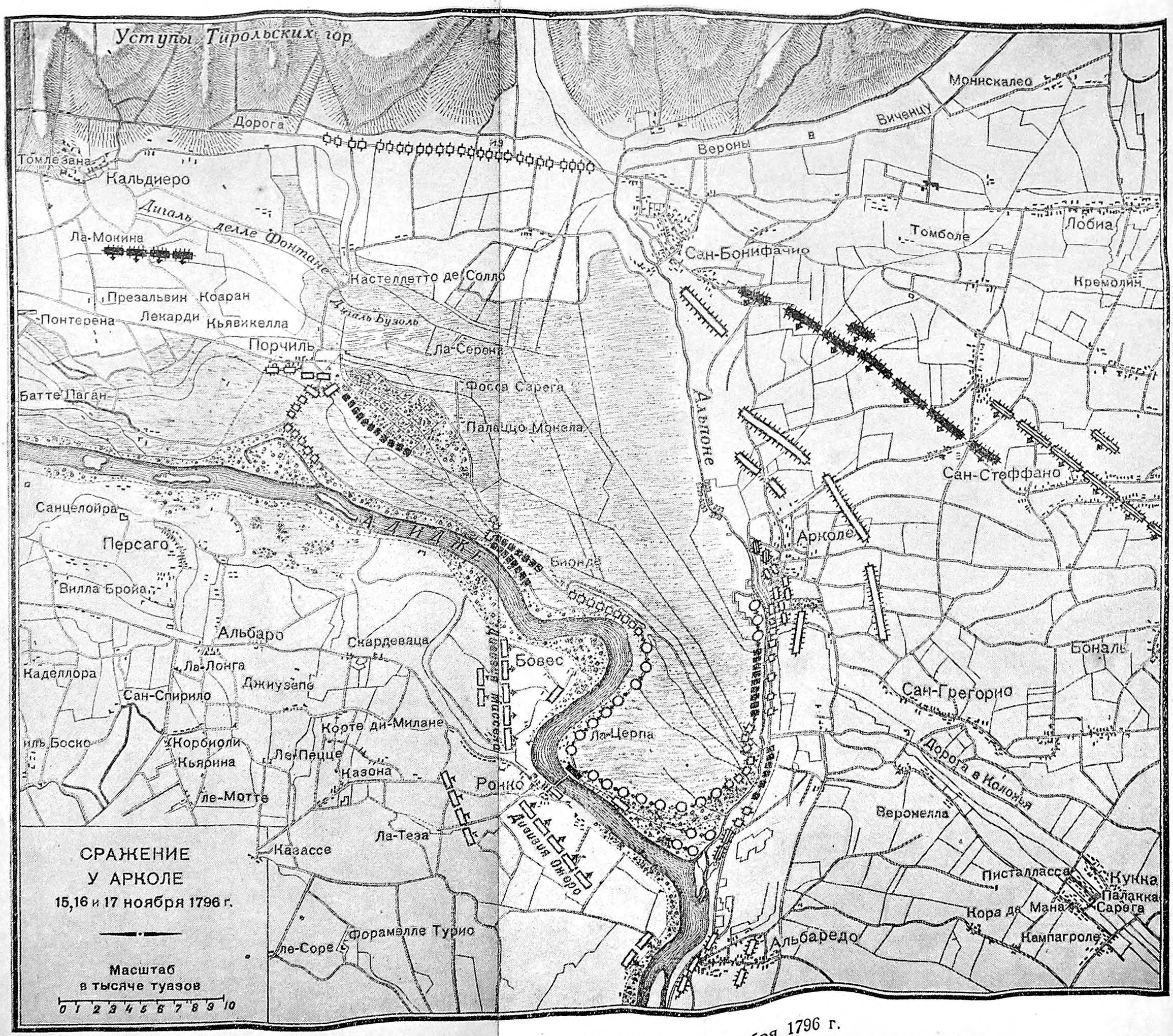

Схема 7. План сражения у Арколе 15, 16 и 17 ноября 1796 г.

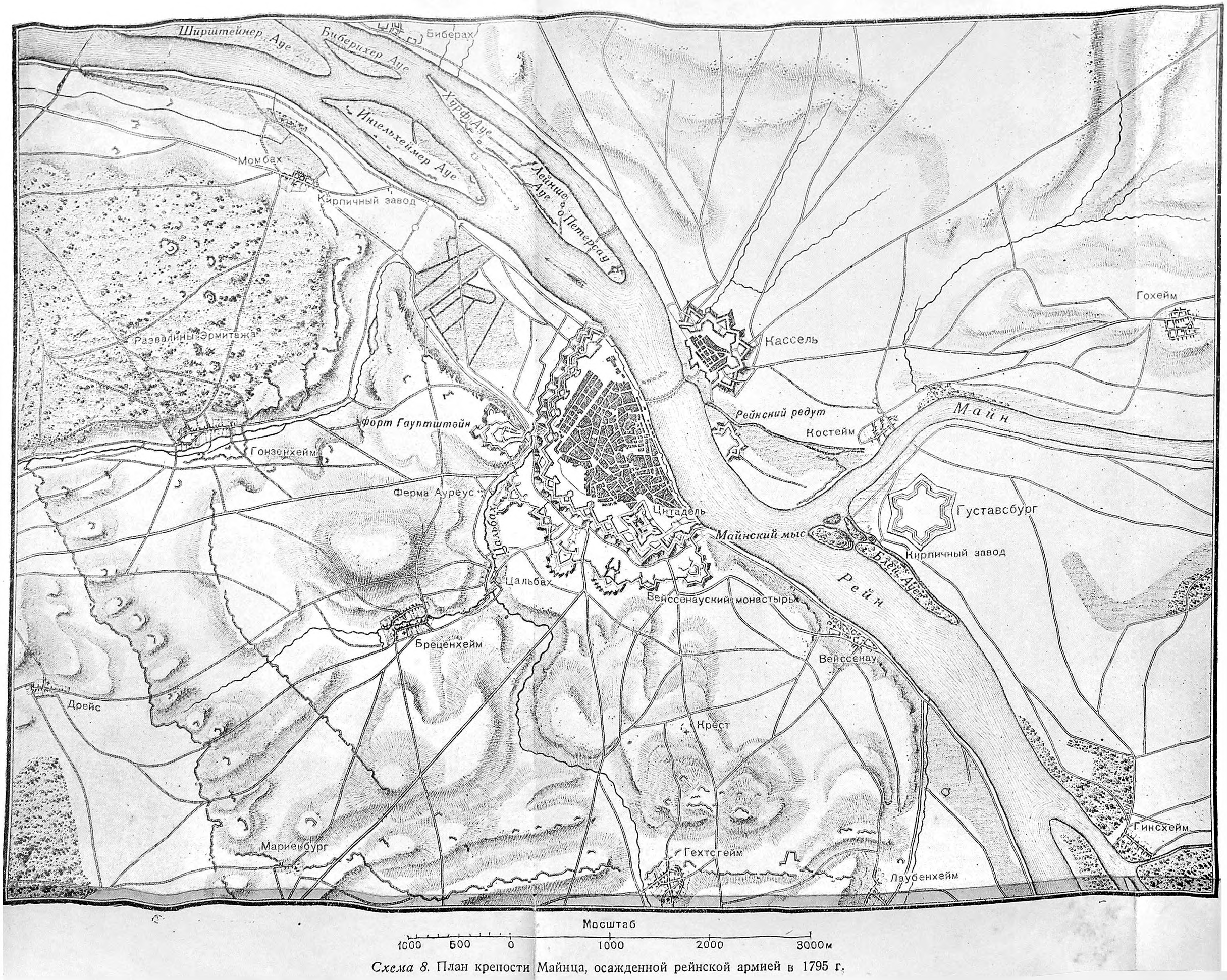

Схема 8. План крепости Майнца, осажденной рейнской армией в 1795 г.